

**Вестник Южно-Российского
государственного технического
университета (НПИ).**

**Серия:
Социально-экономические
науки**

**Bulletin
of the South Russian
State Technical
University (NPI).
Series:
Socio-Economic Sciences**

Научный журнал

2022 год Том 15 Выпуск 1

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1

Становление и развитие института студенческой (детной) семьи

Учредитель и издатель

Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия

Главный редактор

Воденко Константин Викторович,
доктор философских наук, профессор
vodenkok@mail.ru

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ №ФС 77-37943

Издается с 2008 года
Выходит 6 раз в год

Журнал включён ВАК при Минобрнауки
РФ в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс в каталоге агентства
«Пресса России» — 10228

ISSN 2075-2067

Ответственный секретарь
И. И. Сальникова

Верстка и редакция
В. Г. Рыжкова, Е. Н. Азарова

Адрес редакции и издателя
346428, Россия, Ростовская обл.,
г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
vestnik-npi@yandex.ru

Выход в свет 28.02.2022 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (главный редактор);

Абакумова Ирина Владимировна, академик РАО, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Архипова Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, Высшая школа экономики, Москва, Россия;

Ван Лэй, PhD, Чаньчуньский инженерно-технологический институт, Чанчунь, Китай;

Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Голенко-Гинзбург Дмитрий Исаакович, доктор технических наук, профессор, Университет имени Бен-Гуриона провинции Негев, Беер-Шева, Израиль;

Дергачева Елена Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор РАН, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Иванченко Ольга Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (зам. главного редактора);

Ивушкина Елена Борисовна, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Комиссарова Мария Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Мемпель-Снежик Анна, PhD, Вроцлавский экономический университет, Вроцлав, Польша;

Нижегородцев Роберт Михайлович, доктор экономических наук, доцент, Института проблем управления РАН, Москва, Россия;

Осмонова Нургул Исраиловна, доктор философских наук, профессор, Российско-Киргизский славянский университет, Бишкек, Киргизия;

Попкова Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, Институт научных коммуникаций, Волгоград, Россия; Российский экономический университет имени В. Г. Плеханова, Москва, Россия;

Почтовюк Андрей Борисович, доктор экономических наук, профессор, Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского, Кременчуг, Украина;

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Московский государственный социальный университет, Москва, Россия;

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия;

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Сорвилов Борис Владимирович, д. э. н., профессор, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Белоруссия;

Степан Каван, PhD, Университет Южной Богемии в Ческе-Будеевице, Ческе-Будеевице, Чехия;

Сухарев Олег Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН, Москва, Россия;

Тихоновская Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Череповицын Алексей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Щербакова Лидия Ильинична, доктор социологических наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Юлиус Раманаускас, Dr. hab., Университет имени А. Стуглинскаса, Каунас, Литва;

Сальникова Инна Ивановна, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (ответственный секретарь).

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (НПИ)
СЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

**2022 год Том 15 Выпуск 1
Становление и развитие института студенческой (детной) семьи**

Содержание

Contents

От редакции.....6	From the Editorial Office.....6
Суровцев С. И., Рязанцев С. В. Социально-демографическая политика МГИМО: направления и перспективы.....7	Surovtsev S. I., Ryazantsev S. V. Socio-Demographic Policy of MGIMO: Directions and Prospects.....7
Багирова А. П. Престижность родительства и представления о нем в оценках уральского студенчества.....20	Bagirova A. P. The Prestige of Parenthood and Ideas About It in the Assessments of the Ural Students.....20
Великая Н. М., Шушпанова И. С. Жизненные стратегии российской студенческой молодежи в контексте ориентаций на создание семьи.....30	Velikaya N. M., Shushpanova I. S. Life Strategies of Russian Student Youth in the Context of Family Creation Orientations.....30
Вишневецкий Ю. Р., Певная М. В., Телепаева Д. Ф. Результаты 25-летнего мониторинга уральского студенчества как отражение трансформации студенческой семьи.....43	Vishnevskiy Y. R., Pevnaya M. V., Telepaeva D. F. 25-Year Monitoring of Ural Students as a Mirror of Student Family Changes.....43
Горбунова Н. В., Вишневецкий В. А., Фетисов А. С. Формирование готовности студенческой молодежи к созданию семьи.....57	Gorbunova N. V., Vishnevskiy V. A., Fetisov A. S. Formation of Student Youth' Readiness to Create a Family.....57
Дацышен В. Г., Ростовская Т. К. Проблемы семьи и социального положения студентов на примере советских востоковедов.....68	Datsyshen V. G., Rostovskaya T. K. Problems of Family and Social Status of Students on the Example of Soviet Orientalists.....68

Ильдарханова Ч. И., Рустамова Г. М. Демографическая идентификация молодёжи: к постановке проблемы.....80	Ildarhanova Ch. I., Rustamova G. M. Demographic Identification of Youth: Toward a Problem Statement.....80
Капогузов Е. А., Чупин Р. И. Тенденции деинституционализации студенческой семьи в России: анализ нарративов.....95	Kapoguzov E. A., Chupin R. I. Trends in the Deinstitutionalization of the Student Family in Russia: Narrative Analysis.....95
Касаркина Е. Н., Антипова А. А. Современный город как фактор формирования добрачной мотивации и брачного статуса студенческой молодежи.....109	Kasarkina E. N., Antipova A. A. The Modern City as a Factor in the Formation of Premarital Motivation and Marital Status of Students.....109
Козлова Н. Н., Овчарова О. Г., Рассадин С. В. Государственная семейная политика в субъектах Российской Федерации: официальный и гражданский дискурсы в регионах с тенденцией увеличения рождаемости.....124	Kozlova N. N., Ovcharova O. G., Rassadin S. V. State Family Policy in the Subjects of the Russian Federation: Official and Civil Discourses in the Regions with a Tendency to Increase the Birth Rate.....124
Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Студенческая семья в современной России: демографические и социальные характеристики по данным выборочного обследования.....135	Kuchmaeva O. V., Zolotareva O. A. Student Family in Modern Russia: Demographic and Social Characteristics According to Sample Survey Data.....135
Поломошнов А. Ф., Михайлов А. П. Российская семья: современное состояние и социокультурные типы.....150	Polomoshnov A. F., Mikhailov A. P. Russian Family: Current Status and Socio-Cultural Types.....150
Прохорова И. Г., Ковалева Д. О. Влияние трудовой занятости молодых российских женщин на брачно-семейные отношения: проблемы, перспективы.....160	Prokhorova I. G., Kovaleva D. O. Impact of Employment of Young Russian Women on Marriage and Family Relations: Problems, Prospects.....160
Ростовская Т. К., Князькова Е. А. Институциональные основы становления студенческой семьи как ресурса демографического развития России.....169	Rostovskaya T. K., Knyazkova E. A. Institutional Foundations of the Formation of the Student Family as a Resource of Demographic Development in Russia.....169
Рычихина Н. С., Васильева Е. Н. Поддержка женщин как важное направление преломления отрицательного тренда развития демографической ситуации.....180	Rychikhina N. S., Vasilyeva E. N. Support for Women as Important Direction of Refraction o f Negative Trend of Demographic Situation.....180
Саралиева З. Х., Егорова Н. Ю., Рябинская Е. С.	Saralievа Z. H., Egorova N. Yu., Ryabinskaya E. S.

Брак и семья студентов в условиях трансформации.....193	Marriage and Family of Students During Transformation.....193
Судбин С. А., Сайфуллин Г. П. Развитие готовности молодежи к семейной жизни и меры поддержки студенческих семей.....209	Sudin S. A., Sayfullin G. P. Development of Youth Readiness for Family Life and Measures to Support Student Families.....209
Урмина И. А. Проблемы формирования социальных связей современной студенческой семьи.....222	Urmina I. A. Problems of Forming Social Ties of a Modern Student Family.....222
Фомина О. Е. Влияние социальных сетей на формирование гендерных установок современной молодежи в малых городах России.....232	Fomina O. E. The Influence of Social Networks on the Formation of Gender Attitudes of Modern Youth in Small Towns of Russia.....232
Царьков П. Е. Мотивы и стимулы молодых родителей к занятиям физической культурой и спортом (по материалам Всероссийского исследования 2021 года).....247	Tsarkov P. E. Motivations and Incentives of Young Parents to Engage in Physical Education and Sports (by the Materials of the 2021 All-Russian Research).....247
Чистяков А. В., Артамонова Я. В. Особенности формирования жизненного мира молодой семьи в условиях рискогенной реальности.....262	Chistyakov A. V., Artamonova Ya. V. Features of the Formation of the Life World of a Young Family in a Risky Reality.....262

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые коллеги!

Настоящий тематический выпуск журнала «Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки» посвящён исследованию основных тенденций и проблем становления и развития института студенческой (детной) семьи и пути их решения и приурочен к проведению Всероссийской научно-практической конференции «Государственная поддержка становления и развития института студенческой (детной) семьи» (11–12 февраля 2022 г., г. Москва).

Площадка Конференции, организованной по инициативе Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, призвана объединить ученых, политиков, руководителей образовательных организаций высшего образования, представителей гражданского общества для решения первоочередной задачи по формированию комплексных мер по созданию государством благоприятных условий, способствующих укреплению института благополучной студенческой (детной) семьи на основе традиционных социокультурных ценностей. За основу принята модель благополучной молодой семьи, которая позволила сформировать идеальный образ молодой российской семьи, включающий юридическую оформленность супружеских отношений, детность и полноту семьи¹. В контексте реализации современной семейно-демографической политики особого внимания заслуживает устойчивость брачно-семейных отношений в молодежной среде. В этой связи актуальной является ценность первого зарегистрированного брака, которая с 2014 года активно пропагандируется в нашей стране и является ключевым критерием отнесения к благополучной молодой семье².

В представляемом читателю тематическом выпуске в значительной степени отражены современные подходы к обсуждению теоретических и прикладных аспектов, основных тенденций и проблем становления и развития института студенческой (детной) семьи и пути их решения.

**Главный редактор журнала
«Вестник Южно-Российского государственного
технического университета (НПИ).
Серия: Социально-экономические науки»
профессор К. В. Воденко**

¹ Письмо Минобрнауки РФ от 08.05.2007 г. №АФ-163/06 «О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи» [Электронный ресурс]. URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=qQybKySexiiUFWrD&cacheid=60454795FD94CF42283A54AE36C72A73&mode=splus&rnd=dLGbyw&base=LAW&n=98438#6NzbKySHeoYSxEFH> (дата обращения: 10.02.2022 г.).

² Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 г. №2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.12.2014); «Собрание законодательства РФ» от 15.12.2014 г. №50, ст. 7185.

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-7-19

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА МГИМО: НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Станислав Игоревич Суровцев¹, Сергей Васильевич Рязанцев²✉

^{1,2}Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел РФ (МГИМО МИД РФ),
Москва, Россия

²Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Москва, Россия

¹s.i.surovtcev@my.mgimo.ru, ORCID: 0000-0003-2010-7641, AuthorID Scopus: 5795260012

²riazan@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-5306-8875, AuthorID РИНЦ: 77673,
AuthorID Scopus: 22136228700, WoS Research ID: F-7205-2014

Аннотация. Целью исследования является обобщение опыта и направлений социальной работы с российскими и иностранными студентами в МГИМО МИД России в социокультурном и демографическом контекстах. МГИМО является одним из ведущих российских университетов, центром подготовки профессионалов для дипломатической службы Российской Федерации и ряда зарубежных стран, реализует множество международных образовательных программ с участием иностранных профессоров.

Источники информации и методология исследования. При подготовке данной статьи использовались материалы ежегодных отчетов МГИМО, проректора по социальной работе и международным связям, профильной кафедры демографической и миграционной политики, статистические данные о численности и составе студентов в университете, а также материалы личных интервью и интервью, размещенных в открытых СМИ с руководителями университета. Собранные материалы были проанализированы и обобщены на основе комплексного подхода с выделением социокультурных и демографических особенностей в подходах и направлениях социальной работы, осуществляемой в университете специальными структурными подразделениями и студенческими организациями.

Результаты исследования. Выявлено, что МГИМО является социально-ориентированным университетом, осуществляя широкий спектр социальных проектов и программ по поддержке студентов и имея при этом четко выраженную международную направленность социальных и демографических проектов. Наиболее успешно в университете осуществляются меры по социально-экономической поддержке студентов, формирование здорового образа жизни, гражданско-патриотическое воспитание, а также меры по адаптации иностранных студентов в российское образовательное пространство и общество. Весомый пакет мер по поддержке российских и иностранных студентов был принят в период пандемии COVID-19. Была открыта и развивается первая в стране специализированная кафедра демографической и миграционной политики, активно реализуется идея «внешней миграционной политики».

Перспективы исследования. Исследование будет использоваться в практике реализации социальной работы в университете. На перспективу университету требуется усиливать и развивать систему направление поддержки молодых студенческих семей, семей с детьми.

Ключевые слова: российские студенты, иностранные студенты, студенческая семья, демографическая и миграционная политика, программы по поддержке студентов

Для цитирования: Суровцев С. И., Рязанцев С. В. Социально-демографическая политика МГИМО: направления и перспективы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 7–19. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-7-19>.

Благодарности: статья подготовлена при поддержке Совета Президента РФ по поддержке ведущих научных школ Российской Федерации (грант №НШ-53.2022.2).

Original article

SOCIO-DEMOGRAPHIC POLICY OF MGIMO: DIRECTIONS AND PROSPECTS

Stanislav I. Surovtsev¹, Sergey V. Ryazantsev²✉

^{1,2}*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia*

²*Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

¹*s.i.surovtcev@my.mgimo.ru, ORCID: 0000-0003-2010-7641, AuthorID Scopus: 5795260012*

²*riazan@mail.ru*✉, *ORCID: 0000-0001-5306-8875, AuthorID RSCI: 77673,*

AuthorID Scopus: 22136228700, WoS Research ID: F-7205-2014

Abstract. *The aim of the study is to summarize the experience and areas of social work with Russian and foreign students at MGIMO of the Russian Ministry of Foreign Affairs in sociocultural and demographic contexts. MGIMO is one of the leading Russian universities, a center for training professionals for the diplomatic service of the Russian Federation and a number of foreign countries, and implements many international educational programs with the participation of foreign professors.*

Sources of information and research methodology. *In preparing this article, materials from the annual reports of MGIMO, the vice-rector for social work and international relations, the profile department of demographic and migration policy, statistical data on the number and composition of students at the university, as well as materials from personal interviews and interviews posted in open media with university leaders. The collected materials were analyzed and summarized on the basis of an integrated approach, highlighting the socio-cultural and demographic features in the approaches and directions of social work carried out at the university by special structural units and student organizations.*

Research results. *It was revealed that MGIMO is a socially oriented university, implementing a wide range of social projects and student support programs, while having a clearly defined international focus on social and demographic projects. The most successful measures taken at the university are social and economic support for students, the formation of a healthy lifestyle, civic and patriotic education, as well as measures to adapt foreign students to the Russian educational*

space and society. A significant package of measures to support Russian and international students was adopted during the COVID-19 pandemic. The country's first specialized department of demographic and migration policy was opened and is developing, the idea of «foreign migration policy» is being actively implemented.

Research prospects. The study will be used in the practice of implementing social work at the university. In the future, the university needs to strengthen and develop a system for supporting young student families, families with children.

Keywords: Russian students, foreign students, student family, demographic and migration policy, student support programs

For citation: Surovtsev S. I., Ryazantsev S. V. Socio-demographic policy of MGIMO: directions and prospects // *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 7–19. (In Russ.).* <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-7-19>.

Acknowledgments: the article was prepared with the support of the Council of the President of the Russian Federation for the support of leading scientific schools of the Russian Federation (grant №NSh-53.2022.2).

Введение. Принятие в 2007 году Концепции демографической политики Российской Федерации стимулировало не только меры демографической политики на федеральном и региональном уровне, но и стало отправной точкой для развития идеи так называемой «корпоративной демографической политики» российскими работодателями. Реализация мер корпоративной демографической политики работодателями в современной России осуществляется на основе идеи «социальной ответственности» организации. Не стали исключением и российские университеты, которые традиционно отличались социальной направленностью, также стали реализовывать отдельные направления корпоративной демографической политики. МГИМО МИД России является одним из ведущих российских университетов, включает в себя 13 факультетов, основной кампус находится в Москве, также есть кампусы в Одинцово (Московская область), Ташкенте (Республика Узбекистан), а также образовательная платформа в Женеве (Швейцария). В университете обучается около 11 тыс. молодых людей. МГИМО можно считать одним из самых хорошо интегрированных в мировое образовательное пространство университетов России. Здесь реализуется около 30 международных образовательных сетевых программ, доля иностранных студентов составляет 13 %, преподается 53 иностранных языка. Это создает

особую социокультурную среду в университете, способствует интернационализации студентов и преподавателей.

Источники информации и методология исследования. При подготовке данной статьи использовались материалы ежегодных отчетов МГИМО, проректора по социальной работе и международным связям, профильной кафедры демографической и миграционной политики, статистические данные о численности и составе студентов в университете, а также материалы личных интервью и интервью с руководителями университета, размещенных в открытых СМИ. Целью статьи является обобщение опыта и направлений социальной работы с российскими и иностранными студентами в МГИМО МИД России в социокультурном и демографическом контекстах. Собранные материалы были проанализированы и обобщены на основе комплексного подхода с выделением социокультурных и демографических особенностей в подходах и направлениях социальной работы, осуществляемой в университете специальными структурными подразделениями и студенческими организациями.

Меры социально-экономической поддержки студентов. МГИМО является социально ориентированным университетом и осуществляет широкий спектр мер по под-

держке студентов и аспирантов. Реализация Положения о стипендиальном обеспечении и других формах материальной поддержки студентов, аспирантов и слушателей подготовительного отделения включает следующие виды материальной поддержки:

— повышенная государственная академическая стипендия за достижения в общественной, культурно-творческой, спортивной, научной и учебной деятельности (Постановление Правительства от 18.11.2011 года №945). Назначается студентам, обучающимся на бюджетной основе, за особые успехи в учебе и научной, общественной, культурно-творческой и спортивной деятельности. Во втором семестре 2020–2021 учебного года повышенная государственная академическая стипендия была назначена 223 студентам. В первом семестре 2021–2022 учебного года повышенная государственная академическая стипендия была назначена 235 студентам;

— единовременная материальная помощь назначается остро нуждающимся студентам и аспирантам МГИМО, обучающимся на бюджетной основе, на основе личного заявления ректору. Во втором семестре 2020–2021 учебного года единовременная материальная помощь и единовременная материальная поддержка была оказана 271 студенту;

— дотации Ассоциации профсоюзных организаций студентов университетов г. Москвы назначается остро нуждающимся студентам, аспирантам, докторантам, обучающимся на бюджетной основе. В течение календарного года ежеквартально дотация выплачивается 140 студентам.

В МГИМО на 2020–2025 годы был установлен целевой показатель обеспеченности нуждающихся в общежитии студентов вуза местами в общежитии на уровне 98%. В 2021 году показатель был выполнен на 100% по заселению бюджетных обучающихся и на 100% по исполнению запросов от международного управления на заселение иностранных граждан бюджетной и контрактной формах обучения.

Адаптации и интеграции иностранных студентов в университетское пространство и российское общество. Этнокультурное разнообразие студентов в МГИМО требует поисков новых подходов к ор-

ганизации процесса их адаптации в образовательное пространство, университетскую среду и российское общество. В этой связи в МГИМО активно развиваются разнообразные формы активности студентов с вовлечением в них иностранных студентов. Среди наиболее известных мероприятий организация и проведение студенческих «Дней национальной кухни», фестивалей студенческой самодеятельности «Фестиваль культур народов Мира» и «Фестиваль культур народов России», студенческого мероприятия «День Первокурсника — MGI MO Welcome Day — 2021», интеграционных дней для иностранцев культурно-массового онлайн-мероприятия по презентации социокультурного блока университета, двухдневного культурно-образовательного выезда в города Санкт-Петербург и Казань с осмотром памятников истории и архитектуры для иностранных студентов, экскурсии по выставочному комплексу ВДНХ для иностранных студентов, выездного мероприятия для студенческого актива МГИМО «Весенний Старостат — 2021» и «Осенний Старостат — 2021», программы студенческой взаимопомощи «Студенческий куратор», встречи со всеми студенческими объединениями и организациями;

Важным направлением работы по адаптации иностранных студентов является цифровизация миграционно-визовых сервисов. Университет оказывает помощь по внесению данных иностранных студентов на портал «Госуслуги», внедрена платформа «Иностранный студент», в 2021 году было подготовлено и подано в Консульский департамент МИД России 531 ходатайство на въезд иностранных граждан на территорию России, с января по ноябрь 2021 года подано 940 комплектов документов для постановки на миграционный учет, 308 — на продление виз, 107 уведомлений о заключении/расторжении трудовых договоров с иностранными гражданами, организовано консультирование иностранцев по вопросам въезда в Россию условиях пандемии.

Гражданско-патриотическое воспитание студентов. Данное направление работы занимает важное место в социальной работе университета. В МГИМО были проведены IV глобальный форум молодых дипломатов

«Дипломатия Победы» и презентация памятного альбома «Лица нашей Победы», в который вошли фотографии и краткие биографические данные сотрудников, преподавателей из первых выпусков мгимовцев, которые вернулись с фронта, а также родственников студентов, профессорско-преподавательского состава и выпускников МГИМО, ставших участниками Великой Отечественной войны и тружениками тыла. Проводятся ежегодные мероприятия, приуроченные ко Дню Победы (Вахта памяти, концерт творческих коллективов Культурного центра МГИМО), концерты, приуроченные ко Дню дипломатического работника и Дню народного единства. Среди гражданско-патриотических выставочных проектов необходимо отметить выставку «Россия — Сирия» народного художника России, академика Российской Академии художеств В.И. Нестеренко, посвященную последствиям гражданской войны в Сирии и современной Российской армии, с участием представителей Министерства обороны РФ; выставку «Великие сыны России» народного художника России, академика Российской Академии художеств Н.А. Иванова; выставку «Александр Невский — защитник земли Русской».

Развитие волонтерской и добровольческой работы. На базе МГИМО МИД России с 2014 года действует Центр поддержки волонтерского движения, целью которого является популяризация добровольческого движения среди студентов. Центр осуществляет подготовку и набор волонтеров для крупных и значимых событий страны и мира, таких как Зимние Олимпийские игры 2014 года в г. Сочи, Кубок Конфедераций FIFA — 2017 в г. Москве, XIX Всемирный фестиваль молодежи и студентов в 2017 году в г. Сочи, Чемпионат мира по футболу FIFA 2018 года в России, XXIX Всемирная зимняя универсиада в 2019 году в Красноярске, Саммит и Экономический Форум «Россия — Африка» и другие.

Волонтерский центр функционирует на базе кампусов Вернадского и Одинцово. Основными функциональными направлениями активистов МГИМО являются протокол, сопровождение иностранных делегаций, лингвистические услуги, взаимодействие

со СМИ, спортивное и событийное волонтерство. Актив Центра поддержки волонтерского движения МГИМО в 2022 году насчитывает 200 студентов. За период с 2016 по 2020 год волонтеры МГИМО приняли участие в более чем 200 мероприятиях, а за прошлый 2021 год оказали организационную поддержку на 35 событиях волонтерской направленности. В целом за 9 лет существования Центр поддержки волонтерского движения МГИМО подготовил для участия в мероприятиях более 10000 добровольцев.

Волонтеры МГИМО активно участвуют в различных формах общественной активности, в том числе культурно-массовых, научных, спортивных, информационных, патриотических мероприятиях. В период пандемии COVID-19 волонтеры МГИМО активно включились в проекты, направленные на поддержку населения, такие как акция «Помощники вакцинации», организованной партнером ВЦ МГИМО ГБУ г. Москвы «Ресурсный центр «Мосволонтер», а также акция «#МыВместе», реализуемая Ассоциацией волонтерских центров. За последние два года более 40 добровольцев доставили 360 продуктовых наборов ветеранам МГИМО и студентам, находившимся на самоизоляции в общежитиях Университета, было совершено 400 звонков ветеранам общей продолжительностью более 75 часов. Только за 10 месяцев 2020 года общее время работы волонтеров в рамках акции составило 1500 часов.

С ноября 2021 года волонтеры были задействованы в организации процесса экспресс-тестирования «COVID FREE PASS» для студентов МГИМО, не достигших 18 лет и имеющих медицинский отвод.

В период с октября по декабрь 2021 года активисты Центра поддержки волонтерского движения МГИМО приняли участие в реализации проекта «Студия социального проектирования», направленного на создание командных проектов, нацеленных на улучшение качества жизни лиц с ОВЗ.

Другим значимым мероприятием для МГИМО стало открытие Добро.Центра в декабре 2021 года, которое дало новый толчок для популяризации волонтерства среди как российских, так и иностранных студентов. «Добро.Центр» — новый проект Ассоциации волонтерских центров, направленный на уве-

личение количества участников волонтерского движения и поддержки их инициатив. Новое коворкинг-пространство создано в рамках проекта-победителя «Добро в МГИМО» во Всероссийском конкурсе молодежных проектов 2021 года и оснащено современным цифровым оборудованием, рабочими зонами, общим переговорным столом и мебелью для неформального общения и работы.

Меры по укреплению здоровья, популяризации спорта и здорового образа жизни в студенческой среде. МГИМО активно пропагандирует здоровый образ жизни и развивает физкультуру и спорт, формирует здоровьесберегающее поведение молодежи. В 2021 году студенческим спортивным клубом проведено более двадцати крупных спортивно-оздоровительных мероприятий на базе МГИМО, среди которых забег с прохождением экстремальных препятствий «Гонка МГИМО», спортивный онлайн-марафон Health&Fitness Week, МГИМО CrossFit Games, парад Чемпионов, Универсиада МГИМО.

Активная роль в реализации программы здорового образа жизни в студенческой среде принадлежит кафедре физического воспитания и безопасности жизнедеятельности, которая занимается организацией и проведением серии чемпионатов и кубков МГИМО по киберспорту, двоеборью, грэпплингу, баскетболу, бадминтону, волейболу, скрингольфу, легкоатлетическому многоборью, легкой атлетике, настольному теннису, плаванию, самбо, теннису, футболу, шахматам.

Меры поддержки студентов во время пандемии COVID-19. Пандемия COVID-19 существенным образом повлияла на направления и структуру оказания социальной помощи в университете. Прежде всего, нужно отметить, что МГИМО располагает собственной поликлиникой, что позволило оперативно развернуть систему превентивного контроля и оказания помощи студентам и преподавателям. В частности, были введены ПЦР-тесты и медицинские осмотры студентов по окончании изоляции. С 1 сентября 2021 года в общежитиях МГИМО специализированной медицинской лабораторией было проведено более 200 тестов на COVID-19

и доставлены около 100 наборов продовольственной помощи.

В университете создан и действует единый информационный реестр для контроля заболеваемости, в котором ежедневно обновляются данные о заболевших и выздоровевших. В части порядка действий в случае выявления симптомов инфекционного заболевания у студентов, проживающих в общежитиях, организована и налажена работа Управления по делам общежитий.

На основе методических рекомендаций Роспотребнадзора был разработан регламент заселения проживающих в общежития, который контролируется и фиксируется круглосуточно сотрудниками общежитий. Были усилены меры по содержанию мест общего пользования общежитий в надлежащем санитарном состоянии в соответствии с установленными санитарными нормами с учетом предписаний, указаний и рекомендаций Роспотребнадзора, обеспечен режим термометрии, проживающим в общежитиях предоставлены средства дезинфекции, а также организован пункт измерения температуры с занесением всех данных в ежедневные журналы, были пролонгированы договоры найма жилого помещения для тех иностранных граждан, со странами которых действуют ограничения на движение через государственную границу РФ, на период действия таких ограничений. В части мер профилактики в условиях повышенной эпидемиологической угрозы и в связи с необходимостью выполнения комплекса санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий по предотвращению распространения коронавирусной инфекции в общежитиях организованы карантинные блоки с возможностью организации отдельного питания, посещения санитарных комнат и приема врача. Было организовано питание иностранных студентов в период их изоляции, в частности Студенческим союзом МГИМО раздавались продуктовые наборы. Среди студентов проведена комплексная информационная кампания по мерам профилактики COVID-19, признакам COVID-19, соблюдению правил личной гигиены во время нахождения в учебном заведении, общежитиях, при посещении объектов общественного питания, объектов,

оказывающих услуги, культурно-развлекательных объектов, объектов для занятий спортом, транспорта и т. д.

Направления работы кафедры демографической и миграционной политики. Важным вкладом университета в развитие корпоративной демографической политики в России является открытие одной из первых профильных демографических кафедр в стране. При поддержке руководства МГИМО кафедра демографической и миграционной политики (ДМП) начала свою работу 26 августа 2017 года (Приказ «О создании кафедры демографической и миграционной политики» №465 от 03.07.2017 года). Необходимость открытия кафедры была обусловлена усилением значимости демографических и миграционных процессов в развитии современного общества, в политической и социально-экономической сферах. В настоящее время требуются профессиональные кадры и постоянный научно-практический мониторинг демографических и миграционных процессов, консультативная поддержка органов государственной власти в данных вопросах.

Создание кафедры ДМП было хорошо проработанным и продуманным решением руководства университета: в течение нескольких лет до этого в МГИМО преподавались курсы по миграции и миграционной политике. Кафедра ДМП является единственной в России профильной научно-исследовательской кафедрой, созданной на основе соглашения с Центром демографии ИСПИ РАН, в дальнейшем трансформировавшимся в Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН. Это позволило аккумулировать на кафедре лучшие научные и преподавательские кадры как внутри самого МГИМО, так и пригласить известных ученых из академической среды.

Кафедру возглавляет член-корреспондент РАН С.В. Рязанцев. В составе кафедры кандидаты и доктора наук: доктор экономических наук О.Д. Воробьева, кандидат экономических наук Р.В. Маньшин, кандидат философских наук Г.И. Гаджимурадова, кандидат физико-математических наук М.Н. Храмова, кандидат экономических наук В.А. Безвербный, кандидат экономических наук А.С. Лукьянец, кандидат политичес-

ких наук М.Ю. Апанович, преподаватель М.А. Медведь, преподаватель Н.Г. Кузнецов, методист И.В. Зимица. Подобная комбинация кандидатов и докторов различных профилей не случайна. Демографические и миграционные процессы требуют междисциплинарного подхода к их изучению, а также применения инструментария различных наук. Большинство преподавателей кафедры — молодые, активно работающие ученые, хорошо известные в сфере демографических и миграционных исследований, являющиеся обладателями грантов российских и зарубежных фондов, консультантами российских государственных структур и международных организаций, активно участвующие в научных конференциях и экспертных совещаниях в России и за рубежом.

На кафедре действует аспирантура по направлению 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством («Экономика населения и демография»)). В 2017 году на кафедру также был принят первый аспирант — В.А. Медведь, которая в настоящее время уже является штатным преподавателем кафедры. В числе аспирантов кафедры на сегодняшний день еще два выпускника МГИМО прошлых лет — С.В. Русу и Н.Г. Кузнецов.

Преподаватели кафедры ДМП читают много интересных и нужных будущим дипломатам, экономистам-международникам и управленцам курсов по демографической и миграционной проблематике на русском и английском языках. Сейчас в рабочие учебные планы различных специальностей на Факультете международных отношений, Факультете управления и политики, Факультете прикладной экономики и коммерции включены следующие курсы: 1) в бакалавриате: «Управление демографическими и миграционными процессами: региональный аспект», «Национальные и международные инструменты управления миграцией», «Экологические аспекты демографических и миграционных процессов», «Политическая демография», «Международная миграция», «Демографическая и миграционная политика России»; 2) в магистратуре: «Управление демографическими и миграционными процессами», «Многосторонние механизмы и режимы управления миграцией», «Национальные и международные инструменты управления

миграцией», «Политические аспекты международной миграции», «Паспортно-визовые отношения».

В 2021 году состоялся выпуск магистров направления подготовки «Экономика» в рамках специализации «Экономика трудовых ресурсов и управление миграцией».

С 2021 года на факультете управления и политики начала действовать магистерская программа «Управление человеческими ресурсами». Эта магистерская программа ориентирована на подготовку специалистов в области управления человеческими ресурсами с акцентом на методы демографических и миграционных исследований, а также анализа лучших международных практик в области человеческого развития. Студенты получают фундаментальные знания в области демографии, мирового рынка труда, трудовых ресурсов, миграции, управления демографическими и миграционными процессами, принятия управленческих решений в условиях глобальных трансформаций мировой экономической и политической системы и кризисов. Особенностью программы также является ее ориентация на практические аспекты. Выпускники программы могут реализовать себя в международных организациях системы ООН (например, МОМ, ЮНФПА, МОТ, ЭСКАТО, УВКБ ООН и др.), профильных департаментах российских министерств и ведомств, российских и зарубежных компаниях.

В перспективе кафедра демографической и миграционной политики планирует разрабатывать программы двойных дипломов с ведущими зарубежными университетами. В настоящее время развивается научно-образовательное сотрудничество с университетами Бразилии (Университет Кампинас и Университет штата Рио-де-Жанейро), Японии (Университет Тоямы, Университет Ниигата, Университет Тохоку). Еще в апреле 2017 года было подписано соглашение между МГИМО и Университетом Махидол в Таиланде по вопросам сотрудничества в сфере демографии и развития программ студенческих обменов. Совместно с Университетом Кампинас проводилась зимняя школа для студентов по социально-экономическим и демографическим проблемам стран БРИКС.

Выпускники программ специализации кафедры демографической и миграционной

политики будут уникальными специалистами, которые смогут найти применение своим знаниям и навыкам, прежде всего в дипломатической сфере, государственной службе, международной деятельности, бизнесе. Приехав на работу в ту или иную страну, дипломат должен обладать знаниями о численности, расселении, этнической и демографической структуре населения, миграции в регионе и государстве. В последние годы активно развиваются проекты Россотрудничества и Фонда «Русский мир». Кроме того, практически каждая международная организация сейчас ведет программу или направление по человеческим ресурсам и миграции. Специализированные агентства ООН (ПРООН, МОМ, МОТ, УВКБ, ЭСКАТО), многие другие организации (Всемирный банк, МБРР, ЕБРР) — постоянно публикуют вакансии для специалистов по населению и миграции. Также государственным структурам в России (МИД, МВД, ФСБ, Пограничная служба, Таможенная служба, Министерство труда и социальной защиты, Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики) требуются сотрудники с этими знаниями. Наконец, международные корпорации и компании с удовольствием возьмут специалистов из МГИМО, владеющих вопросами демографической и миграционной политики, на вакансии по работе с регионами и персоналом.

Кафедра ДМП ориентирует студентов на изучение теоретических аспектов демографической и миграционной политики. Преподаватели также формируют прикладные навыки работы в данной сфере. Кафедра впервые реализовала проект выездной практики по миграционной политике в Таиланде на базе Университета Махидол, которая была призвана сформировать такие важные компетенции, как навыки сбора и обработки эмпирических материалов, статистики и интервью, критический анализ миграционной ситуации и подходов к реализации миграционной политики, обобщение эффективных практик регулирования трудовой миграции, особенности консульской работы с эмигрантами из России, специфика работы международных организаций в сфере демографии и миграции. Группа студентов и аспирантов МГИМО в составе 10 студентов в феврале

2018 года выезжала в Таиланд, где изучала все перечисленные выше вопросы. В 2019 году была организована зарубежная практика студентов МГИМО в Бразилию, где студенты смогли посетить несколько организаций, занимающихся вопросами помощи мигрантам, прослушали курс лекций ведущих ученых и преподавателей в рамках проводимой на базе Университета Кампинас школы по социально-экономическому развитию в странах БРИКС. Неслучайно многие студенты планируют готовить магистерские диссертации по миграционной тематике. Также студенты кафедры проходят стажировки в структурах в сфере управления миграцией, в том числе агентствах ООН (Бюро МОМ и УВКБ ООН в Москве).

Помимо учебного процесса и научной деятельности, кафедра ДМП занимается практическими вопросами совершенствования демографической и миграционной политики России путем широкой имплементации результатов научных исследований в деятельность российских агентств и международных организаций. Ученые кафедры активно оказывают консультационные услуги российским государственным структурам и международным организациям. Так, в 2018 году преподаватели кафедры были приглашены Агентством по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке в качестве экспертов на круглом столе «Индекс развития человеческого капитала на Дальнем Востоке: первые результаты, практическое применение и перспективы развития». В 2020 году по заказу МОМ было выполнено исследование положения трудовых мигрантов из стран Центральной Азии в России в период пандемии COVID-19, в 2021 году — исследование по потребностям российских работодателей к миграционному коридору «Центральная Азия — Российская Федерация». Эти примеры свидетельствуют о признании кафедры ДМП как важной научно-экспертной площадки для сопровождения демографической и миграционной политики в России.

Кафедра ДМП ведет активные научные исследования в рамках грантовых программ, участвует в конкурсах по разработке научных докладов и научных исследований для министерств и ведомств. На кафедре ДМП были реализованы несколько научных проек-

тов, поддержанных грантами Совета по грантам Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации: «Трудовая миграция в Россию: экономические эффекты и социокультурные риски» (2018–2019 годы), «Привлечение миграционных ресурсов и совершенствование миграционной политики в контексте второй волны депопуляции в России» (2020–2021 годы), «Внешняя миграционная политика Российской Федерации в новых геополитических координатах и условиях пандемии COVID-19» (2022–2023 годы) (руководитель проектов — С.В. Рязанцев), грант Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых по теме «Эмиграция высококвалифицированных специалистов из России» (руководитель — В.А. Безвербный). В течение 2019–2021 годов под руководством С.В. Рязанцева было выполнено два проекта в рамках грантов на выполнение научных работ молодыми учеными под руководством докторов и кандидатов наук. Это дает возможность талантливой молодежи уже во время учебы принимать участие в реальных исследованиях мирового уровня. Результаты научных исследований преподавателей кафедры активно используются в учебном процессе, а аспиранты и студенты привлекаются к мероприятиям и исследованиям.

Кафедра ДМП реализует масштабный проект Международного научно-практического форума «Миграционные мосты в Евразии», в котором принимают участие ученые, преподаватели, эксперты более чем из 40 стран мира. Основными задачами проекта являются: объединение ученых, экспертов и практических работников, занимающихся вопросами исследования и практического регулирования миграции в России и зарубежных странах; экспертная оценка и имплементация в миграционную политику России и стран-партнеров эффективных подходов и практик управления миграцией; развитие международной научно-исследовательской сети экспертов в области исследований миграции; активизация научно-исследовательской деятельности молодых ученых в области миграции на международном уровне; формирование позитивного имиджа России как страны, регулирующей миграцию на основе

национального законодательства и межгосударственных соглашений.

Даже в период пандемии Форум сплотил на своих площадках в очном и онлайн-режимах свыше 200 как уже признанных специалистов, так и молодых ученых. Студенты и аспиранты МГИМО, других ведущих российских вузов могут представлять свои исследования на ежегодно организуемом при поддержке Бюро Международной организации по миграции в Москве форуме «Паспортно-визовая дипломатия в Евразии». Традиционно студенты и магистранты МГИМО показывают очень высокий уровень подготовки, занимая призовые места.

Кафедра ДМП вносит вклад в укрепление позитивного имиджа МГИМО в средствах массовой информации через выступления ее сотрудников по проблемам демографической и миграционной политики.

Реализация идеи «внешней миграционной политики». Учеными МГИМО в свое время был предложен и обоснован термин «внешняя миграционная политика». Под «внешней миграционной политикой» можно понимать идеологию и механизм активного формирования миграционных потоков, необходимых для социально-экономического и демографического развития России, прежде всего использование потенциала иммигрантов и ресурса «русскоговорящих сообществ» за рубежом. Первыми «ласточками» «внешней миграционной политики» можно считать программу стимулирования возвращения соотечественников, а также проекты распространения русского языка и развития диалога с диаспорой через структуры Россотрудничества и Фонда «Русский мир».

К сожалению, растут социально-экономические издержки, связанные с интеграцией иммигрантов в российское общество (возникают конфликты между мигрантами и местным населением, увеличиваются затраты на обучение мигрантов русскому языку и т.д.). А между тем можно сократить часть издержек по интеграции, перенеся фокус действий миграционной политики за пределы России. Например, можно договариваться со странами-донорами трудовых мигрантов о предвыездной подготовке профессии и русскому языку, более тщательно отбирать трудо-

вых мигрантов на конкретные рабочие места в России. Возможно, следует использовать отечественный и зарубежный опыт продвижения русского языка за рубежом, создавать опорные пункты для рекрутинга и подготовки трудовых и учебных мигрантов. На первом этапе в качестве приоритетных стран для реализации «внешней миграционной политики» России могли бы стать страны Центральной Азии, Закавказья и Вьетнам. Все они являются нашими традиционными миграционными партнерами, исторически и геополитически ориентированы на Россию.

Результативность реализации проекта «внешней миграционной политики» будет выражаться следующими критериями: повышением доли высококвалифицированных специалистов, студентов, подготовленных рабочих в иммиграционном потоке; снижением численности недокументированных трудовых мигрантов и сокращением расходов государства на их депортацию из России; притоком инвестиций «русскоговорящих сообществ» в российскую экономику; укреплением взаимодействия России со странами — миграционными партнерами через активизацию культурного, научного и образовательного обмена (средствами «публичной дипломатии»); расширением географии, сфер и аудитории использования русского языка за пределами России; усилением геополитического влияния России в приоритетных регионах.

МГИМО фактически реализует на практике идею «внешней миграционной политики». Университет является центром подготовки профессионалов для дипломатической службы Российской Федерации и ряда зарубежных стран. Дипломатическая подготовка в МГИМО носит индивидуальный подход к студентам, проводится эксклюзивная работа с лучшей российской и зарубежной профессурой. Ежегодно на работу в МИД России принимается 80–90 выпускников МГИМО.

В рамках гранта Министерства просвещения России МГИМО реализовал проект «Комплексное исследование действующих практик функционирования русских школ за рубежом». В частности, были проведены: исследование открытых источников, анкетирование представителей школ, интервьюи-

рование представителей русских школ за рубежом и экспертов. По итогам исследования организован и проведен экспертный семинар по обсуждению результатов анализа действующих практик функционирования русских школ за рубежом и мер поддержки русских школ за рубежом, а также даны рекомендации по повышению эффективности названных практик. Проект имеет большую перспективу, как в плане масштабирования (информирование русских школ о возможных мерах поддержки, ее нормативно-правовой базе, источниках информационной и методической поддержки, помощь в самоорганизации сообщества), так и с целью дальнейших исследований, расширяющих и уточняющих полученные выводы. В рамках проекта также организовано взаимодействие с федеральными органами исполнительной власти и организациями (МИД России, Минпросвещения России, Россотрудничество, Фонд «Русский мир» и др.), которое дополняет задел для дальнейшей эффективной работы.

В рамках реализации мер по развитию студенческой мобильности и международного молодежного сотрудничества в МГИМО организуется и проводится модуль «Внешняя и внутренняя политика» для дипломатов различных стран, курсы русского и других языков языка для дипломатов посольств; финансируются студенческие стажировки в вузы-партнеры и принимаются иностранные стажеры. Например, в 2021 году в МГИМО было принято на стажировки 163 иностранных студента (из них 122 — по программе обмена, 41 на контрактной основе), выехало за границу 106 студентов МГИМО. Университетом были поддержаны 172 преподавателя, участвовавших в программе обмена, «Visiting student», «Research», курсах русского языка.

Выводы и рекомендации. Безусловно, современный МГИМО является социально-ориентированным университетом, осуществляя широкий спектр социальных проектов и программ по поддержке студентов и имея при этом четко выраженную международную направленность социальных и демографических проектов. Наиболее успешно в университете осуществляются меры по социально-экономической поддержке студентов,

формирование здорового образа жизни, гражданско-патриотическое воспитание, а также меры по адаптации иностранных студентов в российское образовательное пространство и общество. Весомый пакет мер по поддержке российских и иностранных студентов был принят в период пандемии COVID-19. Была открыта и развивается первая в стране специализированная кафедра демографической и миграционной политики, активно реализуется идея «внешней миграционной политики». На перспективу университету требуется усилить и развивать систему направление поддержки молодых студенческих семей, семей с детьми.

Список источников

1. Отчет и планы МГИМО Университет. 2020–2021 [Электронный ресурс]. URL: https://mgimo.ru/upload/2021/03/mgimo-report_2020-2021.pdf.
2. Торкунов А. В., Рязанцев С. В., Левашов В. К. Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие / Под ред. А. В. Торкунова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова; вступ. слово А. В. Торкунова. М.: Издательство Аспект Пресс, 2021. 248 с.
3. МГИМО-Университет: Традиции и современность. 1944–2019 / Под общ. ред. академика РАН А. В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2019. 309 с.
4. Рязанцев С. В. Внешняя миграционная политика как фактор демографического развития России [Электронный ресурс] // Социологический альманах. 2017. С. 63–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-migratsionnaya-politika-kak-faktor-demograficheskogo-razvitiya-rossii>.
5. Рязанцев С. В. Внешняя миграционная политика России: концептуальное обоснование и инструменты реализации [Электронный ресурс] // Международные процессы. Т. 14. №4. С. 22–29. URL: https://www.elibrary.az/docs/jurnal/jrn2017_691.pdf.
6. Рязанцев С. В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2019. №9. С. 117–126. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/45313/1/Ryazantsev_Sovremennaya.pdf.

References

1. Otchet i plany MGIMO Universitet [Report and plans of MGIMO University]. 2020–2021 [Jelektronnyj resurs]. URL: https://mgimo.ru/upload/2021/03/mgimo-report_2020–2021.pdf. (In Russ.).
2. Torkunov A. V., Rjazancev S. V., Levashov V. K. Pandemija COVID-19: Vyzovy, posledstvija, protivodejstvie [The COVID-19 pandemic: Challenges, consequences, counteraction]. Pod red. A. V. Torkunova, S. V. Rjazanceva, V. K. Levashova [In A. V. Torkunov, S. V. Ryazantsev, V. K. Levashov (eds.)]; vstup. slovo A. V. Torkunova. Moscow: Izdatel'stvo Aspekt Press, 2021. 248 p. (In Russ.).
3. MGIMO-Universitet: Tradicii i sovremennost' [MGIMO University: Traditions and modernity]. 1944–2019. Pod obshh. red. akademika RAN A. V. Torkunova [In Academician of the Russian Academy of Sciences A. V. Torkunov (eds.)]. Moscow: Aspekt Press, 2019. 309 p. (In Russ.).
4. Rjazancev S. V. Vneshnjaja migracionnaja politika kak faktor demograficheskogo razvitiya Rossii [Foreign migration policy as a factor of demographic development of Russia] [Jelektronnyj resurs]. *Sociologicheskij al'manah* [Sociological Almanac]. 2017; 63–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-migratsionnaya-politika-kak-faktor-demograficheskogo-razvitiya-rossii>. (In Russ.).
5. Rjazancev S. V. Vneshnjaja migracionnaja politika Rossii: konceptual'noe obosnovanie i instrumenty realizacii [Russia's foreign migration policy: conceptual justification and implementation tools] [Jelektronnyj resurs]. *Mezhdunarodnye processy* [International processes]. 14(4): 22–29. URL: https://www.elibrary.az/docs/jurnal/jrn2017_691.pdf. (In Russ.).
6. Rjazancev S. V. Sovremennaja migracionnaja politika Rossii: problemy i podhody k sovershenstvovaniju [Modern migration policy of Russia: problems and approaches to improvement] [Jelektronnyj resurs]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2019;(9):117–126. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/45313/1/Ryazantsev_Sovremennaya.pdf. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.01.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted on 25.01.2022; approved after reviewing on 15.02.2022; accepted for publication on 25.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Суровцев Станислав Игоревич — кандидат юридических наук, проректор по социальной работе и международным связям, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ.
Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76

Stanislav I. Surovtcev — Candidate of Juridical Sciences, Vice-Rector for Social Policy and International Cooperation, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
76 Vernadskogo ave., Moscow, Russia

Рязанцев Сергей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой «Демографическая и миграционная политика», Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ; директор Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Sergey V. Ryazantsev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head Department of Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Director of the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

6 Fotievoy st., bld. 1, Moscow, Russia

Вклад авторов:

Суровцев С. И. — сбор информации; доработка текста; итоговые выводы.

Рязанцев С. В. — концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Surovtsev S. I. — collection of information; revision of the text; final conclusions.

Ryazantsev S. V. — scientific leadership; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Научная статья
УДК 316.356.2
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-20-29

ПРЕСТИЖНОСТЬ РОДИТЕЛЬСТВА И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕМ В ОЦЕНКАХ УРАЛЬСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Анна Петровна Багирова

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
a.p.bagirova@urfu.ru, ORCID: 0000-0001-5653-4093, AuthorID РИНЦ: 511263,
AuthorID Scopus: 55361822000, WoS Research ID: M-7440-2013*

Аннотация. *Целью исследования* является изучение представлений о родительстве у студенческой молодежи Свердловской области, а также выявление ассоциаций о родительстве, взаимосвязанных с оценкой его престижности в обществе.

Методология исследования строится на институциональном подходе, используемом в демографии, а также на подходах к исследованию репродуктивных установок, развиваемых отечественной школой социологии семьи.

Результаты исследования демонстрируют иерархию ассоциаций уральских студентов, связанных с родительством, достаточно высокую оценку престижности родительства в российском обществе, взаимосвязь между престижностью родительства и представлением о нем как удовольствию, вложениях в свое будущее, душевном подъеме и самореализации. Эффективными в формировании родительских установок уральских студентов могут оказаться меры, направленные на развитие представления о родительстве как жизненном удовольствии, что одновременно в сознании молодых людей связывается с престижностью этой деятельности в обществе. В отличие от общественных организаций, российская система высшего образования пока не является институтом поддержки реализуемой в стране активной пронаталистской политики. Предложено включение в образовательные программы майнора, направленного на развитие у студентов родительских компетенций и позитивного образа родительства.

Перспективы исследования мы видим в дальнейшем изучении возможностей и целесообразности реализации университетами семейно-демографической политики сразу в нескольких направлениях: разработка университетской демографической политики, выстраивание информационного взаимодействия с родителями студентов, развитие родительских компетенций обучающихся.

Ключевые слова: студенческая молодежь, уральское студенчество, родительство, установки на родительство, демографическая политика

Для цитирования: Багирова А. П. Престижность родительства и представления о нем в оценках уральского студенчества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 20–29. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-20-29>.

Благодарности: исследование проведено в рамках проекта «Институты поддержки российской пронаталистской политики: потенциал и перспективы влияния на рост

рождаемости», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-1327.2022.2).

Original article

THE PRESTIGE OF PARENTHOOD AND IDEAS ABOUT IT IN THE ASSESSMENTS OF THE URAL STUDENTS

Anna P. Bagirova

Ural Federal University

*named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
a.p.bagirova@urfu.ru, ORCID: 0000-0001-5653-4093, AuthorID RSCI: 511263,
AuthorID Scopus: 55361822000, WoS Research ID: M-7440-2013*

Abstract. *The aim of the research is to study the ideas of parenthood among students of the Sverdlovsk region, as well as to identify associations about parenthood, interrelated with the assessment of its prestige in society.*

The research methodology is based on the institutional approach used in demography, as well as on approaches to the study of reproductive attitudes developed by the Russian school of family sociology.

The results of the study demonstrate the hierarchy of associations of Ural students associated with parenthood, a fairly high assessment of the prestige of parenthood in Russian society, the relationship between the prestige of parenthood and the idea of it as a pleasure, investment in one's future, spiritual uplift and self-realization. Effective in the formation of parental attitudes of Ural students may be measures aimed at developing the idea of parenthood as a pleasure in life, which at the same time in the minds of young people is associated with the prestige of this activity in society. Unlike public organizations, the Russian higher education system is not yet an institution of support for the active pro-natalist policy implemented in the country. It is proposed to include a minor in educational programs aimed at developing students' parental competencies and a positive image of parenthood.

The prospects of the research. *We see the prospects in the further study of the possibilities and expediency of the implementation of family and demographic policy by universities in several directions at once: the development of university demographic policy, building information interaction with the parents of students, the development of parental competencies of students.*

Keywords: *student youth, Ural students, parenthood, parenting attitudes, demographic policy*

For citation: *Bagirova A. P. The prestige of parenthood and ideas about it in the assessments of the Ural students // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 20–29. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-20-29>.*

Acknowledgments: *the article is one of the outputs of the research project «Institutes of support for Russian pro-natalist policy: potential and prospects for influencing the growth of fertility», supported by the Council on grants of the President of the Russian Federation, project no. NSh-1327.2022.2.*

Введение. Студенческая молодежь относится к той категории населения, которая располагает многообразными возможностями выбора жизненных стратегий. В России, где проводится активная пронаталистская политика, направленная на стимулирование рождаемости у молодого поколения, изучение факторов, влияющих на выбор жизненной стратегии, становится особенно актуальным. Представления молодежи о родительстве, связанных с ним ассоциациях составляют одну из групп этих факторов.

В целом пронаталистская политика должна сопровождаться формированием у молодежи позитивного отношения к феномену родительства, проявляющегося на всех без исключения уровнях и во всех сферах. В такой модели система образования, сфера культуры, бизнес, налоговая система способствуют развитию мотивации родительства. В частности, работодатели способствуют оптимизации сочетания профессионального и родительского труда своих сотрудников. Налоговая система предусматривает существ-

венные бонусы для имеющих детей налогоплательщиков, причем с ростом числа детей эти бонусы увеличиваются. В сфере потребления присутствуют различные возможности сокращения удельных расходов на услугу/товар при условии их приобретения на семью. Государственная информационная политика выстроена таким образом, чтобы продвигать идеи качественного родительства. Как следствие — молодые люди как потенциальные родители имеют четкое представление о необходимости рождения и воспитания детей, важности «родительской карьеры» для повышения своего статуса в обществе.

В зарубежной научной литературе в последние годы возрастает число исследований, связанных с «переходом в родительство» (таблица 1). Например, количество публикаций на эту тему, проиндексированных в базе Web of Science, за последние 14 лет выросло в 3–4 раза.

Наиболее цитируемыми являются зарубежные исследования, посвященные изучению преимуществ и недостатков родительства и их влияния на становление в статусе родителя [12], изучение эффектов перехода в родительство, проявляющихся на качестве супружеских отношений [9], психологическом состоянии [7; 10; 11], трансформации системы семейного разделения труда [13] и усиливающегося в связи с родительством неравенства [14], возможными институтами поддержки успешного процесса перехода молодых людей в родительский статус [8].

Российская школа социологической демографии (А.И. Антонов, В.Н. Архангельский и др.) к числу основных детерминант демографического поведения относит ценностные ориентации и условия жизни. При этом сами «ценностные ориентации существенным образом влияют на восприятие условий жизни как способствующих или препятствующих реализации демографических ориентаций» [2, с. 15]. Ценностные ориентации, в свою очередь, тесно связаны с потребностью в детях, формирующейся под влиянием распространенных в обществе социальных норм в отношении семьи и родительства. Именно потребность в детях играет ведущую роль в регуляции репродуктивного поведения, и ее сила (или, напротив, слабость) определяет в конечном

Таблица 1
Table 1

**Число исследований, связанных с «переходом в родительство»
Number of studies related to «transition to parenthood»**

Годы	Число исследований	Темп роста к 2008 г., %
2008	30	100
2009	24	80
2010	44	146,7
2011	38	126,7
2012	58	193,3
2013	48	160
2014	68	226,7
2015	57	190
2016	63	210
2017	63	210
2018	67	223,3
2019	101	336,7
2020	113	376,7
2021	89	296,7

итоге результаты этого поведения (т.е. уровень рождаемости в стране).

Паспортом национального проекта «Демография» предусмотрены различные меры поддержки семей с детьми экономического, информационного, организационного характера¹. Однако в рамках этого проекта не предусмотрена система мер информационного характера, которая могла бы быть направлена на развитие репродуктивных и родительских установок у молодежи (в том числе студенческой молодежи как человеческого ресурса, обладающего наиболее качественным потенциалом человеческого капитала), сопровождение процесса перехода к родительству, формирование у молодежи позитивного образа будущего родительства.

Целью исследования является изучение представлений о родительстве у студенческой молодежи Свердловской области, а также выявление ассоциаций о родительстве, взаимосвязанных в сознании студентов с оценкой его престижности в обществе.

Методика. Социологическое исследование студенческой молодежи Свердловской области было проведено в 2020 г. коллективом кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина под руководством профессора Ю.Р. Вишневого (проект 20–011–33064 «Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего»), поддержанный грантом РФФИ). Опрашивались студенты-третьекурсники очной формы обучения вузов Свердловской области. Выборка проектировалась на основе данных Министерства науки и высшего образования РФ, квоты рассчитывались по двум социально-демографическим параметрам — пол и направленность обучения. Понимая, что фактическая выборочная совокупность будет отличаться от спроектированной, мы заранее, на этапе распределения заданий по вузам, заложили 20%-е превышение числа опрошенных по каждой квоте, выделенной по полу и профилю обучения. В дальнейшем была приме-

нена процедура случайного отбора, которая позволила повысить случайность формирования итоговой совокупности. Кроме того, это дало возможность в некоторой мере смягчить те погрешности, которые были вызваны объективными сложностями рекрутинга респондентов в условиях пандемии и дистанционного обучения в конкретных вузах, на конкретных профилях обучения и в группах по полу. В целом полученная структура выборочной совокупности имеет лишь незначительные отклонения от структуры генеральной совокупности студентов 3 курса Свердловской области 2020–2021 учебного года.

Для целей настоящего анализа нами были использованы следующие эмпирические индикаторы:

1) ассоциации студентов, связанные с воспитанием детей (номинальная шкала, вопрос-меню, выбор максимум трех вариантов из восьми предложенных);

2) оценка уровня престижности быть родителем в российском обществе (порядковая шкала).

Анализ проводился с помощью IBM SPSS, использовался описательный анализ и процедуры корреляционного анализа.

Результаты исследования. В таблице 2 приведена иерархия ассоциаций, связанных с родительством у студентов Свердловской области, а в таблице 3 — оценка престижности быть родителем.

На следующем этапе анализа мы выяснили взаимосвязь между ассоциациями, возникающими у студентов в связи с родительством, и оценкой его престижности в обществе (таблицы 4 и 5).

Из таблицы 5 видно, что родительство как жизненная стратегия становится для студентов престижной, скорее, в том случае, когда они рассматривают это родительство как удовольствие. Несколько реже понимание о престижности родительства возникает, когда родительство ассоциируется с внутренней потребностью, инвестициями в себя и душевным подъемом. Таким образом, эффективными в формировании родительских установок уральских студентов могут оказаться

¹ Паспорт Национального проекта «Демография» [Электронный ресурс] // Минтруд России. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 25.01.2022).

меры, направленные на развитие представления о родительстве как жизненном удовольствии, что одновременно в сознании молодых людей связывается с престижностью этой деятельности в обществе.

Отметим, что в России сегодня, скорее, распространен противоположный образ родительства — образ так называемого интенсивного родительства (в первую очередь, интенсивного материнства). Он предполагает соответствие требованиям «продвинутого» родительства и выбор для детей более разнообразных и более качественных услуг, невзирая на связанные с этим выбором сложности [1; 5]. Последствия распространения этого феномена негативны — формирование чувства вины у матерей или, как отмечает О.Г. Исупова, возникновение ситуаций, когда «интенсивное материнство в школьный период жизни

детей выливается в постоянное психическое напряжение и усталость матерей, живущих в больших городах России» [3, с. 185].

Для формирования понимания, что родительство может приносить молодым людям удовольствие, представляется необходимым включение в образовательные программы системы высшего образования специальных майноров, направленных на приобретение компетенций ответственного, сознательного и счастливого родительства. Цель майноров — формирование интереса к сфере жизнедеятельности, которая не является для студента профессиональной. Представляется, что разделы дисциплины, посвященной родительству, могут быть следующими.

1. Родительская устойчивость. Переход в статус родителя, основные риски нового психологического состояния, инструменты

Таблица 2
Table 2

Ассоциации, связанные с родительством у студентов Свердловской области
Associations related to parenting among students of the Sverdlovsk region

Ассоциации, связанные с воспитанием детей	Все опрошенные, %
Труд	55,7
Обязанность, долг	49,6
Финансовые затраты	40,9
Удовольствие	32,3
Вложения в свое будущее	30,7
Душевный подъем	30,1
Усталость, стресс	26,4
Внутренняя потребность, самореализация	22,8

Таблица 3
Table 3

Распределение ответов студентов на вопрос о престижности быть родителем в России
Distribution of students' answers to the question of the prestige of being a parent in Russia

Оценка престижности	Все опрошенные, %
Да	21,6
Скорее да, чем нет	33
Затрудняюсь ответить	25,8
Скорее нет, чем да	12,5
Нет	7,1
Итого	100

Таблица 4
Table 4

Взаимосвязь ассоциаций уральских студентов о родительстве с оценкой его престижности в обществе
The relationship of Ural students' associations about parenthood with the assessment of its prestige in society

Ассоциации, связанные с воспитанием детей	Взаимосвязь с представлением о престижности родительства в обществе	Коэффициент Крамера	Значимость X^2
Родительство — это труд	Отсутствует	–	0,112
Родительство — это обязанность, долг	Отсутствует	–	0,262
Финансовые затраты	Ассоциация связана со снижением престижности родительства	0,189	0
Удовольствие	Ассоциация связана с ростом престижности родительства	0,23	0
Вложения в свое будущее	Ассоциация связана с ростом престижности родительства	0,138	0
Душевный подъем	Ассоциация связана с ростом престижности родительства	0,152	0
Усталость, стресс	Ассоциация связана со снижением престижности родительства	0,308	0
Внутренняя потребность, самореализация	Ассоциация связана с ростом престижности родительства	0,12	0

Таблица 5
Table 5

Взаимосвязь различных положительных ассоциаций уральского студенчества с родительством с оценкой престижности родительства в обществе
The relationship of various positive associations of Ural students with parenthood with the assessment of the prestige of parenthood in society

Оценка престижности родительства в обществе	Ассоциации, связанные с родительством			
	удовольствие	самореализация, внутренняя потребность	вложения в свое будущее	душевный подъем
Да	32	28,4	27,3	26,4
Скорее да, чем нет	36,9	35	36,3	38,4
Скорее нет, чем да	10	12,8	12,1	10,5
Нет	2,5	4,6	4,4	3
Затрудняюсь ответить	18,7	19,2	19,8	21,8
Итого	100	100	100	100

их смягчения. Преимущества и сложности родительства. Стереотипы о родительстве в российском обществе: результаты социологических исследований. Особенности современного родительства.

2. Родительский труд. Родительство как трудовая деятельность. Основные функции родительского труда. Стадии родительского труда, формы его реализации. Субъекты родительского труда. Мотивационная структура родительского труда. Технологии реализации родительского труда. Экономические и правовые механизмы поддержки родительского труда. Российская политика, направленная на поддержку семей с детьми.

3. Социальные связи и системы поддержки молодых родителей. Источники адекватной информации о родительстве: доказательная медицина, доказательная социология. Социальные сети, некоммерческие организации как ресурс для молодых родителей.

Отметим, что подобные курсы сегодня реализуются в многочисленных школах для родителей — проектах некоммерческого сектора. Так, например, Общероссийской общественной организацией «Национальная родительская ассоциация социальной поддержки семьи и защиты семейных ценностей» много лет реализуется проект «Родительское просвещение». Лучшие региональные практики таковы²:

— в Алтайском крае реализуется программа родительского образования «Школа ответственного родительства», разработанная Управлением Алтайского края по образованию и делам молодежи совместно с Краевым государственным бюджетным образовательным учреждением дополнительного профессионального образования «Алтайский краевой институт повышения квалификации работников образования»;

— в Вологодской области реализуется семейный культурно-просветительский проект «Лад», участниками которого являются взрослые без ограничения возраста, подростки и дети от 6 лет. Проект нацелен на восстановление ценности семьи и семейных традиций в обществе через просветительскую деятельность в сфере семейной культуры, от-

ношений и развития личности взрослых людей, детей и подростков, повышение уровня педагогической компетенции родителей в области семейного воспитания детей, развитие форм общесемейного досуга и творчества;

— в Калининградском отделении Национальной родительской ассоциации реализуется программа «Академия семьи», созданная совместно с Министерством по социальной политике;

— в Курской области существует региональная образовательная программа «Формирование культуры семейной жизни и ответственного родительства», целью которой является формирование социальных и личностных компетенций, обеспечивающих физическое, психическое, социальное и духовное здоровье семьи и ее членов, активную гражданскую позицию, подготовку к будущей семейной жизни;

— в Пензенской области целью педагогического просвещения родителей в школах заявлено повышение уровня психолого-педагогической грамотности современных родителей, их компетентности в вопросах воспитания, развития и обучения детей и подростков;

— в Пермском крае для детей с 1-го по 11-й класс, а также родителей учащихся проводятся уроки семейной любви. В этом же субъекте РФ состоялись Всероссийские родительские чтения на тему «Формирование ответственного и позитивного родительства — одно из основных направлений социальной политики Российской Федерации». Организаторами и партнерами при проведении чтений выступили Пермское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Национальная родительская ассоциация», Министерство социального развития Пермского края, Министерство образования и науки Пермского края, министерство культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет и др.;

— в Ростовской области реализуется образовательная программа «Всеобуч родителей», основные направления которой — это разработка методического материала научным

² Сайт Национальной родительской ассоциации [Электронный ресурс]. URL: <https://nra-russia.ru/> (дата обращения: 25.01.2022).

сообществом Южного федерального университета, проведение лекционных занятий для родителей учащихся образовательных учреждений по юриспруденции, психологии, педагогике, профилактике зависимостей;

— Санкт-Петербургским городским отделением Национальной родительской ассоциации в партнерстве с Межрегиональной общественной организацией поддержки семьи, материнства и детства «Врачи детям» реализуется программа для ответственных отцов «Папа-школа» — цикл из восьми занятий, где обсуждаются самые актуальные вопросы и проблемы, с которыми сталкиваются современные отцы;

— в Саратовской области проходит форум для родителей «Родительский компас»;

— в Свердловской области действует тематическая площадка по родительскому труду, в рамках которой проходят видеолектории, встречи с учеными и специалистами, направленные на повышение родительских компетенций.

Таким образом, разнообразие региональных практик, накопленных общественными организациями, многолетний опыт их реализации позволяют говорить, что они могут рассматриваться в качестве института поддержки российской пронаталистской политики. В то же время, для того чтобы у студентов формировались сильные родительские установки, создавались студенческие семьи, молодые семьи выполняли свою роль демографического ресурса России [4; 6], необходима дополнительная, отсутствующая сегодня поддержка реализации пронаталистской политики на уровне социального института высшего образования.

Заключение. В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, студенты вузов Свердловской области имеют представление о родителстве как удовольствии, родителстве как вложениях в свое будущее, родителстве как душевном подъеме и самореализации с собственной оценкой престижности быть родителем в российском обществе. Следовательно, эффективными в формировании родительских установок уральских студентов могут оказаться меры, направленные на развитие представления о родителстве как жизненном

удовольствии, что одновременно в сознании молодых людей связывается с престижностью этой деятельности в обществе.

Во-вторых, в отличие от общественных организаций, российская система высшего образования пока не является институтом поддержки реализуемой в стране активной пронаталистской политики. Предложено включение в образовательные программы майнора, направленного на развитие у студентов родительских компетенций и позитивного образа родителства. Представляется, что система образования как социальный институт обладает всей совокупностью средств, возможностей и условий, позволяющих распространять знания и информацию о различных аспектах пронаталистской политики в форматах коммуникации, доступных и эффективных для потенциальных получателей мер демографической политики.

Развитие исследования мы видим в дальнейшем изучении возможностей и целесообразности реализации университетами семейно-демографической политики сразу в нескольких направлениях: разработка университетской демографической политики, выстраивание информационного взаимодействия с родителями студентов, развитие родительских компетенций обучающихся.

Список источников

1. Авдеева А., Исупова О., Кулешова А., Чернова Ж., Шпаковская Л. Родителство 2.0: Почему современные родители должны разбираться во всем? М.: Альпина Паблицер, 2021. 164 с.
2. Архангельский В.Н. Методологические вопросы исследования детерминации демографических процессов // Детерминация демографических процессов. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 5–30.
3. Исупова О.Г. Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. №3. С. 180–189.
4. Климантова Г.К., Ростовская Т.К. Молодая семья — демографический ресурс России. М.: Изд-во РГУС, 2008. 200 с.
5. Нартова Н.А. Материнство в современной западной социологической дискус-

сии // Женщина в российском обществе. 2016. №3(80). С. 39–53.

6. Ростовская Т.М. Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей (итоги всероссийского межвузовского исследования) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. №4(40). С. 73–81.

7. Condon J.T., Boyce P., Corkindale C.J. The First-Time Fathers Study: a prospective study of the mental health and wellbeing of men during the transition to parenthood // Australian and New Zealand Journal of Psychiatry. 2004. Vol. 38. Issue 1–2. P. 56–64.

8. Cutrona C.E. Social Support and Stress in the Transition to Parenthood // Journal of Abnormal Psychology. 1984. Vol. 93. Issue 4. Pp. 378–390.

9. Doss B.D., Rhoades G.K., Stanley S.A., Markman H.J. The Effect of the Transition to Parenthood on Relationship Quality: An 8-Year Prospective Study // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 96. Issue 3. P. 601–619.

10. Grant K.A., McMahon C., Austin M.P. Maternal anxiety during the transition to parenthood: a prospective study // Journal of Affective Disorders. 2008. Vol. 108. Issue 1–2. P. 101–111.

11. Matthey S., Barnett B., Ungerer J., Waters B. Paternal and maternal depressed mood during the transition to parenthood // Journal of Affective Disorders. 2000. Vol. 60. Issue 2. P. 75–85.

12. Nomaguchi K.M., Milkie M.A. Costs and rewards of children: The effects of becoming a parent on adults' lives // Journal of Marriage and Family. 2003. Vol. 65. Issue 2. P. 356–374.

13. Sanchez L., Thomson E. Becoming mothers and fathers — Parenthood, gender, and the division of labor // Gender & Society. 1997. Vol. 11. Issue 6. P. 747–772.

14. Yavorsky J.E., Dush C.M., Schoppe-Sullivan S.J. The Production of Inequality: The Gender Division of Labor Across the Transition to Parenthood // Journal of Marriage and Family. 2015. Vol. 77. Issue 3. P. 662–679.

References

1. Avdeeva A., Isupova O., Kuleshova A., Chernova Zh., Shpakovskaja L. Roditel'stvo 2.0: Pochemu sovremennye roditeli dolzhny

razbirat'sja vo vsem? [Parenting 2.0: Why modern parents should understand everything?] Moscow: Al'pina Publisher, 2021. 164 p. (In Russ.).

2. Arhangel'skij V.N. Metodologicheskie voprosy issledovanija determinacii demograficheskikh processov [Methodological issues of the study of the determination of demographic processes]. Determinacija demograficheskikh processov [Determination of demographic processes]. Moscow: MAKS Press, 2012. P. 5–30. (In Russ.).

3. Isupova O.G. Intensivnoe materinstvo v Rossii: materi, docheri i synov'ja v shkol'nom vzroslenii [Intensive motherhood in Russia: mothers, daughters and sons in school growing up]. Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture [An inviolable reserve. Debates about politics and culture]. 2018; (3): 180–189. (In Russ.).

4. Klimantova G.K., Rostovskaja T.K. Molodaja sem'ja — demograficheskij resurs Rossii [A young family is a demographic resource of Russia]. Moscow: Izd-vo RGUS, 2008. 200 p. (In Russ.).

5. Nartova N.A. Materinstvo v sovremennoj zapadnoj sociologicheskoy diskussii [Motherhood in modern Western sociological discussion]. Zhenshhina v rossijskom obshhestve [Woman in Russian society]. 2016; 3(80): 39–53. (In Russ.).

6. Rostovskaja T.M. Sozdanie studencheskoj sem'i: motivacija i zhiznennye strategii chlenov molodyh studencheskikh semej (itogi vsersijskogo mezhvuzovskogo issledovanija) [Creation of a student family: motivation and life strategies of members of young student families (results of the All-Russian interuniversity research)]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences]. 2015; 4(40): 73–81. (In Russ.).

7. Condon J.T., Boyce P., Corkindale C.J. The First-Time Fathers Study: a prospective study of the mental health and wellbeing of men during the transition to parenthood // Australian and New Zealand Journal of Psychiatry. 2004. Vol. 38. Issue 1–2. P. 56–64.

8. Cutrona C.E. Social Support and Stress in the Transition to Parenthood // Journal of Abnormal Psychology. 1984. Vol. 93. Issue 4. Pp. 378–390.

9. Doss B.D., Rhoades G.K., Stanley S.A., Markman H.J. The Effect of the Transition to Parenthood on Relationship Quality: An 8-Year Prospective Study // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96. Issue 3. P. 601–619.

10. Grant K.A., McMahon C., Austin M.P. Maternal anxiety during the transition to parenthood: a prospective study // *Journal of Affective Disorders*. 2008. Vol. 108. Issue 1–2. P. 101–111.

11. Matthey S., Barnett B., Ungerer J., Waters B. Paternal and maternal depressed mood during the transition to parenthood // *Journal of Affective Disorders*. 2000. Vol. 60. Issue 2. P. 75–85.

12. Nomaguchi K.M., Milkie M.A. Costs and rewards of children: The effects of becoming a parent on adults' lives // *Journal of Marriage and Family*. 2003. Vol. 65. Issue 2. P. 356–374.

13. Sanchez L., Thomson E. Becoming mothers and fathers — Parenthood, gender, and the division of labor // *Gender & Society*. 1997. Vol. 11. Issue 6. P. 747–772.

14. Yavorsky J.E., Dush C.M., Schoppe-Sullivan S.J. The Production of Inequality: The Gender Division of Labor Across the Transition to Parenthood // *Journal of Marriage and Family*. 2015. Vol. 77. Issue 3. P. 662–679.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 03.02.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Багирова Анна Петровна — доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, профессор кафедры «Социология и технологии государственного и муниципального управления», заместитель директора по науке и инновациям, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

Anna P. Bagirova — Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Deputy Director for Science and Innovation, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

19 Mira st., Yekaterinburg, Russia

Научная статья
УДК 316.3, 316.4
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-30-42

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ОРИЕНТАЦИЙ НА СОЗДАНИЕ СЕМЬИ

Наталья Михайловна Великая¹, Ирина Сергеевна Шушпанова²✉

^{1,2}Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Москва, Россия

¹natalivelikaya@gmail.com, ORCID: 0000-0001-5532-844X, AuthorID РИНЦ: 286986,
AuthorID Scopus: 8438345700, WoS Research ID: A-9577-2017

²i.s.shushpanova@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-2877-1814, AuthorID РИНЦ: 152975,
AuthorID Scopus: 25936830000, WoS Research ID: R-4713-2016

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении жизненных стратегий российской студенческой молодежи через призму их ориентаций на семейные ценности и деторождение. Также в авторском исследовании проводится анализ ключевых структурных особенностей и социально-демографических характеристик студентов, приоритетом которых является создание семьи. Реализация позитивных жизненных стратегий студентов усложняется рядом социально-политических и экономических рисков устойчивого развития страны. Однако потенциал российской молодежи в контексте ориентации на семейные ценности может быть реализован за счет внутренних и внешних резервов.

Методология исследования. Методологической основой анализа жизненных стратегий российской студенческой молодежи является широкий обзор научной литературы, раскрывающий предметное поле исследования. Эмпирическая база состоит из целого спектра результатов мониторинговых и инициативных социологических исследований, проводимых Центром социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН с участием авторов.

Результаты исследования. Согласно социологическим измерениям только пятая часть студентов видит в ближайшей перспективе одной из своих целей создание семьи. Деторождение в качестве приоритета в своей жизни выбрали не более десятой части молодых людей. Более половины студентов выбрали карьерный рост, материальный достаток, профессиональную реализацию, отложив вступление в брак на более поздний срок. В авторском исследовании были выделены два ключевых критерия для определения наиболее применяемых жизненных стратегий российской студенческой молодежи в контексте семейных ориентаций. Первый критерий — глубина разделения семейных ориентаций. По данному основанию российская молодежь, в приоритете которой создание семьи, предпочла использовать следующие жизненные стратегии: «ориентация только на вступление в брак», «ориентация на вступление в брак и рождение одного ребенка», «ориентация на укрепление семьи и деторождение». Наибольшую популярность среди студентов, согласно их целевой ориентации, в ближайшем будущем получила стратегия узаконивания отношений. Вторым критерий — важность различных аспектов жизнедеятельности в жизни российской молодежи. Полученная модель факторного анализа позволила выде-

лить три ключевые жизненные стратегии студентов, ориентированных на создание семьи: «ориентация на дружбу и семью», «творческая, моральная и духовная самореализация, альтруизм» и «карьера и независимость».

Перспективы исследования предполагают создание базы мониторинговых социологических исследований с использованием ключевых индикаторов для анализа и понимания изменений семейных ценностных ориентаций российской студенческой молодежи, их жизненных ориентаций в период трансформации социальной реальности. Полученная информация и результаты исследования послужат основой для перспективных программных положений государственной политики России в сфере семейных отношений.

Ключевые слова: молодежь, семейная политика, жизненные стратегии, семья, деторождение, карьера, семейные ценности, студенты, жизненные цели, гендер

Для цитирования: Великая Н. М., Шушпанова И. С. Жизненные стратегии российской студенческой молодежи в контексте ориентаций на создание семьи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 30–42. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-30-42>.

Original article

LIFE STRATEGIES OF RUSSIAN STUDENT YOUTH IN THE CONTEXT OF FAMILY CREATION ORIENTATIONS

Natalia M. Velikaya¹, Irina S. Shushpanova²✉

^{1,2}*Institute of Socio-political Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

¹*natalivelikaya@gmail.com, ORCID: 0000-0001-5532-844X, AuthorID RSCI: 286986,
AuthorID Scopus: 8438345700, WoS Research ID: A-9577-2017*

²*i.s.shushpanova@mail.ru* ✉, *ORCID: 0000-0002-2877-1814, AuthorID RSCI: 152975,
AuthorID Scopus: 25936830000, WoS Research ID: R-4713-2016*

Abstract. *The purpose of the study is to identify the life strategies of Russian students through the prism of their orientations on family values and childbearing. The author's research also analyzes the key structural features and socio-demographic characteristics of students whose priority is to create a family. The implementation of positive life strategies of students is complicated by a number of socio-political and economic risks of sustainable development of the country. However, the potential of Russian youth in the context of orientation to family values can be realized at the expense of internal and external reserves.*

Research methodology. *The methodological basis for the analysis of life strategies of Russian students is a broad review of scientific literature, revealing the subject field of research. The empirical base consists of a whole range of results of monitoring and initiative sociological research conducted by the Center for Social and Socio-Political Research of the ISPR FCTAS RAS with the participation of the authors.*

The results of the study. *According to sociological measurements, only a fifth of students see the creation of a family as one of their goals in the near future. No more than a tenth of young people have chosen childbearing as a priority in their lives. More than half of the students chose career growth, material prosperity, professional realization, postponing marriage at a later*

date. In the author's study, two key criteria were identified for determining the most applicable life strategies of Russian students in the context of family orientations. The first criterion is the depth of separation of family orientations. On this basis, the Russian youth, whose priority is the creation of a family, preferred to use the following life strategies: «orientation only to marriage», «orientation to marriage and the birth of one child», «orientation to strengthening the family and childbearing». The most popular among students, according to their target orientation, in the near future was the strategy of legalizing relationships. The second criterion is the importance of various aspects of life in the life of Russian youth. The resulting model of factor analysis allowed us to identify three key life strategies of students focused on creating a family: «orientation to friendship and family», «creative, moral and spiritual self-realization, altruism» and «career and independence».

The prospects of the study suggest the creation of a database of monitoring sociological studies using key indicators to analyze and understand changes in the family value orientations of Russian students, their life orientations during the transformation of social reality. The information obtained and the results of the study will serve as the basis for promising program provisions of the state policy of Russia in the field of family relations.

Keywords: youth, family policy, life strategies, family, childbearing, career, family values, students, life goals, gender

For citation: Velikaya N. M., Shushpanova I. S. Life strategies of Russian student youth in the context of family creation orientations // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 30–42. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-30-42>.

Введение. Признание молодежи и студенчества как особой социально активной группы в качестве движущей силы перемен и социальных преобразований в различных областях жизнедеятельности широко распространено в мировой науке [17], а также в политической практике. В 2012 году всемирная организация ЮНЕСКО приняла важный документ об «Оперативной стратегии ЮНЕСКО в отношении молодежи на 2014–2021 годы», в котором подчеркивается признание молодежи в качестве приоритетной группы в деятельности, рассматривается роль молодых граждан как равных партнеров, заинтересованных в процессах устойчивого развития и мира¹. Согласно глобальному индексу развития молодежи, рассчитанному по результатам исследования объединения «Содружество» в 2020 году, Россия находилась на 82-м месте, входя в группу стран

с высоким индексом развития молодежи, где самые высокие показатели наша страна демонстрирует по образованию, а низкие показатели — по индексу гендерного равенства, занятости².

Методология исследования и эмпирическая база. Современное состояние демографического развития России характеризуется сокращением народонаселения, снижением уровня рождаемости, изменением репродуктивных установок. Закономерен рост интереса со стороны демографов, социологов, социальных работников и других специалистов к особенностям формирования жизненных и семейных стратегий в различных группах населения, в том числе у студенческой молодежи. Такой подход использован в работах И.Б. Назаровой, М.П. Зеленской [12], В.Г. Доброхлеб, Е.А. Баллаевой [5],

1 Оперативная стратегия ЮНЕСКО в отношении молодежи на 2014–2021 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЮНЕСКО. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000227150_rus (дата обращения: 30.01.2022).

2 Global Youth Development Index and Report 2020. 2021. [Electronic resource] // Commonwealth. URL: https://production-new-commonwealth-files.s3.eu-west-2.amazonaws.com/migrated/inline/5023_V3_Book_lores_smaller.pdf (date accessed: 30.01.2022).

Е. А. Пановой, Е. В. Андрюшиной [14]. Различные аспекты функционирования студенческой семьи рассматриваются в исследованиях Т. К. Ростовской, О. В. Кучмаевой [15], Е. М. Гурко [4]. Репродуктивным установкам молодежи и студентов посвящены работы Т. А. Долбик-Воробей [6], О. В. Ковальчук, Н. В. Лазуренко, Н. Н. Подпориновой [8]. Многие исследования в этой сфере основаны на данных региональных исследований [11; 3; 16; 1]. Этот факт, на наш взгляд, расширяет предметное поле, позволяя рассматривать результаты прикладных социологических исследований как основание для разработки стратегий социального развития.

Анализ выбора жизненных приоритетов студенческой молодежи с различных сторон рассматривался рядом ведущих российских ученых-специалистов [9]. В своем авторском исследовании мы предполагаем сосредоточиться на изучении жизненных стратегий через призму разделения молодежью семейных ценностей и выявить структурные особенности данной группы и социально-демографические характеристики.

Эмпирической базой статьи послужили результаты ряда социологических исследований, проведенных в ИСПИ ФНИСЦ РАН. В основе социологического изучения лежит инициативное исследование «Жизненные стратегии студенческой молодежи», проведенное ведущими учеными ИСПИ ФНИСЦ РАН в 2021 году. В ходе исследования были опрошены студенты ключевых субъектов РФ на основе квотно-пропорциональной репрезентативной выборки. В научной статье также анализируются эмпирические данные репрезентативного мониторингового исследования «Как живешь, Россия?», проведенного Центром социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН в июне 2021 года. Объем выборки — 1609 респондентов [7]. Эмпирическую базу научной статьи дополняют результаты социологического исследования «Куда идешь, Россия?», выполненного Центром социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН в декабре 2020 года. Объем выборочной совокупности составил 1563 российских рес-

пондента [10]. В основе исследований лежит квотно-пропорциональная всероссийская выборка. Приведенные и проанализированные результаты репрезентативных социологических исследований выполнены с участием авторов.

Результаты. Основываясь на взглядах Л. Б. Осиповой и Л. А. Энвери, предлагающих описывать жизненные стратегии как своеобразную «систему перспективного ориентирования личности, направленную на сознательное конструирование своей будущей жизни» [13, с. 109], в авторском исследовании мы используем рациональный подход. Он позволяет анализировать жизненные стратегии молодых людей, том числе и семейные, через призму планирования и целеполагания, а также наличия определенного образа будущего, к которому они стремятся. При этом жизненные планы в рамках стратегий неизбежно будут определяться уверенностью или неуверенностью в завтрашнем дне, предположениями о возможном развитии страны с учетом существующих проблем [2].

Закономерно, что планирование будущего во многом определяется актуальным состоянием социума и местом индивида в социальной структуре. С одной стороны, российская молодежь остается социально уязвимой группой. Коммерциализация сферы образования, высокая стоимость образовательных услуг, высокий уровень безработицы среди молодежи, неэффективная жилищная политика, отсутствие инфраструктуры ухода за детьми способствуют повышению рисков устойчивого развития страны и снижению уровня социального оптимизма в гражданском обществе. По оценкам министра труда и социальной защиты РФ А. О. Котякова, в 2021 году в структуре безработицы зафиксирован катастрофический рост доли молодых россиян в возрасте от 18 до 29 лет с 14% до 16%³. С другой стороны, российская молодежь имеет высокий потенциал к реализации позитивных жизненных, в том числе семейных стратегий. Согласно результатам мониторинга «Как живешь, Россия?», проведенного Центром социальных и соци-

³ Глава Минтруда назвал процент безработных среди российской молодежи. 4 июня 2021 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11571509> (дата обращения: 31.01.2022).

ально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН в июне 2021 года, 71% молодых граждан в возрасте от 18 до 35 лет считали, что российское государство выполняет свои обязанности по обеспечению «защиты материнства и детства». Противоположного мнения придерживались 19% молодых респондентов. Анализируя «классическую» группу студентов в возрасте от 18 до 25 лет, можно сказать, что структура мнений молодых граждан по данному вопросу не изменяется: 78% против 16%.

Результаты исследования «Куда идешь, Россия?», проведенного Центром социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН в декабре 2020 года, позволяют зафиксировать наличие разнонаправленных тенденций среди студентов в выборе будущих жизненных стратегий. На вопрос «Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?» мнения студенческой молодежи разделились следующим образом: 33% студентов, выразивших такую уверенность, против 38%, имеющих противоположную точку зрения.

По данным декабрьского исследования, студенческая молодежь с оптимизмом смотрит свое экономическое будущее. Через 5 лет «значительного улучшения» и «улучшения» ожидают 7% и 34% молодых людей соответственно. Около четверти опрошенных студентов придерживались точки зрения о том, что их доход останется без изменений (25%). «Ухудшится» — такой вариант ответа выбрали 6% студентов. Затруднились ответить 28% молодых респондентов. Данная позиция и стратегия во многом обусловлены позитивными жизненными ценностными ориентациями: большинство опрошенных студентов считали, что «сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие» (50%). Отметим, что в целом экономический оптимизм по отношению к своему финансовому положению присущ всем когортам российской молодежи.

Учитывая размер нынешних стипендий, молодые граждане вынуждены либо быть на содержании родителей, либо работать в ущерб учебе. Согласно авторским социологическим измерениям, доля работающих среди студентов-очников составляет порядка 13%. Еще 48% обучающихся молодых людей

подрабатывают или работают неполный рабочий день. При этом почти треть студентов работает не по специальности (30%). Данный аспект не отвечает целям и существенно повышает риски устойчивого развития страны, ухудшает состояние рынка труда занятости.

Анализируя степень важности различных аспектов в жизнедеятельности российских студентов, отметим, что в число их приоритетов входят «материальный достаток» (4,34 балла по 5-балльной шкале), «интересная работа» (4,34 балла), «наличие круга приятного общения и отдыха» (4,31 балла), «самостоятельность, независимость» (4,3 балла), «устойчивость семьи и эмоциональная связь с членами семьи» (4,28 балла) и другие. Отметим, что хотя отношения в семье видятся молодым респондентам значимыми, речь идет скорее об отношениях с родительской, родственной семьей (табл. 1; каждое утверждение оценивалось по шкале от 1 до 5, где 1 — совершенно неважное, 5 — очень важное). Данные индикаторы, входящие в состав ядра ценностных ориентаций в выборе жизненных стратегий студенческой молодежи, большинством респондентов были оценены на 4 и 5 баллов (более 80%). Наименее значимыми в жизни студентов оказались такие показатели, как «наличие круга общения, который может принести карьерную выгоду в будущем» (3,61 балла) и «достижение высокой должности или наличие власти, возможности организовывать работу, распоряжаться и управлять другими» (3,59 балла). Такие индикаторы, отображающие карьерные устремления студентов в будущем, несомненно, играют важную роль, но вместе с тем стоят на более низкой ступени в иерархии приоритетности ценностно-целевых жизненных стратегий молодых студентов.

Исследователи, изучающие в первую очередь репродуктивные установки, свидетельствуют, что современная молодежь «склонна откладывать вступление в брак и, следовательно, рождение первого ребенка. При этом в молодежной целевой аудитории бездетность не является жизненной доминантой, она скорее вызвана объективными жизненными обстоятельствами, чем личным нежеланием становиться родителем» [9, с. 514].

Результаты авторских исследований подтверждают выводы коллег и демонс-

трируют, что в системе ценностных ориентаций в процессах выбора жизненных стратегий студентов семья (создание семьи в будущем) находится в группе приоритетов второго плана. Более значимыми для нынешних российских студентов выглядят цели, связанные с «профессиональным ростом» (64%) и «достижением высокого уровня материального благополучия» (63%) (табл. 2, можно было выбрать 3 варианта ответов).

Согласно авторским измерениям, лишь пятая часть опрошенных студентов ориентирована на вступление в брак (22%), а деторождение в качестве краткосрочной цели и ближайшего приоритета называют не более 8% молодых граждан. В рейтинге целевых ориентаций студентов, тесно связанных с их выбором жизненной стратегии, первые четыре позиции занимают трудовые, материальные, профессиональные достижения, позволяющие обеспечить свое будущее, сделать ка-

Таблица 1
Table 1

Распределение ответов студентов на вопрос:
«Люди по-разному оценивают, что для них в жизни наиболее важно.
Что из перечисленного ниже важно для Вас лично?»
Distribution of students' answers to the question
«People have different assessments of what is most important for them in life.
Which of the following is important to you personally?»

Утверждения	Среднее значение (в баллах по 5-балльной шкале)	Количество респондентов, оценивших на 4 и 5 баллов (в %)
Материальный достаток	4,34	83
Интересная работа / Работа, соответствующая интересам	4,34	84
Иметь круг общения, с кем приятно отдыхать, проводить свободное время	4,31	83
Самостоятельность, независимость, индивидуализм	4,3	83
Устойчивость семьи, эмоциональная связь с членами семьи	4,28	80
Наличие верных друзей, с кем можно «пойти в разведку»	4,26	79
Личный покой, отсутствие волнений, неприятностей / Личный покой, отсутствие обязательств	4,23	76
Ощущение себя профессионалом, мастером своего дела	4,22	79
Широкий кругозор, наличие качественного образования	4,17	78
Моральное совершенство: честность, доброта, жизнь в соответствии с совестью	4,15	78
Уважение к себе со стороны коллег, друзей	4,12	76
Возможность помогать людям, распространения важных общественных ценностей (добра, справедливости, знания и т.д.)	3,86	66
Творческая работа, позволяющая создавать новое, оригинальное	3,73	62
Иметь круг общения, который может принести карьерную выгоду в будущем	3,61	55
Достижение высокой должности / Власть, возможность организовывать работу, распоряжаться и управлять другими	3,59	57

рьеру и стать независимыми от родителей. С целью дальнейшего изучения группы российских студентов, в приоритете которых лежат ценностные ориентации на создание семьи и рождение ребенка (детей), мы провели анализ их ключевых социально-демографических характеристик. Результаты анализа социологической информации позволяют зафиксировать существенные гендерные различия в плане семейных целевых ориентаций. В основном девушки среди ближайших приоритетов видят достижение брачного статуса после получения высшего образования (77%). Среди мужчин ориентация на создание семьи распространена в меньшей степени (23%). Выбор данной жизненной позиции вполне понятен и обусловлен разделением традиционных ценностей, культивируемых в гражданском обществе. Более того, анализируемую группу на 70% составляют молодые студенты в возрасте младше 21 года. На-

ибольшее число, более третьей части молодых респондентов, заканчивали школу в селе или поселке городского типа (27%). Данный аспект позволяет сделать вывод о воспроизводстве традиционных семейных ценностей на урбанизированных территориях.

В структуре молодых студентов, ориентированных на создание семьи после получения высшего образования, более 20% респондентов уже состоят в браке или находятся в постоянном партнерстве. Большинство таких студентов в настоящее время живут с родителями или родственниками (62%). Молодых граждан, живущих самостоятельно, насчитывалось чуть менее пятой части (19%). Более благополучной выглядит ситуация в данной группе в контексте анализа их жилищных условий: 42% молодых студентов живут в родительской квартире, 24% арендуют квартиру, а 14% имеют собственное жилье.

Таблица 2
Table 2

**Распределение ответов студентов на вопрос:
«Из представленных ниже целей отметьте, пожалуйста, те,
которые Вы собираетесь достичь по окончании университета,
на которых сосредоточите все свои усилия и внимание»**

**Distribution of students' answers to the question:
«From the goals presented below, please, mark the ones that you are going to achieve
after graduation, on which you will focus all your efforts and attention»**

Целевые ориентации студентов (варианты ответов)	%
Получить постоянную работу, которая позволит мне стать самостоятельным(ой), необязательно, чтобы она была связана с моей профессией	64%
Обеспечить высокий уровень благосостояния, дохода	63%
Занять профессиональное положение, с которым будут считаться (например, специалист/эксперт или так называемая позиция «незаменимого работника» в организации, фирме)	40%
Создать свое дело, зарегистрировать собственную фирму	31%
Заклучить брак (женитьба/замужество)	22%
Получить место управляющего/директора организации, фирмы	19%
Занять высокое положение в структуре государственной власти	10%
Занять высокое положение в структуре местной власти	4%
Проявить себя в политике, в деятельности политических партий или общественных организаций	4%
Рождение ребенка	4%
Рождение более двух детей	4%

В выборе жизненных стратегий по степени глубины, вовлеченности, интенсивности разделения ценностно-целевых семейных ориентаций студенческой молодежи можно выделить специфические структурные особенности. Ядро данной группы составляют молодые люди, тесно связывающие свое будущее с созданием, укреплением семейных отношений и деторождением (рис. 1). Среди всех студентов, выбравших в своих приоритетных целях семейную ориентацию, численность молодых людей, которые наиболее глубоко разделяют семейные ценности, составляет около 1%. Другую жизненную стратегию — «ориентация на вступление брак и рождение одного ребенка» — выбрали 11% студентов. Наиболее многочисленная когорта молодых граждан в ближайшей перспективе предпочла бы только узаконить свои отношения без деторождения (88%). Отдельно отметим, что среди всех молодых респондентов ориентацию на семью и деторождение имели только лишь около 25% студентов. Среди их приоритетов была цель — «создание семьи». Большинство студентов предпочли карьерный, материальный и профессиональный

рост, исключив из приоритетов создание семьи и деторождение (51%).

Наиболее приоритетными целями в группе студентов, ориентированных на семейные ценности, стали «заключение брака» (86%), «обеспечение высокого уровня доходов» (64%) и «наличие постоянной работы» (53%). В наименьшей степени такие молодые граждане были заинтересованы в реализации следующих жизненных стратегий: «занять высокое положение в структуре местной власти» (2%), «занять высокое положение в структуре государственной власти» (4%) и «получить место директора фирмы» (6%).

По критерию важности различных аспектов жизнедеятельности молодых студентов можно выделить ряд жизненных стратегий в контексте изучения их семейной ориентации. С этой целью авторами статьи был проведен факторный анализ. Параметры предварительных тестов для выявления пригодности результатов факторного анализа показали, что полученная факторная модель в целом хорошо описывает структуру исследуемых индикаторов⁴. В результате построенная факторная модель позволила выделить три ключевые жизненные

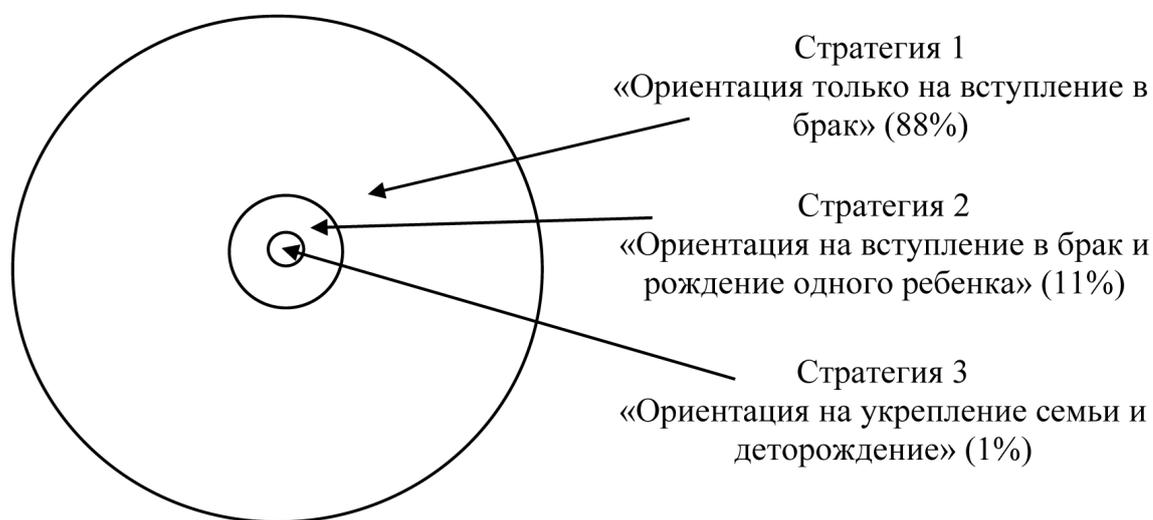

Рис. 1. Жизненные стратегии российской студенческой молодежи по критерию глубины разделения семейных ориентаций: структурные особенности

Fig. 1. Life strategies of Russian students by the criterion of the depth of separation of family orientations: structural features

⁴ Результаты теста «КМО» показывают приемлемость факторной модели (0,85). Значимость теста «Bartlett» — 0,000, это означает, что корреляционная связь между переменными есть, группировка возможна. Полученные факторы описывают 60% исходной информации.

стратегии российских студентов, в основании которых лежит критерий оценки респондентов степени важности ряда индикаторов, характеризующих их жизнедеятельность.

Первая жизненная стратегия студентов, ориентирующихся на семейные ценности, базируется на традиционных принципах создания комфортных взаимоотношений с друзьями и родными, взаимоуважения, широкого кругозора и интересной работы (табл. 3).

Ориентация на принципы морали, духовности, альтруизма, креативности в кон-

тексте самореализации лежит в основе второй жизненной стратегии молодых студентов, которые в ближайшей перспективе хотели бы создать семью. Третья стратегия, выбираемая студентами, по критерию важности различных аспектов их жизни предполагает наличие карьерных притязаний, независимости и материального достатка.

Заключение. В статье авторы анализируют феномен «студенчество» в современной России как важнейший потенциал социаль-

Таблица 3
Table 3

Ключевые жизненные стратегии молодых студентов, ориентированных на создание семьи, по критерию важности различных аспектов жизнедеятельности, полученные на основе факторного анализа
Key life strategies of young students focused on creating a family, according to the criterion of the importance of various aspects of life, obtained on the basis of factor analysis

Жизненные стратегии студентов	Индикаторы	
	Доминирующие	Дополнительные
Жизненная стратегия «Ориентация на дружбу и семью»	1. «Иметь круг общения, с кем приятно отдыхать, проводить свободное время»	1. «Широкий кругозор, наличие качественного образования»
	2. «Уважение к себе со стороны коллег, друзей»	2. «Личный покой, отсутствие волнений, неприятностей / Личный покой, отсутствие обязательств»
	3. «Наличие верных друзей, с кем можно «пойти в разведку»	3. «Интересная работа / Работа, соответствующая интересам»
		4. «Устойчивость семьи, эмоциональная связь с членами семьи»
Жизненная стратегия «Творческая, моральная и духовная самореализация, альтруизм»	1. «Возможность помогать людям, распространения важных общественных ценностей (добра, справедливости, знания и т.д.)»	
	2. «Творческая работа, позволяющая создавать новое, оригинальное»	
	3. «Моральное совершенство: честность, доброта, жизнь в соответствии с совестью»	
Жизненная стратегия «Карьера и независимость»	1. «Достижение высокой должности / Власть, возможность организовывать работу, распоряжаться и управлять другими»	1. «Самостоятельность, независимость, индивидуализм»
	2. «Иметь круг общения, который может принести карьерную выгоду в будущем»	2. «Ощущение себя профессионалом, мастером своего дела»
	3. «Материальный достаток»	

но-политического и экономического устойчивого развития страны, от которого зависит будущее всех государств. В целом студенты не спешат с созданием семьи, а тем более — с деторождением. Большинство молодых людей в качестве приоритетных направлений самореализации видят наличие материальной независимости и постоянной работы. По данным авторского исследования, только пятая часть молодых граждан хотели бы создать семью после получения высшего образования. Семейные ценности разделяют в большей степени молодые женщины по сравнению с мужчинами. Однако большинство молодых россиян в ближайшем будущем предпочли реализацию карьерных устремлений вопреки созданию семьи.

В рамках авторского исследования были выделены два основных критерия, позволившие определить жизненные стратегии студентов, ориентирующихся на создание семьи. Первое основание — степень разделения молодыми людьми ценностно-целевых семейных ориентаций. Самая распространенная жизненная стратегия в рамках данного критерия — ориентация только на вступление брак. В меньшей степени студенты выбирают жизненные стратегии, включающие в себя создание семьи с последующим деторождением. Такие молодые россияне сознательно оказываются от карьеры, предпочитая посвятить себя семье и ее обеспечению.

Другой критерий, используемый в анализе, — важность различных аспектов жизнедеятельности молодежи. Как правило, в данных рамках студенты, ориентированные на создание семьи, реализуют три жизненные стратегии: «ориентация на дружбу и семью», «творческая, моральная и духовная самореализация, альтруизм», «карьера и независимость». Социальное самочувствие молодежи является ответом на имеющиеся риски экономической и политической сферы российского общества, что влияет на семейные и репродуктивные стратегии. При этом изменения в репродуктивном поведении, выраженные в более позднем возрасте вступления в брак, в снижении рождаемости, определяются объективными условиями глобализирующегося мира, а также сдвигами в системе ценностей под влиянием культуры постмодерна и ее релятивистских установок.

Список источников

1. Багирова А.П., Шубат О.М. Семья и родительство сквозь призму мнений студентов // Социологические исследования. 2017. №7. С. 126–131.
2. Великая Н.М., Шушпанова И.С. Российская молодежь о перспективах и образах будущего социально-политического развития страны // Вестник Южно-российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. №2. С. 29–40.
3. Вишневский Ю.Р., Ячменёва М.В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. Т. 20. №5. С. 125–127.
4. Гурко Е.М. Представления студенческой молодежи о браке // Актуальные проблемы семей в России / Под ред. Т.А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2006. 223 с.
5. Доброхлеб В.Г., Баллаева Е.А. Семья перед лицом новых социальных вызовов // Народонаселение. 2018. Т. 21. №2. С. 60–68.
6. Долбик-Воробей Т.А. Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2003. №11. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-11/dolbik_vorobey.pdf (дата обращения: 30.01.22).
7. Как живешь, Россия? [Электронный ресурс] // Экспресс-информация. 51 этап социологического мониторинга, июнь 2021 года: бюллетень / отв. ред. В.К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 68 с. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9956>.
8. Ковальчук О.В., Лазуренко Н.В., Подпоринова Н.Н. Репродуктивные установки молодой (студенческой) семьи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43. №2. С. 349–360.
9. Котов Д.А., Грек Н.В. Трансформация репродуктивного поведения в контексте жизненных стратегий российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №3. С. 499–517.
10. Куда идешь, Россия? [Электронный ресурс] // Экспресс-информация / отв. ред. В.К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН,

2021. 47 с. URL: <http://испи.пф/wp-content/uploads/2021/02/куда-идешь-россия-экс-пресс.pdf>.

11. Кузьмен О. В. Работа, профессиональное образование, семья в ценностных ориентациях и представлениях студенческой молодежи России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. №1. С. 144–151.

12. Назарова И. Б., Зеленская М. П. Брак, семья, обучение: установки и представления студентов // Социологические исследования. 2019. №7. С. 78–89.

13. Осипова Л. Б., Энверли Л. А. Жизненные стратегии молодежи: опыт социологического исследования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. №4. С. 108–129.

14. Панова Е. А., Андрушина Е. В. Семейные стратегии современной российской молодежи как ключевой фактор демографического развития страны // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14. №5. С. 186–200.

15. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Представления молодых россиян о семейной жизни: социологический ракурс // Вопросы управления. 2015. №3. С. 85–90.

16. Ростовская Т. К. Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей (итоги Всероссийского межвузовского исследования) // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского: Социальные науки. 2015. №4(40). С. 73–81.

17. Chisholm L., Kovacheva S., Merico M., Devlin M., Jenkins D., Karsten A. The social construction of youth and the triangle between youth research, youth policy and youth work in Europe [Electronic resource] // European youth studies. Integrating research, policy and practice. 2011. 373 p. URL: https://pjp-eu.coe.int/documents/42128013/47261653/maeys_2012.pdf/38e80a55-bbe2-40fc-b9f7-dd1eb7352a72 (date accessed: 30.01.22).

References

1. Bagirova A. P., Shubat O. M. Sem'ja i roditel'stvo skvoz' prizmu mnenij studentok [Family and parenthood through the prism of students' opinions]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research]. 2017; (7): 126–131. (In Russ.).

2. Velikaja N. M., Shushpanova I. S. Rossijskaja molodezh' o perspektivah i obrazah budushhego social'no-politicheskogo razvitija strany [Russian youth on the prospects and images of the future socio-political development of the country]. *Vestnik Yuzhno-rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences]. 2021; 14(2): 29–40. (In Russ.).

3. Vishnevskij Ju. R., Jachmenjova M. V. Otnoshenie studencheskoj molodezhi k semejnym cennostjam (na primere Sverdlovskoj oblasti) [The attitude of students to family values (on the example of the Sverdlovsk region)]. *Obrazovanie i nauka* [Education and science]. 2018; 20(5): 125–127. (In Russ.).

4. Gurko E. M. Predstavlenija studencheskoj molodezhi o brake [Representations of student youth about marriage]. Aktual'nye problemy semej v Rossii [Actual problems of families in Russia]. Pod red. T. A. Gurko [In T. A. Gurko (eds.)]. Moscow: Institut sociologii RAN, 2006. 223 p. (In Russ.).

5. Dobrohleb V. G., Ballaeva E. A. Sem'ja pered licom novyh social'nyh vyzovov [Family in the face of new social challenges]. *Narodonaselenie* [Population]. 2018; 21(2): 60–68. (In Russ.).

6. Dolbik-Vorobej T. A. Studencheskaja molodezh' o problemah braka i rozhdaemosti [Student youth about the problems of marriage and fertility] [Elektronnyj resurs]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2003; (11). URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-11/dolbik_vorobey.pdf (data obrashhenija: 30.01.22). (In Russ.).

7. Kak zhivesh', Rossiya? [Elektronnyj resurs] // Jekspress-informacija. 51 jetap sociologicheskogo monitoringa, ijun' 2021 goda: bjulleten' [Kak zhivesh', Rossiya? Ekspress-informacija. 51 etap sociologicheskogo monitoringa, iyun' 2021 goda]. Otv. red. V. K. Levashov [In V. K. Levashov (eds.)]. Moscow: FNISC RAN, 2021. 68 p. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9956>. (In Russ.).

8. Koval'chuk O. V., Lazurenko N. V., Podporinova N. N. Reproktivnye ustanovki molodoj (studencheskoj) sem'i [Reproductive at-

titudes of a young (student) family]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*. [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right]. 2018; 43(2): 349–360. (In Russ.).

9. Kotov D.A., Grek N.V. Transformacija reproduktivnogo povedeniya v kontekste zhiznennyh strategij rossijskoj molodezhi [Transformation of reproductive behavior in the context of life strategies of Russian youth]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. 2020; (3): 499–517. (In Russ.).

10. Kuda idesh?, Rossiya? [What is your image of future, Russia?] [Elektronnyj resurs]. Jekspress-informacija [Express information]. Otv. red. V.K. Levashov [In V.K. Levashov (eds.)]. Moscow: FNISC RAN, 2021. 47 p. URL: <http://ispi.rf/wp-content/uploads/2021/02/kuda-idesh'-rossiya-jekspress.pdf> (In Russ.).

11. Kuz'men O.V. Rabota, professional'noe obrazovanie, sem'ja v cennostnyh orientacijah i predstavlenijah studencheskoj molodezhi Rossii [Work, vocational education, family in value orientations and representations of Russian student youth]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. 2014; (1): 144–151. (In Russ.).

12. Nazarova I.B., Zelenskaja M.P. Brak, sem'ja, obuchenie: ustanovki i predstavlenija studentov [Marriage, family, education: attitudes and perceptions of students]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. 2019; (7): 78–89. (In Russ.).

13. Osipova L.B., Jenveri L.A. Zhiznennye strategii molodezhi: opyt sociologicheskogo issledovaniya [Life strategies of youth: the experience of sociological research]. *Ekonomicheskie*

i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2016; (4): 108–129. (In Russ.).

14. Panova E.A., Andrjushina E.V. Semjnye strategii sovremennoj rossijskoj molodezhi kak kljuchevoj faktor demograficheskogo razvitiya strany [Family strategies of modern Russian youth as a key factor in the demographic development of the country]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. 2019; 14(5): 186–200. (In Russ.).

15. Rostovskaja T.K., Kuchmaeva O.V. Predstavlenija molodyh rossijan o semejnoj zhizni: sociologicheskij rakurs [Ideas of young Russians about family life: a sociological perspective]. *Vo-prosy upravleniya* [Management Issues]. 2015; (3): 85–90. (In Russ.).

16. Rostovskaja T.K. Sozdanie studencheskoj sem'i: motivacija i zhiznennye strategii chlenov molodyh studencheskih semej (itogi Vserossijskogo mezhvuzovskogo issledovaniya) [Creating a student family: motivation and life strategies of members of young student families (results of the All-Russian Interuniversity research)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo: Social'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky: Social Sciences]. 2015; 4(40): 73–81. (In Russ.).

17. Chisholm L., Kovacheva S., Merico M., Devlin M., Jenkins D., Karsten A. The social construction of youth and the triangle between youth research, youth policy and youth work in Europe [Electronic resource] // European youth studies. Integrating research, policy and practice. 2011. 373 p. URL: https://pjp-eu.coe.int/documents/42128013/47261653/maeys_2012.pdf/38e80a55-bbe2-40fc-b9f7-dd1eb7352a72 (date accessed: 30.01.22).

Статья поступила в редакцию 13.02.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 22.02.2022.

The article was submitted on 13.02.2022; approved after reviewing on 15.02.2022; accepted for publication on 22.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Великая Наталья Михайловна — доктор политических наук, заместитель директора по научной работе, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1

Natalia M. Velikaya — Doctor of Political Sciences, Deputy Director of Science and Research, Main Researcher, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

6 Fotievoi st., bld. 1, Moscow, Russia

Шушпанова Ирина Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент, ученый секретарь, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1

Irina S. Shushpanova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Academic Secretary of the branch, Leading Researcher, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

6 Fotievoi st., bld. 1, Moscow, Russia

Вклад авторов:

Великая Н. М. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии и методики; сбор и анализ информации; итоговые выводы; доработка текста/

Шушпанова И. С. — концепция исследования; обработка и анализ информации; итоговые выводы; доработка текста.

Contribution of the authors:

Velikaya N. M. — scientific leadership; research concept; development of methodology; collection and analysis of information; final conclusions; revision of the text.

Shushpanova I. S. — research concept; processing and analysis of information; final conclusions; revision of the text.

Научная статья
УДК. 316.35.023.4
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-43-56

РЕЗУЛЬТАТЫ 25-ЛЕТНЕГО МОНИТОРИНГА УРАЛЬСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ СЕМЬИ

Юрий Рудольфович Вишнеvский¹, Мария Владимировна Певная²✉,
Дарья Фёдоровна Телепаева³

^{1, 2, 3}Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹Soc_stu@e1.ru, AuthorID РИНЦ: 501487

²m.v.pevnaya@urfu.ru✉, ORCID: 0000-0003-3591-1181, AuthorID РИНЦ: 594823

³daria.telepaeva@urfu.ru, ORCID: 0000-0002-9940-8019, AuthorID РИНЦ: 933717

Аннотация. Цель исследования — охарактеризовать студенческую семью на примере регионального сообщества третьекурсников вузов Свердловской области, рассмотрев ее актуальные формы и выделив их особенности.

Методологическую базу исследования представляет концептуальная установка, которая при изучении основных направлений трансформации семейно-брачных отношений позволяет встраивать социологическую оценку в контекст дезорганизации изменений. На основе данных репрезентативного опроса студентов вузов Свердловской области (выборка целевая, $N = 2000$) выделены важные отличия между студентами, которые не задумываются о семейных отношениях, третьекурсниками, которые уже официально зарегистрировали свой брак, и теми, кто живет в гражданском браке.

Результаты исследования. Мониторинговое исследование позволило зафиксировать рост незарегистрированных семейных отношений студентов. С 2016 года число студентов, проживающих в гражданском браке, стало существенно превышать число тех, кто официально зарегистрировал свои отношения. Третьекурсники больших городов и мегаполисов чаще официально регистрируют свои браки, чем студенты средних городов и малых населенных пунктов. Анализ последней волны мониторинга показал, что те студенты, которые официально регистрируют свои семейные отношения, лучше других студентов представляли содержание, характер и специфику будущей профессии до поступления в вуз. Им же больше характерна повышенная ответственность, в том числе серьезное отношение к учебе в вузе. Семейные студенты чаще отмечают важность и значимость для себя ценности семьи как социального института.

Перспективы исследования заключаются в дальнейших возможностях в рамках следующих волн мониторинга для оценивания изменений, характерных всем типам студенческих семей в региональном разрезе.

Ключевые слова: молодежь, семья, студенчество, изменения семьи, семейные отношения

Для цитирования: Вишнеvский Ю. Р., Певная М. В., Телепаева Д. Ф. Результаты 25-летнего мониторинга уральского студенчества как отражение трансформации студенческой семьи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 43–56. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-43-56>.

Благодарности: статья выполнена в рамках реализации гранта РФФИ (№20-011-33064) на тему «Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего».

Original article

25-YEAR MONITORING OF URAL STUDENTS AS A MIRROR OF STUDENT FAMILY CHANGES

Yriy R. Vishnevskiy¹, Maria V. Pevnaya²✉, Daria F. Telepaeva³

^{1, 2, 3}Ural Federal University

named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

¹Soc_stu@e1.ru, AuthorID РИИЦ: 501487

²m.v.pevnaya@urfu.ru✉, ORCID: 0000-0003-3591-1181, AuthorID RSCI: 594823

³daria.telepaeva@urfu.ru, ORCID: 0000-0002-9940-8019, AuthorID RSCI: 933717

Abstract. *The purpose of the research is to characterize the student family on the example of the regional community of third-year university students in the Sverdlovsk region, considering its current forms and highlighting their features.*

The methodological basis of the research is a conceptual setting when studying the main directions of transformation in family and marriage relations, will allow embedding a sociological assessment in the context of disorganization in changes. Based on the data of a representative survey of university students in the Sverdlovsk region (target sample, N = 2000), important differences between students who do not think about family relationships, third-year students who have already officially registered their marriage and those who live in a civil marriage are highlighted.

Research result. *The monitoring study made it possible to record a significant increase in unregistered family relationships of students. Since 2016, the number of students living in a civil marriage has significantly exceeded the number of those who have officially registered their relationship. Third-year students of large cities and megacities are more likely to officially register their marriages than students of medium-sized cities and small settlements. The analysis of the last wave of monitoring showed that those students who officially register their family relationships represented the content, nature and specifics of their future profession better than other students before entering the university. They are more characterized by increased responsibility, including for studying at university. For family students, it is more typical to assess the importance and significance for them of the value of the family as a social institution.*

The prospects of the research are further opportunities within the next monitoring waves to assess the changes characteristic of all types of student families in the regional context.

Key words: youth, family, students, family changes, family relations

For citation: Vishnevskiy Y. R., Pevnaya M. V., Telepaeva D. F. 25-year monitoring of Ural students as a mirror of student family changes // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 43–56. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-43-56>.

Acknowledgments: *the research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (№20-011-33064) «Students about the future of Russia and about themselves: the challenges of the present and the construction of horizons for the future».*

Введение. Семья, семейная жизнь — важнейший компонент образа жизни любого человека. Происходившая со второй половины XX века массовизация высшего образования привела к появлению специфической формы молодой семьи — *студенческой* семьи, одним из супругов в которой (или обоими супругами) является студент (студентка) вуза очной формы обучения. В 1960 году больше половины из числа заключающих брак россиян были в возрасте 18–24 лет (53% юношей и 63% девушек). В 1990 году соотношение изменилось, но не существенно. Относились к данной возрастной группе 62% женихов и 59% невест, в 2016 году — 52% и 56% соответственно¹. Несмотря на социальные, экономические и политические изменения, именно в определенном возрасте россияне чаще всего стараются создавать свои семьи. В зарубежных странах с конца XX века значительно увеличилась доля людей во всех возрастных группах, никогда не состоявших в браке [20].

Молодые семьи оказываются в приоритетах государственной поддержки [4]. Студенты как социальная группа внутри молодежной когорты являются носителями потенциально высокоценного человеческого капитала [5]. Именно поэтому студенческая семья может сегодня выступить стратегическим ресурсом государства. С одной стороны, она — «надежда и опора, продуктивная в интеллектуальном плане, с другой — одна из уязвимых, беспомощных аудиторий с точки зрения социально-экономического положения» [16, с. 73]. При этом именно студенческая семья редко является самостоятельным объектом изучения. Она не выделяется ни в контексте реализации социальной политики государства, ни в поле молодежной политики.

Цель нашей статьи — охарактеризовать студенческую семью на примере регионального сообщества третьекурсников вузов Свердловской области, рассмотрев ее актуальные типы и выделив их особенности.

Студенческая семья в социологических исследованиях и региональном мониторинге «Студент». Студенческая семья не-

однократно становилась объектом социологического анализа — в рамках и социологии семьи, и социологии молодежи. Не стремясь «объять необъятное», выделим работы, оказавшие особое влияние на авторское понимание сущности студенческой семьи, основные направления и тренды ее трансформации за годы мониторинга. На рубеже веков, когда разрабатывались программа и инструментальный мониторинга, осуществлялась интерпретация первых его итогов, наиболее значимыми для нас были работы, осмыслившие проблемы и перспективы молодой российской семьи (и студенческой семьи как ее важнейшего типа) в условиях социально-экономического и политического кризиса российского социума, трансформации института семьи, растущего многообразия его моделей, поиска новых форм социальной работы с молодыми семьями и их поддержки [2; 8].

Локальный характер мониторинга (ограниченный вузами Среднего Урала) для выявления более общих тенденций и проблем потребовал сравнений и сопоставлений с результатами аналогичных *эмпирических* исследований в других регионах России, которые в первое десятилетие XXI века начали возрождаться [7; 9; 11]. Во второе десятилетие эти исследования стали более глубокими в интерпретациях [1; 3; 6; 10; 12; 14; 18].

Лейтмотивом в оценке российской семьи (тем более, таких ее типов, как «молодая семья», «студенческая семья») звучит слово «кризис». Это связано с изменением духовно-нравственных ориентиров молодежи, со сложными перипетиями формирования культуры семьи [17]. В такой оценке мало нового. Еще в начале XX века (накануне Октябрьской революции) П. Сорокин в статье «Кризис современной семьи» отмечал переживаемый семьей как «социально-правовой организацией определенного вида» (социальным институтом) «острый перелом; старые и отчасти современные ее формы мало-помалу исчезают и уступают место иным формам, известным пока лишь в самых общих чертах». Происходящее «семейное распыление» социолог связывал с ослаблением основ семьи — «союза мужа и жены» и «со-

¹ Браки и разводы в РФ [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prez_love0707.pdf (дата обращения: 10.01.2022).

юза родителей и детей». Но прогноз П. Со-рокина оставался оптимистичен: меняя свои формы, семья и в перспективе сохранится как важная форма организации жизни социума [19]. В середине XX века Т. Парсонс определил кризис семьи как глобальный феномен, рассматривая «глубокий процесс перемен», переживаемый американской семьей (рост числа разводов, изменение старой половой морали и снижение рождаемости), и отмечая «большой разброс мнений по поводу интерпретации этих перемен». Он не согласился с их трактовкой как «*утраты семей функциональности*», маркировав перемены «*дезорганизацией изменений*» [15]. Такое позитивно-перспективное понимание классиков социологии несколько контрастировало с распространенной критично-негативистской оценкой развития студенческой семьи, и во многом определило позицию авторского коллектива мониторинга. Важным ориентиром нашего мониторинга были и исследования зарубежных коллег, которые предопределили место и роль университетской среды в формировании студенческих семей. Около 33% выпускников университетов, вступающих в брак, делают это с кем-то, кто учился в том же университете. Университеты являются организациями, которые играют важнейшую роль в подборе партнеров и консолидации социальных преимуществ обучающихся [21].

Особую роль в реализации мониторинга и осмыслении студенческой семьи сыграла идея Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова о «*рационализации брачных отношений современной молодежи*». Социологи предложили посмотреть на незарегистрированный брак нетрадиционно — с позиций современной молодежи, чье будущее выглядит неопределенно и непредсказуемо. Это позволит лучше понять стремление значительной части молодежи избавиться от необходимости немедленного решения многих проблем и ответственности за них, думать о постоянном жилье и работе, рождении детей, заботе о них [13]. В русле их теории «самоорганизации молодежи», созвучной с «самореализационной теорией культуры» Л.Н. Когана (методологической основой всего мониторинга социокультурного развития уральского студенчества), молодежь и в брачно-семейной сфере — не пас-

сивный объект изменений института семьи, а активный субъект этих изменений.

На первых этапах мониторинга были выделены основные тренды этих изменений, отражающиеся и на студенческой семье. Растет доля биархатных семей, основанных на равенстве супругов. Усиливается нуклеаризация семей, все чаще они состоят из родителей и их детей, еще не создавших свою семью. Происходит переход от многодетной семьи к малодетной, фиксируется откладывание решения о рождении ребенка на длительный срок. Изменяется структура семейных отношений: приоритет от родительства и родства переходит к супружеству. Семья становится самооценностью, значимость межличностных отношений в семье возрастает. В условиях, когда возможности социального контроля за внутрисемейными отношениями сужаются, семья выступает пространством личной жизни. Происходит дестабилизация семьи: рост числа разводов, матерей-одиночек, неполных семей. Нарастает конфликтность во внутрисемейных, особенно в супружеских отношениях, сочетающаяся с неумением или нежеланием молодых людей улучшать нравственно-психологический климат семьи, разрешать возникающие конфликты компромиссом, взаимными уступками. Усиливается критически-нигилистическое отношение молодежи к опыту и семейным традициям старших поколений. Обостряются сложности для молодых женщин сочетания репродуктивной и профессиональной деятельности. Сохраняется низкая культура интимных отношений на фоне более раннего начала половой жизни и более терпимого отношения к добрачным, позднее — к внебрачным связям, не сокращается количество аборт. Проявляется разнообразие моделей брака, все чаще встречается фактический брак или сожительство.

Следует подчеркнуть, что мы рассматриваем статус студента у одного из членов «ячейки общества» как атрибутивный признак для определения студенческой семьи в целом. После утверждения определения брака как «*союза мужчины и женщины*» в качестве конституционного принципа вряд ли целесообразно повторять это в определении конкретных типов и видов брака. Однако до сих пор остается дискуссионным *возрастной ценз* как его характеристика. Несмотря

на приведенные выше статистические данные, такой подход был ограничен даже в период действия тренда «омоложения брака». Малоэффективен он и сегодня, когда в молодежной среде возрастает *тренд повышения возраста вступления в брак*. К тому же утверждение в системе высшего образования принципа многоступенчатости (магистратура, аспирантура) может уже сейчас (когда проявления «эры серебряного студенчества» почти незаметны в вузах России) заметно повысить возраст студенчества, выведя его за пределы (даже повышенные законодательно до 35 лет) молодежного возраста. Развитие в студенческой среде феномена «*гражданского брака*», «*сожительства*» (*cohabitation*), а самое главное — растущее признание его в широком общественном мнении россиян как *нормы*, подчеркивают ограниченность сведения студенческой семьи лишь к *зарегистрированному* браку. Вряд ли в настоящее время актуально снять правовые различия между зарегистрированным и незарегистрированным браком, но и ограничивать исследование (социологическое, социально-психологическое, демографическое и т. д.) студенческой семьи лишь одной его формой — значит получить неполную и даже искаженную картину ее современного состояния и перспектив развития. Именно по этой причине представим некоторые отличия между студентами, которые не задумываются о семейных отношениях, третьекурсниками, которые уже официально зарегистрировали свой брак, и теми, кто живет в гражданском браке.

Методика. Статья написана по результатам регионального мониторинга «Студент», который реализуется в Свердловской области с 1995 года. Последняя VIII волна исследования в 2020 году позволила подвести определенный итог, оценив динамику социокультурного развития студентов Среднего Урала за 25 лет. На всех этапах мониторинга сохранялся его основной принцип — репрезентативный отбор для исследования студентов очной формы обучения третьекурсников вузов региона. Во-первых, эта возрастная группа студенчества уже прошла адаптацию

в системе высшего образования. Они еще в активной стадии обучения, но уже задумываются о том, что будет после получения диплома о высшем образовании. Во-вторых, опрашивались квоты третьекурсников по разным профилям обучения практически из всех вузов Свердловской области. В 2020 году выборка исследования составила 2000 студентов из 13 вузов Свердловской области, в том числе 36% студентов по профилю подготовки инженерное дело, технологии и технические науки, 32% изучают науки об обществе, 22% — гуманитарные, педагогические науки, образование, искусство и культуру и 10% — математические и естественные науки, медицинские науки, сельскохозяйственные науки. Гендерная структура выборки: 40% молодых мужчин и 60% девушек. В данной статье представлены результаты оценки ряда показателей в сравнении трех групп студентов: официально зарегистрировавших брак, проживающих в гражданском браке и третьекурсников, которые еще не вступили в семейные отношения. Анализировались социально-демографические характеристики выделенных подгрупп, мотивация поступления в вуз, отношение к учебе, особенности выбора будущей профессии и различия в отношении к ценности семьи. Для анализа полученных результатов использованы метод дескриптивного анализа (анализ частотных распределений) и метод корреляционного анализа на основе коэффициента Спирмена.

Результаты. Студенческая семья в результатах мониторинга. В рамках нашего мониторинга более широкий и, как представляется, более реалистичный, близкий к реальной практике брачно-семейных отношений современного студенчества исследовательский подход был реализован уже с III этапа 2003 года². Полученные нами результаты — динамика семейного положения респондентов — отражены в таблице 1.

Уточним ряд моментов, связанных с характером мониторинга и выборки. Поскольку с самого начала основной целью мониторинга было выявление динамики социокультурного развития уральского студенчества, семейное

² Начиная с 2003 г. в перечень вариантов ответов о семейном положении был включен еще один параметр «гражданский (незарегистрированный) брак».

Таблица 1
 Table 1

**Семейное положение респондентов, % от числа ответивших
 (по каждому из этапов указан объем выборки)
 Marital status of respondents, % of the number of respondents
 (the sample size is indicated for each of the stages)**

Варианты ответа	2003 N = 954	2007 N = 1210	2009 N = 1495	2012 N = 1802	2016 N = 1827	2020 N = 2000
Холост (не замужем)	89	90	88	87	87	85
Женат (замужем), состою в зарегистрированном браке	4	3	3	4	3	4
Живу в гражданском (незарегистрированном) браке	7	7	7	7	9	11
Разведен(а)	–	–	1	2	1	–0,3

положение студентов не входило в критерии выборки. Этим наш мониторинг отличается от исследований, объект которых — студенческая семья. Но при значимых объемах выборки случайная выборка по группам семейных студентов оказывается достаточно репрезентативной. В 2020 году группа состоящих в зарегистрированном браке составила 80 человек, а живущих в гражданском браке — 220 человек. Еще одно ограничение выборки — в нее на всех этапах включались студенты только третьего курса. Между тем наиболее благоприятным для достижения определенности с созданием студенческой семьи в любом ее варианте (в незарегистрированной или зарегистрированной форме) являются, как показывает многолетняя практика, выпускной или предвыпускной курсы. В итоге доля *семейных* студентов в нашей выборке оказывается ниже средней. К тому же на предыдущих этапах опрос проводился в весеннем семестре, а на VIII этапе 2020 года из-за пандемии COVID-19 — в осеннем, и недооценивать то, что респонденты последней волны в среднем на полгода моложе, было бы неверно. В первую очередь это сказалось на мизерном характере разводов. В выборке 2020 года тех, кто к третьему курсу «успел» зарегистрировать и свой брак, и развод, оказалось всего 0,3%. Но вряд ли это отражает устойчивость студенческой семьи, скорее, большинство разводов в ней фиксируется уже после завершения обучения. Одновременно — с ростом доли гражданских браков, что было зафиксировано

в мониторинге с 2016 года — их число почти втрое превышало долю зарегистрированных браков. На первый план для исследователей вышел даже не развод, а распад незарегистрированного брака, так как он не фиксируется формально, но оставляет психологическую травму и в дальнейшем зачастую серьезно влияет и на решение о разводе. При описанных выше особенностях мониторинг фиксирует в студенческой среде два типа семейных отношений: зарегистрированный и гражданский брак.

Социальный портрет студенческой семьи в среде третьекурсников Свердловской области. Среди студентов, вступивших в зарегистрированный брак, 43% юношей и 57% девушек. Среди тех, кто живет в незарегистрированном браке, 31% студентов и 69% студенток. Среди пока одиноких третьекурсников Свердловской области 41% юношей и 59% девушек. Среди живущих в гражданском браке больше, чем в среднем, женщин, что отражает в целом их более сильную ориентацию на семейную жизнь. Среди них выше доля жителей села и поселков городского типа (таблица 2). Последнее, как правило, отражает и более низкие материальные возможности, а самое главное — необходимость еще и адаптации к городскому образу жизни.

Среди живущих в зарегистрированном браке больше, чем в среднем по выборке, выпускников колледжей и других организаций среднего профессионального образования,

Таблица 2
 Table 2

**Место проживания респондентов до поступления в вуз,
 % от числа ответивших в анализируемых подвыборках
 The place of residence of respondents before entering the university,
 % of the number of respondents in the analyzed subsamples**

Где Вы жили до поступления в вуз?	Σ	Холост, не замужем	Состою в браке	
			зарегистри- рованном	незарегист- рированном
Екатеринбург (другой мегаполис)	39	39	43	36
Другой крупный город (> 100 тыс. жителей)	20	20	28	19
Малый или средний город (до 100 тыс.)	27	28	24	27
Село (поселок городского типа)	14	13	5	18

Таблица 3
 Table 3

**Место обучения респондентов до поступления в вуз,
 % от числа ответивших в анализируемых подвыборках
 The place of study of respondents before entering the university,
 % of the number of respondents in the analyzed subsamples**

До поступления в вуз Вы окончили	Σ	Холост, не замужем	Состою в браке	
			зарегистри- рованном	незарегист- рированном
Среднюю общеобразовательную школу	74	75	72	74
Специализированный класс, гимназию	21	20	20	21
Училище, колледж, техникум	5	5	8	5

Таблица 4
 Table 4

**Место текущего проживания респондентов до поступления в вуз,
 % от числа ответивших в анализируемых подвыборках
 Place of current residence of respondents before entering the university,
 % of the number of respondents in the analyzed subsamples**

Где Вы живете в настоящее время?	Σ	Холост, не замужем	Состою в браке	
			зарегистрированном	незарегистрированном
С родителями	40	44	21	22
Общежитие	27	30	15	12
Частная квартира	17	14	25	37
У родных, знакомых	4	4	5	8
Своя жилплощадь	11	8	34	21

поэтому они несколько старше своих однокурсников (таблица 3).

Среди живущих в зарегистрированном браке больше, чем в среднем, жителей мегаполисов и крупных городов и, соответственно, среди семейных студентов выше адаптация к современному городскому образу жизни. Наконец, у них лучше решена проблема со своим жильем. В их ответах его наличие отмечено каждым третьим, это втрое чаще, чем в среднем (таблица 4).

Сказывается, очевидно, получившая распространение в постсоветский период практика «вложения капитала в недвижимость» — жилье для подрастающих детей. В условиях Екатеринбурга нужно учитывать и стремление многих северян на основе при-

обретения жилья для детей-студентов подготовить «почву» для своего последующего переезда. Но каждый шестой «семейный студент» продолжает жить в общежитии, что при крайне ограниченной численности таких мест означает: они поставлены перед выбором — или скрывать регистрацию своего брака, или нарушать правила проживания в общежитии.

Развитие студенческих семей во всех ее актуальных типах отражает дальнейшую нуклеаризацию семьи. Члены этих двух типов студенческих семей вдвое реже, чем в среднем, живут с родителями. Но между ними существует и немало различий.

Некоторые отличия между семейными и несемейными третьекурсниками ву-

Таблица 5
Table 5

Мотивация поступления в вуз, % от числа ответов в подробностях
Motivation for admission to university, % of the number of answers in details

Что побудило Вас поступить в вуз, в котором вы учитесь?	Σ	Холост, не замужем	Состою в браке	
			зарегистрированном	незарегистрированном
Интерес к профессии	45	46	55	41
Желание получить диплом о высшем образовании	44	44	55	46
Возможность поступления на бюджет	34	34	27	38
Перспектива найти хорошую работу после вуза	34	35	33	26
Возможность обеспечить хорошее материальное положение в будущем	33	33	47	32
Возможность поступить согласно моим баллам ЕГЭ	28	28	24	29
Наличие способностей именно в этой области	22	22	29	21
Привлек престиж, авторитет вуза	21	21	20	20
Стремление получить в настоящем и будущем интересный круг общения	14	14	12	8
Повлияла семейная традиция, родители	11	11	12	10
Возможность получить отсрочку от службы в армии	8	8	4	10
Совет учителей, специалистов по профориентации	3	3	3	3
Учеба в колледже, училище	2	2	8	3

зов Свердловской области или ценности зарегистрированного в студенческом возрасте брака. Особенности состава обоих типов студенческой семьи наложили свой отпечаток и на ценностные ориентации и установки семейных третьекурсников, на их представления о прошлом, настоящем и будущем. Это проявилось уже в их мотивации выбора вуза (таблица 5)

Заметно, что *не имеющих своей семьи студентов* (и в этом с ними часто солидарны живущие в гражданском браке) университет привлекает интересной студенческой жизнью. *Состоящие в зарегистрированном браке* (они чуть старше однокурсников и даже в мотивации в четыре раза чаще отмечают влияние учебы в колледже, училище) отдают предпочтение не сиюминутным на момент поступления моментам (баллы ЕГЭ, обучение на бюджете, отсрочка от армии для юношей и т.д.), а *перспективе* — дальнейшее профессиональное развитие, получение высшего образования, возможность обеспечить хорошее материальное положение в будущем. Пожалуй, единственное исключение —

перспектива найти хорошую работу после вуза. Возможно, это связано с их стремлением в дальнейшем не искать новую работу и новую профессию, а совершенствоваться в уже избранной профессии. Каждый второй (52%, в других группах — 39–41%) имеет отдаленную профессиональную цель.

Среди них вдвое больше выбравших профессию с детства (20%, в остальных группах — 9%) и гораздо меньше тех, кто еще не уверен в выборе профессии (19%). У холостых, незамужних — 25%, у живущих в незарегистрированном браке — 29%. Кстати, последний момент порождает вопрос — может быть, именно неопределенность с выбором профессии порождает стремление повременить с регистрацией брака?

Уже при поступлении в вуз *живущие в зарегистрированном браке* лучше представляли содержание, характер и специфику будущей профессии. Ответы «да», «скорее да, чем нет» на вопрос о своих знаниях о выбранной профессии дали 79% опрошенных. Среди холостых и незамужних, положительно ответивших на вопрос, оказалось только 68%,

Таблица 6
Table 6

Отношение к учебе, % от числа ответов в подробностях
Attitude to study, % of the number of responses in detail

Каково Ваше отношение к учебе?	Σ	Холост, не замужем	Состою в браке	
			зарегистри- рованным	незарегист- рированным
Разграничиваю учебные дисциплины на нужные и ненужные, первые стараюсь осваивать глубоко и добросовестно, ко вторым подход «от сих до сих»	30	30	31	32
Стараюсь своевременно отчитываться по всем изучаемым дисциплинам, но основной мой интерес не связан с осваиваемой профессией	34	33	29	39
Не ограничиваюсь освоением учебного материала, стремлюсь самостоятельно изучать и то, что выходит за рамки учебных программ и планов	25	25	33	19
Особых усилий к учебе не прилагаю, но стараюсь не «вылететь» из университета	8	8	5	8
Учиться мне трудно — недостаточная довузовская подготовка	3	3	1	1

живущих в гражданском браке — 67%. Для студентов, живущих в зарегистрированном браке, характерна и более высокая удовлетворенность профессиональной подготовкой в вузе (91% и, соответственно, 81% и 78%).

Интересные моменты выявлены в связи с анализом отношения разных по семейному положению групп студентов к учебе (таблица 6).

По двум учебным стратегиям позиции разных групп схожи — деление предметов на «важные» и «неважные» (присуще почти трети студентов, по-разному проявляясь у обучающихся по разным профилям) и стремление делать вид «как бы учишься». Позитивный момент — вторая стратегия реализуется, по самооценкам студентов, все реже (до 8% в среднем, а среди живущих в зарегистрированном браке еще ниже — до 5%). Но и в отношении к учебе проявились различия. Для немалой части студенчества, как выясняется, регистрация брака — не формальный акт, а повышенная ответственность. Это проявляется и в более ответственном отношении к учебе. Отмеченная выше профессиональная направленность обучения живущих в зарегистрированном браке не могла не снизить среди них долю считающих, что его интерес не связан с осваиваемой профессией.

На протяжении всего мониторинга «семья» выступала приоритетом, разделяя со «здоровьем» 1–2 место в ранговом ряду наиболее значимых ценностей. В 2020 году позиция была уточнена: семья как ценность была разграничена на «родительскую семью» и «свою собственную семью». Число выборов важности именно этих ценностей в поливариантном вопросе в разрезе анализируемых нами подбощностей представлено в таблице 7.

Таким образом, выяснилась важная деталь — начало семейной жизни даже без ре-

гистрации брака заметно повышает ценность семьи как социального института.

Заключение. Региональный мониторинг, как и целый ряд социологических исследований российских коллег, позволил зафиксировать существенное увеличение в молодежной среде официально незарегистрированных семейных отношений. В официальные отношения чаще вступают студенты, родившиеся и проживающие в более крупных городах. Скорее всего, это связано с их более устойчивым материальным положением и широкими возможностями, которые чаще характерны для мегаполисов, чем для средних городов и малых населенных пунктов. Важной характеристикой оказывается и возраст студентов. Как и ранее было установлено, те, кто уже окончил колледжи, чаще заключают официальный брак, чем их более молодые однокурсники.

Мотивация поступления в вуз у студентов, проживающих в официально зарегистрированных семейных отношениях, более серьезна и ориентирована на перспективы осознанного профессионального выбора, личного карьерного развития. Они, в отличие от других студентов, мотивированы возможностью обеспечить хорошее материальное положение в будущем. Традиционные семейные отношения близки тем студентам, которые лучше осознают ценность выбранной ими профессии. Такие третьекурсники могут представлять свое профессиональное будущее, ставить цели и достигать их. В выявленной нами закономерности прослеживается определенная взаимосвязь семьи и социальной успешности. В традиционном российском понимании семья всегда рассматривалась как показатель жизненного успеха. Косвенно наши исследования подтверждают, что социальный успех, в определенной степени связанный с осознан-

Таблица 7
Table 7

Выбор ценности семьи респондентами, % от числа ответов в подбощностях
The choice of the value of the family by respondents, % of the number of responses in detail

Что для Вас наиболее ценно, значимо в жизни	Σ	Холост, не замужем	Состою в браке	
			зарегистрированном	незарегистрированном
Родительская семья	33	32	35	37
Своя семья, дети	27	25	41	36

ным профессиональным выбором, уверенностью в будущем, отношением к высшему образованию и своему обучению в вузе, ближе той семейной молодежи, которая официально зарегистрировала свой брак. Если коллеги фиксировали в своих исследованиях пессимизм в восприятии российскими студентами семьи как индикатора успеха в жизни [1], то мы скорее выделим проблему слабой осознанности большей частью анализируемого поколения ценности семьи. При этом важно подчеркнуть, что семейные студенты вне зависимости от типа их студенческой семьи чаще оценивают важность, приоритетность и значимость для себя ценности семьи как социального института в целом.

Исследование позволило подтвердить выводы коллег о том, что брак благотворно влияет на становление личности студентов. У семейных студентов Свердловской области действительно отмечается более серьезное отношение к учебе и избранной профессии [18]. Для них характерна и более высокая удовлетворенность профессиональной подготовкой в вузе, им же больше характерна повышенная ответственность, в том числе к учебе в вузе.

Список источников

1. Андрияшина Е. В., Григорьева Н. С., Панова Е. А. Гендерные аспекты изучения семейных стратегий российской студенческой молодежи: результаты компаративного анализа исследований 2008 и 2019 гг. // *Женщина в российском обществе*. 2020. №2. С. 99–113.
2. Антонов А. И. Депопуляция и кризис семьи в постсоветской России: кто виноват и что делать? // *Вестник Московского университета*. Серия: Социология и политология. 1995. №2. С. 75–84.
3. Антонов Г. В., Лапо В. Ф. Кризис института брака в современной России: реальность или вымысел? // *Вопросы статистики*. 2015. №7. С. 21–31.
4. Артамонова Я. В., Липчанская И. В. Реализация программ государственной поддержки российских молодых семей (на примере Ростовской области) // *Вестник Южно-российского государственного технического университета*. Серия: Социально-экономические науки. 2021. №3. С. 18–25.
5. Багирова А. П., Шубат О. М. Семья и родительство сквозь призму мнения студентов // *Социологические исследования*. 2017. №7. С. 126–131.
6. Барсуков С. М. Молодая семья в представлениях студенческой молодежи среднего города // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета*. Серия: Социально-экономические науки. 2012. №6. С. 273–277.
7. Бессчетнова О. В. Семья и семейный образ жизни в системе ценностей студенческой молодежи // *Семья в России*. 2008. №2. С. 20–27.
8. Голод С. И. Современная семья: Плюрализм моделей // *Социологический журнал*. 1996. №3–4. С. 99–108.
9. Гончарова Г. С. Студенческая семья и отношение учащейся молодежи к семейным ценностям // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2009. №3. С. 61–67.
10. Гурко Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // *Социологические исследования*. 2017. №11. С. 99–110.
11. Долбик-Воробей Т. А. Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости // *Социологические исследования*. 2003. №11. С. 78–83.
12. Егорова Н. Е. Современное супружество: модели отношений // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2013. №4(32). С. 20–26.
13. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // *Вестник Института социологии*. 2019. №4. С. 164–189.
14. Кутявина Е. Е., Лакомова А. А., Хусяинов Т. М. Студенческая семья: определение и особенности // *Молодежная Галактика*. 2015. №12. С. 75–80.
15. Парсонс Т. Американская семья: ее отношения с личностью и социальной структурой // *Человек. Сообщество. Управление*. 2006. №2. С. 95–103.
16. Ростовская Т. М. Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей (итоги всероссийского межвузовского исследования) // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2015. №4(40). С. 73–81.

17. Ростовская Т. К., Ростовская Н. А. Общекультурные проблемы молодой семьи // Человек в мире культуры. 2014. №1. С. 26–28.

18. Сергеева И. В., Штарк Е. В. Студенческая семья на факультете // Высшее образование в России. 2013. №10. С. 157–159.

19. Сорокин П. А. Кризис современной семьи: социологический очерк // Вестник МГУ. Серия 18: Социология и политология. 1997. №3. С. 65–79.

20. Addo F. R., Houle J. N., Sessler S. The Changing Nature of the Association Between Student Loan Debt and Marital Behavior in Young Adulthood // Journal of Family and Economic Issues. Vol. 40. 2018. №1. P. 86–101.

21. Ford K. S. Marrying Within the Alma Mater: Understanding the Role of Same-University Marriages in Educational Homogamy // Sociological Research Online. Vol. 25. 2020. №2. P. 254–272.

References

1. Andrjushina E. V., Grigor'eva N. S., Panova E. A. Gendernye aspekty izuchenija semejnyh strategij rossijskoj studencheskoj molodezhi: rezul'taty komparativnogo analiza issledovanij 2008 i 2019 gg. [Gender aspects of the study of family strategies of Russian student youth: results of a comparative analysis of research in 2008 and 2019]. *Zhenshhina v rossijskom obshchestve [Woman in Russian society]*. 2020; (2): 99–113. (In Russ.).

2. Antonov A. I. Depopuljacija i krizis sem'i v postsovetsoj Rossii: kto vinovat i chto delat'? [Depopulation and family crisis in post-Soviet Russia: who is to blame and what to do?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija: Sociologija i politologija [Bulletin of the Moscow University. Series: Sociology and Political Science]*. 1995; (2): 75–84. (In Russ.).

3. Antonov G. V., Lapo V. F. Krizis instituta braka v sovremennoj Rossii: real'nost' ili vymysel? [The crisis of the institution of marriage in modern Russia: reality or fiction?]. *Voprosy statistiki [Questions of statistics]*. 2015; (7): 21–31. (In Russ.).

4. Artamonova Ja. V., Lipchanskaja I. V. Realizacija programm gosudarstvennoj podderzhki rossijskih molodyh semej (na primere Rostovskoj oblasti) [Implementation of state support programs for Russian young families (on the

example of the Rostov region)]. *Vestnik Juzhno-rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences]*. 2021; (3): 18–25. (In Russ.).

5. Bagirova A. P., Shubat O. M. Sem'ja i roditel'stvo skvoz' prizmu mnenija studentov [Family and parenthood through the prism of students' opinions]. *Sociologičeskie issledovanija [Sociological research]*. 2017; (7): 126–131. (In Russ.).

6. Barsukov S. M. Molodaja sem'ja v predstavlenijah studencheskoj molodezhi srednego goroda [A young family in the representations of the student youth of the middle city]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences]*. 2012; (6): 273–277. (In Russ.).

7. Besschetnova O. V. Sem'ja i semejnyj obraz zhizni v sisteme cennostej studencheskoj molodezhi [Family and family lifestyle in the system of values of student youth]. *Sem'ja v Rossii [Family in Russia]*. 2008; (2): 20–27. (In Russ.).

8. Golod S. I. Sovremennaja sem'ja: Pljuralizm modelej [Modern family: Pluralism of models]. *Sociologičeskij zhurnal [Sociological Journal]*. 1996; (3–4): 99–108. (In Russ.).

9. Goncharova G. S. Studenčeskaja sem'ja i otnošenje učashhejsja molodezhi k semejnyh cennostjam [Student family and the attitude of students to family values]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*. 2009; (3): 61–67. (In Russ.).

10. Gurko T. A. Novye semejnye formy: tendencii rasprostraneniya i ponjatija [New family forms: distribution trends and concepts]. *Sociologičeskie issledovanija [Sociological research]*. 2017; (11): 99–110. (In Russ.).

11. Dolbik-Vorobej T. A. Studenčeskaja molodezh' o problemah braka i rozhdajemosti [Student youth about the problems of marriage and fertility]. *Sociologičeskie issledovanija [Sociological research]*. 2003; (11): 78–83. (In Russ.).

12. Egorova N. E. Sovremennoe supružestvo: modeli otnošenij [Modern matrimony: models of relations]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*.

Serija: Social'nye nauki [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences]. 2013; 4(32): 20–26. (In Russ.).

13. Zubok Ju. A., Chuprov V.I. Samoreguljacija smyslozhiznennyh cennostej v kul'turnom prostranstve molodezhi [Self-regulation of life values in the cultural space of youth]. *Vestnik Instituta sociologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2019; (4): 164–189. (In Russ.).*

14. Kutjavina E. E., Lakomova A. A., Husjainov T. M. Studencheskaja sem'ja: opredelenie i osobennosti [Student family: definition and features]. *Molodezhnaja Galaktika [Youth Galaxy]. 2015; (12): 75–80. (In Russ.).*

15. Parsons T. Amerikanskaja sem'ja: ee otnoshenija s lichnost'ju i social'noj strukturoj [The American family: its relationship with personality and social structure]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie [Man. Community. Management]. 2006; (2): 95–103. (In Russ.).*

16. Rostovskaja T. M. Sozdanie studencheskoj sem'i: motivacija i zhiznennye strategii chlenov molodyh studencheskih semej (itogi vsrossijskogo mezhvuzovskogo issledovanija) [Creation of a student family: motivation and life strategies of members of young student families (results of the All-Russian interuniversity research)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nau-*

ki [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences]. 2015; 4 (40): 73–81. (In Russ.).

17. Rostovskaja T. K., Rostovskaja N. A. Obshhekul'turnye problemy molodoj sem'i [General cultural problems of a young family]. *Chelovek v mire kul'tury [Man in the world of culture]. 2014; (1): 26–28. (In Russ.).*

18. Sergeeva I. V., Shtark E. V. Studencheskaja sem'ja na fakul'tete [Student family at the faculty]. *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]. 2013; (10): 157–159. (In Russ.).*

19. Sorokin P. A. Krizis sovremennoj sem'i: sociologicheskij ocherk [The crisis of the modern family: a sociological essay]. *Vestnik MGU. Serija 18: Sociologija i politologija [Bulletin of the Moscow State University. Series 18: Sociology and Political Science]. 1997; (3): 65–79. (In Russ.).*

20. Addo F. R., Houle J. N., Sessler S. The Changing Nature of the Association Between Student Loan Debt and Marital Behavior in Young Adulthood // *Journal of Family and Economic Issues. Vol. 40. 2018. №1. P. 86–101.*

21. Ford K. S. Marrying Within the Alma Mater: Understanding the Role of Same-University Marriages in Educational Homogamy // *Sociological Research Online. Vol. 25. 2020. №2. P. 254–272.*

Статья поступила в редакцию 08.02.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 22.02.2022.

The article was submitted on 08.02.2022; approved after reviewing on 15.02.2022; accepted for publication on 22.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вишневский Юрий Рудольфович — доктор философских наук, профессор кафедры «Социология и технологии государственного и муниципального управления», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

Yriy R. Vishnevskiy — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of «Sociology and Public administration» Chair, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19 Mira st., Yekaterinburg, Russia

Певная Мария Владимировна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой «Социология и технологии государственного и муниципального управления», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

Maria V. Pevnaya — Doctor of Sociology Sciences, Head of «Sociology and Public administration» Chair, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

19 Mira st., Yekaterinburg, Russia

Телепаева Дарья Фёдоровна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры «Социология и технологии государственного и муниципального управления», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

Daria F. Telepaeva — Candidate of Sociology Sciences, Senior Lecturer of «Sociology and Public administration» Chair, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19 Mira st., Yekaterinburg, Russia

Вклад авторов:

Вишневецкий Ю. Р. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание текста.

Певная М. В. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Телепаева Д. Ф. — доработка текста, итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Vishnevskiy Y. R. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the text.

Pevnaya M. V. — writing of the source text; final conclusions.

Telepaeva D. F. — revision of the text, final conclusions.

Научная статья

УДК 378.1

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-57-67

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К СОЗДАНИЮ СЕМЬИ

*Наталья Владимировна Горбунова¹✉, Владимир Анатольевич Вишневский²,
Александр Сергеевич Фетисов³*

^{1,2}*Гуманитарно-педагогическая академия (филиал),*

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Ялта, Россия

³*Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия*

¹*natalya-gor2008@yandex.ru ✉, ORCID: 0000-0001-5377-8905, AuthorID РИНЦ: 840550,
AuthorID Scopus: 57195348905, WoS Research ID: AAG-21302019*

²*vmwbox@gmail.com, ORCID: 0000-0002-1471-7067, AuthorID РИНЦ: 815097*

³*asfet-2011@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6317-5524, AuthorID РИНЦ: 703256,
AuthorID Scopus: 57200323607*

Аннотация. *Целью исследования является определение и теоретическое обоснование особенностей формирования готовности студенческой молодежи к созданию семьи в современных социально-культурных условиях.*

Методологическую базу исследования *представляют положения концепции гуманистического образования. К используемым научным методам относятся сравнительный, причинно-следственный и статистический анализ.*

Результаты исследования. *Вопросы формирования готовности студенческой молодежи к созданию семьи в современных социокультурных условиях имеют особое значение, что обусловлено реалиями общества, неоднозначностью подходов к созданию семьи, развитию и становлению института семьи, трансформацией семейных ценностей в современном обществе. Современный кризис семьи проявляется в высоком количестве разводов, обусловленных недостаточной психологической зрелостью супругов, активным вовлечением женщин в социально-трудовую сферу, изменением семейных ценностных ориентаций; нежеланием мужчин терять традиционные семейные «привилегии»; недостаточностью специальных знаний по созданию и функционированию института семьи; низким уровнем развития социокультурных, профессиональных отношений, социальной компетентности; отсутствием осознания значимости семейных отношений в социальном и профессиональном развитии личности.*

Понятие «готовность студенческой молодежи к созданию семьи» рассматривается в различных научных исследованиях. Под ним мы понимаем морально-психологическую, социальную и полоролевую зрелость личности обучающегося, достижение им социальных стандартов поведения, регламентирующих и обеспечивающих успешное создание и функционирование полноценной семьи, признающей и уважающей семейные ценности.

Исходя из результатов констатирующего этапа эксперимента, в исследовании обоснованы и определены компоненты, критерии и показатели готовности студенческой молодежи к созданию семьи. Компонентами готовности стали: когнитивный, эмоци-

онально-ценностный и поведенческий. Каждый из них характеризуется определенными критериями, которые разработаны в соответствии с сущностными характеристиками компонентов.

Перспективы исследования заключаются в разработке и апробации комплексной учебно-воспитательной программы «Формирование готовности обучающихся к созданию семьи» в системе высшего образования.

Ключевые слова: готовность, студенческая молодежь, молодая семья, создание семьи

Для цитирования: Горбунова Н. В., Вишнеvский В. А., Фетисов А. С. Формирование готовности студенческой молодежи к созданию семьи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 57–67. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-57-67>.

Original article

FORMATION OF STUDENT YOUTH' READINESS TO CREATE A FAMILY

Natalya V. Gorbunova^{1✉}, Vladimir A. Vishnevsky², Alexander S. Fetisov³

^{1,2}Humanities and Education Science Academy (branch),
Vernadsky Crimean Federal University, Yalta, Russia

³Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

¹natalya-gor2008@yandex.ru[✉], ORCID: 0000-0001-5377-8905, AuthorID RSCI: 840550,
AuthorID Scopus: 57195348905, WoS Research ID: AAG-21302019

²vmwbox@gmail.com, ORCID: 0000-0002-1471-7067, AuthorID RSCI: 815097

³asfet-2011@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6317-5524, AuthorID RSCI: 703256,
AuthorID Scopus: 57200323607

Abstract. *The purpose of the research is to determine and theoretically substantiate the formation features of student youth's readiness to create a family in modern socio-cultural conditions.*

The methodological basis of the research is represented by the basic provisions of the humanistic education concept. Scientific methods used include comparative, causal and statistical analysis.

Research results. *The issues of formation the student youth's readiness to create a family in modern conditions is of particular importance, which is due to the realities of society, the ambiguity of approaches to family creating and its development. The modern crisis of the family is manifested in a high level of divorces, due to the insufficient psychological maturity of the spouses, the active women's involvement in the social and labor sphere, and the change in family value orientations; men's unwillingness to lose traditional family «privileges»; the lack of special knowledge on the creation and functioning of the family institution, the low level of development of socio-cultural, professional relations, social competence, the lack of awareness of family relations importance in the social and professional development of the individual.*

The concept of «student youth's readiness to create a family» is considered in various scientific studies. By this concept we mean the moral, psychological, social and gender-role maturity of the student's personality, the achievement of social behavior standards that regulate and ensure the successful creation and functioning of a full-fledged family.

Based on the results of the ascertaining stage of the experiment, the research substantiates and defines the components, criteria and indicators of student youth's readiness to create a

family. The components of readiness are: cognitive, emotional-value and behavioral. Each of them is characterized by certain criteria, which are developed in accordance with the essential characteristics of the components.

The prospects of the research are to develop and test a comprehensive educational program «Formation of students' readiness to create a family» in the higher education system.

Keywords: readiness, student youth, young family, family creation

For citation: Gorbunova N. V., Vishnevsky V. A., Fetisov A. S. Formation of student youth' readiness to create a family // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 57–67. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-57-67>.

Введение. Современные социально-экономические преобразования, происходящие в России, актуализируют проблему формирования у молодого поколения системы семейных ценностей, готовности к созданию семьи и семейной жизни [6].

Данная ситуация обусловлена рядом объективных и субъективных факторов, которые неоднозначно влияют на готовность молодежи к созданию семьи. Среди объективных факторов следует назвать омоложение браков, недостаточную экономическую и социальную защищенность молодых людей, общее ослабление нравственных норм в обществе, распространение нетрадиционных форм брака в мире. К субъективным факторам, которые усложняют процесс формирования у молодежи готовности к семейной жизни, относится раннее физиологическое созревание девушек и парней, сочетающееся, как правило, с психологической и духовно-нравственной безответственностью отношений, нежеланием иметь детей или откладывание данного явления на неопределенное будущее.

Различные аспекты проблем студенческой семьи находят отражение в трудах зарубежных ученых [12–14].

Семья является первоначалом духовного, экономического и социального развития общества, его естественным и наиболее устойчивым элементом. Эта истина подтверждается ходом развития человеческой цивилизации. В семье наиболее полно сохраняются первопризнаки этнической памяти и отражаются все этапы исторического развития каждого народа. Вместе с тем она не является чем-то совершенно устойчивым, неизменным. Семья аккумулирует важнейшие при-

знаки общественных процессов, экономического и культурного развития и одновременно перенаправляет их в общество и взаимодействует с ним. Единство и сила семьи обеспечиваются взаимной любовью, моральной, экономической, правовой и другими видами взаимной ответственности, взаимоподдержкой, взаимопониманием и эмоциональной стабильностью.

В современных научно-педагогических исследованиях студенческая семья рассматривается как малая социальная группа, членами которой являются обучающиеся образовательных организаций высшего образования, а также их дети. Особенностью такого союза является то, что при создании семьи студентам необходимо совмещать свои учебные обязанности с выполнением семейных функций. В силу этого назревает ролевой конфликт между обязанностями семьянина, отца (матери) и студента. В перспективе новые трудности и противоречия появляются в связи с рождением ребенка, что требует больших затрат времени и сил, дополнительной материальной и психологической нагрузки, определенных личностных ограничений, изменения образа жизни. Серьезной проблемой часто выступают материальные и жилищные условия, что в свою очередь негативно сказывается на обучении, становлении молодых людей как специалистов.

Значительное влияние на «семьеобразительные» аспекты оказывает материально-бытовое положение студенчества, которое находится на достаточно низком уровне, что в свою очередь не способствует полноценной семейной жизни: увеличивается количество разводов, в том числе по инициативе девушек, в результате этого растет количество

неполных семей и детей, которые воспитываются без родителя, также увеличивается численность внебрачных детей. В итоге перечисленных процессов девальвируется сама ценность семьи и глубоких чувств, на которых должны основываться крепкие брачные отношения.

В современных научных исследованиях нет общепринятого взгляда на сущность понятия «готовность к созданию семьи». Социологи Б.И. Говако, Е.М. Черняк акцентируют внимание на репродуктивном поведении супругов, необходимости сочетания профессиональных и семейных ролей работающих женщин, распределения власти и обязанностей супругов в семье, в воспитании детей и т.д. [5; 10]. Рассматривая современную студенческую семью как объект социологического исследования, исследователи А.М. Багаутдинов и Л.З. Сафина отмечают: «Издревле все попытки осмысления общественной жизни людей, так или иначе, но неминуемо были связаны с пониманием семейно-ролевой организации. Интерес к происхождению человечества и человеческой истории всегда сопровождается интересом к браку, семье, родству как специфическим формам существования, сохранения и возобновления жизни поколений» [2, с. 1282].

Психологи (Т.Н. Мишина) исследуют характер связей и зависимостей между состоянием готовности и эффективностью деятельности личности, выделяя общую (длительную), ситуативную и психологическую готовность [7]. К изучению вопросов брака, семьи и семейных отношений в свое время обращались классики зарубежной психологии. Как сложное объединение, состоящее из ряда субъективных и объективных факторов, которые частично имеют гетерогенную природу, рассматривал брак швейцарский психолог К. Юнг [11]. Развивая эту тему, австрийский психолог А. Адлер отмечал, что психологическая готовность к браку предполагает наличие чувства общности с партнером, чувство симпатии, способность отождествлять себя с другим человеком и сопереживать ему [1].

Психологи А.И. Вишневская и Т.Н. Мишина [4; 7] выделяют особенности студенческой семьи, подчеркивая: «Студенческая семья является особым типом молодой семьи

(возраст супругов не более 28 лет, стаж семейной жизни не превышает 5 лет), в которой оба супруга являются студентами дневного отделения высшего учебного заведения, их основной деятельностью является учёба, при этом социальное положение ограничено временем обучения» [4, с. 693].

В педагогической науке цель формирования готовности студенческой молодежи к семейной жизни преимущественно заключается в передаче ей необходимого информационно-духовного базиса. Под ним понимаются знания и умения в сфере брачных и семейных отношений, воспитания и самовоспитания необходимых для устойчивого брака мужских и женских качеств, осознание молодыми людьми социальной сущности семьи, а также готовность к выполнению семейных обязанностей.

Проблемы готовности молодых людей к созданию семьи и семейного воспитания рассматриваются в трудах классиков педагогики Я.А. Коменского, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локка, И.Г. Песталоцци, Н.И. Пирогова, К.Д. Ушинского, П.Ф. Лесгафта, П.П. Блонского, А.С. Макаренки, В.А. Сухомлинского и др. [8; 9].

Анализ теоретических положений и научных концепций позволяет утверждать, что еще до начала обучения в образовательной организации высшего образования у студентов уже сформировано устойчивое представление о мире, обществе и семье. В этот период идет активный поиск путей самоутверждения и способов самореализации. Исходя из этого, при формировании готовности студенческой молодежи к семейной жизни роль вуза определяется в коррекции уже существующих у молодежи представлений о семье и создании реальной картины семьи и семейных отношений.

Молодой студенческой семье трудно справиться с решением всех проблем, возникающих после заключения брака. Преодолеть морально-психологические проблемы помогут лекции, беседы, в том числе индивидуальные, консультирование разных специалистов, проведение вечеров вопросов и ответов, конференций по обмену семейным опытом, диспутов, ознакомление молодежи со специальной литературой, просмотр кинофильмов, встречи с врачами, психологами, юристами и т.д. Оказание содействия в решении бытовых проблем студенческой семьи

является одной из основных задач руководства вузов.

Качественное содействие в подготовке студенческой молодежи к семейной жизни могут оказать только компетентные преподаватели образовательной организации высшего образования, чьи жизненные принципы не расходятся с декларируемыми, которым студенты доверяют и уважают. Кроме того, какими бы системными, целеустремленными и результативными в этом отношении ни были воспитательные воздействия, важно пробудить у обучающегося стремление к самосовершенствованию, овладению культурой корректного полового поведения в разнообразных жизненных ситуациях.

Таким образом, можно утверждать, что понятие «готовность студенческой молодежи к созданию семьи» означает морально-психологическую, социальную и полоролевою зрелость обучающегося, достижение им социальных стандартов поведения, обеспечивающих успешное создание и функционирование полноценной семьи.

Методика. С целью выявления уровня сформированности готовности студенческой молодежи Гуманитарно-педагогической академии к созданию семьи был проведен констатирующий этап эксперимента, который предусматривал решение следующих задач: определение компонентов, критериев и показателей готовности обучающихся к созданию семьи; разработку методического инструментария для проведения экспериментальной работы; определение содержания работы образовательных организаций высшего образования по формированию у студентов исследуемого качества; выявление уровней сформированности у обучающихся готовности к созданию семьи.

В результате анализа научных источников нами были выделены следующие компоненты готовности студенческой молодежи к созданию семьи, а именно: когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий. Для каждого компонента были определены соответствующие критерии и показатели сформированности исследуемого качества. Полученные данные представлены в таблице 1.

В соответствии с определенными критериями и показателями в исследовании ис-

пользовались методы анкетирования, устного и письменного опроса, тестирования, обсуждения, проблемных ситуаций, целенаправленного педагогического наблюдения, мини-сочинения и панельные дискуссии. Подбор методов определялся проблематикой исследования и ключевыми задачами эксперимента.

Констатирующий этап эксперимента проводился в Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте среди обучающихся 1–4 курсов гуманитарной направленности. Всего на данном этапе эксперимента было задействовано 112 обучающихся.

Результаты. Проведение констатирующего этапа эксперимента, анализ и обобщение его результатов в соответствии с определенными нами компонентами, критериями и показателями дали возможность разделить обучающихся на три типологические группы, каждая из которых соответствует определенному уровню сформированности готовности молодежи к семейной жизни, а именно: высокий, средний и низкий.

К высокому уровню были отнесены обучающиеся, которые имеют глубокие знания о семье, сущности и предпосылках ее создания и развития, о правилах взаимодействия с партнером на принципах взаимопомощи и взаимоподдержки, воспринимают семью как истинную личную ценность, характеризуются положительным эмоциональным отношением к институту семьи и понимают свою роль в ней, имеют адекватную самооценку и сознательно оценивают своего партнера, придерживаются моральных основ общения с противоположным полом, проявляют интерес к внутреннему миру своего партнера и готовы строить совместное будущее. В результате констатирующего этапа в эту группу вошло 12% обучающихся, среди которых 7,1% — девушки и 4,9% — юноши.

Обучающиеся среднего уровня сформированности готовности к созданию семьи хорошо информированы о содержании понятия «семья», способах ее создания, но, как правило, придерживаются достаточно ложных представлений о предпосылках данного процесса, рассматривают взаимодействие в се-

мье с традиционной точки зрения, что далеко не всегда соответствует современным реалиям, семью воспринимают как личную ценность, но с элементами утилитарности, дают предпочтение авторитарным принципам взаимодействия между мужем и женой, имеют завышенную или заниженную самооценку (в первом случае в межличностных отношениях доминирует собственное «я», чувство собственного превосходства в решении проблем, имеющих личный интерес с «переадресацией» других на своего партнера, во втором случае наблюдается готовность подчиняться главе семьи), соблюдают моральные нормы взаимоотношений с противоположным полом, однако не всегда интересуются внутренним миром своего партнера, пытаются минимизировать учет его интересов, стремлений, желание подчинить их собственным. К этой

группе обучающихся относятся 53%, среди которых 29% — юноши и 24% — девушки.

Низкий уровень сформированности готовности к созданию семьи у студенческой молодежи характеризуется недостаточными знаниями предпосылок и способов ее создания, также обучающиеся имеют ошибочное понимание семейных ценностей, что сказывается на характере взаимоотношений с представителями противоположного пола; юноши могут отдавать предпочтение строгому соблюдению норм традиционной семьи относительно роли мужчины или выявлять безответственную позицию в семейных отношениях, а девушки упрощают и примитивизируют взгляды на семью — бесконтрольность, полную свободу действий и поступков жены; семья для них не является личной ценностью; самооценка может быть неадек-

Таблица 1
 Table 1

Критерии и показатели сформированности готовности студенческой молодежи к семейной жизни
Criteria and indicators of the formation of the readiness of students for family life

Компоненты	Критерии	Показатели
Когнитивный	Знания о семье, способы и основы ее создания, представления об особенностях ее эффективного функционирования	Понимание сущности семьи, предпосылок и способов ее создания и развития; знание правил конструктивного взаимодействия между полами; представления о средствах достижения совместимости партнеров; понимание сущности понятия «готовность к созданию семьи»
Эмоционально-оценочный	Положительное отношение к институту семьи, мотивация к ее созданию, уважение норм и правил семейной жизни	Отношение к семье как к личной ценности; стремление вступать в семейные отношения и развивать их на паритетных началах; адекватная самооценка себя и своего партнера; мотивированная ориентация на разнофункциональные внутрисемейные отношения
Поведенческий	Умение применять существующие знания в рамках межличностной коммуникации, придерживаться принципов взаимоуважения, взаимопонимания и взаимоподдержки как реальных основ функционирования семьи	Реальные действия и поступки, которые соотносятся с показателями когнитивного и эмоционально-оценочного компонентов; уважительные взаимоотношения с партнером

ватно завышенной, но чаще объективно или неадекватно заниженной, это же касается и оценки партнера; наблюдается частое нарушение моральных норм взаимодействия с представителями противоположного пола (как у девушек, так и у юношей); безразличие к внутреннему миру своего партнера, его (ее) желаниям, интересам, стремлениям. К данной группе обучающихся относится 35% участников констатирующего этапа эксперимента, среди которых 21% — юноши и 14% — девушки.

Также отметим, что в рамках исследования была установлена иерархия семейных ценностей отдельно у юношей и девушек, и у них отмечается почти одинаковая иерархия семейных ценностей. Наиболее важными обучающиеся считают реализацию себя вне семьи через социальную активность, при этом брак представляется как среда, способствующая психологической разгрузке и стабилизации, а также реализации себя в аспекте воспитания детей. Качества, касающиеся супругов как сексуальных партнеров, занимают последнее место.

В целом можно выделить следующие тенденции ценностно-ролевых ориентаций в современных студенческих семьях:

— как юноши, так и девушки пытаются получать психологическую поддержку от партнера, при этом требования к себе в выполнении этой функции у парней значительно занижены;

— оба супруга стремятся к максимальной социальной активности для себя, при этом девушки требуют ее и от мужчин, а мужчины значительно ограничивают в своих ожиданиях социальную активность жен;

— ведение хозяйства для современных супружеских пар не актуально, особенно для девушек — они рассчитывают на активную помощь юношей, отличающихся высоким уровнем притязаний по исполнению женой хозяйственно-бытовых обязанностей.

Одной из ключевых проблем молодых семей, по мнению обучающихся, является конфликт. Согласно научным определениям, под конфликтом понимается критическая ситуация, в которой каждая из сторон пытается занять позицию, несовместимую с интересами другой стороны; отношения между субъектами социального взаимодействия,

которые характеризуются противоборством при наличии противоположных мотивов (потребностей, интересов, целей, идеалов, убеждений) или суждений (мнений, взглядов, оценок и т.д.). В данном контексте конфликт, как правило, возникает на основе противоположно направленных мотивов и суждений, которые являются ключевым условием его возникновения. Причины и особенности конфликтов в студенческой семье рассматриваются в трудах психологов, таких как Г.Т. Богданов, Л.А. Богданович, А.М. Полев [3].

Обучающимся был назван ряд наиболее актуальных причин семейных конфликтов:

— нереализованность потребностей, которые молодые супруги ожидали от брака;

— несогласованность личностных качеств членов семьи;

— отношения внутри семьи;

— недостатки личностных взаимоотношений;

— низкий уровень сплоченности и взаимопомощи в семье;

— недостаточные условия жизни (упорядоченность быта, безработица, нехватка денег).

Результаты констатирующего этапа экспериментального исследования свидетельствуют о том, что значительная часть студенческой молодежи не только не готова к созданию семьи, но и не имеет полноценного представления о своей роли в ней и путях развития семьи как личной и социальной точки роста.

Обсуждение. Высшая школа должна стать тем коррекционным элементом, который позволит молодежи осознать необходимость и важность создания семьи с полной ответственностью между партнерами и становления семьи в дальнейшем как основы формирования семейных ценностей будущих поколений.

В этой связи определены педагогические условия формирования у студенческой молодежи готовности к созданию семьи, а именно: обеспечение осознания семейно-ценностных ориентаций, жизненного самоопределения, социально-психологической мотивации к семейной жизни; учет в воспитательной работе уровней готовности студенческой молодежи к созданию семьи; разработка и апробация

научно-методического обеспечения усвоения обучающимися образовательных организаций высшего образования комплексной учебно-воспитательной программы «Формирование готовности обучающихся к созданию семьи» и воспитательной работе кураторов и тьюторов академических групп со студентами по ее реализации.

В рамках прототипирования программы отметим, что она должна быть основана на принципе интеграции обучения, воспитания и саморазвития обучающихся. Цель программы: осознание студентами сущности семьи и ее роли в жизнедеятельности человека; развитие качеств, необходимых для межличностных отношений в процессе формирования семьи; убеждение в том, что семья является наиболее природной сферой жизнедеятельности любого человека.

Предполагаем, что в результате освоения программы у обучающихся будет сформирована система: знаний о закономерностях, нормах, ценностях, способах реализации института семьи, значении и особенностях добрых отношений, основы функционирования счастливой семьи; умений ориентироваться в разных типах, видах, этапах становления семьи; различать чувство любви от схожих чувств, рефлексировать о причинах возникновения конфликтных ситуаций, осуществлять самовоспитание, проявлять объективное отношение к самому себе и окружающим, преодолевать потребительское отношение к созданию семьи; навыков — эмпатии, сотрудничества, партнерства, самостоятельного решения проблемных ситуаций или их предотвращения, креативности, аутогенной тренировки, самостоятельной выработки определенных черт характера, повышения культуры межличностного и семейного общения, представления о создании полноценной семьи.

Заключение. Проблема формирования готовности студенческой молодежи к созданию семьи в современных условиях приобретает особое значение, что обусловлено реалиями общества, неоднозначностью подходов к созданию семьи и ее развитию. Многоаспектность этой проблемы затрагивает специалистов разных научных отраслей — педагогов, психологов, социологов и других

направлений, которые обращаются к анализу факторов и педагогических условий формирования готовности студенческой молодежи к созданию семьи, целенаправленного руководства процессом формирования указанной готовности и исследования характера связей и зависимостей между состоянием готовности и эффективностью деятельности личности; изучение социальной функции семьи и ее особенностей в современных реалиях.

Современный кризис семьи проявляется в высоком уровне разводов, обусловленных недостаточной психологической и сексуальной осведомленностью супругов, активным вовлечением женщин в социально-трудовую сферу и, как следствие, изменением семейных ценностных ориентаций; нежеланием мужчин терять традиционные семейные «привилегии»; недостаточностью специальных знаний по созданию и функционированию семейного института, низким уровнем развития социокультурных, профессиональных отношений, социальной компетентности, отсутствием осознания значимости семейных отношений в социальном и профессиональном развитии личности.

Анализ теории и практики формирования готовности студенческой молодежи к созданию семьи позволил уточнить сущность понятия «готовность студенческой молодежи к созданию семьи», под которым понимаем морально-психологическую, социальную и полоролевою зрелость личности обучающегося, достижение им социальных стандартов поведения, регламентирующих и обеспечивающих успешное создание и функционирование полноценной семьи.

Студенческий возраст является сенситивным периодом для обучения полоролево-му и социальному поведению личности в семье. Эффективность процесса формирования готовности студенческой молодежи к созданию семьи может быть обеспечена созданием в системе высшего образования педагогических условий, базирующихся на положениях гуманистической парадигмы образования.

В рамках проведенного исследования выявлены основные социально-экономические факторы формирования готовности обучающихся к семейной жизни, а именно — недостаточный уровень социальной поддержки молодежи в системе профессиональных от-

ношений, достижения выпускниками социально-профессиональной зрелости и нужд экономического обеспечения собственной семьи, формирования социально значимой мотивации к профессиональному образованию и его самореализации, понимания семьи как личной ценности и социально-культурного явления.

Исходя из результатов констатирующего этапа эксперимента в исследовании обоснованы и определены компоненты, критерии и показатели готовности студенческой молодежи к созданию семьи. Компонентами готовности стали: когнитивный, эмоционально-ценностный и поведенческий. Каждый из них характеризуется определенными критериями, которые разработаны в соответствии с существенными характеристиками компонентов. Определенные критерии характеризуются соответствующими показателями, а именно: знание сущности семьи, предпосылок и способов ее создания и развития; знание правил конструктивного взаимодействия между полами; понимание сущности понятия «готовность к созданию семьи»; отношение к семье и семейной жизни как личной ценности; адекватная самооценка и оценка своего партнера; мотивированная ориентация на разнофункциональные внутрисемейные отношения; реальные поступки, соотносящиеся с показателями когнитивной и эмоционально-оценочной сферы; поведение с представителями противоположного пола, основывающееся на нормах морали и диалогового общения.

Список источников

1. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов. М.: Феникс, 1998. 416 с.
2. Багаутдинов А.М., Сафина Л.З. Современная студенческая семья как объект социологического исследования // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. №4. С. 1282–1284.
3. Богданов Г.Т. Супружеская жизнь: гармония и конфликты / Г.Т. Богданов, Л.А. Богданович, А.М. Полев. 2-е изд.; М.: Профиздат, 2014. 175 с.
4. Вишневская А.И. Психологические проблемы студенческой семьи // Актуальные вопросы современной психологии: ма-

териалы III Международной научной конференции. Челябинск: Два комсомольца, 2015. С. 46–48.

5. Говако Б.И. Студенческая семья. М.: Мысль, 1988. 158 с.

6. Горбунова Н.В. Трансформация семейных ценностей российской молодежи в современном обществе. Социально-демографический потенциал российской молодежи // Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ялта, 22–24 апреля 2021 г.). 2021. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва).

7. Мишина Т.Н. Психологические особенности студенческой семьи // Международный журнал экспериментального образования. 2015. №11–5. С. 693–694.

8. Пирогов Н.И. Вопросы жизни. Дневник старого врача / Сост. А.Д. Тюриков. Иваново, 2008. 427 с.

9. Сухомлинский В.А. О воспитании. М.: Издательство политической литературы, 1973. 272 с.

10. Черняк Е.М. Социология семьи. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Дашков и К, 2007. 246 с.

11. Юнг К. Брак как психологическое отношение. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2004. С. 102–117.

12. Andersson G., Scott K. Childbearing dynamics of couples in a universalistic welfare state: The role of labor-market status, country of origin, and gender // Demographic research. 2007. Vol. 17. P. 897–938.

13. Brittain A. W. et al. Youth-friendly family planning services for young people: a systematic review // American journal of preventive medicine. 2015. Vol. 49. №2. P. 973–984.

14. Family Strategies of Modern Russian student Youth. Work-Family conflict resolution. ILO Subregional Office for Eastern Europe and Central Asia, 2009.

References

1. Adler A. Vospitanie detej. Vzaimodejstvie polov [Education of children. Interaction of the sexes]. Moscow: Feniks, 1998. 416 p. (In Russ.).
2. Bagautdinov A.M., Safina L.Z. Sovremennaja studencheskaja sem'ja kak ob'ekt sociologicheskogo issledovanija [Modern student

family as an object of sociological research]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University]. 2010; 15(4): 1282–1284. (In Russ.).

3. Bogdanov G.T. Supruzheskaja zhizn': garmonija i konflikty [Marital life: harmony and conflicts]. G.T. Bogdanov, L.A. Bogdanovich, A.M. Polev. 2-e izd.; Moscow: Profizdat, 2014. 175 p. (In Russ.).

4. Vishniveckaja A.I. Psihologicheskie problemy studencheskoj sem'i [Psychological problems of the student family]. Aktual'nye voprosy sovremennoj psihologii: materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Topical issues of modern psychology: materials of the III International Scientific Conference]. Cheljabinsk: Dva komsomol'ca, 2015. P. 46–48. (In Russ.).

5. Govako B.I. Studencheskaja sem'ja [Student family]. Moscow: Mysl', 1988. 158 p. (In Russ.).

6. Gorbunova N.V. Transformacija semejnnyh cennostej rossijskoj molodezhi v sovremennom obshchestve. Social'no-demograficheskiy potencial rossijskoj molodjzhi // Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Jalta, 22–24 aprelja 2021 g.) [Transformation of family values of Russian youth in modern society. Socio-demographic potential of Russian youth // Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Yalta, April 22–24, 2021)]. 2021. Moscow: Federal'nyj nauchno-issledovatel'skij sociologicheskij centr RAN (Moskva). (In Russ.).

7. Mishina T.N. Psihologicheskie osobennosti studencheskoj sem'i [Psychological features of the student family]. *Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija* [International Journal of Experimental Education]. 2015; (11–5): 693–694. (In Russ.).

8. Pirogov N.I. Voprosy zhizni. Dnevnik starogo vracha [Questions of life. Diary of an old doctor]. Sost. A. D. Tjurikov. Ivanovo, 2008. 427 p. (In Russ.).

9. Suhomlinskij V.A. O vospitanii [About education]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1973. 272 p. (In Russ.).

10. Chernjak E.M. Sociologija sem'i. 5-e izd., pererab. i dop. [Sociology of the family. 5th ed., reprint. and additional]. Moscow: Dashkov i K, 2007. 246 p. (In Russ.).

11. Jung K. Brak kak psihologicheskoe otnoshenie [Marriage as a psychological attitude]. Moscow: MPSI; Voronezh: MODJeK, 2004. P. 102–117. (In Russ.).

12. Andersson G., Scott K. Childbearing dynamics of couples in a universalistic welfare state: The role of labor-market status, country of origin, and gender // Demographic research. 2007. Vol. 17. P. 897–938.

13. Brittain A. W. et al. Youth-friendly family planning services for young people: a systematic review // American journal of preventive medicine. 2015. Vol. 49. №2. P. 973–984.

14. Family Strategies of Modern Russian student Youth. Work-Family conflict resolution. ILO Subregional Office for Eastern Europe and Central Asia, 2009.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 03.02.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горбунова Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, директор Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского в г. Ялте.

Россия, г. Ялта, ул. Севастопольская, 2а

Nataliia V. Gorbunova — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Humanities and Education Science Academy (branch), Vernadsky Crimean Federal University in Yalta.

2a Sevastopolskaya st., Yalta, Russia

Вишневский Владимир Анатольевич — кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Педагогика и педагогическое мастерство», Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского.

Россия, г. Ялта, ул. Севастопольская 2а

Vladimir A. Vishnevsky — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of «Pedagogy and Pedagogical Excellence» chair, Humanities and Education Science Academy (branch), Vernadsky Crimean Federal University.

2a Sevastopolskaya st., Yalta, Russia

Фетисов Александр Сергеевич — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры «Социальная педагогика», Воронежский государственный педагогический университет.

Россия, г. Воронеж, ул. Ленина, 86

Alexander S. Fetisov — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Social Pedagogy, Voronezh State Pedagogical University.

86 Lenina st., Voronezh, Russia

Вклад авторов:

Горбунова Н. В. — руководство исследованием; разработка концепции; написание текста; итоговые выводы.

Вишневский В. А. — проведение исследования; написание текста.

Фетисов А. С. — анализ современных научных исследований; уточнение сущности ключевого понятия исследования; проведение исследования.

Contribution of the authors:

Gorbunova N. V. — research leadership; concept development; writing the source text; final conclusions.

Vishnevsky V. A. — research; writing the source text; final conclusions.

Fetisov A. S. — analysis of modern scientific research; clarification of the essence of the key concept of research; research.

Научная статья
УДК 314.622, 316.346.32-053.6, 316.356.2
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-68-79

ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ

Владимир Григорьевич Дацышен¹, Тамара Керимовна Ростовская²✉

^{1,2}Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Москва, Россия

¹Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

¹dazishen@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6471-8327

²rostovskaya.tamara@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-1629-7780, AuthorID РИНЦ: 767943,
AuthorID Scopus: 57192987864

Аннотация. Целью исследования является актуализация проблемы изучения семьи и социального положения студентов в истории России на примере советских студентов-востоковедов.

Методологическую базу исследования представляют общенаучные и специальные исторические методы исследования. К используемым научным методам относятся сравнительный, причинно-следственный и статистический анализ.

Результаты исследования. Доступные на сегодняшний день исторические источники позволяют начать восстановление исторической картины студенческой семьи и выявления связанных с ней проблем. Материалы из фондов дальневосточных архивов указывают на то, что в первой половине XX века большинство студентов-востоковедов во Владивостоке не имели семей, но в документах есть прямые и косвенные указания на состоявших в браке студентов и слушателей. На наличие семейных студентов указывают и их возрастные характеристики. Проблемы, связанные с семьей, не были актуальными для университета во Владивостоке, в отличие от проблем качества обучения или состояния здоровья. Власти и общество контролировали социальное происхождение и социальное положение студентов. В послевоенную эпоху ситуация изменилась. Пример московских вузов показывает, что в это время студенческие семьи стали обычным явлением. Семейные студенты имели некоторые преимущества.

Перспективы исследования заключаются в расширении источниковой базы для комплексного изучения студенческой семьи.

Ключевые слова: студенческая семья, социальное положение студентов, китаеведение, Дальний Восток

Для цитирования: Дацышен В. Г., Ростовская Т. К. Проблемы семьи и социального положения студентов на примере советских востоковедов // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 68–79. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-68-79>.

Original article

PROBLEMS OF FAMILY AND SOCIAL STATUS OF STUDENTS ON THE EXAMPLE OF SOVIET ORIENTALISTS

Vladimir G. Datsyshen¹, Tamara K. Rostovskaya²✉

^{1,2}*Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

¹*Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

¹*dazishen@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6471-8327*

²*rostovskaya.tamara@mail.ru*✉, *ORCID: 0000-0002-1629-7780, AuthorID RSCI: 767943,
AuthorID Scopus: 57192987864*

Abstract. *The purpose of the research is to actualization of the problem of studying the family and social status of students in the history of Russia on the example of Soviet students of Oriental studies.*

The methodological basis of the general scientific and special historical research methods. The scientific methods used include comparative, causal and statistical analysis.

Research result. *The historical sources available today allow us to begin restoring the historical picture of the student family and identifying the problems associated with it. Materials from the collections of the Far Eastern archives indicate that in the first half of the twentieth century, most Oriental students in Vladivostok did not have families, but there are direct and indirect references in the documents to married students and listeners. The presence of family students is also indicated by their age characteristics. Problems related to the family were not relevant for the university in Vladivostok, unlike problems of the quality of education or health status. The authorities and society controlled the social origin and social status of the students. In the post-war era, the situation has changed. The example of Moscow universities shows that at that time student families became commonplace. Family students had some advantages.*

The prospects of the research *are to expanding the source base for a comprehensive study of the student family.*

Keywords: *Student family, social status of students, Chinese studies, Far East*

For citation: *Datsyshen V. G., Rostovskaya T. K. Problems of family and social status of students on the example of soviet orientalists // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 68–79. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-68-79>.*

Введение. Во все исторические периоды российского государства семейная политика являлась важнейшим социальным инструментом, консолидирующим общество, снижающим социальную напряженность. В рамках настоящего исследования проводится краткий обзор эволюции развития государственной семейной политики в советский период, начиная с 1917 года [6].

1 этап — период с 1917 года до первой половины 1930-х годов. Основной задачей данно-

го периода было создание работающим женщинам условий для сочетания материнства с трудом в общественном производстве (отпуска и пособия по беременности и родам, оплачиваемые перерывы на кормление ребенка). При этом материальные меры были направлены не на семью в целом, а конкретно на городских женщин-работниц как особую социально-демографическую группу населения.

2 этап — период со второй половины 30-х годов до 70-годов — был ориентирован

на улучшение демографической ситуации путем поощрения высокой рождаемости и многодетности (вводятся пособия на детей многодетным матерям, а также награды «Медаль материнства», «Орден «Материнская слава», почетное звание «Мать-героиня», запрещаются аборт, ужесточается процедура разводов и, как следствие, увеличиваются размеры алиментов на детей, впервые в 1944 году вводятся пособия на детей одиноким матерям).

3 этап — период 70–80-е годы — характеризуется введением пособий на детей следующим категориям семей: малообеспеченным (1974 год), с детьми-инвалидами (1979 год), вдовам, не получающим на детей пенсии по случаю потери кормильца (1986 год), на детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов (1985 год). Также были увеличены пособия одиноким матерям (1981 год). Основная мера материальной поддержки семей с детьми на данном этапе — отпуска и пособия по уходу за малолетним ребенком до достижения им возраста одного года (1981–1983 год), полутора лет (с 1989 года).

Таким образом, завершая краткий обзор государственной семейной политики в советский период, необходимо отметить, что государственная семейная политика оформилась в виде самостоятельной области социальной политики именно в советский период, и следует согласиться с учеными фамилистами, что в рассматриваемый период советская семья была поставлена в зависимость от государства и не могла существовать без его поддержки на принципах государственного патернализма [10, с.16].

Проблемы современной семьи и социального положения студентов вызывают большой интерес российских исследователей. Ростовская Т.К., обращает внимание на студенческую молодежь с позиции главного субъекта общественного воспроизводства, «... так как именно в данной возрастной группе, в основном, сконцентрирован репродуктивный потенциал социума... Говоря о репродуктивном потенциале социума, прежде всего необходимо выделить репродуктивный потенциал молодежи как уровень физического и психического состояния молодежи, который позволяет при достижении социальной зрелости воспроизводить здоровое потомство» [11, с. 73].

В свою очередь, проблема исследования студенческой семьи является острой вследствие усугубления демографической обстановки в государстве, предусматривая значение молодых людей в смене поколений и репродуктивной функции социально-демографического устройства современного социума. Характерной чертой студенческой семьи можно считать то, что в данном типе семьи в наибольшей степени чувствительны проблемы, присущие институту семьи в целом.

Для более глубокого понимания современных проблем студенческой семьи необходимо иметь развернутую историческую картину явления, рассмотренную в ее предметном разнообразии. И речь идет не только об исторической динамике, но и ее территориально-географических и профессиональных аспектах. Разные регионы России всегда имели различия в части культуры семьи, специфика содержания и направления высшего образования накладывали свой отпечаток на отношение к семье студенческой молодежи.

Исторические аспекты проблемы студенческой семьи, за редким исключением [1], не рассмотрены в отечественной науке. Во многом такая ситуация обусловлена особенностями развития исторической науки в России и ограниченностью источниковой базы по данной проблеме. В советский период истории России проблемы социального происхождения и семьи были крайне политизированы и идеологизированы, что ограничивало возможности их научного исследования. Характер источников, отражающих историю студенчества, ограничивает возможности восстановления исторической картины семьи и социального положения студентов.

В данной работе проблема семьи рассматривается на примере студентов-китаеведов, учившихся во Владивостоке. В центре исследования — семья и социальное положение студентов в 1920–1930-х годах. Для сравнительного анализа в историческом и источниковедческом аспектах рассматриваются вопросы истории с начала XX века и до 1960-х годов, а кроме Владивостока берутся примеры из московских востоковедных вузов.

Проблемы семьи и социального положения студентов-востоковедов вообще и обучающихся во Владивостоке, в частности, остаются неизученными [10]. Лишь в неко-

торых работах исследователей встречаются указания на то, что в ДВГУ были студенты, состоявшие в браке, а в условиях политических репрессий в СССР советские семьи сталкивались с серьезными проблемами. Например, в работе известного дальневосточного исследователя О. П. Еланцевой был приведен пример материальных проблем студенческой семьи известного китаеведа М. И. Сладковского в 1920-х годах [3, с. 70]. Исследователь В. К. Донской пишет: «В феврале 1936 г. в партком ДВГУ поступило заявление студентки В. Кирносовой... Действовала Кирносова по команде мужа, который вместе с приятелем К. Саенко (оба бывшие студенты Востфака) в лагере на Второй речке ожидали административной высылки» [2, с. 99].

В современной мемуарной литературе имеются данные о семейном положении студентов-восточников, но уже отражающие более позднее время — 1940–1960-е годы. Например, академик С. Л. Тихвинский вспоминал: «Управление кадров НКВД отобрало из различных вузов гуманитарного профиля... 15 студентов... и направило их с семьями в Чунцин...» [12, с. 186].

Семейное положение студентов-востоковедов отражено в интервью известных российских китаеведов, собранных в рамках проекта «Российское китаеведение — устная история» В. Ц. Головачевым. Известный китаевед Л. П. Делюсин вспоминал: «Вместе со мной на одном курсе училась чета известных филологов Котовых (они познакомились и поженились во время учёбы в МИВе)» [8, с. 121]. В интервью профессора Б. М. Новикова отмечено, что, будучи студентом Восточного факультета ЛГУ, женился известный китаевед Л. Н. Меньшиков [7, с. 337]. В воспоминаниях бывшей студентки Московского института востоковедения китаеведа З. Д. Катковой говорилось: «Когда мы окончили четвёртый курс, сдали экзамены и все разъехались на летние каникулы, то тут нам преподнесли очень неожиданный и неприятный сюрприз. Я уехала в Литву к мужу, он у меня был военный, и тут я получаю письмо, что должна срочно возвращаться в Москву, потому что наш институт расформировали. Это был 1954 год... Нам предложили идти на первый курс в любой институт. Это было очень странно, потому что многие уже

обзавелись семьями и детьми» [8, с. 168]. В интервью многих китаеведов отражены проблемы студенческих семей, созданных в период их стажировок в Китае в 1950-х годах. Во второй половине 1950-х годов в Пекине, будучи студентом, женился будущий академик М. Л. Титаренко [8]. Тогда же там женился на китайке выдающийся российский китаевед М. В. Крюков. В воспоминаниях указывается, что большинство смешанных советско-китайских студенческих семей быстро распались, но оставшиеся оказались крепкими и сохранились на протяжении более полувека.

Данные по студентам Дальневосточного государственного университета начала 1960-х годов есть в работе З. Ф. Моргун. В воспоминаниях указано, что на 1 курс по кафедре востоковедения в 1962 году поступило 15 человек, из которых лишь шесть человек были выпускниками школы. Некоторые из поступивших в ДВГУ уже имели семьи. З. Ф. Моргун пишет: «Нина Соколова (Плотникова) уже была замужем, имела сына, и к тому времени у нее было три курса английского факультета Хабаровского пединститута. Чан Владимир (Чан Су Бу) и Жю Евгений (Жю Е Ги) приехали поступать с Сахалина, имели семьи» [5, с. 36]. Также в воспоминаниях З. Ф. Моргун указывается, что имевшие семьи студенты были вынуждены во время учебы подрабатывать: «Чан Су Бу в 1962 г. поступил в ДВГУ на отделение японского языка, став студентом первого набора. Учебу в университете (1962–1968 гг.) совмещал с работой переводчиком японского языка в ТИПРО — у него уже была семья» [5, с. 23].

Таким образом, вопросы истории семьи и социального положения студентов-востоковедов в 1920–1930-х годах остаются неизученными в современной науке. Что касается более позднего периода, 1950–1960-х годов, то в воспоминаниях бывших студентов-востоковедов, данных в интервью или опубликованных в виде статей, содержится информация о студенческих семьях и некоторых проблемах, связанных с этим явлением.

Для рассмотрения проблемы семьи и социального положения студентов в 1920–1930-х годах на примере студентов-востоковедов мы привлекли документы из фондов Государственного архива Приморского края

(ГАПК) и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИАДВ).

В Государственном архиве Приморского края интересующие нас документы собраны в фондах Р-115 «Восточный институт г. Владивосток», Р-117 «Государственный Дальневосточный университет (ГДУ)» и Р-170 «Дальневосточный государственный университет (ДВГУ)». В фонде Р-289 «Дальневосточный государственный университет. г. Владивосток» Российского государственного исторического архива Дальнего Востока хранятся свидетельства об окончании Восточного факультета ДВГУ за 1930-е годы, по которым можно определить возраст некоторой части абитуриентов во время поступления в университет. Кроме того, документы по истории ДВГУ вошли в изданный РГИАДВ сборник документов и материалов «Из истории востоковедения на Российском Дальнем Востоке» [4].

Методика. Методологической основой исследования явились общенаучные и специальные исторические методы исследования. На основе исторических источников восстанавливается историческая картина событий, выявляются и анализируются причинно-следственные связи. К используемым научным методам относятся сравнительный, причинно-следственный и статистический анализ. В работе использованы подходы и принципы истории повседневности.

Результаты. В начале XX века в России активно развивалось высшее образование, в том числе и востоковедное, которое привлекало представителей разных сословий. В 1899 году во Владивостоке было открыто первое в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке высшее учебное заведение — Восточный институт, куда поехали учиться выпускники различных средних учебных заведений из разных регионов Российской им-

перии. После революции 1917 года на базе Восточного института был создан университет (Государственный дальневосточный университет, 1920–1930 годы; Дальневосточный государственный университет, 1931–1938 годы).

Сразу же после открытия Восточного института во Владивостоке туда поступали люди старше 20 лет. В 1899 году в число студентов был принят 25-летний казак П. А. Бобырев, закончил он институт в возрасте 33 лет¹. В числе первых студентов, зачисленных в 1900 году, были дети священников 24-летний И. И. Добролювский и 25-летний Д. С. Дедевич². Затем большинство студентов поступали в институт после окончания средних учебных заведений. В 1902 году в институт поступил 17-летний М. Д. Воронеж из потомственных дворян³. В 20-летнем возрасте были зачислены в институт в первом десятилетии XX века Н. И. Асеев⁴, М. А. Астафуров⁵ и др. Очевидно, что эти молодые выпускники средних учебных заведений еще не были женаты и, заканчивая через 4 года институт, они не успевали вступить в брак. Социальное происхождение у студентов было разное, чаще это были дети священников, мещан и дворян.

Нередко в Восточный институт приходили студенты в более зрелом возрасте. В 1910 году в институт «был зачислен в число студентов Восточного Института» 30-летний потомственный дворянин П. А. Бобрик⁶; «осенью 1911 г., состоя в должности бухгалтера Восточного Института, был допущен к слушанию лекций в Восточном Институте в качестве постороннего слушателя и... полностью прошел установленный для студентов курс Восточного Института по китайско-монгольскому отделению» В. Д. Чистяков⁷, 1886 года рождения. В 1912 году «был допущен к слушанию лекций в Восточном институте», а в 1916 году «удостоен аттестата об окончании с отличным успехом курса Восточного института со всеми правами и пре-

1 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 5. Л. 11.
2 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 5. Л. 2–3.
3 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 5. Л. 14.
4 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 13. Л. 2.
5 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 13. Л. 3.
6 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 13. Л. 5.
7 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 13. Л. 94.

имуществами, представляемыми оканчивающим курс Восточного Института студентам», сын поручика из дворян 1859 года рождения Всеволод Федорович Михайловский»⁸.

Имели место и такие случаи, когда «Дмитрий Михайлович Брайковский, сын псаломщика, родившийся 6 ноября 1875 года, ... был зачислен посторонним слушателем Восточного Института в осеннем семестре 1901 года, в осеннем семестре 1904 года принят в число студентов Восточного Института»⁹. Институт этот студент закончил в возрасте 32 лет. Еще один пример, когда М. П. Соколов, «сын мещанина, родившийся 29 октября 1872 года, ... был зачислен посторонним слушателем Восточного Института в осеннем полугодии 1902 года, в весеннем полугодии 1907 года... принят в число студентов»¹⁰. Данные истории позволяют с большой долей вероятности предположить, что в Восточном институте в начале XX века учились семейные студенты.

Отдельно следует отметить, что в Восточном институте учились и прикомандированные офицеры-слушатели, как правило, в возрасте старше 30 лет. В 1900 году в Восточный институт были зачислены в число слушателей 31-летний штабс-капитан М. Н. Козлянинов¹¹ и 29-летний капитан С. В. Афанасьев¹².

Вскоре в числе студентов появились и девушки. Наличие в документах второй фамилии в скобках указывает на то, что студентки выходили замуж. В качестве примера можно привести поступившую учиться в 1918 году и выбывшую из университета в 1920 году М. П. Богданову (Разумовскую)¹³.

После установления советской власти на Дальнем Востоке принципиально ситуация не изменилась. Большая часть студентов поступали Дальневосточный государственный университет, куда вошел Восточный институт, после окончания средней школы.

Кроме студентов, в университете учились и прикрепленные слушатели, положение которых мало отличалось от студентов.

Графа «семейное положение» крайне редко встречается в анкетах абитуриентов и студентов. В советский период развития высшего образования в России, как и в до-революционный, власти интересовало, а университетская бюрократия фиксировала в обязательном порядке социальное происхождение и социальное положение студентов. Это отражено в самых разных документах, от вступительных анкет до выпускающей документации.

В анкетах в 1920-х годах была графа «Социальное положение студента и родителей». 26-летняя студентка Восточного факультета Т. А. Регова записала: «дочь служащего и сама служащая»¹⁴. О социальном положении студентов говорится, например, в таком документе, как «Докладная записка президиума Совета Дальневосточного отделения Всесоюзной торговой палаты и дирекции ДВГУ в президиум Далькрайисполкома» за 1932 год: «По своему социальному положению студенты восточного отделения распределяются следующим образом: рабочих и их детей — 66, крестьян — 36, служащих — 50» [4, с. 84].

Лишь в некоторых документах студентов факультета восточных языков есть указание на семейное положение. Например, в анкете поступившего в 1926 году в ГДУ Якова Иосифовича Лурье, 1902 года рождения, в графе «семейное положение» написано «холост»¹⁵. В «Опросном листе для поступивших в ВУЗы» Анны Ивановны Жбановой, 1904 года рождения, в графе «семейное положение» указано «девица»¹⁶. В документе такого же рода Тамары Евгеньевны Казакевич, 1909 года рождения, в графе «семейное положение» было написано лишь «нахожусь на иждивении отца»¹⁷.

8 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 13. Л. 74.

9 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 5. Л. 9.

10 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 5. Л. 28.

11 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 5. Л. 7.

12 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 5. Л. 5.

13 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 15. Л. 3.

14 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 87.

15 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 59.

16 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 45.

17 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 52.

О числе студентов, могущих иметь семьи, можно предположительно судить по их возрастным данным. «Список личного состава студентов-ок Государственного Дальневосточного Университета Восточного Факультета»¹⁸, поступивших в 1922–1925 годах, указывает на то, что большинство студентов поступали в возрасте от 18 до 22 лет. В свидетельствах об окончании Восточного факультета ДВГУ за 1920–30-е годы указано, что студенты Н.И. Малков¹⁹, М.И. Мелько²⁰ и др. поступили в университет в возрасте 18 лет. Однако некоторые студенты заканчивали университет уже в достаточно зрелом возрасте. Например, В.Д. Новоселов поступил в возрасте 23 лет, а окончил — в 29 лет²¹, С.А. Мерцалов поступил в возрасте 19 лет, а окончил его уже в 30-летнем возрасте²². В 30-летнем возрасте окончил ДВГУ и китаист В.Е. Пащенко²³. Отдельные студенты поступили в возрасте 27–28 лет²⁴. Например, студенты М.Я. Гетманчук, М.П. Вадивасов, В.А. Войлошников, С.П. Дикарев поступили в возрасте 28–29 лет. Вероятно, эти студенты уже состояли в браке. Кроме того, поступившая в 1923 году на японское отделение Ядвига Люциановна Афанасьева, 1905 года рождения, очевидно, носила фамилию мужа, а не девичью²⁵.

В числе принятых на учебу в ДВГУ востоковедов были не только студенты, но и слушатели, принятые на разных основаниях. Это были люди уже в зрелом возрасте. Прикомандированный С.Н. Александров в заявлении о приеме писал: «На службе состою 12 лет»²⁶. В 1926 году на Востфак поступил, а точнее, был «прикомандирован в Китайскому отд. Восточного факультета для повышения квалификации с правом сдачи зачетов» коммерческий директор треста «Примуголь» И.С. Барский, 1884 года рождения²⁷. В том же году был принят в институт

«для повышения квалификации» счетовод С.П. Гожий, 1893 года рождения²⁸. В имеющихся в личных делах анкетах отсутствует графа «семейное положение». Никаких документов, где бы затрагивался вопрос о семье этих студентов, в делах нет. Мы можем предположить, что данные студенты имели семьи, но из-за отсутствия у них материальных проблем данный вопрос в институтских документах не поднимался.

Документы, отражающие проблемы студенчества в ДВГУ, указывают на то, что проблемы, связанные с семьей, не были актуальными, в отличие от проблем качества обучения или состояния здоровья. Например, в «Докладной записке декана восточного факультета ДВГУ В.А. Войлошникова» было лишь указано: «Необходимость предоставления отпусков сравнительно большому количеству от наличного состава студентов (16%) вызвана болезненным состоянием и невозможностью дальше работать. При чем в отпуск уходят в большинстве студенты активисты-партийцы, которые помимо учебы несут значительную общественную нагрузку и, переходя на старшие курсы, оказываются настолько с расшатанным здоровьем, что вынуждены делать перерыв в учебе» [4, с. 92]. В отчете декана за 1934 г. было указано, что 20 студентов были в отпуске по болезни, но не говорилось о декретных отпусках или отпусках по семейным обстоятельствам [4, с. 92].

В архивных фондах изредка встречаются документы, позволяющие увидеть более полную картину семейного положения студентов-востоковедов. В качестве примера можно привести дело Поликарпа Фиофилактовича Безматерных, приехавшего из Минусинска во Владивосток в статусе командированного в ГДУ Минусинским окружкомом профсоюза Совгосслужащих. П.Ф. Безматерных

18 ГАПК. Ф. Р-117. Оп. 3. Д. 58.

19 РГИАДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 128. Л. 15.

20 РГИАДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 128. Л. 17.

21 РГИАДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 128. Л. 28.

22 РГИАДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 128. Л. 1.

23 РГИАДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 128. Л. 57.

24 ГАПК. Ф. Р-117. Оп. 3. Д. 58.

25 ГАПК. Ф. Р-117. Оп. 3. Д. 58. Л. 1.

26 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 4. Л. 4.

27 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 4. Л. 16.

28 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 4. Л. 38.

родился в Минусинске в феврале 1895 года, но еще в детстве уезжал с родителями работать на золотые прииски в верховьях Зеи, где получил начальное образование и познакомился с основами китайского языка. Вернувшись во время Мировой войны на родину и будучи призван в армию, он заочно получил образование, а в 1917 году «сдал экстерном за курс реального училища»²⁹.

П. Ф. Безматерных поехал учиться во Владивосток по собственному желанию, получив направление от организации, где работал. В выписке из «протокола от 3-го Августа 1926 г. заседания Правления Минусинского Округа Отделения Союза Совторгслужащих» говорилось: «Слушали: заявление члена союза тов. Безматерных о выдаче ему документов от союза для поездки на учение в Институт восточных языков /обладает китайским языком/. Имеется сообщение из института о наличии вакантных мест. Постановили: Выдать удостоверение...»³⁰.

В «Анкету о поступлении студентов в Восточный институт» его социальное положение было указано: «сын крестьянина-бедняка». О родителях в анкете было указано: «Крестьяне (бедн.) проживают в с. Салбинском Минус. окр»³¹. Ко времени поступления он работал счетоводом-кооператором, имел жену и детей. П. Ф. Безматерных в прошлом был членом ВКП (б), но в 1922 году выбыл, как «не прошедший перерегистрацию»³².

В начале своего обучения П. Ф. Безматерных столкнулся с большими трудностями. Он писал в заявлении: «Я командирован Минусинским Отд. профсоюза в Г.Д.У. для усовершенствования китайского языка, который я изучал практически. По прибытии сюда выяснилось, что я опоздал: приемная комиссия закончила свои работы и комплект набран. Я получил разрешение правления быть вольнослушателем и посещал лекции аккуратно до 28/IX, т.е. до того дня, в который было объявлено, что ВУЗ перегружен вольнослушателями, а поэтому билеты на право посещения лекций с 29/

IX — не действительны. В виду этого прошу вновь разрешить мне посещать лекции первого курса Востфака китайского отделения...»³³. В заявлении, поданном в ноябре 1926 года в адрес Владивостокского Союза Совторгслужащих, говорилось: «Минусинским окр. Отд. Союза я командирован в Г.Д.У. с целью изучения китайского языка и ряда других дисциплин; но, благодаря несоблюдению соотв. формы, командировка, с юридическ. стороны получилась недооформленной, и посещаю лекции на «безправных» правах вольнослушателя и поэтому не могу участвовать в проработке лекций и, главное, сдавать зачеты и пользоваться учебными пособиями»³⁴.

В документах имеется информация о семье слушателя ГДУ П. Ф. Безматерных. В анкете, составленной в январе 1927 года, он указал, что семья осталась жить в Минусинске и состояла на его иждивении. Состав семьи был указан следующий: Безматерных Лидия Ивановна, 29 лет, род занятий — модистка (изготовление женских шляпок и украшений). В их семье было два сына: пятилетний Георгий и годовалый Евгений. Жена и дети слушателя-китаеведа жили в городе, отдельно от его родителей, занимавшихся сельским хозяйством в деревне.

Слушатель ГДУ в силу имевшейся на его иждивении семьи и проблем с документами при оформлении в университет оказался в тяжелом материальном положении, о чем он и писал руководству своего учебного заведения. В университете никакой стипендии П. Ф. Безматерных не получал, а подрабатывал счетоводом «в коллект. погрузо-разгр. работ при бирж. тр.»³⁵. Однако заработанных денег хватало лишь на проживание и питание во Владивостоке, но не на содержание семьи.

Можно предположить, что пример тяжелого материального положения слушателя ГДУ П. Ф. Безматерных был не единичным для середины 1920-х годов. Подобных дел в архивных делах университета выявить нам не удалось, но в работе О. П. Еланцевой при-

29 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 26об.

30 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 34.

31 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 27.

32 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 23.

33 ГАПК. Ф. 115. Оп. 2. Д. 1. Л. 22.

34 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 30.

35 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 23.

водится такой пример: «31 октября 1928 г. студент-выдвиженец Михаил Сладковский обращался в стипендиальную комиссию при Дальневосточном университете: “Ввиду того, что размер стипендии в 60 руб. меня удовлетворить не может, так как на моем иждивении находится жена, я поступил на службу в Дальторг”» [3, с. 70].

В 1930-х годах руководство правящей в СССР партии взяло курс на усиление классово-борьбы, что отразилось и на советском студенчестве. Инструментом политической борьбы стало социальное происхождение студентов. В газете ДВГУ «Трибуна университета» за 25 декабря 1935 года был помещен материал «Этим людям не место в партии». В нем говорилось: «В процессе проверки партийных документов постановлением бюро горкома исключены из партии Прокопенко и Березовский — студенты 4 курса китайского отделения... Прокопенко оказался сыном кулака — в прошлом владельца паровой мельницы. Сынок, работая у отца на мельнице в качестве кочегара, сумел вписать себе рабочий стаж и пролезть в партию...»³⁶. В заметке «Почему молчит дирекция?» в вину студенту Березовскому ставилось то, что его отец также был кулаком и «участвовал в борьбе против советской власти в период гражданской войны на Дальнем Востоке»³⁷. При этом второй причиной исключения его из партии было то, что «весь 1934–35 учебный год работал в 2–3 учреждениях»³⁸, а это как раз указывало на то, что материально гонимый студент не мог опереться на якобы родственников-эксплуататоров. Здесь следует отметить: требовавшие исключения из партии студенты ДВГУ Восстриков и Преображенский в 1937 году сами были арестованы уже по выбитым следователями показаниям пострадавших от их доносов [2, с. 98].

Вообще, за указание в анкете неполных данных о своей семье в 1930-х годах исключали не только из партии, но и из университета. Например, студентку химического факультета ДВГУ, которая «в анкете при подаче заявления в университет... в графе “соци-

альное положение родителей” написала “ра-дист”, т.е. написала социальное положение своего брата, а об отце ни слова»³⁹, исключили из университета, несмотря даже на то, что отец ее умер, а семья действительно находилась на иждивении брата.

Заключение. Исторический опыт российского студенчества, студенческой семьи и социального положения студентов становится актуальным в связи с возросшим интересом ученых и общественности к проблемам современной студенческой семьи. Данная тема остается не изученной в силу комплекса причин. Тем не менее, доступные на сегодняшний день исторические источники — мемуары, архивные документы делопроизводственного характера, материалы периодической печати и др. — позволяют начать восстановление исторической картины студенческой семьи и выявления причинно-следственных связей, проблем и противоречий.

Большинство студентов российских вузов, особенно до революции 1917 года, не вступали в брак. Исключением не был Восточный институт во Владивостоке. Большинство студентов поступали в этот институт после окончания средних учебных заведений в возрасте 19–20 лет. Однако многие из поступивших на учебу в ДГУ и ДВГУ были уже в более зрелом возрасте, что позволяет предположить, что имели место и студенческие семьи. Известные китаеведы М. И. Сладковский и Ф. В. Соловьев, будучи студентами во Владивостоке, уже были женаты. Выявленные документы не позволяют определить процент студентов, состоявших в браке, но в ряде документов это напрямую зафиксировано. Содержание документов позволяет предположить, что наличие семьи у студента или слушателя обычно не создавало проблем для университета, но материальных проблем студентам не всегда удавалось избегать. Во второй половине 1930-х годов вопросы семьи и социального происхождения резко политизировались, стали важным фактором политических репрессий. В конце 1930-х годов, когда большая часть преподавателей и студентов-востоковедов попали под

³⁶ Трибуна университета. 1935. 25 декабря. С. 1.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

политические репрессии, университет во Владивостоке был закрыт на два десятилетия.

В послевоенную эпоху ситуация вокруг студенческих семей несколько изменилась. Пример московских вузов послевоенной эпохи показывает, что в это время студенческие семьи стали обычным явлением. Семейные студенты имели некоторые преимущества. Например, состоявшим в браке студентам выдавали дипломы без обязательного распределения в отдаленные районы Советского Союза, как прочим выпускникам. Успешная карьера и высокие достижения многих китайцев, вступивших в брак будучи студентами, указывает на то, что студенческая семья не была препятствием для учебы и карьерного роста.

Список источников

1. Денисов С. Б. Социальная помощь студенческой семье в СССР: историко-правовой анализ // Вестник Мордовского университета. 2012. №1. С. 67–72.

2. Донской В. К. Разгром Восточного факультета ДВГУ // Вестник ДВО РАН. 1996. №1. С. 95–108.

3. Еланцева О. П., Ван Юе. Студенческие годы востоковеда М. И. Сладковского (По документам Дальневосточного университета 1924–1930 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. №1. С. 66–73.

4. Из истории востоковедения на Российском Дальнем Востоке. 1899–1937 гг. Документы и материалы. Владивосток: Приморская краевая организация Добровольного общества любителей книги России, 2000. 256 с.

5. Моргун З. Ф. Восстановление преподавания японского языка в Дальневосточном государственном университете (1962–1994) // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России: сборник статей и библиография / сост. и отв. ред. А. С. Дыбовский. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. С. 19–46.

6. Климантова Г. И. Государственная семейная политика в условиях социально-политической трансформации современной России. М.: Триада Лтд, 2001. 264 с.

7. Российское китаеведение — устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеводами XX–XXI вв. / под ред.

В. Ц. Головачёва. Т. 2. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. 572 с.

8. Российское китаеведение — устная история: Сборник интервью с ведущими российскими китаеводами XX–XXI вв.: в 3-х томах / отв. ред. В. Ц. Головачёв. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М.: Институт востоковедения РАН, МАКС Пресс, 2018. 496 с.

9. Российское китаеведение — устная история: Сборник интервью с ведущими российскими китаеводами XX–XXI вв.: в 3-х томах / отв. ред. В. Ц. Головачёв. 2-е изд., испр. и доп. Т. 3. М.: Институт востоковедения РАН, МАКС Пресс, 2018. 480 с.

10. Ростовская Т. К. Традиционные семейные ценности в контексте российской истории. М., 2016. 25 с.

11. Ростовская Т. К. Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых семей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. №4. С. 73–81.

12. Тихвинский С. Л. Избранные произведения. Кн. 5: Воспоминания дипломата и заметки историка. М.: Наука, 2006. 452 с.

13. Хаматова А. А. Преподаватели и выпускники-китаеведы университета в 20–30-е годы прошлого века // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России: сборник статей и библиография / сост. и отв. ред. А. С. Дыбовский. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. С. 47–67.

References

1. Denisov S. B. Social'naja pomoshh' studencheskoj sem'e v SSSR: istoriko-pravovoj analiz [Social assistance to the student family in the USSR: historical and legal analysis]. *Vestnik Mordovskogo universiteta [Bulletin of the Mordovian University]*. 2012; (1): 67–72. (In Russ.).

2. Donskoj V. K. Razгром Vostochnogo fakul'teta DVGU [The defeat of the Eastern Faculty of DVSU]. *Vestnik DVO RAN [Bulletin of the FEB RAS]*. 1996; (1): 95–108. (In Russ.).

3. Elanceva O. P., Van Jue. Studencheskie gody vostokoveda M. I. Sladkovskogo (Po dokumentam Dal'nevostochnogo universiteta 1924–1930 gg.) [Student years of the orientalist M. I. Sladkovsky (According to the documents of the Far Eastern University 1924–1930)]. *Gumanitarnye issledovanija v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*

[*Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East*]. 2019; (1): 66–73. (In Russ.).

4. Iz istorii vostokovedenija na Rossijskom Dal'nem Vostoke. 1899–1937 gg. Dokumenty i materialy [From the history of Oriental studies in the Russian Far East. 1899–1937 Documents and materials]. Vladivostok: Primorskaja kraevaja organizacija Dobrovol'nogo obshhestva ljubitelej knigi Rossii, 2000. 256 p. (In Russ.).

5. Morgun Z. F. Vosstanovlenie prepodavanija japonskogo jazyka v Dal'nevostochnom gosudarstvennom universitete (1962–1994) [Restoration of Japanese language teaching at the Far Eastern State University (1962–1994)]. Puti razvitija vostokovedenija na Dal'nem Vostoke Rossii: sbornik statej i bibliografija [Ways of development of Oriental studies in the Far East of Russia: collection of articles and bibliography]. Sost. i otv. red. A. S. Dybovskij [In A. S. Dybovsky (eds.)]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2014. P. 19–46. (In Russ.).

6. Klimantova G. I. Gosudarstvennaja semejnaja politika v uslovijah social'no-politicheskoj transformacii sovremennoj Rossii [State family policy in the conditions of socio-political transformation of modern Russia]. Moscow: Triada Ltd, 2001. 264 p. (In Russ.).

7. Rossijskoe kitaevedenie — ustnaja istorija. Sbornik interv'ju s vedushhimi rossijskimi kitaevdami XX–XXI vv. [Russian Sinology — oral history. Collection of interviews with leading Russian Sinologists of the XX–XXI centuries]. Pod red. V. C. Golovachjova [In V. Ts. Golovachev (eds.)]. Vol. 2. Moscow: Institut vostokovedenija RAN, 2015. 572 p. (In Russ.).

8. Rossijskoe kitaevedenie — ustnaja istorija: Sbornik interv'ju s vedushhimi rossijskimi kitaevdami XX–XXI vv.: v 3-h tomah [Russian Sinology — oral history. Collection of interviews with leading Russian Sinologists of the XX–XXI centuries: in 3 volumes]. Otv. red. V. C. Golovachjov

[In V. Ts. Golovachev (eds.)]. 2-e izd., ispr. i dop. Vol. 1. Moscow: Institut vostokovedenija RAN, MAKS Press, 2018. 496 p. (In Russ.).

9. Rossijskoe kitaevedenie — ustnaja istorija: Sbornik interv'ju s vedushhimi rossijskimi kitaevdami XX–XXI vv.: v 3-h tomah [Russian Sinology — oral history. Collection of interviews with leading Russian Sinologists of the XX–XXI centuries: in 3 volumes]. Otv. red. V. C. Golovachjov [In V. Ts. Golovachev (eds.)]. 2-e izd., ispr. i dop. Vol. 3. Moscow: Institut vostokovedenija RAN, MAKS Press, 2018. 480 p. (In Russ.).

10. Rostovskaja T. K. Tradicionnye semejnnye cennosti v kontekste rossijskoj istorii [Traditional family values in the context of Russian history]. Moscow, 2016. 25 p. (In Russ.).

11. Rostovskaja T. K. Sozdanie studentcheskoj sem'i: motivacija i zhiznennye strategii chlenov molodyh semej [Creating a student family: motivation and life strategies of members of young families]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky]. 2015; (4): 73–81. (In Russ.).

12. Tihvinskij S. L. Izbrannye proizvedenija. Kn. 5: Vospominanija diplomata i zametki istorika [Selected works. Book 5: Memoirs of a diplomat and notes of a historian]. Moscow: Nauka, 2006. 452 p. (In Russ.).

13. Hamatova A. A. Prepodavateli i vypuskniki-kitaevdy universiteta v 20–30-e gody proshlogo veka [Teachers and graduates-sinologists of the University in the 20–30s of the last century]. Puti razvitija vostokovedenija na Dal'nem Vostoke Rossii: sbornik statej i bibliografija [Ways of development of Oriental studies in the Far East of Russia: collection of articles and bibliography]. Sost. i otv. red. A. S. Dybovskij [In A. S. Dybovsky (eds.)]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2014. P. 47–67. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.02.2022; одобрена после рецензирования 06.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 02.02.2022; approved after reviewing on 06.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дацышен Владимир Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Институт востоковедения Российской академии наук.

Москва, Россия, ул. Рождественка, 12/1

Vladimir G. Datsyshen — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Re-searcher, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences.

12/1 Rozhdestvenka st., Moscow, Russia

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Tamara K. Rostovskaya — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for Research, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences.

6 Fotievoy st., bld. 1, Moscow, Russia

Вклад авторов:

Дацышен В.Г. — научное руководство; концепция исследования; написание исходного текста; итоговые выводы.

Ростовская Т.К. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Datsyshen V. G. — scientific guidance; research concept; writing the source text; final conclusions.

Rostovskaya T. K. — scientific guidance; research concept; development of methodology; final conclusions.

Научная статья
УДК 314.83
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-80-94

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ МОЛОДЁЖИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Чулпан Ильдусовна Ильдарханова¹✉, Гульшат Махмудовна Рустамова²

^{1,2}Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

²Центр перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

¹chulpanildusovna@gmail.com✉, ORCID: 0000-0002-3992-0336, AuthorID РИНЦ: 331216

²salahova53@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7346-0348

Аннотация. Цель исследования — определить концептуальные ориентиры изучения феномена молодой семьи через процесс идентификации молодежи с важными демографическими событиями и встраивания в свои жизненные траектории создания семьи и рождения детей.

Методологическая база. Авторы придерживаются современного социально-демографического подхода к изучению демографической идентификации молодежи. Методология базируется на фундаментальных работах научной школы Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, развивающей социально-демографическое направление. При изучении современных социологических исследований молодежи были проанализированы значимые теоретические подходы ученых ИСПИ ФНИСЦ РАН, ученых Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, экономических демографов Вологодского научного центра РАН, казанских ученых.

Результаты исследования. В рамках статьи через анализ демографической ситуации в России, международных и федеральных нормативных документов, опросов общественного мнения и социологических исследований рассмотрена актуальность внедрения нового термина — «демографическая самоидентификация молодёжи», разработано авторское определение понятия, сделаны выводы о том, что данный процесс включает в себя как законодательно зафиксированные нормы (государственные программы, Национальные проекты и т. д.), стимулирующие активность демографического поведения юношей и девушек, так и демографическую самоидентификацию молодых мужчин и женщин, отражающую намерения создания семьи и рождения детей вне контекста государственной демографической политики, формируемую собственными жизненными траекториями. Кроме того, была обозначена необходимость дальнейшего осмысления и институционализации термина в науке, обозначены перспективные направления его исследования.

Перспективы исследования заключаются в научном поиске и кристаллизации терминов демографической идентификации и самоидентификации молодежи. В то же время дальнейшие исследования сопряжены с исследованием противоречий в идентификации молодой семьи, когда, с одной стороны, в общественном восприятии этот феномен связан и с продолжительностью брачного союза (пары, зарегистрировавшие отношения в органах ЗАГС, на момент бракосочетания являются молодоженами вне зависимости от возраста жениха и невесты), с другой стороны, социально-демографическая нагрузка на понятие «молодая семья» обусловлена исключительно возрастом супругов, не превышающим 35 лет.

Ключевые слова: молодежь, демографическая ситуация, репродуктивное поведение, демографические планы, репродуктивные установки, идентификация, демографическая идентификация молодёжи

Для цитирования: Ильдарханова Ч. И., Рустамова Г. М. Демографическая идентификация молодёжи: к постановке проблемы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 80–94. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-80-94>.

Original article

DEMOGRAPHIC IDENTIFICATION OF YOUTH: TOWARD A PROBLEM STATEMENT

Chulpan I. Ildarhanova^{1✉}, Gulshat M. Rustamova²

^{1,2}*Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia*

²*Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia*

¹*chulpanildusovna@gmail.com✉, ORCID: 0000-0002-3992-0336, AuthorID РИИЦ: 331216*

²*salahova53@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7346-0348*

Abstract. *The purpose of the study is to determine the conceptual guidelines for studying the phenomenon of a young family through the process of identifying young people with important demographic events and embedding them in their life trajectories of creating a family and having children.*

Methodological base. *The authors adhere to the modern socio-demographic approach to the study of demographic identification of young people. The methodology is based on the fundamental works of the scientific school of the Center for Family and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, which develops the socio-demographic direction. In the study of modern sociological research of youth, significant theoretical approaches were analyzed by scientists of the ISPI of the FNSC RAS, scientists of the Institute of Demographic Research of the FNSC RAS, economic demographers of the Vologda Scientific Center of the RAS, Kazan scientists.*

The results of the study. *Within the framework of the article, through the analysis of the demographic situation in Russia, international and federal regulatory documents, public opinion polls and sociological research, the relevance of the introduction of the new term is considered — «demographic self-identification of youth», the author's definition of the concept is developed, conclusions are drawn that this process includes both legislatively fixed norms (state programs, National projects, etc.) that stimulate the activity of demographic behavior of boys and girls, and demographic self-identification of young men and women, reflecting the intentions of creating a family and having children outside the context of state demographic policy, formed by their own life trajectories. In addition, the need for further understanding and institutionalization of the term in science was identified, promising areas for its research were identified.*

The prospects of the research. *In the scientific search and crystallization of the terms of demographic identification and self-identification of young people. At the same time, further research is associated with the study of contradictions in the identification of a young family, when, on the one hand, in public perception, this phenomenon is also associated with the duration of the marriage union (couples who have registered relations with the registry office are newlyweds at*

the time of marriage, regardless of age of the bride and groom), on the other hand, the socio-demographic burden on the concept of «young family» is due exclusively to the age of the spouses, not exceeding 35 years.

Keywords: youth, demographic situation, reproductive behavior, demographic plans, reproductive attitudes, identification, demographic identification of youth

For citation: Ildarhanova Ch. I., Rustamova G. M. Demographic identification of youth: toward a problem statement // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 80–94. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-80-94>.

Введение. Современная российская социально-демографическая школа, представленная на национальном уровне, в первую очередь, учеными Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, на региональном уровне научной школой Центра семьи и демографии АН РТ, характеризует демографическую ситуацию в России как находящуюся в системном кризисе [1; 2], который сопровождается:

- снижением численности населения страны (см. таблицу 1);
- ростом численности разводов (рис. 1);

- снижением рождаемости (см. рис. 2);
- преобладанием семей с одним ребенком (см. таблицу 2);
- превалированием доли матерей, рожающих после 25 лет (см. таблицу 3).

Методология. Авторы придерживаются современного социально-демографического подхода к изучению демографической идентификации молодежи. Методология базируется на фундаментальных работах научной школы Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, развива-

Таблица 1
Table 1

**Динамика численности населения Российской Федерации
за период с 01.01.2009 по 01.01.2021 гг.¹
Dynamics of the population of the Russian Federation
for the period from 01.01.2009 to 01.01.2021**

Года	Численность населения	Естественная убыль / естественный прирост
1/1/2009	141 млн. 903 тыс. чел.	–
1/1/2010	141 млн. 914 тыс. чел.	11 тыс. чел.
1/1/2012	143 млн. 056 тыс. чел.	1 млн. 142 тыс. чел.
1/1/2013	143 млн. 347 тыс. чел.	291 тыс. чел.
1/1/2014	143 млн. 666 тыс. чел.	319 тыс. чел.
1/1/2015	146 млн. 267 тыс. чел.	2 млн. 601 тыс. чел.
1/1/2016	146 млн. 544 тыс. чел.	277 тыс. чел.
1/1/2017	146 млн. 804 тыс. чел.	260 тыс. чел.
1/1/2018	146 млн. 880 тыс. чел.	76 тыс. чел.
1/1/2019	146 млн. 780 тыс. чел.	–100 тыс. чел.
1/1/2020	146 млн. 748 тыс. чел.	–32 тыс. чел.
1/1/2021	146 млн. 171 тыс. чел.	–577 тыс. чел.

¹ Таблица составлена авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат).

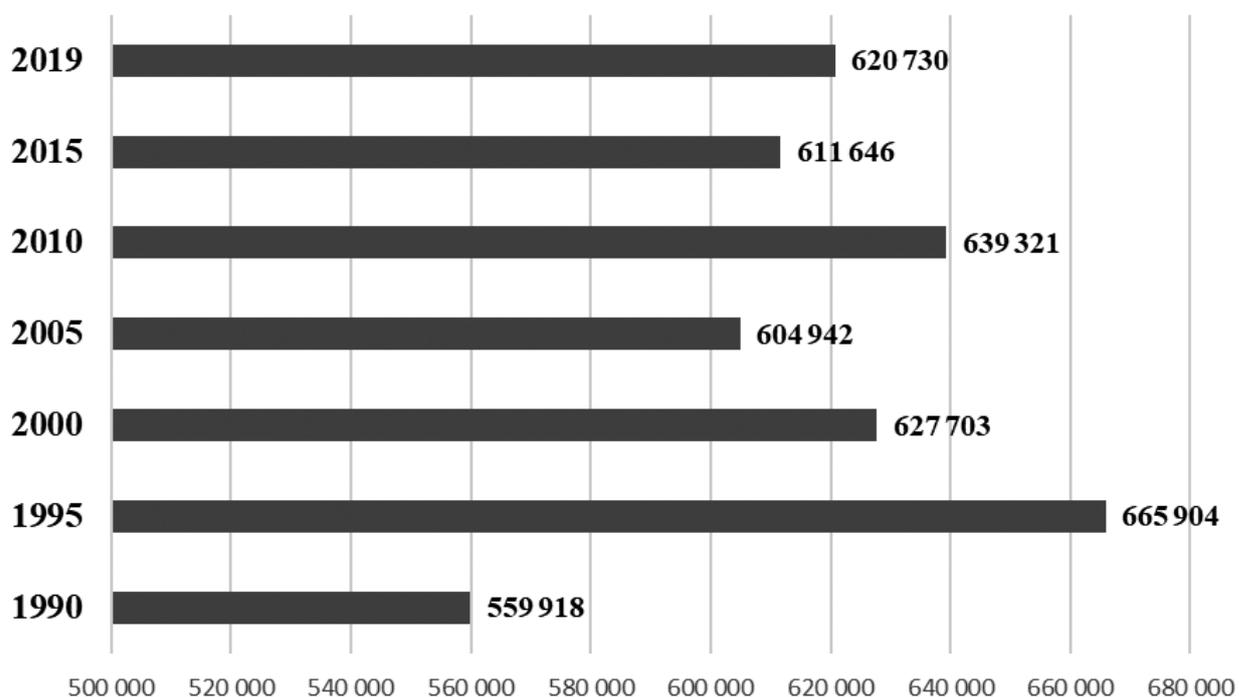

Рис. 1. Динамика показателей развода в Российской Федерации²
Fig. 1. Dynamics of divorce rates in the Russian Federation

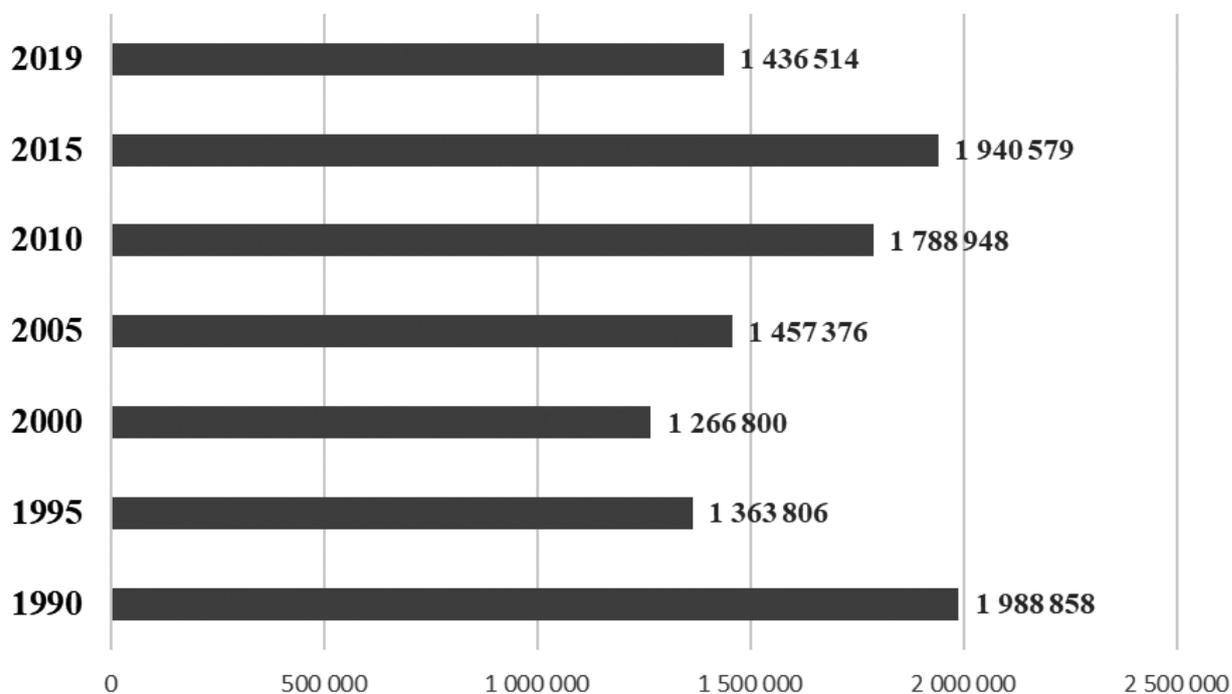

Рис. 2. Динамика показателей рождаемости в Российской Федерации³
Fig. 2. Dynamics of birth rates in the Russian Federation

² Данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат).

³ Данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат).

ющей социально-демографическое направление (Ф.А. Ильдархановой, Ч.И. Ильдархановой и А.В. Шадрикова, занимающихся вопросами социально-пространственной идентичности сельской молодежи, А.А. Ибрагимовой [12], изучающей демографическое поведение молодежи, спрогнозировавшей уменьшение численности женского населения возрастных групп 15–29 лет, что будет только стимулировать существующие проблемы низкой рождаемости детей, А.Р. Абдульязнова, научный интерес которого сосредоточен на безопасности всех социально-демографических групп [13]).

При изучении современных социологических исследований молодежи были проанализированы значимые теоретические подходы ученых ИСПИ ФНИСЦ РАН (В.И. Чуп-

рова, руководителя центра социологии молодежи Ю.А. Зубок), ученых Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской), экономических демографов Вологодского научного центра РАН (А.А. Шабуновой и О.Н. Калачиковой), казанских ученых (А.Р. Тузикова, Р.И. Зинуровой и других).

Изменение демографической ситуации связывается, прежде всего, с молодежью как основным субъектом общественного воспроизводства, в котором сконцентрирован основной репродуктивный потенциал [3].

Особую актуальность приобретают процессы формирования репродуктивных установок, демографических планов и активации репродуктивного поведения молодежи, особенно в возрасте до 25 лет.

Таблица 2
Table 2

Семейные ячейки по числу детей моложе 18 лет⁴
Family units by the number of children under 18 years of age

Российская Федерация	Всего	С 1 ребенком	С 2 детьми	С 3 детьми	С 4 детьми	С 5 и более детьми
	40665579	11664737	4615876	775472	163091	66731

Таблица 3
Table 3

Показатели численности матерей, рождающих после 25 лет, в разрезе федеральных округов Российской Федерации⁵
Indicators of the number of mothers giving birth after 25 years, by federal districts of the Russian Federation

Федеральные округа	Численность родившихся, всего (чел.)	Доля, родивших матерей после 25 лет (%)
Северо-Западный	133996	80,6
Центральный	369324	78,5
Уральский	135480	74,8
Приволжский	281470	74,7
Южный	161564	72,7
Сибирский	178345	72,4
Дальневосточный	91045	71,2
Северо-Кавказский	133293	61,6

⁴ По данным Всероссийской переписи населения 2010 года.

⁵ Таблица составлена авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат).

Проведенные в России исследования молодёжи свидетельствуют о плюрализации взглядов молодёжи и их полярности в демографических вопросах. С одной стороны, изучение и сравнительный анализ ценностных ориентаций молодёжи России и Казахстана показал тенденцию повышения значения семьи (на 5 месте), особенно в России, где показатель составляет 52,1%, и только 34% — в Казахстане [4].

Исследования демографических планов женщин активного репродуктивного возраста выявили предпочтения официальному браку, не исключая возможность сожительства до регистрации отношений, они планируют иметь детей, бездетность оправдывают только при социально-полезной деятельности или усыновлении [5].

С другой стороны, исследователи феномена сожительства среди молодёжи говорят о его институционализации в общественном мнении. Молодёжь видит, что в рамках сожительства возможно такое же исполнение семейных функций, в том числе продолжения рода [6]. Мнения молодёжи разделились: более 60% считают, что рождение детей возможно и вне брака, порядка 40% убеждены, что рождение ребенка возможно только в браке [7].

Таким образом, согласно выводам В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок, у современной молодёжи как группы наиболее подвижной и самостоятельной в образе мышления и представлениях о норме образа семьи формируется в условиях противоречий вариативность моделей: «традиционных», «модернизационных» и их гибридных форм [8].

мируется в условиях противоречий вариативность моделей: «традиционных», «модернизационных» и их гибридных форм [8].

Постановка проблемы и актуальность институционализации понятия «демографическая идентификация». На современном этапе одним из ключевых моментов в демографическом кризисе выступает статистически обусловленная необходимость омоложения института брака и среднего возраста материнства на государственном уровне и противоположная ей социальная реальность, в которой важные демографические события откладываются населением не на молодой, а на средний возраст.

Этому процессу способствует и расширение возрастных границ молодёжи в России до 35 лет, которое стало возможно после утверждения Федерального Закона «О молодёжной политике в Российской Федерации» №489 от 30.12.2020 г.⁶ Таким образом, согласно подсчету данных Росстата, увеличение доли молодёжи от общей численности населения страны составляет лишь 8,6% (см. таблицу 4).

Вместе с тем, как показал опрос, проведенный сервисом «SuperJob» в 2020 г.⁷, россияне не слишком активно поддерживают корректировку возраста молодёжи: «за» высказалось около 24%, столько же считают предельным возраст для молодёжи 30 лет. Самую активную поддержку инициативе отодвинуть возраст молодёжи до 35 лет оказали

Таблица 4
Table 4

Расчёт численности молодёжи в Российской Федерации с учётом расширения возрастных границ до 35 лет⁸
Calculation of the number of young people in the Russian Federation, taking into account the expansion of age limits to 35 years

всего		мужчин		женщин		доля от населения РФ	
14–30 лет	14–35 лет	14–30 лет	14–35 лет	14–30 лет	14–35 лет	14–30 лет	14–35 лет
26477049	39093419	13522380	19862420	12954669	19230999	18,10%	26,70%

⁶ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №349-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации».

⁷ Результаты опроса исследовательского центра портала (сервиса) по поиску высокооплачиваемой работы «SuperJob» о мнении россиян об увеличении возраста молодежи в стране [Электронный ресурс]. Сервис по поиску высокооплачиваемой работы «SuperJob»: официальный сайт. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112405/pochti-kazhdyj-chetvertyj-rossiyanin-schitaet/> (дата обращения: 16.11.2021).

⁸ Таблица составлена авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат).

россияне в возрасте 25–34 лет — их 29%. При этом каждый пятый респондент заявил, что молодость заканчивается в 25 лет. Ещё 22% выделили возраст молодёжи моложе 20 лет (см. рисунок 3).

Увеличение возрастных рамок молодёжи ставит перед сферой государственной молодёжной политики Российской Федерации новые задачи, связанные с поддержкой и решением вопросов подгруппы молодёжи 31–35 лет. Вместе с тем, согласно исследованиям А.В. Шадрикова социально-пространственной идентичности российской сельской молодёжи [11], выделена недостаточно высокая степень социальной активности молодёжи в освоении государственных программ поддержки молодёжи в сельской местности: 40% опрошенных осведомлены о них, но это не влечет повышения её социальной активности, а 56,3% вовсе «не сочли нужным» участвовать в государственных программах поддержки молодёжи в сельской местности [14].

При этом согласно опросам Волгоградского научного центра Российской академии

наук, примерно 40% молодёжи полагают, что государство должно реализовывать политику стимулирования или поддержки, порядка 15% считают, что в сферу семейных решений государство не должно вмешиваться вообще. В то же время в среднем даже в идеальных и абсолютно благоприятных условиях молодые люди ориентированы на двоих детей. В реальных условиях планируемая детность еще ниже [9].

Как показал анализ, в мировой практике отсутствует единство в вопросах возрастной периодизации молодёжи.

Согласно «Всемирной программе действий, касающихся молодёжи, до 2000 года и на последующий период», которая была принята Генеральной ассамблеей ООН в 1995 г., к молодёжи отнесены лица в возрасте от 15 до 24 лет⁹.

При этом в 2015 г. Советом безопасности ООН было отмечено, что молодёжь включает лиц в возрасте от 18 до 29 лет, с оговоркой, что имеют место быть варианты определения этого термина, которые могут существовать на национальном и междуна-

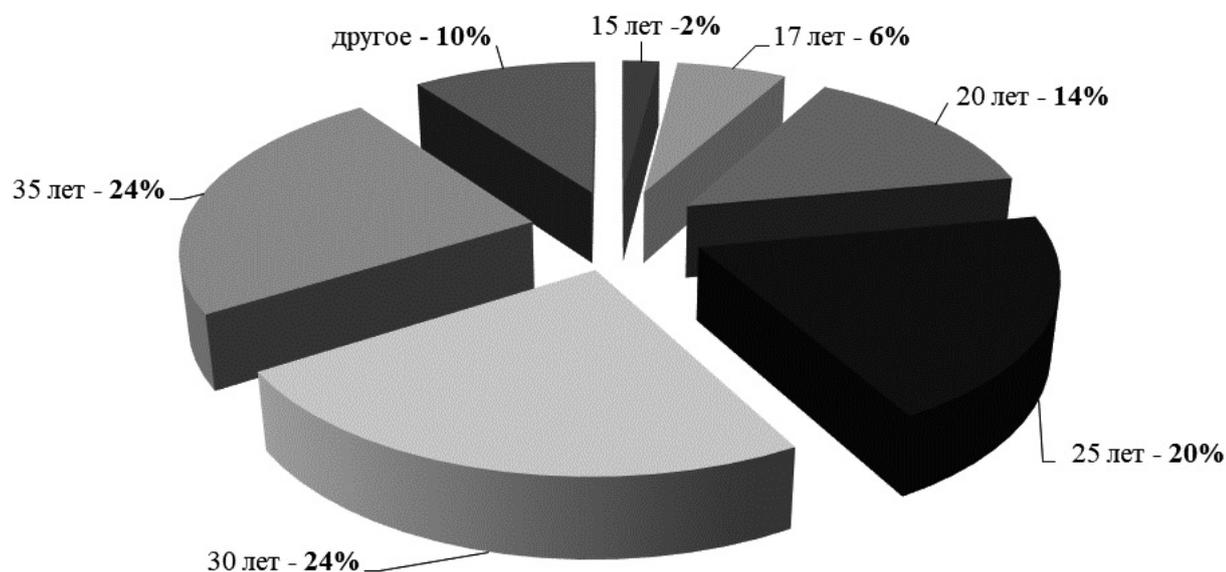

Рис. 3. Мнение россиян об увеличении возраста молодёжи в Российской Федерации¹⁰
Fig. 3. The opinion of Russians about the increase in the age of youth in the Russian Federation

⁹ Резолюция 2250 (2015), принятая Советом Безопасности ООН на его 7573-м заседании 9 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2015.html> (дата обращения: 09.01.2022).

¹⁰ Данные опроса исследовательского центра портала (сервиса) по поиску высокооплачиваемой работы «SuperJob», 15–17 июля 2020 г., опрошено 1600 респондентов.

родном уровнях, в том числе определение молодежи, содержащееся в резолюциях Генеральной Ассамблеи¹¹.

Кроме того, как показал анализ, в основе подходов к определению термина «мо-

лодёжь» нет также единства в периодизации молодёжи (см. таблицу 5).

В то же время специалисты сферы здравоохранения связывают необходимость изменения возрастных границ с изменением

Таблица 5
Table 5

Подходы к установлению границ социально-демографической группы «молодёжь» в некоторых странах¹²
Approaches to establishing the boundaries of the socio-demographic group «youth» in some countries

Страна	Подход	Предельные возрастные ограничения, лет
Великобритания	Во многих стратегиях Англии приоритет отдается определению «молодёжь» группе от 14 до 19 лет, а в Уэльсе и Северной Ирландии ограничение по возрасту для молодёжи устанавливается в 25 лет	0–25
Азербайджан	Лица в возрасте 14–29 лет	14–29
Казахстан	Граждане Республики Казахстан от 14 до 29 лет	14–29
Беларусь	Граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, в возрасте от 14 до 31 года	14–31
Испания	Определяется возрастом 14–30 лет, нередко верхние границы увеличиваются до 32–34 лет	14–34
Люксембург	Определяется только возрастными границами	15–25
Сингапур	Возрастная группа 15–29 лет (согласно международным нормам и стандартам общественных организаций, работающих с молодёжью). Возрастная группа 30–34 года (выделяется Департаментом труда Сингапура и рассматривается им как «молодёжь» в собственной статистике)	15–34
Германия	Подростки (от 14 до 18 лет), лица категории «молодой совершеннолетний» (от 18 до 22 лет), «молодые люди» до 27 лет)	14–27
Россия	Молодёжь, молодые граждане — социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно (за исключением случаев, предусмотренных частью 3 статьи 6 настоящего Федерального закона), имеющих гражданство Российской Федерации	14–35

¹¹ Резолюция Генеральной ассамблеи ООН 50/81 от 14.12.1995 г. «Всемирная программа действий, касающаяся молодежи, до 2000 года и на последующий период» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ruga/50/docs/50res.html> (дата обращения: 09.01.2021).

¹² Таблица взята из статьи А. И. Зыряновой, Л. Е. Никифоровой (Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ») «Сущность понятий «молодёжь» и «молодёжная политика» в контексте теории публичного управления, издание «Идеи и идеалы» 2017. Т. 2. №4/343. С. 43–55.

Таблица 6
 Table 6

Рейтинг субъектов Российской Федерации по доле родившихся у матерей в возрасте до 25 лет (включительно) от общей численности родившихся по возрасту матери¹³
Rating of the subjects of the Russian Federation by the proportion of mothers born to mothers under the age of 25 (inclusive) of the total number of births by the age of the mother

Место в рейтинге	Наименование субъекта	Доля родившихся у матерей в возрасте до 25 лет, от общей численности родившихся по возрасту матери, %
1 место	Республика Дагестан	44,3
2 место	Чеченская Республика	43,1
3 место	Забайкальский край	35,1
4 место	Республика Тыва	35,01
5 место	Кабардино-Балкарская Республика	33,4
6 место	Республика Адыгея	33,3
7 место	Чукотский автономный округ	32,8
7 место	Республика Ингушетия	32,8
8 место	Ставропольский край	32,2
9 место	Астраханская область	31,6
10 место	Республика Саха (Якутия)	31,4
10 место	Еврейская автономная область	31,4
11 место	Республика Алтай	31,3
12 место	Кемеровская область	31,1
13 место	Амурская область	30,1
14 место	Курганская область	29,8
15 место	Курская область	29,6
16 место	Тамбовская область	29,5
17 место	Иркутская область	29,3
17 место	Республика Бурятия	29,3
18 место	Карачаево-Черкесская Республика	29,06
19 место	Оренбургская область	28,8
20 место	Республика Хакасия	28,5
21 место	Ростовская область	28,2
21 место	Саратовская область	28,2
22 место	Волгоградская область	28,1
23 место	Алтайский край	27,8
24 место	Красноярский край	27,6
25 место	Республика Мордовия	27,5

¹³ Таблица составлена авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат) по данным за январь-декабрь 2019 г.

Продолжение таблицы 6
Continuation of Table 6

26 место	Республика Северная Осетия – Алания	27,4
27 место	Орловская область	27,3
28 место	Республика Калмыкия	26,9
28 место	Пензенская область	26,9
28 место	Воронежская область	26,9
28 место	Омская область	26,9
29 место	Тульская область	26,7
29 место	Челябинская область	26,7
30 место	Белгородская область	26,5
30 место	Брянская область	26,5
31 место	Краснодарский край	26,4
32 место	Липецкая область	26,3
33 место	Пермский край	26,2
33 место	Приморский край	26,2
34 место	Чувашская Республика	25,9
35 место	Ульяновская область	25,8
35 место	Республика Крым	25,8
36 место	Хабаровский край	25,6
37 место	Тверская область	25,5
37 место	Рязанская область	25,5
38 место	Псковская область	25,4
39 место	Республика Башкортостан	25,3
40 место	Тюменская область	25,1
41 место	Костромская область	25,04
42 место	Калужская область	24,9
43 место	Ивановская область	24,8
43 место	Смоленская область	24,8
44 место	Удмуртская Республика	24,8
44 место	Республика Марий Эл	24,8
44 место	Сахалинская область	24,8
44 место	Новгородская область	24,8
45 место	Владимирская область	24,6
46 место	Камчатский край	24,5
47 место	Республика Татарстан	24,3
48 место	Магаданская область	23,8
48 место	Томская область	23,8
49 место	Республика Коми	23,7
50 место	Самарская область	23,5

Окончание таблицы 6
End of Table 6

51 место	Нижегородская область	23,4
51 место	Калининградская область	23,4
52 место	Свердловская область	23,3
53 место	Новосибирская область	23,1
54 место	Кировская область	22,9
55 место	Вологодская область	22,5
56 место	Ленинградская область	22,2
57 место	Архангельская область	22,04
58 место	Ярославская область	21,9
58 место	Московская область	21,9
59 место	Мурманская область	21,8
60 место	Республика Карелия	20,2
61 место	г. Севастополь	18,5
62 место	г. Москва	16,1
63 место	г. Санкт-Петербург	15,1

возрастной классификации Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ/WHO): 25–43 года — молодой возраст, 44–60 лет — средний возраст, 61–74 года — пожилой возраст, 75–90 лет — старческий возраст, после 90 лет — долгожители¹⁴.

Одним из возможных последствий расширения возрастных рамок молодёжи может выступать изменение репродуктивного поведения молодёжи, а именно — ещё большее увеличение доли матерей, рожающих в более поздний возрастной период.

Сегодня анализ в разрезе данных регионов России показывает разброс показателей доли рожающих до 25 лет (включительно) матерей от общей численности рожающих женщин, где нижний предел 15,1% (г. Санкт-Петербург) и верхняя планка показателя не превышает 44,3% (Республика Дагестан) от общей численности родившихся по возрасту матери, при этом усредненный показатель по субъектам страны составляет порядка 25% (см. таблицу 6).

Вместе с тем процессам формирования репродуктивных установок, демографичес-

ких планов и активации репродуктивного поведения в молодёжной среде предшествует значимый для каждого представителя молодёжи процесс её идентификации.

Сегодня как и во многих областях в вопросах понимания идентичности, идентификации идет поворот от одномерного понимания к плюрализму, формируя явление «пакет идентификаций». Идеи «единой» идентичности уступают место идеям множественной идентичности [10].

На современном этапе структура идентичности молодёжи включает в себя гражданскую, региональную, политическую, социальную, культурную, пространственную идентичности. Очевидно, что со временем данный перечень будет расширяться и включать новые виды идентичностей. По мнению авторов, для решения проблем демографического кризиса будет своевременным расширение перечня идентификаций молодёжи и включение в него демографической идентификации.

Демографическая идентификация молодёжи — это процесс, направленный на опре-

14 Классификация возраста Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: <https://vgr.by/2021/02/10/molodost-prodlili-klassifikaciya-vozrastov-po-voz-posmotrite-na-svoyu-zhizn-po-novomu/> (дата обращения: 09.01.2021).

деление жизненных сценариев социально-демографической группы в возрасте от 14 до 35 лет, связанных, в первую очередь, с намерением вступления в брак и рождением детей.

Внимание вопросам формирования демографической идентичности необходимо уделять с самых ранних лет, выстраивая таким образом логичную цепочку процессов в молодёжной среде: на основе формирования демографической идентичности внедрение репродуктивных установок, через их закрепление происходит расстановка демографических приоритетов и планов, что формирует активное репродуктивное поведение молодёжи.

Заключение. Таким образом, можно говорить о наличии потребности осмысления вопроса демографической идентификации молодёжи как социального феномена современной общественной жизни со стороны общества. При этом этапы осмысления как самого термина «идентичность», так и его отдельных видов (социальной, общероссийской, конфессиональной и т.д.), в социологической науке уже пройдены. Поскольку в настоящее время есть реальные предпосылки для институционализации термина «демографическая идентичность молодёжи» как самостоятельного научного термина, то требуется дальнейшая научная разработка его теоретико-методологических и методических основ с целью решения задач, связанных с реализацией современной демографической политики.

Перспективным направлением исследования феномена демографической идентичности молодёжи является изучение места и роли процесса демографической идентификации молодёжи в воспроизводстве населения.

Список источников

1. Рязанцев С.В. Демографическое развитие России: старые вызовы и новые решения [Электронный ресурс] // Культурное пространство молодёжи: смыслы и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под общей ред. Ростовской Т.К. М.: Изд-во Перспектива, 2019 г. 245 с. URL: <https://itdperspectiva.page.link/kultprost2019> (дата обращения: 01.02.2022).

2. Ильдарханова Ч.И., Ибрагимова А.А. Естественное воспроизводство российского населения в период пандемии коронавирусной инфекции: риски и последствия (на примере Республики Татарстан) // Регионоведение. 2021. Т. 29. №3. С. 686–708.

3. Молодежная политика в системе формирования гражданской идентичности современной молодежи: коллективная монография / под ред. А.В. Бугаева, Т.К. Ростовской. М.: Издательство РГСУ, 2018. 198 с.

4. Ростовская Т.К. Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции: монография / Т.К. Ростовская, Т.Б. Калиев. М.: РУСАЙНС, 2019. 228 с.

5. Воронин Г.Л., Ключева С.А. Представление молодежи о брачности и рождаемости, репродуктивные планы // Социально-демографический потенциал российской молодежи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ялта, 22–24 апреля 2021 г.) / Отв. ред. Т.К. Ростовская. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 195 с.

6. Фатенкова Т.А. Сожительства и однополые семьи: модели идентификации и самоидентификации // Вестник Нижегородского университета. Серия Социальные науки. 2008. Вып. 2(10). С. 63–65.

7. Иванишко А.М. Особенности репродуктивных установок молодёжи Пензенской области в контексте сожительства [Электронный ресурс] // V Чтения памяти В.Т. Лисовского: Материалы Чтений (Москва, 17 декабря 2021 г.) / Отв. ред. Т.К. Ростовская. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 142. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9998> (дата обращения: 01.02.2022).

8. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизнедеятельность молодёжи в изменяющейся реальности: противоречия саморегуляции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. №6.

9. Калачикова О.Н., Шабунова А.А. Репродуктивное здоровье и поведенческие факторы его формирования (на материалах социологического исследования в Вологодской области) // Проблемы развития территории. 2016. №1. С. 115–129.

10. Саморегуляция жизнедеятельности молодёжи: методология и социальные практики: монография / Ю.А. Зубок, О.Н. Безрукова, Ю.Н. Вишневецкий и др.; науч. ред.

Ю.А. Зубок. Белгород: ООО «Эпицентр», 2001. 500 с.

11. Шадриков А.В. Репродуктивные установки молодых сельских женщин Республики Татарстан // Регионология. 2018. №1. С. 122–137.

12. Ильдарханова Ч.И., Ибрагимова А.А. Женщины репродуктивного возраста как ресурс повышения уровня рождаемости: ретроспективный и перспективный анализ (на примере Республики Татарстан) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Спецвыпуск. 2019. №1. С. 82–87.

13. Демографический доклад — 2018. Семейная и демографическая политика в контексте Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан — 2030: монография / Под общ. ред. Ф.А. Ильдархановой. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2018. 294 с.

14. Шадриков А.В. Реализация молодежной политики на селе: на примере Дрожжановского муниципального района Республики Татарстан // Развитие социального пространства России: новые вызовы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под ред. С.М. Вдовина. 2018. С. 61–64.

References

1. Rjazancev S.V. Demograficheskoe razvitiye Rossii: starye vyzovy i novye resheniya [Demographic development of Russia: old challenges and new solutions] [Elektronnyj resurs]. Kul'turnoe prostranstvo molodezhi: smysly i praktiki. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Cultural space of youth: meanings and practices. Materials of the All-Russian Scientific and practical Conference]. Pod obshhej red. Rostovskoj T.K. [In Rostovskaya T.K. (eds.)]. Moscow: Izd-vo Perspektiva, 2019g. 245 p. URL: <https://itdperspectiva.page.link/kultprost2019> (data obrashheniya: 01.02.2022). (In Russ.).

2. Il'darhanova Ch. I., Ibragimova A. A. Estestvennoe vosproizvodstvo rossijskogo naseleniya v period pandemii koronavirusnoj infekcii: riski i posledstviya (na primere Respubliki Tatarstan) [Natural reproduction of the Russian popu-

lation during the pandemic of coronavirus infection: risks and consequences (on the example of the Republic of Tatarstan)]. *Regionologija* [Regionology]. 2021; 29 (3): 686–708. (In Russ.).

3. Molodezhnaja politika v sisteme formirovaniya grazhdanskoj identichnosti sovremennoj molodezhi: kollektivnaja monografija [Youth policy in the system of formation of civic identity of modern youth: a collective monograph]. Pod red. A.V. Bugaeva, T.K. Rostovskoj [In A.V. Bugaev, T.K. Rostovskaya (eds.)]. Moscow: Izdatel'stvo RGSU, 2018. 198 p. (In Russ.).

4. Rostovskaja T.K. Cennostnye orientiry sovremennoj molodezhi: osobennosti i tendencii: monografija [Value orientations of modern youth: features and trends): monograph]. T.K. Rostovskaja, T.B. Kaliev. Moscow: RUSA-JNS, 2019. 228 p. (In Russ.).

5. Voronin G.L., Kljueva S.A. Predstavlenie molodjozhi o brachnosti i rozhdajemosti, reproduktivnye plany [Representation of youth about marriage and fertility, reproductive plans]. Social'no-demograficheskij potencial rossijskoj molodjozhi: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Jalta, 22–24 aprelja 2021 g.) [Socio-demographic potential of Russian youth: Materials of the All-Russian Scientific and practical conference (Yalta, April 22–24, 2021)]. Otv. red. T.K. Rostovskaja [In T.K. Rostovskaya (eds.)]. Moscow: FNISC RAN, 2021. 195 p. (In Russ.).

6. Fatenkova T.A. Sozhitel'stva i odnopolye sem'i: modeli identifikacii i samoidentifikacii [Cohabitation and same-sex families: models of identification and self-identification]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Serija Social'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. Social Sciences series]. 2008; 2(10): 63–65. (In Russ.).

7. Ivanishko A.M. Osobennosti reproduktivnyh ustanovok molodjozhi Penzenskoj oblasti v kontekste sozhitel'stva [Features of the reproductive attitudes of the youth of the Penza region in the context of cohabitation] [Elektronnyj resurs]. V Chtenija pamjati V.T. Lisovskogo: Materialy Chtenij (Moskva, 17 dekabrja 2021 g.) [V memory V.T. Lisowski: proceedings of the Readings (Moscow, 17 Dec 2021)]. Otv. red. T.K. Rostovskaja [In T.K. Rostovskaya (eds.)]. Moscow: FNISC RAN, 2021. P. 142. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9998> (data obrashheniya: 01.02.2022). (In Russ.).

8. Zubok Ju. A., Chuprov V.I. Zhiznedejatel'nost' molodjozhi v izmenjajushhejsja real'nosti: protivorechija samoreguljaccii [Livelihoods of young people in a changing reality: the contradictions of self-regulation]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2020; 13(6). (In Russ.).

9. Kalachikova O.N., Shabunova A.A. Reproaktivnoe zdorov'e i povedencheskie faktory ego formirovanija (na materialah sociologicheskogo issledovanija v Vologodskoj oblasti) [Reproductive health and behavioral factors of its formation (based on the materials of a sociological study in the Vologda Region)]. *Problemy razvitija territorii* [Problems of territorial development]. 2016; (1): 115–129. (In Russ.).

10. Samoreguljacija zhiznedejatel'nosti molodjozhi: metodologija i social'nye praktiki: monografija [Self-regulation of the vital activity of youth: methodology and social practices: monograph]. Ju. A. Zubok, O.N. Bezrukova, Ju. N. Vishnevskij et al.; nauch. red. Ju. A. Zubok [in Yu. A. Zubok (eds.)]. Belgorod: OOO «Jepicentr», 2001. 500 p. (In Russ.).

11. Shadrikov A.V. Reproaktivnye ustanovki molodyh sel'skih zhenshhin Respubliki Tatarstan [Reproductive installations of young rural women of the Republic of Tatarstan]. *Regionologija* [Regionology]. 2018; (1): 122–137. (In Russ.).

12. Il'darhanova Ch. I., Ibragimova A.A. Zhenshhiny reproduktivnogo vozrasta kak resurs povyshenija urovnja rozhdaemosti: retrospektivnyj i perspektivnyj analiz (na primere

Respubliki Tatarstan) [Women of reproductive age as a resource for increasing the birth rate: a retrospective and perspective analysis (on the example of the Republic of Tatarstan)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sociologija. Pedagogika. Psihologija. Specvypusk* [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology. Special Issue]. 2019; (1): 82–87. (In Russ.).

13. Demograficheskij doklad — 2018. Sejnaja i demograficheskaja politika v kontekste Strategii social'no-jekonomicheskogo razvitija Respubliki Tatarstan — 2030: monografija [Demographic Report — 2018. Family and demographic policy in the context of the Strategy of socio-economic development of the Republic of Tatarstan — 2030: monograph] / Pod obshh. red. F.A. Il'darhanovoj [In F.A. Ildarkhanova (eds.)]. Kazan': Izd-vo Akademii nauk RT, 2018. 294 p. (In Russ.).

14. Shadrikov A.V. Realizacija molodezhnoj politiki na sele: na primere Drozhzhanovskogo municipal'nogo rajona Respubliki Tatarstan [Implementation of youth policy in rural areas: on the example of the Drozhzhanovsky municipal district of the Republic of Tatarstan]. *Razvitie social'nogo prostranstva Rossii: novye vyzovy i perspektivy. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii* [Development of the social space of Russia: new challenges and prospects. Materials of the All-Russian Scientific and practical Conference]. Pod red. S.M. Vdovina [In S.M. Vdovin (eds.)]. 2018. P. 61–64. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 13.02.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 19.02.2022.

The article was submitted on 13.02.2022; approved after reviewing on 15.02.2022; accepted for publication on 19.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна — доктор социологических наук, директор, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан.

Россия, г. Казань, ул. Лево-Булачная, 36А

Chulpan I. Ildarhanova — Doctor of Sociological Sciences, Director, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences.

36A Levo-Bulachnaya st., Kazan, Russia

Рустамова Гульшат Махмудовна — аспирантка Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, по специальности 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы», сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан.

Россия, г. Казань, ул. Лево-Булачная, 36А

Gulshat M. Rustamova — Postgraduate Student, Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, specialty 22.00.04 «Social structure, social institutions and processes», Employee of the Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences.

36A Levo-Bulachnaya st., Kazan, Russia

Вклад авторов:

Ильдарханова Ч. И. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; доработка исходного текста; итоговые выводы.

Рустамова Г. М. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Ildarhanova Ch. I. — scientific guidance; research concept; development of methodology; revision of the original text; final conclusions.

Rustamova G. M. — writing the original text; final conclusions.

Научная статья
УДК 314.07; 314.5
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-95-108

ТЕНДЕНЦИИ ДЕИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ СЕМЬИ В РОССИИ: АНАЛИЗ НАРРАТИВОВ

Евгений Алексеевич Капогузов^{1✉}, Роман Игоревич Чупин²

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

²Омский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Омск, Россия

¹egenk@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-8083-5654, AuthorID РИНЦ: 337296

²roman-chupin@ya.ru, ORCID: 0000-0002-8904-1380, AuthorID РИНЦ: 652038

Аннотация. В российском общественно-политическом и академическом дискурсе в последнее время пропагандируется образ традиционной модели семьи, как правило многодетной. Вместе с тем в реалиях пронаталисткой демографической политики именно на семейные домохозяйства не сосредоточен фокус государственной поддержки. Также в мире наблюдается тенденция деинституционализации традиционного брака, которая не обошла стороной и Россию.

Цель исследования — на основе контент-анализа эмпирической базы в рамках медиодискурса выявить тенденции деинституционализации брака применительно к студенческим семьям в России.

Методология: количественный контент-анализ, анализ нарративов, метод структурной семиотики.

Результаты исследования. Был проведен анализ выпусков передачи «Давай поженимся» за период с 2008 по 2020 гг. и анализа форумов и пабликов 24 региональных форумов по тематике студенческих семей. Применялся частотный метод обработки текста на естественном языке (NLP) с использованием технологии машинного обучения в среде Python. Получены характеристики мужских (m) и женских (w) нарративов по годам и возрасту. Можно констатировать, что в дискурсе происходит институциональное усиление репродуктивного поведения у мужчин и брачного поведения у женщин: многие студенческие семьи строятся на беккериянских принципах, где мужчина выполняет (должен выполнять) роль кормильца, а жена воспитывает детей. Как следует из результатов проведенного анализа, в дискурсе о браке распространяются смешанные семейные ценности — смесь западных ценностей с традиционным взглядом на семью. При этом необходимо выравнивание качества контента в регионах для того, чтобы семьи в субъектах РФ характеризовались образами, не уступающими современным стандартам.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим анализом специфик региональных семейных политик и выработкой нормативных рекомендаций с фокусом на регионы, в частности научно-обоснованную разработку новой модели семьи, включающей в себя не только переосмысление w-нарратива, но в большей степени m-нарратива.

Ключевые слова: семейная политика, семейные домохозяйства, нарративный анализ, частотный анализ, студенческие семьи, деинституционализация

Для цитирования: Капогузов Е. А., Чупин Р. И. Тенденции деинституционализации студенческой семьи в России: анализ нарративов // Вестник Южно-Российского

государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 95–108. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-95-108>.

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания Омского научного центра СО РАН (номер госрегистрации проекта 121022000112-2).

Original article

TRENDS IN THE DEINSTITUTIONALIZATION OF THE STUDENT FAMILY IN RUSSIA: NARRATIVE ANALYSIS

*Evgeny A. Kapoguzov*¹✉, *Roman I. Chupin*²

¹*Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia*

²*Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

¹*egenk@mail.ru*✉, ORCID: 0000-0001-8083-5654, AuthorID RSCI: 337296

²*roman-chupin@ya.ru*, ORCID: 0000-0002-8904-1380, AuthorID RSCI: 652038

Abstract. *In Russian socio-political and academic discourse, the image of the traditional family model, usually with many children, has been promoted lately. At the same time, in the realities of the pronatalist demographic policy, the focus of state support is not focused on family households. At the same time, there is a tendency in the world to deinstitutionalize traditional marriage, which has not bypassed Russia.*

The purpose of the research *based on the content analysis of the empirical base within the media discourse, to identify trends in the deinstitutionalization of marriage in relation to student families in Russia.*

The methodological basis: *quantitative content analysis, narrative analysis, structural semiotics method.*

Research result: *an analysis was made of the releases of the show- program «Davaj Pozhenimsja» (Chanel one) for the period from 2008 to 2020 and analysis of 24 regional forums on student families. Frequency was used as a method of natural language processing (NLP) using machine learning technology and Python. The characteristics of male (m) and female (w) narratives are obtained by years and age. It can be stated that in the discourse there is an institutional strengthening of reproductive behavior in men and marital behavior in women: many student families are built on Beckerian principles, where the man plays (should play) the role of the «breadwinner», and the wife brings up the children. As follows from the results of the analysis, mixed family values are spreading in the discourse on marriage — a mixture of Western values with a traditional view of the family. At the same time, it is necessary to equalize the quality of content in the regions so that families in the constituent entities of the Russian Federation are characterized by images that are not supporting by modern standards.*

The prospects for the study *are related to further analysis of the specifics of regional family policies and the development of normative recommendations with a focus on the regions, in particular, the scientifically based development of a new family model, which includes not only a rethinking of the w-narrative, but to a greater extent of the m-narrative.*

Keywords: *family policy, family households, narrative analysis, frequency analysis, student families, deinstitutionalization*

For citation: Kapoguzov E. A., Chupin R. I. Trends in the deinstitutionalization of the student family in Russia: narrative analysis // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 95–108. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-95-108>.

Acknowledgments: this work was carried out within the governmental order for Omsk Scientific Center SB RAS (project registration number 121022000112-2).

Введение. Регулирование рождаемости, которое в настоящее время находится в центре российской семейной политики, является в значительной степени подсистемой управления брачным поведением в целом. В современной России политика стимулирования рождаемости тесно связана с поддержкой традиционной модели семьи, для которой нормой является наличие не менее двух детей. Однако в российской политике поддержки традиционной семьи проблем и противоречий не меньше, чем в политике стимулирования рождаемости. В последние десятилетия общепризнано, что традиционная модель находится в России (как и в западных странах) в состоянии острого кризиса: нередки матери-одиночки, распространены внебрачные отношения, а молодые люди, вступившие в брак, не спешат заводить детей. «Традиционные семейные ценности» стремятся популяризировать самыми разными методами. Данное регулирование, по мнению российских ученых, имеет за собой как чисто демографическое [8], так и институциональное основание [3]. Последнее было определено в январе 2021 г. В. В. Путиным на Всемирном экономическом форуме в Давосе, который говорил про «ценностный кризис», который оборачивается негативными демографическими последствиями, из-за которых человечество рискует потерять целые цивилизационные и культурные материка»¹.

Действительно, на сегодняшний день в мире набирают популярность нетрадиционные семейные отношения, происходит постепенная деинституционализация брака [14]. В широком смысле деинституционализация означает «размывание» норм и правил с точки зрения их влияния на различные слои общества. Деинституционализация

брака в западных странах привела к тому, что «старые» формы семейных отношений утратили доминирующие позиции и бескомпромиссные директивы, а также стали элементом церемониальности [17]. Учитывая эти тенденции, при определении брака западные ученые рассматривают семейный союз в разрезе регуляторного, нормативного и культурно-когнитивного основания [13]. Если первые два основания касаются ослабления правил и дисфункции институтов при статусно-ролевой координации деятельности супругов в браке, то третье, наиболее спорное, основание затрагивает трансформацию институционализированных форм поведения супругов — шаблонов и образов действий, закрепленных в дискурсе о браке.

В современной России среди различных ориентиров, формирующих идеалы и образ семьи в общественном сознании, дискурсивная составляющая (включая массмедиа) остается одной из ключевых [4]. В условиях отсутствия стабильных межпоколенческих связей именно дискурсивные практики в медиа оказывают существенное воздействие на формирование представлений о социальных нормах, создавая эффект личного общения на основе приемов доверительности [1]. Существенную роль играют как телевизионные каналы, так и Интернет. С одной стороны, оба этих формата выступают главными каналами получения социального знания для отдельных (прежде всего молодежных) групп, а с другой стороны, способствуют манипуляции общественным сознанием через систематическое и комплексное «навязывание» зрителю/читателю определенной «картины» семейных отношений [5].

Так, в Концепции государственной семейной политики Российской Федерации

¹ Выступление Владимира Путина на форуме в Давосе. Полный текст [Электронный ресурс] // Вести. 27 января 2021 г. URL: <https://www.vesti.ru/article/2515983> (дата обращения: 27.10.2021).

на период до 2025 г. ослабление института и традиционных семейных ценностей в России прямо увязывается с неблагоприятным информационным фоном. Основным проявлением признается агрессивная пропаганда семейного неблагополучия: насилия, неуважения к родителям, ненависти к детям. При этом органами государственной власти пропагандируется нарратив многодетной семьи², который согласно статистике брачной рождаемости работает выборочно и не соответствует образу усредненного российского домохозяйства. Как правило, многодетные семьи являются малоимущими и тем самым могут становиться скорее демотиватором, чем положительным примером для институционального усиления традиционной семьи в молодежной среде.

Согласно исследованию В.В. Радаева, «в 2016 г. при медианном возрасте 27 лет лишь чуть более половины представителей поколения миллениалов (54,4%) считали себя женатыми/замужем (включая гражданские браки), а 41,3% из них еще никогда не образовывали семью. Если сравнить это с ситуацией предшествующего реформенного поколения в 2002 г., когда его медианный возраст был аналогичным — женатыми/замужем себя считали 68,1%, а никогда не состояли в официальном или неофициальном браке — лишь 24,1%» [7, с. 20].

В предыдущих исследованиях, посвященных трансформации института семьи, а также способам институционального регулирования семейных отношений в России, авторами данной статьи была выдвинута гипотеза о влиянии нарративов на сохранение традиционных семейных ценностей. При этом под нарративами в русле экономического анализа подразумевалась последовательность «связанных причинной связью событий и лежащих в их основе источников, разворачивающихся с течением времени, которые могут быть использованы в качестве шаблона при интерпретировании нашего настоящего опыта» [11, р. 65]. В экономической теории под нарративами понимаются далеко не все взаимосвязанные тексты, а только те, которые связаны с формированием правил

и устойчивых или доминирующих «поведенческих паттернов» [2].

В данном контексте семейные отношения могут образовывать множество нарративов, как истории с началом, серединой и финалом, содержащие некий опыт. Подталкивающая функция этого опыта, переданного в формате истории, может служить важнейшей регуляцией в выборе индивидами того или иного типа укоренённости. Однако в случае с эмпирическим подтверждением влияния нарративов на формирования правил и регуляцию поведения экономических агентов, а также отделения этого влияния от иных институциональных условий [10] следует использовать более прочную методологическую базу. Экономический анализ нарративов реализуется, как правило, в двух вариантах — дедуктивном и индуктивном. Первый случай при рассмотрении множества текстов исходит из набора принципов, согласно которым в основе языка производится поиск модальностей для построения теоретико-игровых моделей стратегического взаимодействия субъектов [16]. Индуктивный метод, в свою очередь, основан на реконструкции структуры институтов посредством детального контекстуального анализа случаев с учетом их исторической и пространственной обусловленности [12]. Однако во всех случаях нарративный метод анализа является неструктурированным и слабо формализованным.

Ключевой проблемой исследования нарративов в экономике является сложность разделения нарративной формы от содержания информации, передающейся нарративом. Однако данное утверждение не распространяется на семиотический метод Греймаса [15], позволяющий разделить язык и речь. В основе метода структурной семиотики заложен тезис Соссюра о дихотомии правил, конвенций (языка) и актуализированных речевых актов (речи), лежащих в основе нарративов. Последнее, согласно исследованию Дж. Остина [6], включает в себя иллокутив — намерение говорящего, представляющее отображение различных действий (приказа, извинений, обещаний, предположений, предупреждений, обвинений и т.п.). Позднее Дж. Сёрл,

² Нужны ли России «универсальные» ценности? [Электронный ресурс] // Российская Газета. 17 июня 2020 г. URL: <https://rg.ru/2020/06/17/nuzhny-li-rossii-universalnye-cennosti.html> (дата обращения: 12.06.2021).

известный своими дополнениями к определению понятия «институт», произвел попытку развить теорию иллюкутивов, полагая, что знание значения речи есть знание правил [9]. Включенная в форму нарратива речь фундирована языком — совокупностью правил и конвенций, позволяющих как говорящему, так и слушающему понять друг друга и следовать иллюкутивной цели.

Иными словами, при исследовании нарративов важно через употребление тех или иных «знаков» и интонации их употребления уловить связь с правилом, которое в данном нарративе отображается. Так, согласно Греймасу, связь между знаками (иллюкутивами) и обозначаемым (конвенцией) обеспечивается значениями, возникающими в глубинных (фундаментальных системах ценностей, встроенных в текст) уровнях нарратива и делающими структурированными поверхностные (легко узнаваемые формы текста) слои нарратива. Анализ глубинных уровней нарратива позволяет идентифицировать преобладающие нормы и ценности. При этом существует допущение, что различные нарративы могут иметь в своей основе общую глубинную структуру, позволяющую максимально точно определить связь включенных в нарратив знаков с правилами и конвенциями.

Таким образом, представляется возможным использовать предложенный Греймасом и его последователями инструментарий для анализа преобладающих в российском обществе нарративов с целью определения тенденций деинституционализации брака в студенческих семьях.

Методика. Для проверки тезиса, что государство «не совсем» должным образом использует имеющийся в его распоряжении инструмент институциональной регуляции дискурса о браке, далее предлагается частотный анализ наиболее популярной программы о семье, браке и замужестве на «Первом канале», а именно — передачи «Давай поженимся». Данная передача, несмотря на наличие целого ряда «фриков» среди участников, их эпатажных установок и попыток самореклам, а также постановочного характера ряда передач, на наш взгляд, с учетом длительности периодов выпусков и множес-

тва актов для выборки в рамках анализа нарративов может являться эмпирической основой для проведения нашего исследования. Основой выборки выступила сетка выпусков передачи на официальном Youtube-канале «Давай поженимся». В процессе построения выборки генеральная совокупность дифференцировалась по годам выпуска с подразделением на главных участников ток-шоу женихов или невест. Вследствие труднодоступности извлечения выпусков в период с 2008 по 2012 гг. было принято решение о реализации двухступенчатого отбора, предполагающего использование сплошного отбора для выпусков передачи «Давай поженимся» в период с 2008 по 2012 гг. и систематического отбора с шагом в 6 выпусков в период с 2013 по 2020 гг. Общий объем выборочной совокупности составил 232 выпуска.

При рассмотрении подходов к проведению нарративного анализа необходимо исходить не только «сверху», но и «снизу». Иными словами, для повышения результативности семейной политики в России необходимо учитывать смысловые концепты, которые исходят не только из перегруженной структуры медиодискурса, но и основываются на практиках и интересах общества. Для этих целей, основываясь на успешном опыте выявления смыслов проводимых институциональных изменений, следует применять инструменты количественного контент-анализа, позволяющие сопоставить «картину» мира субъектов с системой формальных правил, направленных на культивацию традиционных семейных ценностей.

При этом следует отметить, что эволюция дискурса о браке в России различается в территориальном разрезе и далеко не всегда соответствует декларируемому федеральным центром ценностям. В данном исследовании нами предлагается анализ историй студенческих семей, взятых с форумов и пабликов для молодых матерей (Краснодар) и многодетных семей (Пенза, Липецк), официальных источников ЗАГС (Казань), телеграмм-каналов (Москва и Санкт-Петербург), сайтов юридической поддержки (Челябинск, Самара), независимых студенческих СМИ (Ставрополь), групп психологической помощи (Хабаровск), сайтов знакомств (Челябинск и Оренбург) и анонимных дискуссионных платформ (Но-

восибирск, Томск, Пермь). Всего подверглись анализу 24 региональных форума.

В общем виде количественный контент-анализ позволяет оценить концептуальные подходы и смыслы посредством обработки массива лексем и их сравнения в различных типах дискурса о браке. Однако большая часть методик контент-анализа является достаточно трудоемким процессом, требующим прямого участия аналитика в работе, который определяет контекст и смысл текста. Решением этой и других задач, связанных с анализом и категоризацией, на современном этапе занимается область искусственного интеллекта — обработка естественного языка. Частотный анализ является одним из сравнительно простых методов обработки текста на естественном языке (NLP). Его результатом является список слов, наиболее часто встречающихся

в тексте. Частотный анализ также позволяет получить представление о тематике и основных понятиях текста. Визуализировать его результаты удобно в виде «облака слов». Эта диаграмма содержит слова, размер шрифта которых отражает их популярность в тексте (рис. 1, составлено авторами).

1. Препроцессинг текста. Для проведения частотного анализа и определения тематики текста рекомендуется выполнить очистку текста от знаков пунктуации, лишних пробельных символов и цифр. Сделать это можно различными способами: с помощью встроенных функций работы со строками, с помощью регулярных выражений, с помощью операций обработки списков или другим способом.

2. Токенизация текста. Для последующей обработки очищенный текст необходимо раз-

Рис. 1. Алгоритм частотного анализ текста
Fig. 1. The algorithm of frequency analysis of the text

бить на составные части — токены. В анализе текста на естественном языке применяется разбиение на символы, слова и предложения. Процесс разбиения называется токенизация. Для нашей задачи частотного анализа необходимо разбить текст на слова.

3. Лемматизация. Необходимо слова исходного текста привести к их основам или начальной форме — провести стемминг или лемматизацию.

4. Удаление стоп-слов. К стоп-словам (или шумовым словам), как правило, относятся предлоги, союзы, междометия, частицы и другие части речи, которые часто встречаются в тексте, являются служебными и не несут смысловой нагрузки — являются избыточными. Следует отметить, что стоп-слова являются контекстно зависимыми — для текстов различной тематики стоп-слова могут отличаться. Как и в случае со спецсимволами, необходимо проанализировать исходный текст и выявить стоп-слова, которые не вошли в типовой набор.

5. Частотный анализ. Результатом частотного анализа является словарь, содержащий токены и их частоты — количество раз, которые эти слова встречаются в тексте. Частота распределения слов в тексте может быть визуализирована с помощью графика.

6. Построение облака и связей. Частотный анализ также позволяет получить представление о тематике и основных понятиях текста. Визуализировать его результаты удобно в виде «облака слов». Эта диаграмма содержит слова, размер шрифта которых отражает их популярность в тексте.

Цикл — потому что после построения частот текст проходит повторные препроцессинги вследствие обнаружения не отмеченных ранее стоп-слов, символов, повторов или не несущих смысловой нагрузки для целей исследования слов и прочее (наибольшие частоты имеют союзы, предлоги и другие служебные части речи, не несущие смысловой нагрузки, а только выражающие семантико-синтаксические отношения между словами). Так текст «вычищается» до тех пор, пока не останутся только смысловые части речи и затем строится финальное облако слов и изучаются связи.

Таким образом, на входе мы имеем дело с нарративами студенческих семей, выпол-

ненных на естественном языке, анализировать который необходимо сразу на нескольких лингвистических уровнях:

— графематическом (выделение показателей (слов));

— лексическом (группировка показателей по параметрам);

— морфологическом (выяснение контекста использования показателей, построение морфологической интерпретации показателей в входном тексте);

— синтаксическом (выявление связей между показателями, построение дерева зависимостей показателей);

— семантическом (оценка показателей, выделение групп, составляющих семантическое ядро; построение семантического графа).

Текст делится на абзацы, предложения, слова и буквы. Сначала буквы объединяются в слова. Затем слова нормализуются — выделяется их начальная форма. Далее проводится полный или частичный синтаксический разбор, определяются зависимости и связи между показателями в предложениях. На первый взгляд, кажется, что разбить текст на предложения и выделить показатели не составляет никакого труда. Нужно просто ориентироваться на знаки препинания, маркирующие конец предложения. Но работает этот метод далеко не всегда. Ведь, например, точка может обозначать и сокращение, использоваться в дробных числах. Таким образом, для NLP используются программные средства, позволяющие оптимизировать процесс обработки естественного языка. В данном исследовании мы предлагаем алгоритм обработки текста в программной среде Python.

Результаты.

1. *Распределение ключевых слов, характеризующих нарративы студенческой семьи в российском дискурсе о браке (рис. 2, составлено авторами).*

В соответствии с полученным результатом в наблюдаемом распределении отсутствуют свойственные традиционному образу сюжеты «сложной» межпоколенческой семьи. В числе доминирующих токенов фигурируют «ребенок» и «муж», что подтверждает описанный в нарративах студенческой семьи сюжет заключения брака «по залету». При этом выделяются токены, связанные

в нарративах присутствовали стандартные токены: «рождение», «дети», «семья», «брак», «родительство», то к 2014 г. (в год принятия Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.) в ранг доминантных *m*-нарратив вошли 2 токена — «квартира» и «дом». Данная тенденция усилилась к 2019–2020 гг., когда уже *w*-нарратив стали образовывать такие токены, как «деньги», «работа» и «квартира». При этом в *w*-нарративе существенным образом возросла частота упоминаний «ребенка» как ключевого токена, а также с разной периодичностью появились взаимозамещающие токены «муж» и «отец».

Невестам всегда говорится, что они должны в первую очередь искать отца для ребенка, а не думать о личном счастье. Жениху, наоборот, всегда говорят, чтобы искал главным образом себе жену.

Если сопоставить ключевые токены, то «ребенок» в *m*-нарративе с 2008 г. устойчиво сохраняется в топ-5 по упоминаемости и образует с другими токенами 1–3-го ранга оффер «хотеть»-«мужчина»-«ребенок», а уже после этого «девушка» (5-й ранг) и «женщина» (7-й ранг). Примечательно, что постулируется принцип нежелательности сексуальных отношений до брака. При этом репрезентируют маркеры недоверия к женщине, которая до брака не имела активные сексуальные контакты, тогда как мужчина с подобными взглядами признается «наивным». Следовательно, в медиадискурсе приемлемы и одобряемы сексуальные отношения до брака. Из этого исходит образ зрелости как готовности партнеров для брака: мужчина с ранних лет должен быть самостоятелен и перспективен, женщина — красива и готова к родам. С точки зрения институциональных арен брачного рынка, данные нормы подразумевают, что первый ход при mariaje однозначно совершает мужчина.

Для *w*-нарратива характерен оффер «хотеть»-«мужчина»-«человек», тогда как токен «ребенок» имеет 13-й ранг, уступая токenu «друг» (7-е место). Желание невесты идти вверх по карьерной лестнице резко осуждается и противопоставляется желанию рожать детей, которое оценивают положительно. Гендерная роль женщины сводится исключительно к выходу замуж, деторождению и воспитанию детей. Нежелание женщины иметь ребенка до 30

лет воспринимается как явное отклонение и неприемлемая форма поведения. Так как в плоскости *w*-нарратива заложена семья, то вина за развал брака или отсутствие нескольких детей накладывается на жену. Примечательна репрезентация отношения к бесплодию, в котором в первую очередь винят женщину.

Обсуждение. Исходя из этих наблюдений, следует сделать вывод, что в дискурсе происходит институциональное усиление репродуктивного поведения у мужчин и брачного поведения у женщин. Иными словами, многие студенческие семьи строятся на беккериянских принципах, где мужчина выполняет (должен выполнять) роль кормильца, а жена воспитывает детей.

Любопытным также является тот факт, что токены «семья» и «брак» вышли с 2009–2010 гг. из топ-50 как в *w*-нарративе, так и *m*-нарративе. Однако в официальном медиодискурсе считается, что брак происходит не «на человеке», а на «всей семье» (включая близких и дальних родственников). Следовательно, в процессе выбора брачного партнера оценке подвергается не только сам потенциальный супруг, но и его семья (в широком смысле этого слова). Признание семьи «хорошей» автоматически маркирует кандидата как «подходящего», что создает отсылку к идее нормативного и подражательного изоморфизма при формировании семей в России.

Непосредственно субъекты дискурса о браке демонстрируют стремление оттянуть рождение детей по причине отсутствия психологической готовности и репродуктивных установок, карьерной нереализованности мужчин и неготовности женщин доверить свое материальное благополучие. Поэтому женщины из более обеспеченных семей чувствуют себя более комфортно при принятии решения о рождении ребенка, тогда как малообеспеченные женщины характеризуются большими материальными притязаниями по отношению к мужчинам. Также с 2016 г. в медиодискурсе актуализируется идея сожительства как предварительного брачного теста, в котором молодые люди пробуют жить вместе некоторое время, чтобы понять, насколько гармоничны их отношения. Однако знак равенства между зарегистрированным браком и сожительством не ставится: дето-

рождение в таком союзе является неприемлемой стратегией, так как приводит к гарантированному статусу «матери-одиночки».

Таким образом, нарративы брака в явном виде не популяризуют традиционные семейные ценности, смещая внимание на рациональный марьяж. При этом рациональность сводится к предпочтению модели идеальной семьи, которая может быть сформирована как официальный и единственный брак на всю жизнь, когда муж обеспечивает семью, а молодая супруга решает бытовые проблемы и воспитывает 1–2 детей при активном участии старших членов семьи. Вследствие этого развиваются гендерные стереотипы, которые проявляются при использовании в отношении женщин устоявшегося выражения «прекрасный пол» («представительницы прекрасной половины человечества», «прекрасные дамы»)³.

Гендерные стереотипы по отношению к женщинам ярче всего прослеживаются в возрасте от 20 до 30 лет. Во-первых, от таких невест не ожидается никаких личных характеристик, так как они фактически не могут сформировать целостное мнение

относительно будущего. Во-вторых, от таких девушек требуется наличие либо активного поиска, либо уже найденного мужчины с планами семьи в формате обязывающего предложения: предельный допустимый срок брака для женщины составляет около 30 лет; временное окно, в рамках которого необходимо выйти замуж и родить ребенка, варьируется в диапазоне 20–25 лет.

Схожая картина фиксируется в нарративах «снизу», где популярность традиционных ценностей, как минимум, не отрицается только в Пензе, Липецке, Ставрополе, Белгороде. Нарративы студенческой семьи на Дальнем Востоке и регионах Сибири демонстрируют социальное неприятие равновозрастного брака мужчины и женщины. Мужчина должен быть старше и обеспечен, тогда как студенческий брак является во всех анализируемых случаях гарантией нищеты и непреодолимым барьером для развития.

Исходя из вышесказанного, появляется возможность изобразить глубинную структуру нарратива, используя логические схемы Греймаса (рис. 4, составлено авторами).

	<i>Сильное материнское начало</i>		
<i>Сдвоенная гендерная идентичность</i>	Рожать детей	Создавать семью для материального достатка	<i>Чайлдфри/Аффексьонадо</i>
	Не создавать семью для материального достатка	Не рожать детей	
	<i>Маскулинность женщины</i>		

Рис. 4. Базовые ценности, образующие глубинную структуру нарративов семейных отношений в России
Fig. 4. Basic values forming the deep structure of narratives of family relations in Russia

³ Владимир Путин поздравил женщин России с праздником — Международным женским днём [Электронный ресурс] // Президент России. 8 марта 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65105> (дата обращения: 01.10.2021).

В противоречии указанных ценностей раскрывается суть кризиса, ускоряющего тенденции деинституционализации брака. С одной стороны, иллокутив рождения ребенка свойственен традиционным ценностям, с другой, также характеризует двойственное гендерное начало, в рамках которого смещается роль женщины в семье. Говоря о последнем, стоит упомянуть, что женщина не нуждается в брачном союзе как в обязательном и наиболее простом способе обеспечения материального достатка. В этой связи рождение детей перестает являться обязательным атрибутом и следствием семейственности.

При этом доминирующие нарративы семейных отношений ретранслируют все из указанных ценностей, в большей степени смещая фокус внимания общества от традиционных догм. Дело в том, что в современном российском обществе студенческая (или молодая) семья сама по себе утрачивает функции экономического фундамента, трансформируясь в источник возникновения деприваций.

Заключение. На сегодняшний день, как следует из результатов проведенного анализа, в дискурсе о браке распространяются смешанные семейные ценности — смесь западных ценностей с традиционным взглядом на семью. Во многом это обусловлено тем, что российские медиа не производят собственного контента и воспроизводят иностранные клише и тренды. Однако конвенция, на основе которой построены концепты семьи в мировых трендах, сформирована вокруг деинституционализованного брака и имеет сложную разноуровневую структуру. Нетрадиционные ценности, ставшие объектом идеологического противостояния российского общества с западным миром, являются лишь вершиной этой конвенции. Фундамент конвенции, формирующий общественный запрос на нарративы однополых браков, бездетности, полиамориальных семей, во многом сформирован в контексте беккериянской семьи. Вспоминая утверждение Дж. Сёрла «X считается Y в контексте Z», отметим, что именно контекст (как элемент дискурса) задает институциональную логику восприятия населением современной семьи. В этой связи измены, разводы, предпочтение личного счастья и карьеры деторождению постепенно

становятся для россиян «нормой» семейных отношений. При постоянной популяризации данных явлений закрепление нетрадиционных семейных отношений является закономерной альтернативой традиционной семье.

Другим, не менее важным, аспектом нарративного регулирования семейных отношений является фокус на регионы. Складывается ситуация, при которой жители российских регионов наблюдают дуалистичную реальность: с одной стороны, через медиадискурс население получает яркий и регулярный контент современной семьи, с другой — локальные дискурсы фиксируют сравнительно жестокую реальность нищеты и семейных трудностей. При проникновении регионального концепта в центральный медиадискурс происходит эклектика в лучших традициях современной российской истории, решающей проблемы провинциального быта «богом из машины». При этом провинциальность высмеивается и не находит поддержки в медиа. Многодетная семья в этом срезе представляется как жизнь «шахтеров», которые совершают своего рода подвиг и нужны обществу. Однако никто из зрителей не понимает в полной мере их быта и, тем более, не желает разделять его негативные аспекты.

Таким образом, в качестве рекомендации по совершенствованию системы нарративного регулирования следует упомянуть необходимость гармонизации российского дискурса посредством выработки единой стратегии продвижения традиционных семейных ценностей как на федеральном, так и на региональном уровне. При этом необходимо выравнивание качества контента в регионах для того, чтобы семьи в субъектах РФ характеризовались образами, не уступающими современным стандартам.

Кроме того, важной составляющей нарративного регулирования может стать отказ от усиления позиций советского образа семьи, который способен спровоцировать ценностный конфликт и нанести непоправимый ущерб традиционности в России. Традиционные семейные ценности целесообразно осовременить, сделав их более подходящими современным стандартам качества жизни в технологическом плане. Для этого требуется научно-обоснованная разработка новой модели семьи, включающей в себя не только переос-

мысление *w*-нарратива, но в большей степени *m*-нарратива. Западные семейные ценности в совокупности с проводимой в развитых странах семейной политикой обеспечивают контроль над рождаемостью в бедных слоях и стимулирование рождаемости у богатых. Российские нарративы впитывают этот тезис через повторение иллокутивов, где мужчина не может позволить себе семью, не достигнув определенного уровня материального достатка. Перелом этой ситуации возможен при развитии образа отцовства и сокращения возрастного периода взросления мужчин через систему высшего образования, воинскую службу и т.п. Пока в медиадискурсе возрастной разрыв между мужчиной и женщиной будет демонстрироваться как социальная норма, период взросления мужчин будет нежелательным образом повышаться.

Список источников

1. Белоношко Л.Н. Роль средств массовой информации в процессе формирования нравственных и духовных основ личности // Вестник НГУЭУ. 2017. №1. С. 242–249.
2. Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. Нарративы, идеи и институты // Terra Economicus. 2018. №2. С. 150–168.
3. Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С. Российская конституционная конверсия на фоне деинституционализации брака в США // Journal of Institutional Studies. №2. С. 86–99.
4. Кучмаева О.В., Ростовская Т.К. Концепция информационной кампании по повышению ценности семьи и семейного образа жизни // Информационное общество. 2016. №3. С. 37–47.
5. Мищенко В.А. Образ семьи в средствах массовой информации // Социологические исследования. 2014. №6. С. 137–141.
6. Остин Д. Как производить действия при помощи слов. М.: Идея-пресс, 1999. 329 с.
7. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. №3. С. 15–33.
8. Рыбаковский Л.Л. Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования // Социологические исследования. 2015. №9. С. 62–70.

9. Серл Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.

10. Тамбовцев В.Л. Нарративный анализ в экономической теории как восхождение к сложности // Вопросы экономики. 2020. №4. С. 5–30.

11. Akerlof G.A., Snower D.J. Bread and bullets // Journal of Economic Behavior & Organization. 2016. №126. P. 58–71.

12. Bates R.H., Greif A., Levi M., Rosenthal J.L., Weingast B.R. Analytic narratives. Princeton University Press, 2020. 296 p.

13. Cherlin A.J. Degrees of change: An assessment of the deinstitutionalization of marriage thesis // Journal of Marriage and Family. 2020. Vol. 82. №1. P. 62–80.

14. Cherlin A.J. The deinstitutionalization of American marriage // Journal of marriage and family. 2004. №4. P. 848–861.

15. Greimas A.J. Structural semantics: An attempt at a method. University of Nebraska Press, 1983. 325 p.

16. Tobin P. Economics from zero-sum to win-win // Nature Climate Change. 2020. Vol. 10. №5. P. 386–387.

17. Treas J., Lui J., Gubernskaya Z. Attitudes on marriage and new relationships: Cross-national evidence on the deinstitutionalization of marriage // Demographic research. 2014. Vol. 30. P. 1495.

References

1. Belonozhko L.N. Rol' sredstv massovoj informacii v processe formirovanija npravstvennyh i duhovnyh osnov lichnosti [The role of mass media in the process of formation of moral and spiritual foundations of personality]. *Vestnik NGUJeU [Bulletin of NGUEU]*. 2017; (1): 242–249. (In Russ.).
2. Vol'chik V. V., Masljukova E.V. Narrativy, idei i instituty [Narratives, ideas and institutions]. *Terra Economicus*. 2018; (2): 150–168. (In Russ.).
3. Kapoguzov E.A., Chupin R.I., Harlamova M.S. Rossijskaja konstitucionnaja konversija na fone deinstitutionalizacii braka v SSHA [Russian constitutional conversion against the background of deinstitutionalization of marriage in the USA]. *Journal of Institutional Studies*. (2): 86–99. (In Russ.).

4. Kuchmaeva O. V., Rostovskaja T. K. Konceptija informacionnoj kampanii po povysheniju cennosti sem'i i semejnogo obraza zhizni [The concept of an information campaign to increase the value of family and family lifestyle]. *Informacionnoe obshhestvo [Information Society]*. 2016; (3): 37–47. (In Russ.).
5. Mishhenko V. A. Obraz sem'i v sredstvakh massovoj informacii [The image of the family in the mass media]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]*. 2014; (6): 137–141. (In Russ.).
6. Ostin D. Kak proizvodit' dejstviya pri pomoshhi slov [How to perform actions with the help of words]. Moscow: Ideja-press, 1999. 329 p. (In Russ.).
7. Radaev V. V. Millenialy na fone predshestvujushhij pokolenij: jempiricheskij analiz [Millennials against the background of previous generations: an empirical analysis]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]*. 2018; (3): 15–33. (In Russ.).
8. Rybakovskij L. L. Konceptija demograficheskoj politiki Rossii: opyt razrabotki i puti sovershenstvovanija [The concept of demographic policy of Russia: development experience and ways to improve]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]*. 2015; (9): 62–70. (In Russ.).
9. Serl Dzh. Chto takoe rechevoj akt? [What is a speech act?]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike [New in foreign linguistics]*. Issue 17. Moscow: Progress, 1986. P. 151–169. (In Russ.).
10. Tambovcev V. L. Narrativnyj analiz v jekonomicheskoi teorii kak voshozhdenie k slozhnosti [Narrative analysis in economic theory as an ascent to complexity]. *Voprosy jekonomiki [Questions of Economics]*. 2020; (4): 5–30. (In Russ.).
11. Akerlof G. A., Snower D. J. Bread and bullets // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2016. №126. P. 58–71.
12. Bates R. H., Greif A., Levi M., Rosenthal J. L., Weingast B. R. Analytic narratives. Princeton University Press, 2020. 296 p.
13. Cherlin A. J. Degrees of change: An assessment of the deinstitutionalization of marriage thesis // *Journal of Marriage and Family*. 2020. Vol. 82. №1. P. 62–80.
14. Cherlin A. J. The deinstitutionalization of American marriage // *Journal of marriage and family*. 2004. №4. P. 848–861.
15. Greimas A. J. Structural semantics: An attempt at a method. University of Nebraska Press, 1983. 325 p.
16. Tobin P. Economics from zero-sum to win-win // *Nature Climate Change*. 2020. Vol. 10. №5. P. 386–387.
17. Treas J., Lui J., Gubernskaya Z. Attitudes on marriage and new relationships: Cross-national evidence on the deinstitutionalization of marriage // *Demographic research*. 2014. Vol. 30. P. 1495.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 19.02.2022.
The article was submitted on 01.02.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 19.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Капогузов Евгений Алексеевич — доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Экономическая теория и мировая экономика», Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Россия, г. Омск, пл. Лицкевича, 1

Evgeny A. Kapoguzov — Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of Economic Theory and World Economy, Dostoevsky Omsk State University.

1 Litskevicha sq., Omsk, Russia

Чупин Роман Игоревич — кандидат социологических наук, научный сотрудник сектора «Методы исследования проблем развития регионов», Омский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук.

Россия, г. Омск, ул. Красный путь, 15

Roman I. Chupin — Candidate of Sociological Sciences, Research Fellow at the Department of Research Methods for the Problems of Regional Development, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

15 Krasnyy put' st., Omsk, Russia

Вклад авторов:

Капогузов Е. А. — научное руководство; концепция исследования; обзор литературы; итоговые выводы.

Чупин Р. И. — сбор эмпирического материала; разработка инструментария; развитие методологии исследования; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Kapoguzov E. A. — scientific guidance; research concept; literature review; final conclusions.

Chupin R. I. — collection of empirical material; development of tools; development of research methodology; final conclusions.

Научная статья
УДК 316.346.32-053.6 (470+571)
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-109-123

СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДОБРАЧНОЙ МОТИВАЦИИ И БРАЧНОГО СТАТУСА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Елена Николаевна Касаркина¹✉, Алена Александровна Антипова²

^{1,2}Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия

¹eienovik@mail.ru✉, ORCID: 0000-0003-4213-8211, AuthorID РИНЦ: 742329

²aljona.ntprv@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9009-6066, AuthorID РИНЦ: 652345

Аннотация. Цель исследования — охарактеризовать добрачные мотивы и установки студенческой молодежи на семейную сферу в условиях многочисленных процессов модернизации городского социума (на примере г. Саранск).

Методология исследования основывается на системном подходе к ключевым факторам формирования добрачной мотивации студенческой молодежи в условиях современного города. Основными методами выступили метод анкетного опроса студенческой молодежи г. Саранска (опрошено 300 человек), вторичный анализ эмпирических исследований по проблеме исследования. Применялись методы сравнения, классификации, обобщения и интерпретации полученной информации.

Результаты исследования. Проанализирована добрачная мотивация студенческой молодежи, находящейся на начальном этапе создания брачно-семейных отношений в условиях постоянно меняющейся городской социокультуры, наполненной неопределенностями, противоречиями, социальными, экономическими рисками и возможностями. В ходе исследования была выявлена подчиненность мотивов и установок добрачного поведения студенческой молодежи социокультурным условиям города, нормам, связям и отношениям, формирующим городскую субкультуру. Установлено, что опрошенные рассматривают современный город не только как возможность получения высшего образования, перспектив выгодного трудоустройства и лучшей жизни, но и как альтернативный брачный рынок. Создана концептуальная модель классификации факторов, влияющих на добрачную мотивацию студенческой молодежи в условиях города. Проведенный анализ показал, что характерные для современного города способы формирования семьи и брака выступают причиной толерантности социальных взглядов на сожитительство среди студенчества, повышения возраста вступления в законный брак, приоритета индивидуального над коллективным, личного над семейным, доминирования материальных ценностей над духовными и нравственными, разделения ценностей социального и семейного статуса, стремления избежать либо отложить брачно-семейную ответственность.

Перспективы исследования. Проведенный анализ может стать основой проведения масштабного исследования с целью выявления подчиненности мотивов, установок добрачного поведения студенческой молодежи социокультурным условиям города.

Ключевые слова: молодежь, студенчество, мотивация, добрачные установки, семья, брак, общество, город

Для цитирования: Касаркина Е. Н., Антипова А. А. Современный город как фактор формирования добрачной мотивации и брачного статуса студенческой молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 109–123. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-109-123>.

Original article

THE MODERN CITY AS A FACTOR IN THE FORMATION OF PREMARITAL MOTIVATION AND MARITAL STATUS OF STUDENTS

Elena N. Kasarkina¹✉, Alena A. Antipova²

^{1,2}*National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia*

¹*eienovik@mail.ru* ✉, *ORCID: 0000-0003-4213-8211, AuthorID RSCI: 742329*

²*aljona.ntpv@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9009-6066, AuthorID RSCI: 652345*

Abstract. *The purpose of the study is to characterize the premarital motives and attitudes of students towards the family sphere in the conditions of numerous processes of modernization of urban society (for example, Saransk).*

The research methodology *is based on a systematic approach to the key factors of the formation of premarital motivation of students in a modern city. The main methods were the method of a questionnaire survey of students in Saransk (300 people were interviewed), a secondary analysis of empirical research on the research problem. Methods of comparison, generalization, classification, generalization and interpretation of the received information were used.*

The results of the study. *The article analyzes the premarital motivation of students who are at the initial stage of creating marriage and family relations in an ever-changing urban socioculture filled with uncertainties, contradictions, social, economic risks and opportunities. The study revealed the subordination of motives and attitudes of premarital behavior of students to the socio-cultural conditions of the city, norms, ties and relationships that form the urban subculture. It is established that the respondents consider the modern city not only as an opportunity to obtain higher education, prospects for profitable employment and a better life, but also as an alternative marriage market. A conceptual model of classification of factors influencing premarital motivation of students in urban conditions has been created. The analysis showed that the ways of forming a family and marriage characteristic of a modern city are the reason for tolerance of social views on cohabitation among students, raising the age of legal marriage, the priority of the individual over the collective, personal over the family, the dominance of material values over spiritual and moral, the separation of values of social and family status, the desire to avoid or postpone marital and family responsibility.*

Research prospects. *The conducted analysis can become the basis for conducting a large-scale study in order to identify the subordination of motives, attitudes of premarital behavior of student youth to the socio-cultural conditions of the city.*

Keywords: *youth, students, motivation, premarital attitudes, family, marriage, society, city*

For citation: *Kasarkina E. N., Antipova A. A. The modern city as a factor in the formation of premarital motivation and marital status of students // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 109–123. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-109-123>.*

Введение. Современная молодежь выбирает жизнь в больших городах. Они предлагают широкие возможности не только для получения высшего образования, перспектив выгодного трудоустройства и лучшей жизни, но и брачного рынка. «Сегодня скучная жизнь в маленьком поселении — чуть ли не самая актуальная проблема среди молодых людей» [27, р. 34]. Дети, которые стремятся к саморазвитию и жаждут приключений, думают, что для них «закрыты» возможности, а их место жительства не позволяет им самореализоваться. Отчасти они правы, ведь не во всех поселках, сёлах, а тем более деревнях найдётся кинотеатр, ледовый дворец, торговый центр или даже обычное кафе. Концерты и встречи, которые часто дают знаменитости, никогда не проходят в маленьких поселениях. Молодёжь хочет проводить свою жизнь в движении, наполнять её яркими красками, менять локации и пробовать новое. Однако не каждое поселение может дать своим жителям места для хорошего времяпрепровождения и возможности для саморазвития. Даже провинциальный город, не говоря уже о мегаполисах, более востребован молодежью, чем посёлок или деревня «сочетанием как минимум нескольких факторов: экономических, социальных, культурных, политических» [15, с. 773].

«Мир городов притягивает молодежь, город набирает все больший политический, экономический и социальный вес. Но если раньше градообразующую роль играли промышленные предприятия, то в постиндустриальном обществе в центре развития города оказался человек» [26]. Город требует ресурсы, одним из них является молодежь [28]. Переезд из деревни в город, из провинциального городка — в столицу имеет две причины. Во-первых, в провинции нет работы либо она малооплачиваема, да и в целом карьерные перспективы весьма ограничены (сюда же можно включить и образование, которое часто возможно получить только в более-менее большом городе). Во-вторых, это престиж, так как жить в городе модно, а в сельской местности — нет.

XXI век становится эрой городов. Мегаполисы трансформируются в центры инноваций и креативности, переходя из статуса скопления домов и улиц в статус конгломератов, стремящихся обеспечивать разнообразную, безопасную и высококачественную

жизнь людей. Все более актуальным становится вопрос создания городов с абсолютно новой моделью развития, среди таковых — «неолиберальный урбанизм», организация мегасобытий, джентрификация городского пространства [4].

Молодежь — это категория населения, которая находится в поиске своего пути к достижению успеха. Немаловажное место в таком поиске имеет формирование собственной позиции по отношению к браку и созданию семьи. Она формируется под влиянием социокультурных факторов, с которыми приходится сталкиваться в тот или иной период как конкретному молодому человеку, так и молодежи в целом. В среде студенческой молодежи поиск этой позиции осложняется тем, что в качестве основного направления саморазвития для студентов общество предписывает получение образования, поиск своего места на профессиональном поприще, и в то же время подготовка себя как будущего семьянина тем же обществом предполагается как непреходящий атрибут жизни и развития молодого студента. Такое противоречие обусловлено тем, что для общества студенчество является, прежде всего, носителем инновационного потенциала развития, обладающим высоким стремлением к реализации своих возможностей и потребностей. Построение гендерных отношений, формирование добрачной мотивации, ориентированных на создание семьи в будущем, включается обществом в число таких потребностей студенческой молодежи.

Классическими ценностями добрачной мотивации являются вступление в брак по любви, создание семьи с человеком по общим взглядам и устремлениям, наличие взаимного положительного отношения к семейному образу жизни. Однако в современном городе добрачная мотивация молодежи нередко возникает под влиянием моды и городских стандартов красивой жизни, что влечет за собой обесценивание классических семейных ценностей. Например, в большом городе не осуждаются сожительство, гостевой брак или брак «выходного дня».

Проблема познания мотивов, формирующих установки молодых людей на брак и семью, а также факторов, влияющих на данные мотивы в различных социокультурных условиях, в том числе и в социокультуре совре-

менного города, получила свое теоретическое освещение в трудах как российских, так и зарубежных исследователей. Например, научный труд Х. Хекхаузена [16] представил нам возможность выделить взаимосвязь добрачной мотивации и деятельности. Работа Ф. Хейленда, А. Прскавец, В. Сандерсона [25] позволила выделить влияние добрачных мотивов и установок на будущее семьи в целом. Предложенная Е.В. Волченковой [3] классификация мотивов вступления в брак явилась основой выявления подчиненности мотивов и установок добрачного поведения молодежи социокультурным условиям города, нормам, связям и отношениям, формирующим городскую субкультуру.

Добрачная мотивация, рассмотренная в работах А.Б. Добровича [10], Б.Ю. Шапиро [17], и выделенная взаимосвязь добрачных мотивов с последующей удовлетворенностью семейной жизнью, отмеченная в работах З.И. Айгумовой [1], С.И. Голода [6], С.В. Ковалева [12], Э.Г. Эйдемиллера [18], позволила нам обосновать системную модель классификации факторов, влияющих на добрачную мотивацию молодежи в условиях города. Интерес также представляет социокультурная составляющая мотивов вступления в брак, представленная в работах Т.М. Афанасьевой [2], Э. Гидденса [5], Т.А. Гурко [8], и анализ социальных условий формирования системы мотивационных добрачных ценностей в работах О.Ю. Гогицаева [24], В.А. Сысенко [14].

Молодежь современного города толерантна в брачно-семейных установках, причем терпимость эта разнообразна в своих проявлениях. Например, Т.М. Дадаева и В.В. Баранова отмечают, что «городская молодежь демонстрирует толерантное отношение к вспомогательным репродуктивным технологиям в репродуктивном поведении» [9, с. 150].

Ряд ученых рассматривают современный город как фактор, влияющий на ценности и поведенческие установки населения, в том числе: в положительном значении (Ч. Чжун [29]), в отрицательном значении (У. Бек [20]), в противоречивой взаимозависимости положительных и отрицательных условий отдельных территорий (М.В. Морошкина [13]).

Т. Фрейка [23], Г.А. Чередниченко [21] акцентируют свое внимание на том, что социокультурные изменения, связанные с ур-

банизацией, не могут не влиять на молодежь. Например, отмечается, что молодежь современного города нередко выстраивает свою жизнедеятельность по принципу «сначала карьера, потом семья» [23, р. 58], что особенно характерно для студенческой молодежи. Молодые пары становятся более эгоистичными и менее склонными к компромиссам. У молодежи изменилось отношение к браку и семье, оно стало более рациональным. Брак в городе становится все менее устойчивым социальным институтом.

По мнению Дж. Эрмиша и Н. Огавы, молодые люди хотят жить в городах. Причины: лучше развита культура, больше возможностей получения различных профилей образования, саморазвития, люди перешли в информационное общество, и «жить на земле» уже не прельщает современников, в города быстрее проникает прогресс, новые технологии, в городе проще найти хорошо оплачиваемую работу [22, р. 81–82].

Таким образом, обзор литературы по теме исследования показал, что современная городская социокультура, наполненная неопределенностями, противоречиями и рисками, влияет на молодежь, поэтому молодые люди не торопятся или не хотят создавать семью, они более инфантильны, чем их родители и прадеды, и с трудом берут на себя ответственность. Если 30–40 лет назад юноши и девушки готовы были регистрировать брак сразу после школы, института или встретив любовь, то сегодня у многих четкая установка — сначала добиться достатка, социального положения и стабильного дохода. Особенно это касается студенческой молодежи, которая еще в постшкольный период выбрала путь, ориентированный на получение качественного образования и построение карьеры, а не на создание семьи в ближайшем будущем.

Методика. Основным методом сбора эмпирической информации выступил метод анкетного опроса студенческой молодежи г. Саранска. Анализ информации по проблеме исследования осуществлялся с помощью методов сравнения, классификации, обобщения и интерпретации полученной информации.

Анкетный опрос проводился по заказу Министерства социальной защиты, труда и занятости населения Республики Мордовия

в 2018–2019 гг., которое обратилось с соответствующим запросом на кафедру социальной работы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Генеральную совокупность составила молодежь города Саранска в возрасте от 18 до 35 лет, численность которой, по данным Государственного комитета Республики Мордовия по делам молодежи, на 1 июля 2018 г. составила 139302 человек¹.

В ходе анкетирования опрошено 300 молодых людей из числа студентов вузов г. Саранска, отобранных по ряду критериев: 1) возраст (18–35 лет); 2) не имеющие детей; 3) не имеющие опыта законного брака.

Респонденты являлись студентами крупнейших организаций высшего образования республики: Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, Саранского кооперативного института Российского университета кооперации.

Объект исследования — студенческая молодежь в современном городе.

Предмет исследования — город как фактор формирования добрачной мотивации студенческой молодежи.

Цели исследования — охарактеризовать добрачные мотивы и установки студенческой молодежи на семейную сферу в условиях многочисленных процессов модернизации городского социума (на примере г. Саранска).

Задачи исследования:

1) проанализировать добрачную мотивацию студентов в условиях городской социокультуры;

2) охарактеризовать модель классификации факторов, влияющих на добрачную мотивацию студенческой молодежи в условиях города;

3) обосновать значимость эмпирического исследования современного города как фактора формирования добрачной мотивации студенческой молодежи.

Хронологические рамки исследования — январь–апрель 2018 г.

Территориальные рамки исследования — г. Саранск.

Также проведен вторичный анализ эмпирических исследований (таблица 1).

Результаты исследования. Проведенный вторичный анализ эмпирических исследований позволил выявить противоречия формирования добрачной мотивации студенческой молодежи в условиях постоянно меняющейся городской социокультуры, наполненной социальными рисками, а также особенности модернизации и стабилизации городского социума, влияющие на добрачные установки молодежи.

Результаты вторичного анализа данных эмпирических исследований и проведенного опроса показали, что к факторам, влияющим на добрачную мотивацию студенческой молодежи в условиях современного города, следует отнести:

— во-первых, повышение брачного возраста (в XIX в. в России вступали в брак в интервале 13–18 лет, в начале 2000-х это был период между 23–25 годами, сейчас он сместился на промежуток от 25 до 30 лет) [11]. В исследовании Е. Н. Новиковой, выполненном в рамках кандидатской диссертации (Саранск, 2005 г.), возрастом для вступления в законный брак молодежь называла 21–22 года для девушек и 25–26 лет для юношей². Наш анкетный опрос молодежи показал, что оптимальным возрастом для вступления в законный брак для девушки является возраст 24–26 лет, а для юноши — 27–29 лет;

— во-вторых, доминирование материальных ценностей над духовными и нравственными. В современном городе модно быть перфекционистом и жить по принципу «все или ничего». Такие молодые люди ждут подходящего времени, когда денег будет больше, социальный статус выше, квартира больше, а когда этот момент настает, оказывается, что уже нет желания, нет мотивов для создания семьи. Построение карьеры и достижение материальной независимости значимы для 60,2% опрошенных, а допускают вступле-

¹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3abf3e (дата обращения: 14.02.2018).

² Новикова Е. Н. Гендерная специфика добрачного поведения студенческой молодежи: на примере Республики Мордовия: дис. ... канд. социол. Наук. Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева. Саранск, 2006. С. 182.

Таблица 1
 Table 1

Вторичный анализ данных эмпирических исследований
 Secondary analysis of empirical research data

Автор и тематика исследования	Хронологические и территориальные рамки	Методы исследования	Цель исследования	Данные, используемые для сравнительного анализа
Юркевич Н. Г. Советская семья. Функции и условия стабильности	г. Минск, г. Москва, 1968 г.	Анкетный опрос рабочей молодежи. Выборочная совокупность 612 работниц и 365 рабочих	Выделить мотивы вступления в брак и их влияние на удовлетворенность брачно-семейными отношениями в будущем	Мотивы вступления в брак и удовлетворенность браком
Лисовский В. Т. Советское студенчество Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ	г. Ленинград, 1978-1979 гг.	Анкетный опрос студенческой молодежи. Выборочная совокупность 1202 респондента	Брачно-семейные установки и мотивы добранного ухаживания среди молодежи	Сравнение сохранения традиций и современных тенденций в добранной мотивации молодежи
Институт социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберга в Российской Федерации	г. Ленинград, 1980 г. г. Москва г. Санкт-Петербург, 2000 г.	Неформализованное групповое интервью молодежи. Всего опрошено 1796 человек	Соотношение советских и постсоветских ценностей молодежи	Сравнительный анализ ценностей городской молодежи

Окончание таблицы 1
 End of Table 1

Новикова Е. Н. Гендерная специфика добрачного поведения студенческой молодежи: на примере Республики Мордовия	г. Саранск, 2005 г.	Анкетный опрос студенческой молодежи. Выборочная совокупность — 872 респондента	Гендерные особенности добрачного поведения студентов и разработка путей оптимизации подготовки молодежи к браку	Ценностные ориентации и установки вступления в законный брак молодежи. Аспекты добрачного подготовки молодежи
Беляева Я. В. Состояние и динамика отношения молодежи к незарегистрированному браку	г. Москва, 2005-2006 гг.	Анкетный опрос молодежи. Выборочная совокупность — 675 респондентов	Проанализировать отношение молодежи к сожительствам	Наличие опыта незарегистрированного брака
Айгунов В. Р. Мотивация брачного выбора у молодежи	г. Москва, 2009 г.	Анкетный опрос молодежи. Выборочная совокупность — 765 респондентов	Особенности субкультурных различий мотивации добрачного выбора	Мотивация добрачного выбора в контексте разных культур
Тихомиров Д. А. Добрачные сексуальные отношения российской молодежи: проблема нормы и отклонения	г. Москва, 2010 г.	Анкетный опрос молодежи. Выборочная совокупность — 536 респондентов	Проанализировать отношение молодежи к добрачным сексуальным отношениям	Наличие опыта молодежи добрачной половой жизни

ние в брак в настоящий момент лишь 16,3%. Имеют опыт сожительства 20,5% респондентов, а допускают сожительство — 69,9%. У респондентов отмечается толерантность к сексуальным отношениям, которые отделены от матримониальных намерений;

— в-третьих, переоценку сущности брака и семьи. Проблемой, влияющей на добрачную мотивацию молодежи, является то, что в современном городе развод стал нормой (так считают 45,87% опрошенных). При этом регистрация брака, даже в молодом возрасте, становится многократной процедурой. Люди все чаще вступают в повторные браки, лояльны к разводам и не видят в них ничего плохого. Самыми частыми причинами разводов, по мнению 69,9% респондентов, становятся зависимости партнера (алкоголизм, наркомания), а также экономические мотивы, измены;

— в-четвертых, опору на приоритет личного, индивидуально значимого. Например, 39,2% опрошенных выразили мнение, что современный город способствует автономности и свободе личности, что вредит сохранности брака и семьи, так как партнерство всегда подразумевает некое полагание друг на друга, зависимость в хорошем смысле этого слова. Также вступление в брак откладывают по причине необходимости получить образование 81,6% респондентов. «Выйти замуж — не напасть, как бы замужем не пропасть», — говорили наши бабушки, которые умудрялись оказаться в узах брака в 18–20, а то и в 16 лет. Сейчас парни и девушки предпочитают не торопиться с узами брака, получая образование или просто живя в свое удовольствие. Сегодняшнее молодое поколение стремится не работать, а зарабатывать. С браком примерно то же самое. В условиях современного города отмечается инфантилизация молодежи. Это означает, что человек все позже вступает в пору взрослости, то есть откладывает время, когда придется брать ответственность на себя. В биологии известен термин неотения (особь не взрослеет, оставаясь на уровне личинки), теперь она проявляется и в отношении человеческих существ, только в психологическом плане;

— в-пятых, разделение ценностей социального и семейного статуса. У более образованного и экономически обеспеченного класса шанс создать полноценную семью

значительно выше, нежели у молодых людей из необеспеченных и необразованных слоев населения (данное мнение выразили 45,8% респондентов). Если эта тенденция будет и дальше набирать обороты, то небогатым и неуспешным с точки зрения современного городского общества молодым людям станет все сложнее формировать крепкие узы. Количество неполных семей продолжит расти, как и внебрачное материнство;

— в-шестых, переоценку мотивов вступления в брак. В трансформирующемся городском социуме любовь (выбор 60,2% респондентов) — не всегда доминирующий мотив добрачного поведения, следует также отметить такие мотивы, как материальная обеспеченность будущего мужа (жены) (45,8%), сходное видение будущего (37,7%), добрачная беременность (18,3%), длительность предбрачных отношений (12,2%). По мнению респондентов, к моменту заключения законного брака у молодых людей должна быть не только любовь, но и уверенность в прочности отношений, материальная независимость, работа, отдельная квартира, законченное высшее образование.

Обсуждение. На наш взгляд, тенденция к утрате ценности семейных отношений во многом сложилась из-за современного городского менталитета, в котором преобладают индивидуализм и вещизм. Материальные ценности приобрели тотальное значение. В семье важно отношение друг к другу, желание выслушать и понять. Современный человек требует внимания, любви, но сам не готов давать их. В людях растет агрессивность, а агрессор не захочет сохранить семью, ему важно решать свои задачи — кто главный, кто и что должен. Молодые пары не могут найти компромисс и по каждому поводу конфликтуют. Конечно, в семейных отношениях бывает огромное количество проблем, но при желании решить их можно. Например, любовь как лидирующий мотив заключения брака может явиться как причиной счастливого брака, так и неудачного: «любовь — существенное основание для вступления в брак, но не гарантия стабильности семейных отношений» [6, с. 26].

В современном городе гаджеты и современные технологии существенно облегчили жизнь человека. В связи с этим возникает

вопрос: не стал ли брак пережитком прошлого? В современном городе семья перестала быть условием для выживания. Раньше люди создавали «ячейку общества», чтобы было легче вместе выживать и продолжать род. Сейчас условия намного более мягкие, практически у всех людей в развитых странах базовые потребности удовлетворены. Поэтому, скажем, рожать по 12 детей необязательно. Тут уж современную молодежь не обманешь («влюбляться — естественно, а жениться — это вы сами придумали... Мне и одной / одному хорошо!»). Нельзя не отметить такой городской фактор, влияющий на добрачную мотивацию молодежи, как эмансипация и культ холостяцкой жизни.

Изменилось и отношение к одиноким людям. Если еще в 80-е годы быть одиноким, бобылем, матерью-одиночкой считалось признаком социального неблагополучия человека, то сейчас это вызывает максимум легкое недоумение, если человек в зрелом возрасте не живет с кем-то в паре. Для современной городской молодежи может найтись тысяча интересных и полезных занятий помимо брака, они ищут себя в профессии, в хобби, а семья представляется чем-то традиционным, что уменьшает общую мобильность. Многие молодые люди гораздо охотнее подпишут договор на ипотеку, чем свидетельство о браке.

В современном городе появились и новые формы брака. Например, «брак выходного дня» приобретает все большую популярность. Люди предпочитают сохранять автономность и встречаются, скажем, только в выходные. Гостевым браком называют отношения между двумя людьми, не проживающими вместе, но зарегистрированными официально. Это свидетельствует о том, что свободные люди в свободном городе выбирают свободные отношения. Секс стал доступным, для этого необязательно вступать в брак.

В условиях современного города семья — это дорого, а деньги в городском социуме играют важную роль. Продолжение пословицы «не в деньгах счастье, а в их количестве» знают уже все, поэтому немногие хотят тратить на свадьбы и браки. Семья — это новые расходы, дети — расходы непомерные. Есть молодые люди, которые считают, что наличие семьи серьезно ударит по карману, личной не-

зависимости, и постоянно живут в ситуации, когда думают, что жизнь дорожает, а заработок падает. Поэтому сейчас некоторым легче выжить в одиночку, чем тащить на себе семью, к тому же повсеместно муссируются темы: «жена тянет деньги у мужа, живет за его счет», «муж — транжира, тратит на друзей, футбол и видеоигры, несерьезный».

Винить в трансформирующихся добрачных мотивациях молодежи и ее нежелании вступать в брак можно и родителей, и современное поколение, и образ жизни, и что угодно. Но, как известно, все новое познается через противоречие и/или отрицание. Для современной городской молодежи традиции старшего поколения теперь не постулаты, слишком изменились реалии. Трансформирующиеся от традиционных к современным добрачные мотивации молодежи подкрепляются и современными реалиями городской жизни. Например, при приеме на работу важны опыт и образование, семейное положение кандидата в основном не имеет значения. Да и в целом городской социум давно перестал делить людей на свободных и семейных. Брак уже не придает статуса в обществе, как было раньше. Статус «не замужем» / «не женат» уже не закрывает двери практически ни в какое общество, а ведь совсем недавно такое положение вещей было невозможно.

Проведенное исследование показало, что влияние современного города на добрачную мотивацию студенческой молодежи актуально, что проявляется в следующем:

— снижение возраста вступления в брак (большинство опрошенных (48,1 %) считают оптимальным возрастом для вступления в законный брак для девушки 24–26 лет, а для юноши — 27–29 лет);

— открытость проявления сексуальности (из числа опрошенных живут половой жизнью 79,5 % не состоящих в законном браке молодых людей);

— откладывание вопроса регистрации брачных отношений (отметили 83,7 % респондентов);

— возросшая популярность неофициальных браков (имеют опыт сожительства 20,5 % респондентов, а допускают сожительство — 69,9 %);

— ориентация на получение образования и построение карьеры (вступление в брак

Таблица 2
Table 2

**Модель классификации факторов, влияющих на добрачную мотивацию
студенческой молодежи в условиях города
Model of classification of factors influencing premarital motivation
of students in urban conditions**

Факторы, прямо коррелирующие со стабильностью будущего брака	Факторы, обратно коррелирующие со стабильностью будущего брака
Возможности профессионального и социального самоопределения	Кризисные социально-экономические условия (безработица, социальная конкуренция)
Возможности добрачного поиска, добрачного выбора	Поверхностность контактов в добрачном общении, безответственность добрачного поведения
Современный стиль жизни и модернизация иерархии ценностей	Девальвация конструктивных семейных ценностей
Востребованность социальной идентичности личности	Ослабление социального контроля
Многообразие социальных и культурных стереотипов	Социальная и профессиональная неоднородность, разделение на богатых и бедных
Повышение социальной мобильности	Неустойчивость социального статуса
Социальная толерантность	Потеря родственной взаимопомощи

откладывают по причине необходимости получить образование 81,6% респондентов, по причине карьерного роста — 39,2%);

— ориентация на малодетность (установки на многодетность имеют 18,3% опрошенных) или вовсе нежелание иметь детей (4,6%).

На основе проведенного исследования и анализа нами была разработана модель классификации факторов, влияющих на добрачную мотивацию студенческой молодежи в условиях города (таблица 2).

Заключение. В настоящее время отношение к браку и семье в молодежной среде стало более упрощенным, а порой его можно назвать и легкомысленным. Прежде всего, вступление в брак перестало считаться чем-то монументальным. Замужество теперь не меняет жизнь радикально. Нередко молодые люди остаются в квартире родителей и не уезжают на собственную жилплощадь. Раньше браки создавались до конца жизни, теперь же считается неззорным «сходить замуж», просто попробовать себя в семейной жизни, а если не получится, то можно и развестись. Пара встречается, узаконивает

отношения, а затем разводится, если не сходится характерами или по другим причинам. «В результате эволюции семейно-брачных отношений развод рассматривается как норма общественной жизни» [30, р. 317].

Молодые люди в период студенчества не стремятся создавать сразу семью, однако они не против сначала пожить «гражданским браком», объясняя это чаще всего тем, что им нужно думать в настоящее время не о семье и детях, а о получении образования. При этом и по окончании обучения зачастую они не хотят юридически регистрировать отношения и вполне удовлетворены сожительством. С одной стороны, они объясняют это тем, что можно любить друг друга и без штампа в паспорте. С другой стороны, в сожительстве молодежь также не ставит целью рождение детей. Нередки и случаи, когда студенческий «гражданский брак» после окончания вуза распадается и молодые люди завершают свои отношения, так как оказывается, что их дальнейшие карьерные и matrimониальные интересы не совпадают.

Популярность гражданского брака в молодежной среде приводит к кризису института семьи в целом и демографическим

проблемам в обществе. Близкие отношения до брака оцениваются молодежью положительно по сравнению с нормами, принятыми в обществе XXI века. Если посмотреть на проблему с другой стороны, современные молодые люди стали в какой-то мере даже более ответственными, чем раньше. Нежелание вступать в брак можно назвать не легкомысленностью, а скорее наоборот — рассудительностью и наличием здравого смысла. Пара желает какое-то время пожить вместе, изучить привычки друг друга, чтобы знать, тот ли этот самый партнер и смогут ли они провести вместе всю оставшуюся жизнь. Таким образом, это не утрата семейных ценностей, а просто желание проверить человека, с которым собираешься строить семью, и гражданский брак поэтому выступает пробной версией брака. Негативным остается факт увеличения брачного возраста за счет того, что молодые люди отдают предпочтение карьере и получению образования. Лишь незначительное количество юношей и девушек в студенческом возрасте считают приоритетной целью в жизни создание семьи. При этом у половины опрошенных студентов в приоритете самосовершенствование, получение образования и получение хорошей работы. Откладывают молодые люди рождение детей и потому, что женщина предпочитает строить карьеру, так как успешно себя реализовывает в профессиональной сфере. Причины, по которым нынешние молодые люди вступают в брак, следующие: любовь, взаимные интересы и взаимопонимание, наличие постоянного полового партнера. Главный мотив узаконивания отношений — любовь, а не рождение детей, как было ранее.

Все вышесказанное свидетельствует, что отношение студенческой молодежи к институту брака изменилось за последние несколько десятилетий. Несмотря на общий кризис института семьи (юноши и девушки не желают узаконивать отношения и не хотят сразу заводить детей), современная молодежь в целом подходит к браку ответственно и относится к институту семьи положительно.

Результаты проведенного анкетного опроса могут стать базой для проведения исследования, планируемого с целью выявления подчиненности мотивов и установок добрачного поведения студенческой молоде-

жи социокультурным условиям города, нормам, связям и отношениям, формирующим городскую субкультуру, в рамках которого предполагается несколько критериев классификации респондентов: гендерный, возрастной, территориальный (пространственный) — коренные горожане или приезжие, профессиональный и др. Используя данные опроса большего массива респондентов, можно выявить, как меняется современный город в плане влияния на брачно-семейные установки молодежи в целом и ее отдельных групп.

Список источников

1. Айгумова З.И., Айгунов В.Р. Мотивация выбора супруга. М.: Прометей, 2010. 216 с.
2. Афанасьева Т.М. Молодежь и семейная жизнь. М.: Росмэн, 2006. 205 с.
3. Волченкова Е.В. Классификация и характеристика мотивов вступления в брак [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. №2(34). С. 31–36. URL: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera?anum=8148> (дата обращения: 16.02.2021).
4. Гарнага А.Ф. Направления современных исследований города и городских пространств [Электронный ресурс] // Социология. 2020. №1. С. 102–107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-sovremennyh-issledovaniy-goroda-i-gorodskih-prostranstv> (дата обращения: 06.02.2021).
5. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах: монография. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
6. Голод С.И. Стабильность семьи: социологические и демографические аспекты. Ленинград: Наука, 1984. 136 с.
7. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 272 с.
8. Гурко Т.А., Хромачева А.Ю. Студенты-социологи о семье, гендере и отношении к родителям [Электронный ресурс] // Вестник института социологии. 2015. №4(15). С. 57–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/studenty-sotsiologi-o-semie-gendere-i-otnoshenii-k-roditelyam> (дата обращения: 26.02.2021).

9. Дадаева Т.М., Баранова В.В. Вспомогательные репродуктивные технологии в репродуктивном поведении городской молодежи (опыт пилотажного исследования) // Регионология. 2019. Т. 27. №1. С. 138–155.
10. Добрович А.Б., Ясицкая О.А. Милые бранятся. М.: Московский рабочий, 1988. 174 с.
11. Захаров С. Брачность в России: история и современность [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2006. №261–262. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/tema01.php> (дата обращения: 28.10.2020).
12. Ковалев С.В. Психология современной семьи. М.: Просвещение, 1988. 208 с.
13. Морошкина М.В. Пространственное развитие России: региональные диспропорции // Регионология. 2018. Т. 26. №4. С. 638–657.
14. Сысенко В.А. Молодежь вступает в брак. М.: Мысль, 1999. 254 с.
15. Фофанова К.В., Сычев А.А. Факторы миграционной привлекательности провинциального города (на примере г. Саранска) // Регионология. 2019. Т. 27. №4. С. 756–778.
16. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1986. 408 с.
17. Шапиро Б.Ю. Половое воспитание, сексуальное образование и подготовка к семейной жизни // Российская энциклопедия социальной работы. В 2-х т. Т. 2; под ред. А.М. Панова, Е.И. Холостовой. М.: Институт социальной работы, 1997. 436 с.
18. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2008. 656 с.
19. Юркевич Н.Г. Советская семья. Функции и условия стабильности. Мн.: Изд-во БГУ, 1970. 208 с.
20. Beck U. World at Risk [Electronic resource] // Cambridge: Polity Press, 2010. URL: <https://www.amazon.com/World-at-Risk-Ulrich-Beck/dp/0745642012> (date accessed: 23.12.2018).
21. Cherednichenko G.A. The Educational and Professional Trajectories of Secondary School Graduates // Russian Education & Society. 2011. Vol. 53. Issue 8. Pp. 19–35.
22. Ermisch J., Ogawa N. The Family, the Market and the State in Ageing Societies [Electronic resource] // Oxford, England: Clarendon Press; Gauthier A.H., 2007. Pp. 79–104. URL: <https://www.amazon.com/Family-Societies-International-Studies-Demography/dp/0198288182> (date accessed: 14.01.2021).
23. Frejka T. Parity Distribution and Completed Family Size in Europe: Incipient Decline of the Two-Child Family Model? // Demographic Research. 2008. Vol. 19. Article 4. Pp. 47–72.
24. Gogitsaeva O.U., Kochisov V.K., Shibzukhova D.A., Nebezheva A.V., Kochisov S.V. Psychological-pedagogical conditions to shape system of value among teenagers // The European proceedings of social & behavioural sciences epsbs; SCTCMG 2019 — social and cultural transformations in the context of modern globalism. Vol. LXXVI. Grozny: Future Academy, 2019. Pp. 1094–1100.
25. Heiland F., Prskawetz A., Sanderson W.C. Are Individuals' Desired Family Sizes Stable? Evidence from West German Panel Data // European Journal of Population. 2008. №24(2). Pp. 129–156.
26. Koncheva E., Zalesskiy N. Spatial Development of the Largest Russian Cities during the Post-Soviet Period: Orienting Towards Transit or Maintaining Soviet Trends [Electronic resource] // Basic Research Program. Working Papers. Series: Urban and Transportation Studies. 2015. URL: <https://www.hse.ru/data/2016/07/13/1116450809/04URB2016.pdf> (date accessed: 20.12.2020).
27. Megan T. Sexualities and Society [Electronic resource]. New York: SAGE Publications Ltd, 2020. 304 p. URL: <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/sexualities-and-society/book241271> (date accessed: 06.12.2020).
28. Portes A., Vickstorm E. Diversity, Social Capital, and Cohesion // Annual Review of Sociology. 2011. Vol. 37. Pp. 461–479.
29. Revealing Centrality in the Spatial Structure of Cities from Human Activity Patterns / Ch. Zhong et al. // Urban Studies. 2017. Vol. 54. Issue 2. Pp. 437–452.
30. Žilinskienė, L. Changing Family Values Across the Generations in Twentieth-Century Lithuania [Electronic resource] / L. Žilinskienė, M. Ilic. // Contemporary Social Science. 2018. Vol. 15. Issue 3. Pp. 316–329. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21582041.2018.1516297> (date accessed: 29.04.2021).

References

1. Ajgumova Z.I., Ajgunov V.R. Motivacija izbora supruga [Motivation for choosing a spouse]. Moscow: Prometej, 2010. 216 p. (In Russ.).

2. Afanas'eva T.M. Molodezh' i semejnaja zhizn' [Youth and family life]. Moscow: Rosmjen, 2006. 205 p. (In Russ.).
3. Volchenkova E.V. Klassifikacija i harakteristika motivov vstuplenija v brak [Classification and characteristics of motives for marriage] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]. 2014; 2(34): 31–36. URL: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/nomera?anum=8148> (data obrashhenija: 16.02.2021). (In Russ.).
4. Garnaga A.F. Napravlenija sovremennyh issledovanij goroda i gorodskih prostranstv [Directions of modern research of the city and urban spaces] [Elektronnyj resurs]. *Sociologija* [Sociology]. 2020; (1): 102–107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-sovremennyh-issledovaniy-goroda-i-gorodskih-prostranstv> (data obrashhenija: 06.02.2021). (In Russ.).
5. Giddens Je. Transformacija intimnosti. Seksual'nost', ljubov' i jerotizm v sovremennyh obshhestvah: monografija [Transformation of intimacy. Sexuality, love and eroticism in modern societies: monograph]. Saint Petersburg: Piter, 2004. 208 p. (In Russ.).
6. Golod S.I. Stabil'nost' sem'i: sociologicheskie i demograficheskie aspekty [Family stability: sociological and demographic aspects]. Leningrad: Nauka, 1984. 136 p. (In Russ.).
7. Golod S.I. Sem'ja i brak: istoriko-sociologicheskij analiz [Family and marriage: historical and sociological analysis]. Saint Petersburg: TOO TK «Petropolis», 1998. 272 p. (In Russ.).
8. Gurko T.A., Hromacheva A. Ju. Studenty-sociologi o sem'e, genere i otnoshenii k roditeljam [Students of sociology about family, gender and attitude to parents] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2015; 4(15): 57–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/studenty-sotsiologi-o-semie-gendere-i-otnoshenii-k-roditeljam> (data obrashhenija: 26.02.2021). (In Russ.).
9. Dadaeva T.M., Baranova V.V. Vspomogatel'nye reproduktivnye tehnologii v reproduktivnom povedenii gorodskoj molodezhi (opyt pilotazhnogo issledovanija) [Assisted reproductive technologies in the reproductive behavior of urban youth (pilot research experience)]. *Regionologija* [Regionology]. 2019; 27(1): 138–155. (In Russ.).
10. Dobrovich A.B., Jasickaja O.A. Milye branjatsja [Cute swearing]. Moscow: Moskovskij rabochij, 1988. 174 p. (In Russ.).
11. Zaharov S. Brachnost' v Rossii: istorija i sovremennost' [Marriage in Russia: history and modernity] [Elektronnyj resurs]. *Demoskop Weekly*. 2006; (261–262). URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/tema01.php> (data obrashhenija: 28.10.2020). (In Russ.).
12. Kovalev S.V. Psihologija sovremennoj sem'i [Psychology of the modern family]. Moscow: Prosveshhenie, 1988. 208 p. (In Russ.).
13. Moroshkina M.V. Prostranstvennoe razvitie Rossii: regional'nye disproporcii [Spatial development of Russia: regional disparities]. *Regionologija* [Regionology]. 2018; 26(4): 638–657. (In Russ.).
14. Sysenko V.A. Molodezh' vstupaet v brak [Youth marries]. Moscow: Mysl', 1999. 254 p. (In Russ.).
15. Fofanova K.V., Sychev A.A. Faktory migracionnoj privlekatel'nosti provincial'nogo goroda (na primere g. Saranska) [Factors of migration attractiveness of a provincial city (on the example of Saransk)]. *Regionologija* [Regionology]. 2019; 27(4): 756–778. (In Russ.).
16. Hekhauzen X. Motivacija i dejatel'nost': v 2 t. [Motivation and activity: in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika, 1986. 408 p. (In Russ.).
17. Shapiro B. Ju. Polovoe vospitanie, seksual'noe obrazovanie i podgotovka k semejnnoj zhizni [Sex education, sexual education and preparation for family life]. Rossijskaja jenciklopedija social'noj raboty. V 2-h t. Vol. 2; pod red. A.M. Panova, E.I. Holostovoj [Russian Encyclopedia of Social Work. In 2 vols. Vol. 2; in A.M. Panov, E.I. Kholostova (eds.)]. Moscow: Institut social'noj raboty, 1997. 436 p. (In Russ.).
18. Jejdemiller Je. G., Justickis V.V. Psihologija i psihoterapija sem'i [Psychology and psychotherapy of the family]. Saint Petersburg: Piter, 2008. 656 p. (In Russ.).
19. Jurkevich N.G. Sovetskaja sem'ja. Funkcii i uslovija stabil'nosti [The Soviet family. Functions and conditions of stability]. Minsk: Izd-vo BGU, 1970. 208 p. (In Russ.).
20. Beck U. World at Risk [Electronic resource] // Cambridge: Polity Press, 2010. URL: <https://www.amazon.com/World-at-Risk-Ulrich-Beck/dp/0745642012> (date accessed: 23.12.2018).
21. Cherednichenko G.A. The Educational and Professional Trajectories of Secondary

School Graduates // Russian Education & Society. 2011. Vol. 53. Issue 8. Pp. 19–35.

22. Ermisch J., Ogawa N. The Family, the Market and the State in Ageing Societies [Electronic resource] // Oxford, England: Clarendon Press; Gauthier A.H., 2007. Pp. 79–104. URL: <https://www.amazon.com/Family-Societies-International-Studies-Demography/dp/0198288182> (date accessed: 14.01.2021).

23. Frejka T. Parity Distribution and Completed Family Size in Europe: Incipient Decline of the Two-Child Family Model? // Demographic Research. 2008. Vol. 19. Article 4. Pp. 47–72.

24. Gogitsaeva O.U., Kochisov V.K., Shib-zukhova D.A., Nebezheva A.V., Kochisov S.V. Psychological-pedagogical conditions to shape system of value among teenagers // The European proceedings of social & behavioural sciences epsbs; SCTCMG 2019 — social and cultural transformations in the context of modern globalism. Vol. LXXVI. Grozny: Future Academy, 2019. Pp. 1094–1100.

25. Heiland F., Prskawetz A., Sander-son W.C. Are Individuals' Desired Family Sizes Stable? Evidence from West German Panel Data // European Journal of Population. 2008. №24(2). Pp. 129–156.

26. Koncheva E., Zalesskiy N. Spatial Development of the Largest Russian Cities during the Post-Soviet Period: Orienting Towards Transit or Maintaining Soviet Trends [Electronic resource] // Basic Research Program. Working Papers. Series: Urban and Transportation Studies. 2015. URL: <https://www.hse.ru/data/2016/07/13/1116450809/04URB2016.pdf> (date accessed: 20.12.2020).

27. Megan T. Sexualities and Society [Electronic resource]. New York: SAGE Publications Ltd, 2020. 304 p. URL: <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/sexualities-and-society/book241271> (date accessed: 06.12.2020).

28. Portes A., Vickstorm E. Diversity, Social Capital, and Cohesion // Annual Review of Sociology. 2011. Vol. 37. Pp. 461–479.

29. Revealing Centrality in the Spatial Structure of Cities from Human Activity Patterns / Ch. Zhong et al. // Urban Studies. 2017. Vol. 54. Issue 2. Pp. 437–452.

30. Žilinskienė, L. Changing Family Values Across the Generations in Twentieth-Century Lithuania [Electronic resource] / L. Žilinskienė, M. Ilic. // Contemporary Social Science. 2018. Vol. 15. Issue 3. Pp. 316–329. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21582041.2018.1516297> (date accessed: 29.04.2021).

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 03.02.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Касаркина Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология и социальная работа», Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва.

Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1

Elena N. Kasarkina — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Department of Sociology and Social Work, National Research Ogarev Mordovia State University.

68/2 Bolshevistskaya st., Saransk, Russia

Антипова Алена Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология и социальная работа», Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва.

Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68/1

Alena A. Antipova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Department of Sociology and Social Work, National Research Ogarev Mordovia State University.

68/2 Bolshevistskaya st., Saransk, Russia

Вклад авторов:

Касаркина Е. Н. — концепция исследования и методологии; написание исходного текста; предварительные выводы.

Антипова А. А. — развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Kasarkina E. N. — research concept and methodology; writing the source text; preliminary conclusions.

Antipova A. A. — development of methodology; revision of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 32.019.5

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-124-134

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА
В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ОФИЦИАЛЬНЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ ДИСКУРСЫ
В РЕГИОНАХ С ТЕНДЕНЦИЕЙ УВЕЛИЧЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ**

*Наталья Николаевна Козлова^{1✉}, Ольга Геннадиевна Овчарова²,
Сергей Валентинович Рассадин³*

¹*Тверской государственной университет, Тверь, Россия*

²*Российская государственная специализированная академия искусств, Москва, Россия*

²*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

³*Тверской государственной технический университет, Тверь, Россия*

¹*tver-rarp@mail.ru✉, ORCID: 0000-0003-1212-6412, AuthorID Scopus: 56446454300,
WoS Research ID: D-5405-2019, SPIN-код: 6273-0895*

²*ovcharovao@ya.ru, ORCID: 0000-0002-2918-331X, AuthorID РИНЦ: 680002*

³*tver-rarp@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3478-0792, AuthorID Scopus: 56518236300,
WoS Research ID: AAS-7665-2021, SPIN-код: 7952-3904*

Аннотация. *Цель исследования* — на основе анализа сетевых и открытых данных выявить и охарактеризовать специфику реализации мер государственной семейной политики в субъектах Российской Федерации, демонстрирующих тенденцию увеличения рождаемости.

Методологическую базу представляет междисциплинарная методология к исследованию региональных практик семейной политики и развитию сетевого дискурса в оценке и восприятии государственной политики и практик поддержки семей в субъектах РФ. К используемым научным методам относятся сравнительный, причинно-следственный анализ. Эмпирическим методом исследования выступает контент-анализ социальных сетей.

Результаты исследования. В результате реализации исследования выявлены точки пересечения и линии разлома между деятельностью государственных структур (официальный дискурс) и ожиданиями гражданского общества (гражданский дискурс) в отношении оценки эффективности и результативности осуществляемых мер в области поддержки российских семей в субъектах РФ с тенденцией увеличения рождаемости. Данные субъекты в состоянии своевременно реагировать на возникающие точки разлома официального и гражданского дискурсов и поддерживать устойчивое развитие регионов и России в целом.

Перспективы исследования заключаются в развитии региональной семейной политики в направлении увеличения эффективности региональных мер и региональных семейных программ.

Ключевые слова: государственная семейная политика, регионы с тенденцией увеличения рождаемости, официальный и гражданский дискурс

Для цитирования: Козлова Н.Н., Овчарова О.Г., Рассадин С.В. У государственной семейной политики в субъектах Российской Федерации: официальный и гражданский

дискурсы в регионах с тенденцией увеличения рождаемости // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 124–134. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-124-134>.

Original article

**STATE FAMILY POLICY IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION:
OFFICIAL AND CIVIL DISCOURSES IN THE REGIONS
WITH A TENDENCY TO INCREASE THE BIRTH RATE**

Nataliya N. Kozlova¹✉, Olga G. Ovcharova², Sergey V. Rassadin³

¹Tver State University, Tver, Russia

²Russian State Specialized Academy of Arts, Moscow, Russia

²Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

³Tver State Technical University, Tver, Russia

*¹tver-rapn@mail.ru✉, ORCID: 0000-0003-1212-6412, AuthorID Scopus: 56446454300,
WoS Research ID: D-5405-2019, SPIN: 6273-0895*

²ovcharovao@ya.ru, ORCID: 0000-0002-2918-331X, AuthorID RSCI: 680002

*³tver-rapn@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3478-0792, AuthorID Scopus: 56518236300,
WoS Research ID: AAS-7665-2021, SPIN: 7952-3904*

Abstract. *The purpose of the research* — based on the analysis of network and open data, to identify and characterize the specifics of the implementation of state family policy measures in the constituent entities of the Russian Federation, demonstrating a trend towards an increase in the birth rate.

Methodological basis represents an interdisciplinary methodology for the study of regional practices of family policy and the development of a network discourse in the assessment and perception of state policy and family support practices in the subjects of the Russian Federation. The scientific methods used include comparative, cause-and-effect analysis. An empirical research method is the content analysis of social networks.

Research result. *As a result of the study, points of intersection and fault lines were identified between the activities of state structures (official discourse) and the expectations of civil society (civil discourse) regarding the assessment of the effectiveness and efficiency of measures taken to support Russian families in the constituent entities of the Russian Federation with a tendency to increase the birth rate. These subjects are able to respond in a timely manner to emerging breakpoints in official and civil discourses and support the sustainable development of the regions and Russia as a whole.*

The prospects of the research consist in the development of a regional family policy in the direction of increasing the effectiveness of regional measures and regional family programs.

Keywords: *state family policy, regions with a tendency to increase the birth rate, official and civil discourse*

For citation: *Kozlova N. N., Ovcharova O. G., Rassadin S. V. State family policy in the subjects of the Russian Federation: official and civil discourses in the regions with a tendency to increase the birth rate // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 124–134. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-124-134>.*

Введение. Данное исследование направлено на решение важной для современной российской политологии научной проблемы, связанной с выработкой комплексного подхода к изучению государственной семейной политики, реализуемой в регионах РФ в контексте существующих демографических вызовов и темпов развития сетевого общества, и оценкой эффективности и результативности данной политики гражданами и их сообществами.

Необходимость данного исследования обусловлена стоящими перед российским обществом задачами демографического роста и социально-экономического развития. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 г., коррелирует с Концепцией демографической политики РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 09.10.2007 г., и находит свое отражение в поправках к Конституции 2020 г.

Согласно Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. «государственная семейная политика представляет собой целостную систему принципов, задач и приоритетных мер, направленных на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родительства в семье и обществе, профилактику и преодоление семейного неблагополучия, улучшение условий и повышение качества жизни семей»¹. Однако, учитывая основную цель реализуемой семейной политики в настоящее время, а именно поддержку рождаемости, можно констатировать, что на данном этапе своего развития семейная политика характеризуется, прежде всего, демографической направленностью. Начиная с Послания Президента Федеральному собранию РФ в 2006 г., демографическая тематика приобретает особое значение как в риторике политических лидеров, так и в практиках формирования и реализации механизмов государственной социальной поддержки семей с детьми. В Пос-

лании Президента Федеральному собранию РФ в 2020 г. проблема преодоления демографического кризиса актуализируется с новой силой, и в качестве возможности «выбраться из демографической ловушки» предлагается беспрецедентный пакет демографических мер. В силу этих аргументов исследовательское внимание в данной статье сфокусировано именно на анализе результативности мер, направленных на увеличение рождаемости, — процесс, являющийся основным критерием эффективности современной семейной политики в России в целом и в каждом ее субъекте в отдельности.

Проведение семейной политики в РФ оценивается неоднозначно как гражданами, так и экспертами-исследователями. Наряду с положительными результатами от реализуемых мер семейной политики фиксируется неразрешенность ряда проблем. Среди многообразных субъектов семейной политики позитивно выделяются сетевые сообщества, которые являются источником гражданской активности в современном российском обществе и представляют собой ресурсный потенциал для повышения эффективности государственной семейной политики.

Таким образом, анализ государственной семейной политики нацелен на выявление и оценку региональной специфики реализации мер государственной семейной политики в контексте функционирования органов государственной власти и сетевых сообществ и выполняет задачу эмпирического исследования идентификации взаимосвязи между деятельностью государственных структур и реакцией гражданских сообществ в сети.

Анализ региональных практик семейной политики в современной России может стать основой для теоретического осмысления направлений дальнейшего развития государственной политики устойчивого развития и разработки практических рекомендаций для повышения ее эффективности с учетом существующих демографических вызовов и темпов развития сетевого общества.

Поэтому предложенное исследование является актуальным, отличается новизной и практической значимостью.

¹ Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Российская газета. 29 августа 2014 г.

Вопросы состояния современной семейной политики, эффективности мер и механизмов ее реализации — одна из наиболее актуальных проблем в отечественном социогуманитарном знании, которую изучают социологи, экономисты, демографы, психологи, историки. Таким образом, авторы проекта, разрабатывая заявленную тему, оказываются в пределах междисциплинарного подхода, что позволяет конкретизировать понятийный аппарат и обуславливать включение ряда неполитологических терминов («семья», «материнство» и т.д.) в ткань политического исследования, а также придерживаться четкой методологии, способствующей формулировке выводов, демонстрирующих прикладное значение данного исследования.

Семейная политика как отдельное направление социальной политики и самостоятельное научное направление появляется и развивается с конца 1960-х гг. в контексте развития государств всеобщего благоденствия или социальных государств (А. Готье, Ш. Каммерман, А. Кан, М. Кауфманн, Л. Хантрайз, Ш. Циммерман). В ходе исследований выделяются основные подходы к изучению семейной политики: институциональный, акцентирующий внимание на значимости государственных мер (Дж. Льюис, Дж. О'Коннер, Э. Орлофф, Д. Сейнсбери, Б. Хобсон, Г. Эспинг-Андерсен), и культурный, противопоставляющий государственным мерам социальные нормы, этику, традиции, психологию, гендер (Ф. Данкен, М. Дейли, Б. Пфау-Эффингер, К. Хаким). Вместе с этими направлениями начинают развиваться исследования политики баланса семьи и работы (Р. Гэмбел, П. Галистер, Р. Домбровски, М. Дейли, Р. Кромптон, Дж. Льюис, Л. Хаас, С. Эстер).

Следует отметить работы западных политологов, анализирующих проблему государства и семьи посредством политизации интересов частной сферы как традиционной области женского социального опыта. «Личное есть политическое» подразумевало в том числе и государственные решения семейных проблем, и увеличение представленности женщин в органах власти как возможность разрешения проблем, актуальных для их социальной группы [14; 16–18]. Оригинальные монографии С. Раддик и Дж.Б. Эльштайн [15; 19] посвящены интерпретациям эффек-

тивности моделей материалистского мышления при принятии политических решений как альтернативы гендерной нейтральности в политических науке и практике.

Целенаправленные и планомерные исследования семейной политики в России начинаются с 1990-х гг. осмыслением исторической природы ее возникновения и формирования в постсоветской стране. Контракт «работающей матери» и этакратический гендерный порядок определяются С.Г. Айвазовой, Е.А. Здравомысловой, А. Роткирх, А.А. Темкиной как социально-политические феномены советского периода, повторение которых недопустимо в настоящее время. «Гендерный порядок мы рассматриваем как совокупность гендерных контрактов, предписывающих различные гендерные роли и статусы разным сферам жизни в советское время и разным социальным слоям в постсоветский период» [11, с. 7]. С.Г. Айвазова подчеркивает положительный социальный эффект контракта «работающей матери»: «Контракт в идеале призван обеспечивать институциональную поддержку со стороны государства гражданам любой страны, совмещающим трудовую деятельность с выполнением семейных обязанностей, особенно тех, что связаны с рождением и воспитанием детей» и предупреждает что «разрыв контракта... грозит Российскому государству серьезными проблемами — демографическими и, судя по гражданской активности беременных и матерей с малолетними детьми, политическими» [1, с. 16].

Одновременно с этими идеями множество исследователей, анализируя значение социальной политики, а в рамках ее — семейной политики и демографического фактора в современной России, опираются на концепцию социального потенциала, сопоставляя его с понятием «человеческого капитала». Резюмировать данные исследования можно словами академика Т.И. Заславской: «Рост человеческого потенциала... наиболее фундаментальный, стратегический, терминальный итог... социетальных реформ...» [8, с. 15].

В контексте заявленной темы исследования следует обратиться к академическому анализу региональной семейной политики в современной России. Центром исследовательского внимания в данных работах вы-

стует анализ мер поддержки семьи, реализуемых в субъектах Российской Федерации: меры материальной поддержки (прежде всего), натуральной и моральной (см., напр. [2; 5–7; 9; 10; 12; 13]). Все исследователи солидарны в том, что региональная демографическая семейная политика дифференцирована как по уровню предпринимаемых мер в конкретном регионе (в зависимости от ряда факторов: бюджета региона, политической воли руководства, этнического состава и т.д.), так и по направленности мер поддержки: большая ориентация на семьи, нуждающиеся в социальной защите, находящиеся в зоне социального риска.

Исследования по семейной/гендерной проблематике были бы неполными без анализа объектов государственной семейной политики — семей, их объединений, циркулирующих в публичном пространстве online- и offline-дискурсов, артикулирующих демографическую проблематику, установок молодежи и т.д. Данные направления исследований осуществляются с помощью количественных методов, сетевого анализа и дискурс-анализа. Среди публикаций на указанные темы в региональном измерении мы хотели бы выделить сетевые исследования кубанской политологической школы (см., напр. [3; 4]).

Таким образом, мы можем констатировать определенный интерес исследователей к вопросам семейной политики, но исследователи не дают однозначного ответа на вопрос: являются ли вводимые меры государственной семейной политики стимулом для увеличения рождаемости в регионах. Именно поэтому использование методологии изучения мнения в социальных сетях в исследованиях оценки эффективности и результативности кажется нам инновационным и результативным.

Цель исследования — на основе анализа сетевых и открытых данных выявить и охарактеризовать специфику реализации мер государственной семейной политики в субъектах Российской Федерации, демонстрирующих тенденцию увеличения рождаемости.

Достижение данной цели планируется через реализацию ключевых задач: обоснование выбора субъектов Российской Федерации, демонстрирующих тенденцию увеличения рождаемости, для последующего ана-

лиза публичного и общественного дискурса и проведение контент-анализа официальных страниц органов власти в этих регионах и страниц, отражающих общественное мнение о проводимой в регионах семейной политике (в исследовании проводится контент-анализ указанных страниц в социальной сети ВКонтакте).

Методология и методика. Методологическую базу представляет междисциплинарная методология к исследованию региональных практик семейной политики и развитию сетевого дискурса в оценке и восприятии государственной политики и практик поддержки семей в субъектах РФ. К используемым научным методам относятся сравнительный, причинно-следственный анализ. Эмпирическим методом исследования выступает контент-анализ (количественный и качественный) официальных страниц органов власти в регионах и страниц, отражающих общественное мнение о проводимой в регионах семейной политике в социальной сети ВКонтакте (страницы отраслевых министерств Тюменского и Самарского правительства и страницы «Типичная Тюмень» и «Типичная Самара»). Элементами содержания текстов в данном исследовании являлись следующие словосочетания и слова: «региональная семейная политика», «семейная политика», «материнский капитал», «семейные программы», «программы развития семьи», «семья», «дети», «отцовство/отец, отцы», «материнство/мать, матери», «выплаты», «льготы», «материальная помощь».

Результаты. Для изучения заявленной проблемы были выбраны два субъекта Российской Федерации, имеющих тенденцию увеличения рождаемости: Тюмень и Самара. Основанием для выбора именно этих регионов послужили следующие факторы: позитивный тренд увеличения населения за счет рождаемости в обоих регионах; географическая разница, способствующая поиску общих инструментов и механизмов проводимой демографической политики в этих субъектах России; благоприятные прогнозы экономического развития регионов в будущем.

Отметим статистику. В данное время в Тюмени проживает 816700 человек, и город

верно приближается к статусу города-миллионника. Самара уже который год подтверждает данный статус (в настоящий момент в Самаре проживает 1 миллион 250 тысяч человек)². Несмотря на пандемию коронавируса, прирост населения сохраняется и в том, и в другом регионе.

Тюмень представляет собой успешный регион в плане демографических показателей: число браков и рождений за последние годы увеличивается.

В рамках гражданского дискурса обсуждаются как концептуальные основания государственной семейной политики, так и проблемы ее реализации в Тюменской области и в других регионах. В социальных сетях неофициального профиля публикуются мнения лидеров общественного мнения относительно целей и методов государственной семейной политики, инициативы государственных деятелей, официальные документы по государственной семейной политике, разъяснения работников социальных служб относительно нюансов реализации пакета государственных мер в области поддержки семьи. В рамках сетевого общества тюменцы обсуждают проблемы пола, гендера, сексуальности, прием в семью пожилых людей, проблемы отцовства, материнства, практики родовспоможения, проблемы женской занятости, а также широкий круг проблем, связанных с детством — усыновление (удочерение) детей, замещающие семьи, профилактика безопасности детей, детский отдых и досуг. В рамках неофициального дискурса мало предложений коммерческого характера для семей — предлагаются различные варианты детского отдыха и квартиры в новых районах Тюмени, позиционируемые как пространство для многодетных семей. В социальных сетях неофициального характера мало информации о гибели детей в противовес другим регионам, в которых аналогичные сайты напоминают криминальную хронику.

В рамках официального дискурса сетевых ресурсов органов государственной власти Тюменской области основной упор делается на информировании жителей о различных

мерах поддержки семей, а также на активное вовлечение жителей в реализацию федеральных и региональных программ в области семьи. В Тюменской области разработано значительное количество региональных программ, наиболее актуальной из которых является программа предоставления регионального капитала. В рамках официальных сетевых ресурсов активно присутствует общественность — Советы Отцов, общественные организации матерей, Общественные советы при органах власти, происходит мониторинг/оценка работы служб, деятельность которых непосредственно связана с проблемами семьи. Надо отметить, что органы государственной власти Тюменской области постоянно освещают свою деятельность в сфере решения семейных проблем. В центре дискурса социальных сетей официальных органов государственной власти — работа региональных семейных центров, которые несут основной объем нагрузки по реализации семейной политики: разрабатывают программы профилактики подростковой девиации, причем ряд программ носят инновационный, творческий характер с применением новых психологических методик, программы, направленные на развитие практик замещающих семей (в Тюменской области нет детских домов), программы, направленные на профилактику сиротства и прием пожилых людей в семью, программы, направленные на воспитание молодого поколения, на профилактику бдительности родителей в отношении детей, программы для семей с детьми, требующими инклюзивных практик и т.д.

Таким образом, «разломов» в официальном и гражданском дискурсах практически не наблюдается: большую часть проблем, обозначенных гражданским неофициальным дискурсом, официальный дискурс стремится учитывать. Идеи, высказанные обществом, более диверсифицированы, нежели государственные. Органы государственной власти Тюменской области действуют в рамках официальной идеологии традиционных ценностей, но при этом проводят «мягкую» детоцентричную семейную политику, придержива-

² Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 г. [Электронный ресурс] // Статистический бюллетень. URL://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf (дата обращения: 20.01.2022).

ьясь политики биологического детерминизма в вопросах пола. Общими точками соприкосновения официального и неофициального дискурсов являются проблемы экономического благополучия семей, доступности для семей с детьми различных социальных благ, профилактика безопасности детей. С нашей точки зрения, в этом плане наиболее актуальными являются программа предоставления регионального капитала семьям с детьми, а также программа замещающих семей. Непосредственное взаимодействие представителей гражданского общества и государства происходит на многочисленных форумах и других мероприятиях, организуемых семейными центрами. Такое пересечение дискурсов позволяет Тюменской области выстраивать сбалансированную семейную политику, направленную на повышение рождаемости и экономическое и социальное благополучие семей.

Сравнительный анализ гражданского и официального дискурсов в Самарской области демонстрирует их совместимость, прежде всего, в социальном и когнитивном планах. И заинтересованные в реализации семейной политики (прежде всего, в ее инструментально-материальной составляющей — социальных выплатах) граждане, и государство в лице соответствующих ведомств, ответственных за осуществление данного вопроса, понимают значимость демографической проблемы — повышения рождаемости. Обсуждение проблемы в общественном дискурсе — спокойное, позитивное, вне отрицательных характеристик власти. Более того, жители Самары и области благодарны и за федеральную помощь, и за региональную. Следует отметить, что Самарская область — регион-донор, а, следовательно, система помощи семьям с детьми, а также иным категориям, нуждающимся в социальном обеспечении (детям-инвалидам, детям-сиротам), там крайне развита. Помимо регионального материнского капитала (в отличие от многих регионов в Самарской области выплаты начинаются уже с рождения первого ребенка), администрация области реализует следующие виды помощи семьям с детьми: социальный контракт, выплаты семьям с низкими доходами, подарок новорожденному «Наше сокровище», выплаты студенческим

семьям, компенсация за ипотеку многодетным семьям, выплаты на Пасху, отдельно — выплаты на Пасху многодетным отцам, предоставление льготных путевок в детские оздоровительные лагеря и т.д. Для детей-сирот предоставляются квартиры, проводятся тематические мероприятия (к примеру, «Елка желаний»). На обоих сайтах присутствует информация о работе многочисленных консультативных центров и центров помощи для разных социальных категорий граждан. Отдельно следует отметить количество региональных «пандемийных выплат», ориентированных также на самые разные категории граждан, нуждающихся в господдержке. К примеру, с таким же пристальным вниманием, как и к семьям с детьми, в Самарской области относятся к приемным семьям для граждан пожилого возраста и инвалидов. Данный факт говорит о полноценной и всесторонней реализации проекта «Демография».

Ответственная политика властей формирует гражданскую активность и сознательность самарчан. В гражданском сетевом дискурсе популярны сообщения о необходимости более тщательного соблюдения ПДД около детских заведений и во дворах, а также иные вопросы безопасности, обсуждается возможность улучшения качества социальных обедов в школах, популяризируются те или иные детские досуговые центры и т.д. Отдельным вниманием пользуются сообщения о возможности усыновления (удочерения) детей и проблемы приемных семей в принципе. Таким образом, повторимся: значимость вопроса рождения и воспитания детей для жителей Самары и области, а также для областной администрации — не формальна. Для иллюстрации утверждения отметим: наиболее повторяющимися сообщениями на официальном сайте выступает информация о графике и порядке предоставления социальных выплат гражданам тех или иных категорий.

Языковые (речевые) составляющие гражданского и официального дискурсов также не показывают значимых различий. Напротив, коррелируются в плане логики изложения и конструктивной направленности сообщений. Вероятнее всего, в сообществе «Типичная Самара» ответственно работают их администраторы и не пропускают сообщения с оскорбительными, субъективными

ложно-негативными коннотациями, а также с неграмотной разговорной речью. В частности, замечено частое обращение авторов проблемных сообщений («Админ, пропусти») к модераторам сайта. Язык официального дискурса — формален, информативен, четок, понятен. Единственное, что вызывает удивление — излишнее количество тематических эмодзи в официальных сообщениях (символы детей, семей, подарков, елочек и т.д.). Видимо, авторами текстов замечена лучшая реакция граждан на эмоционально окрашенную подачу материала. Специально отметим гендерно-нейтральную окраску дискурсов. Корреляций «семейная политика — однозначно материнство» не замечено. Авторами сообщений о качестве семейной политике на неофициальном сайте являются как женщины, так и мужчины. Отсутствует отчетливо выраженная позиция «яжемать». Анализ также продемонстрировал равную динамичность развития дискурсов — гражданский откликается на сообщения официального, и наоборот. Поскольку самарчане и жители области редко критикуют региональную семейную политику, отметить реакцию на социальные недовольства не удалось (критические сообщения, к примеру, о невыплатах, о недостаточных выплатах заканчиваются 2016 годом).

Резюмируя, отметим: гражданский и официальный дискурсы в отношении семейной политики в самарском регионе совместимы, отсутствуют недопонимания в языке. Такая согласованность дискурсивных практик свидетельствует о слаженности действий по реализации и развитию семейной политики, о понимании и поддержке государства и общества друг другом. Несмотря на то, что статистика регистрирует снижение рождаемости в «величественном миллионнике» в последние годы (хотя на начало 2020 г. зафиксирован прирост населения за счет рождаемости), эксперты объясняют этот факт общероссийскими факторами: снижением численности женщин фертильного возраста в настоящее время. Тем не менее, учитывая полноценную реализацию семейной политики в регионе (как на федеральном, так и на региональном уровнях), незначительный отток населения из региона и, что важно, наличие обратной связи между обществом и властью, можно

предположить положительную динамику рождаемости в будущем, а, значит, большее, чем сейчас, экономическое развитие региона, способствующее качеству жизни населения.

Заключение. Таким образом, количественный и качественный контент-анализ официальных пабликов органов власти, курирующих семейную политику в Тюмени и Самаре, в социальной сети ВКонтакте позволил определить специфику и инфраструктуру региональной семейной политики как официальный дискурс в отобранных субъектах РФ, включающий новостной контент, региональные меры и региональные семейные программы. Анализ гражданского дискурса позволил проанализировать, какие меры государственной семейной политики нашли отражение в региональном сетевом гражданском дискурсе и каков характер оценки эффективности и результативности гражданами и сообществами данных мер (положительный в данном случае). Оба региона показывают комплексный подход к реализации семейной/демографической политики, в равной степени как реализуя федеральные программы, так и выделяя значительные средства из региональных бюджетов. Данный аспект может стать позитивным примером для заимствования другими регионами Российской Федерации.

Список источников

1. Айвазова С.Г. Контракт «работающей матери»: нарушение или расторжение (к вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) // *Женщина в российском обществе*. 2011. №3. С. 13–22.
2. Ануфриева А.А. Дифференцированный подход к формированию и реализации семейной политики в Иркутской области // *Baikal Research Journal*. 2017. Т. 8. №4. С. 17.
3. Гнедаш А.А. «Ответственное родительство» в online-пространстве современной России: новые гендерные контракты и вызовы государственной семейной политике // VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия». Материалы (Москва, 22–24 ноября 2012 г.). М.: Российская ассоциация политической науки, 2012. С. 126–127.

4. Гнедаш А. А. Конструктивный и деструктивный потенциал женских социальных сетей и сообществ в решении проблем современной социальной политики в РФ // Женщина в российском обществе. 2012. №3. С. 59–64.

5. Гнедаш А. А. Семейная политика в регионах современной России: институциональные и программные аспекты // Женщина в российском обществе. 2015. №3. С. 96–108.

6. Доброхлеб В. Г., Баллаева Е. А. Региональная динамика рождаемости и соотношение демографической, семейной и гендерной политики // Народонаселение. 2017. №4. С. 44–52.

7. Досина Н. В., Смирнов Я. О. Режим реализации социально-демографической политики в современной России: мера адекватности времени // Женщина в российском обществе. 2011. №3. С. 56–60.

8. Заславская Т. И. Человеческий капитал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. №3. С. 5–16.

9. Зубаревич Н., Хасанова Р. Регионы России: социальное развитие и демографические тенденции (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. 2017. №7. С. 64–74.

10. Ростовская Т. К., Безвербная Н. А. Реализация государственной семейной политики в субъектах Российской Федерации: опыт Ставропольского края // Вопросы управления. 2019. №1. С. 37–44.

11. Темкина А. А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социс. 2002. №11. С. 5–12.

12. Тюменцева Г. И. Государственная семейная политика: региональный аспект // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. №4. С. 393–398.

13. Хайруллин Р. Р. Демографическая политика России и Республики Татарстан: демографическое поведение молодежи в современном обществе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 52–57.

14. Coole D. Women in Political Theory. Sussex: Wheatsheaf Books; Boulder, Colo, 1988. 324 p.

15. Elshtain J. B. Women and War. New York: Basic Books, 1987. 288 p.

16. Elshtain J. B. Public Man, Private Women: Women in Social and Political Thought. Princeton: Princeton Univ. Press, 1981. 378 p.

17. Evans J. Feminist Theory and Political Analysis // Feminism and political theory / Ed. by J. Evans, J. Hills. L.; Beverly Hills: Sage, 1986. 155 p.

18. Pateman C. The Sexual Contract. Cambridge: Polity Press, 1988. 264 p.

19. Ruddick S. Maternal Thinking: Toward a Politics of Peace. Boston: Beacon Press, 1989. 291 p.

References

1. Ajvazova S. G. Kontrakt «rabotajushhej materi»: narushenie ili rastorzhenie (k voprosu ob osobennostjah gendernoj politiki v sovremennoj Rossii) [The contract of a «working mother»: violation or termination (to the question of the peculiarities of gender policy in modern Russia)]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve [Woman in Russian society]*. 2011; (3): 13–22. (In Russ.).

2. Anufrieva A. A. Differencirovannyj podhod k formirovaniyu i realizacii semejnoy politiki v Irkutskoj oblasti [Differentiated approach to the formation and implementation of family policy in the Irkutsk region]. *Baikal Research Journal*. 2017; 8 (4): 17. (In Russ.).

3. Gnedash A. A. «Otvettvennoe roditel'stvo» v online-prostranstve sovremennoj Rossii: novye gendernye kontrakty i vyzovy gosudarstvennoj semejnoy politike [«Responsible parenthood» in the online space of modern Russia: New gender contracts and challenges to state family policy]. VI Vserossijskij kongress politologov «Rossija v global'nom mire: instituty i strategii politicheskogo vzaimodejstvija». Materialy (Moskva, 22–24 nojabrja 2012 g.) [VI All-Russian Congress of Political Scientists «Russia in the global world: institutions and strategies of political interaction». Materials (Moscow, November 22–24, 2012)]. Moscow: Rossijskaja asociacija politicheskoy nauki, 2012. P. 126–127. (In Russ.).

4. Gnedash A. A. Konstruktivnyj i destruktivnyj potencial zhenskih social'nyh setej i soobshhestv v reshenii problem sovremennoj social'noj politiki v RF [Constructive and destructive potential of women's social networks and communities in solving problems of modern

social policy in the Russian Federation]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve [Woman in Russian society]*. 2012; (3): 59–64. (In Russ.).

5. Gnedash A.A. Semejnaja politika v regionah sovremennoj Rossii: institucional'nye i programmnye aspekty [Family policy in the regions of modern Russia: institutional and programmatic aspects]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve [Woman in Russian society]*. 2015; (3): 96–108. (In Russ.).

6. Dobrohleb V.G., Ballaeva E.A. Regional'naja dinamika rozhdaemosti i sootnoshenie demograficheskoi, semejnoi i gendernoj politiki [Regional dynamics of fertility and the ratio of demographic, family and gender policy]. *Narodonaselenie [Population]*. 2017; (4): 44–52. (In Russ.).

7. Dosina N.V., Smirnov Ja. O. Rezhim realizacii social'no-demograficheskij politiki v sovremennoj Rossii: mera adekvatnosti vremeni [The mode of implementation of socio-demographic policy in modern Russia: the measure of the adequacy of time]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve [Woman in Russian society]*. 2011; (3): 56–60. (In Russ.).

8. Zaslavskaja T.I. Chelovecheskij kapital v sovremennom transformacionnom processe [Human capital in the modern transformational process]. *Obshhestvennye nauki i sovremenost' [Social sciences and modernity]*. 2005; (3): 5–16. (In Russ.).

9. Zubarevich N., Hasanova R. Regiony Rossii: social'noe razvitie i demograficheskie tendencii (po rezul'tatam reguljarnogo Monitoringa INSAP RANHiGS) [Regions of Russia: Social development and demographic trends (based on the results of regular Monitoring by INSAP RANHiGS)]. *Jekonomicheskoe razvitie Rossii [Economic Development of Russia]*. 2017; (7): 64–74. (In Russ.).

10. Rostovskaja T.K., Bezverbnaja N.A. Realizacija gosudarstvennoj semejnoi politiki v sub'ektah Rossijskoj Federacii: opyt

Stavropol'skogo kraja [Implementation of state family policy in the subjects of the Russian Federation: the experience of the Stavropol Territory]. *Voprosy upravlenija [Management issues]*. 2019; (1): 37–44. (In Russ.).

11. Temkina A.A., Rotkirh A. Sovetskie gendernye kontrakty i ih transformacija v sovremennoj Rossii [Soviet gender contracts and their transformation in modern Russia]. *Socis*. 2002; (11): 5–12. (In Russ.).

12. Tjumenceva G.I. Gosudarstvennaja semejnaja politika: regional'nyj aspekt [State family policy: regional aspect]. *Vestnik Omskoj juridicheskoi akademii [Bulletin of the Omsk Law Academy]*. 2018; 15 (4): 393–398. (In Russ.).

13. Hajrullin R.R. Demograficheskaja politika Rossii i Respubliki Tatarstan: demograficheskoe povedenie molodezhi v sovremenom obshhestve [Demographic policy of Russia and the Republic of Tatarstan: demographic behavior of youth in modern society]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Sociologija. Politologija [Izvestiya Saratov University. A new series. Sociology series. Political science]*. 2012; 12(2): 52–57. (In Russ.).

14. Coole D. *Women in Political Theory*. Sussex: Wheatsheaf Books; Boulder, Colo, 1988. 324 p.

15. Elshtain J.B. *Women and War*. New York: Basic Books, 1987. 288 p.

16. Elshtain J.B. *Public Man, Private Woman: Women in Social and Political Thought*. Princeton: Princeton univ. press, 1981. 378 p.

17. Evans J. *Feminist Theory and Political Analysis // Feminism and political theory / Ed. by J. Evans, J. Hills. L.; Beverly Hills: Sage, 1986. 155 p.*

18. Pateman C. *The Sexual Contract*. Cambridge: Polity Press, 1988. 264 p.

19. Ruddick S. *Maternal Thinking: Toward a Politics of Peace*. Boston: Beacon Press, 1989. 291 p.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 03.02.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Козлова Наталия Николаевна — доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой «Политология», Тверской государственный университет.

Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33

Nataliya N. Kozlova — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Chair of Political Science Department, Tver State University.

33 Zhelyabova st., Tver, Russia

Овчарова Ольга Геннадиевна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры «Гуманитарные дисциплины», Российская государственная специализированная академия искусств, профессор кафедры «Политическая социология и социальные технологии», Российский государственный гуманитарный университет.

Россия, г. Москва, Резервный пр., 12

Olga G. Ovcharova — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of Humanities Disciplines Department, Russian State Specialized Academy of Arts, Professor of Political Sociology and Social Technologies Department, Russian State University for the Humanities.

12 Rezervnuy st., Moscow, Russia

Рассадин Сергей Валентинович — кандидат философских наук, профессор кафедры «Психология и философия», Тверской государственный технический университет.

Россия, г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, 22

Sergey V. Rassadin — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of Psychology and Philosophy Department, Tver State Technical University.

22, Afanasiya Nikitina Qy., Tver, Russia

Вклад авторов:

Козлова Н. Н. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Овчарова О. Г. — развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Рассадин С. В. — развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Kozlova N. N. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Ovcharova O. G. — development of methodology; follow-on version of the text; final conclusions.

Rassadin S. V. — development of methodology; follow-on version of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 314.622, 316.346.32-053.6, 316.356.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-135-149

СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПО ДАННЫМ ВЫБОРОЧНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ

Оксана Викторовна Кучмаева¹✉, Ольга Анатольевна Золотарева²

^{1,2}Институт демографических исследований

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

¹kuchmaeva@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-0386-857X, AuthorID РИНЦ: 496666

²OAMahova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7339-7510, AuthorID РИНЦ: 327777

Аннотация. Целью исследования является количественная оценка специфики демографических и социально-экономических характеристик молодых семей, имеющих в своем составе студентов, на основе репрезентативной для населения России выборки и определение направлений специализированного выборочного исследования студенческих семей.

Методологическую базу исследования составляют методы демографического и социологического анализа функционирования института семьи, в частности концепция второго демографического перехода, а также методы статистического анализа социологических данных, табличной и графической визуализации данных, расчета дескриптивных статистик и статистических критериев для оценки различий в распределениях.

Результаты исследования. Большая часть молодых людей, получающих профессиональное образование, пока не стремятся вступить в брак и создать семью. Уровень брачности современного российского студенчества незначителен, при этом фактические брачные отношения предшествуют официальной регистрации брака. Данные исследования подтверждают взаимосвязь между официальной регистрацией брака и детностью семей. Однако рождаемость в студенческих семьях значительно ниже, чем в среднем у молодого поколения, а наименьший уровень детности характерен для лиц, получающих высшее образование. Студенты, вступающие в брак, стремятся опираться на свои силы, не рассчитывают на помощь родителей, предпочитают жить отдельно. Это говорит об осознанном подходе к принятию решения о создании семьи. Можно выделить ряд проблем, с которыми сталкивается молодая семья в процессе жизнедеятельности: сложное материальное положение, во многом связанное с рождением детей; жилищные проблемы, которые молодая семья не всегда может решить самостоятельно; начальный этап становления профессиональной карьеры; сочетание семейных и внесемейных ролей. Все это обуславливает нуждаемость в государственной поддержке. Масштабы занятости членов студенческих семей свидетельствуют о необходимости поддержки молодежи на рынке труда: обеспечении гарантий студентов при трудоустройстве, расширении масштабов гибких форм занятости.

Перспективы исследования заключаются в проведении опроса студентов (состоящих и не состоящих в браке) на репрезентативной выборке, учитывающей региональную представительство, формы и направления подготовки. Это позволит определить совокупность факторов, определяющих положение студенческих семей и стратегии поведения

молодых супругов, выявить типологические группы респондентов с точки зрения потребности в мерах поддержки.

Ключевые слова: студенческая семья, репродуктивное поведение молодежи, молодая семья, уровень брачности молодежи, семейная политика, демографическая политика

Для цитирования: Кучмаева О.В., Золотарева О.А. Студенческая семья в современной России: демографические и социальные характеристики по данным выборочного обследования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 135–149. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-135-149>.

Original article

STUDENT FAMILY IN MODERN RUSSIA: DEMOGRAPHIC AND SOCIAL CHARACTERISTICS ACCORDING TO SAMPLE SURVEY DATA

Oksana V. Kuchmaeva^{1✉}, *Olga A. Zolotareva*²

^{1,2}*Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

¹*kuchmaeva@yandex.ru*[✉], *ORCID: 0000-0003-0386-857X, AuthorID RSCI: 496666*

²*OAMahova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7339-7510, AuthorID RSCI: 327777*

Abstract. *The purpose of the research* quantitative assessment of the specifics of demographic and socio-economic characteristics of young families with students on the basis of a sample representative of the Russian population and determination of the directions of a specialized sample study of student families.

The methodological basis of the research consists of methods of demographic and sociological analysis of the functioning of the family institute, in particular, the concept of the second demographic transition, as well as methods of statistical analysis of sociological data, tabular and graphical visualization of data, calculation of descriptive statistics and statistical criteria for assessing differences in distributions.

Research result. *Most of the young people receiving vocational education do not yet seek to marry and start a family. The level of marriage of modern Russian students is insignificant, while the actual marriage relationship precedes the official registration of marriage. These studies confirm the relationship between the official registration of marriage and the childhood of families. However, the birth rate in student families is significantly lower than the average for the younger generation, and the lowest level of childbearing is typical for people receiving higher education. Students who get married tend to rely on their own strength, do not count on the help of their parents, prefer to live separately. This indicates a conscious approach to making a decision about starting a family. It is possible to identify a number of problems that a young family faces in the process of life: a difficult financial situation, largely related to the birth of children; housing problems that a young family cannot always solve independently; the initial stage of the formation of a professional career, a combination of family and non-family roles. All this causes the need for state support. The scale of employment of members of student families indicates the need to support young people in the labor market: ensuring student guarantees for employment, expanding the scope of flexible forms of employment.*

The prospects of the research are to conduct a survey of students (married and unmarried) on a representative sample, taking into account regional representativeness, forms and areas of training. This will reveal the totality of factors determining the situation of student families and the behavior strategies of young spouses, identify typological groups of respondents in terms of the need for support measures.

Keywords: student family, reproductive behavior of youth, young family, youth marriage rate, family policy, demographic policy

For citation: Kuchmaeva O. V., Zolotareva O. A. Student family in modern Russia: demographic and social characteristics according to sample survey data // *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 135–149. (In Russ.).* <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-135-149>.

Введение. Формирование государственной демографической и семейной политики не может не учитывать особенности положения молодой семьи. Старение населения страны и неблагоприятные демографические тенденции в сфере рождаемости акцентируют внимание на необходимости более полно использовать репродуктивный потенциал молодежи. Это особенно важно на фоне снижения уровня брачности среди более молодых поколений, старения и снижения уровня рождаемости. Низкая рождаемость сейчас чревата в будущем депопуляционными процессами, проблемами в сфере трудовых ресурсов, зависимостью рынка труда от иностранной рабочей силы. Анализ специфики репродуктивного и брачного поведения студенческой молодежи позволит сформулировать актуальные направления совершенствования семейной и демографической политики.

Молодежь как социально-демографическая группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных правовыми актами — до 35 лет и более¹. Данную возрастную группу составляют люди, переживающие период получения профессионального образования, становления карьеры. Молодое поколение заинтересовано в «приращении своего “человеческого капитала” и его использовании в профессиональной деятельности» [11]. Однако молодость — это возраст, когда люди принимают важные шаги в контексте всей своей будущей жизни, не только в контексте

профессиональной карьеры, саморазвития, дальнейшего образования, но и личной жизни, реализации матримониальных и репродуктивных установок, создания семьи. Стратегии реализации профессиональной и семейно-брачной карьеры подчас вступают в противоречие, на что накладывает отпечаток система доминирующих в обществе ценностей. Это определяет и сложность анализа факторов, определяющих матримониальное и репродуктивное поведение студенческой молодежи, параметры функционирования студенческих семей.

Целью работы выступала количественная оценка специфики демографических и социально-экономических характеристик молодых семей, имеющих в своем составе студентов, на основе репрезентативной для населения России выборки и определение направлений специализированного выборочного исследования студенческих семей.

Актуализация исследования демографического поведения молодежи. Российские исследователи подчеркивают значимость проведения мониторинговых исследований семейных стратегий студенческой молодежи, составляющей пятую часть молодого населения страны, что позволит выявить факторы и тенденции трансформации норм, установок, ценностей семейного поведения молодежи, предложить меры по повышению результативности молодежной и семейной политики [1; 13].

¹ В частности, Федеральный закон №489-ФЗ от 30 декабря 2020 г. «О молодежной политике в Российской Федерации», Распоряжение Правительства Российской Федерации №2403-р от 29 ноября 2014 г. «Об утверждении Основ государственной молодежной политики до 2025 года».

Уже на протяжении нескольких десятилетий исследования свидетельствуют о значительных изменениях в matrimониальном и репродуктивном поведении молодежи. Исследования репродуктивных ориентаций молодежи, позволяющих получить прогностические оценки уровня рождаемости, проводятся в разных странах мира. Опыт панельных исследований, проведенных в европейских странах, свидетельствует, что намерения молодых людей относительно размера семьи, числа детей, скорее всего, изменятся в результате их опыта в семейной и профессиональной сферах жизни. Если респонденты откладывают рождение детей до тридцати лет, у них гораздо больше шансов скорректировать свои намерения в сторону понижения, чем если бы они начали свою детородную карьеру раньше [20]. Молодые женщины, для которых рождение детей является пока достаточно отдаленной целью, могут впоследствии поменять свои предпочтения в отношении фертильности, причем довольно непредсказуемыми способами [27]. Этот факт также акцентирует внимание на необходимости исследования репродуктивного поведения молодых россиян, находящихся на пути построения семейной и профессиональной карьеры.

В регионах России наблюдаются различные модели молодой семьи, как ориентированные на традиционный уклад семейной жизни, так и характеризующиеся современным распределением ролей [3]. Однако влияние традиций и устоявшихся ценностей на поведение людей, в том числе демографическое, уменьшается под влиянием глобальных и социальных процессов и вызывает значительные изменения в повседневной жизни людей. Эти процессы оказывают воздействие на нравственное развитие молодежи, влияют на их систему ценностей и на понимание брака и семьи [21]. Происходящие преобразования в структуре семьи изменяют структуру будущих семей с течением времени и сменой поколений [18].

Опросы свидетельствуют: значимая часть молодых респондентов полагает, что необязательно создавать семью, чтобы быть счастливым (каждый пятый) [10], молодые люди разделяют любовь как личностные отношения и брак [6]. В системе ценностей молодежи, в том числе студенческой, растет

ценность личной свободы, индивидуального самоутверждения [4]. Образование выступает одной из значимых ценностей.

В большинстве своем молодые люди, ориентированные на получение образования, предпочитают сначала завершить обучение, стать экономически независимыми и лишь затем создавать семью. Это отличает их модель поведения в сфере создания семьи с лицами, не нацеленными на получение профессионального образования. По данным исследования, проведенного в 2015–2016 гг. в ряде регионов России, выяснилось, что 80% молодых планируют вступить в брак после получения высшего образования [8]. Студенты планируют самостоятельно решать возникающие у молодой семьи проблемы [12]. Исследования траекторий создания семьи среди женщин в возрасте 15–30 лет показали, что низкие уровни участия на рынке труда, образования тесно связаны с выбором раннего формирования семьи [25].

На откладывание материнства влияет не только продолжительность обучения, но и содержательный контент. Отсрочка материнства для женщин — выпускниц колледжей относительно меньше среди выпускниц тех программ обучения, в которых преобладают традиционные представления о семейных ролях и в которых значительная доля выпускников — женщины. Уровень начальной заработной платы и крутизна профиля заработка увеличивают продолжительность откладывания рождения ребенка [26].

Хотя семья остается для молодых людей одной из наиболее значимых ценностей, вступать в брак молодежь не спешит. Наблюдаемая либерализация отношения к регистрации брака сопутствует снижению репродуктивных установок. Брак значительно снижает вероятность добровольной бездетности [19]. На этом фоне происходит усиление психологических мотивов создания семьи [8].

Девушки планируют вступление в брак, создание семьи после 25 лет — по достижению социальной и экономической стабильности, юноши — еще позже [2]. При этом часть молодежи не хочет в будущем заводить детей, добровольная бездетность становится легитимной стратегией репродуктивного поведения [16]. Результаты опроса студенческой молодежи г. Москвы в 2017 г. показали, что

в возрасте 20 лет лишь около 18% опрошенных полагают важным для себя в будущем иметь ребенка и 8,5% — несколько детей [9].

Репродуктивные установки молодежи, которые предполагают рождение двух или трех детей, не соответствуют реальной современной демографической статистике — в реальной жизни имеющиеся репродуктивные установки остаются нереализованными. При этом молодые респонденты не ориентируются на внебрачные рождения [24].

Большая часть молодежи одобряет заключение пробных браков (69,8%), около трети (30,1%) положительно относится к гражданскому браку [8]. Фактический брак становится все более распространенной формой семейных отношений среди молодежи [14]. Проведенное Росстатом в 2017 г. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения² демонстрирует, что доля состоящих в незарегистрированных браках в возрастах до 25 лет составляет 38,6% для женщин и 46,7% — для мужчин, в возрастной группе 25–29 лет — соответственно 20,0% и 22,3%.

Для значительной части молодых людей совместное проживание, по-видимому, представляет собой адаптивную стратегию в период карьерной незрелости, в то время как официальный брак выступает более вероятным исходом как для стабильно работающих сожителей, так и для тех, кто еще не жил вместе. Величина заработка положительно влияет на решение вступить в фактические брачные отношения или супружеский союз [24].

Проблематика студенческой молодой семьи является предметом целого ряда исследований, затрагивающих ее ценностные основания, репродуктивное поведение и обосновывающих перспективные направления целевой демографической и семейной политики [5; 7; 12; 17]. Результаты исследований демонстрируют сложность и неоднородность репродуктивного поведения молодых людей. Желание получить образование, наличие занятости, заработка (как и система ценностей) влияют на создание семьи и ее функционирование. Важной исследовательской задачей

выступает получение количественных характеристик положения современной студенческой семьи, выявление информационных лакун и формирование программы выборочного исследования с учетом опыта проводимых опросов для формирования предложений по реализации целевых мер семейной и демографической политики, учитывающих потребности и специфику жизнедеятельности студенческой семьи. Большинство проводимых опросов молодой студенческой семьи в России основаны на локальных выборках, насчитывающих не более 200 респондентов, что сказывается на достоверности полученных выводов.

Методика и источники. Исследование построено на данных Комплексного наблюдения условий жизни населения, регулярно проводимого Росстатом (раунд 2020 года)³. Объем выборочной совокупности составляет 127,5 тыс. человек и репрезентирует население России и ее регионов. Подвыборка респондентов (студенты в возрасте 18–30 лет, получающие среднее и высшее профессиональное образование) составила 3227 человек, в том числе 420 человек состоят в браке. Объектом исследования выбраны респонденты в возрасте, соответствующем началу бракоспособного и границам молодежного возраста. Для этого же возрастного интервала характерно максимальное участие в получении профессионального образования.

Из всей совокупности студентов 1,3% пока получают среднее общее образование, 7,0% — профессиональное образование по программе подготовки квалифицированных рабочих, 23,1% — профессиональное образование по программе подготовки специалистов, 68,6% — высшее образование (бакалавриат и магистратура). Среди студентов 77,9% — учащиеся очной формы обучения.

Средний возраст респондентов — 20,5 лет, практически не различаются по возрасту юноши (20,46 лет) и девушки (20,49 лет).

Для распространения полученных результатов выборочного обследования на ге-

² Данные Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html. (дата обращения: 20.01.2022).

³ Данные Комплексного наблюдения условий жизни населения. 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 20.01.2022).

неральную совокупность (население России) был использован коэффициент взвешивания.

В анализе использованы методы демографического и социологического анализа функционирования института семьи, а также методы статистического анализа социологических данных, табличной и графической визуализации данных, расчета дескриптивных статистик и статистических критериев для оценки различий в распределениях (*t*-критерий и непараметрические критерии, в частности критерий Краскала-Уоллиса, парный ранговый коэффициент Спирмена).

Изменения в сфере брачного поведения молодого поколения находят объяснения в рамках концепции «второго демографического перехода», предложенной Р. Лестэг и Д. ван де Каа в 1986 г. Основными характеристиками данного перехода выступают откладывание момента вступления в брак или даже отказ от брака, а также снижение рождаемости, приводящее к распространению однопородных семей и социальной допустимости бездетности⁴ [22].

Состояние в браке. Среди респондентов исследуемого возраста (18–30 лет) лишь немногие состоят в браке: 5,6% мужчин состоят в зарегистрированном браке, еще 4,0% — в незарегистрированном. Для женщин соответствующие показатели выше и составляют 8,9% и 7,3%. Уровень брачности среди россиян, продолжающих получать образование, значимо ниже, чем в среднем для лиц моло-

дых возрастов: в 2020 г. доля молодых мужчин исследуемого возраста, состоящих в зарегистрированном браке, составляла 22,3%, женщин — 36,4%. Для незарегистрированного брака соответствующие показатели составили 7,1% и 9,4%. Если по распространенности фактических брачных отношений различия не столь значительны, то сравнение данных по официальным бракам демонстрирует значительный разрыв, обусловленный различными жизненными стратегиями, системой ценностей, в частности значимости получения более высокого уровня образования, позволяющего достичь профессиональных успехов, материального достатка.

С учетом того, что студенты, состоящие в зарегистрированном браке, несколько старше тех, кто состоит в фактических брачных отношениях (25,0 лет и 22,2 года соответственно), можно обоснованно предположить, что в значительной части случаев фактические брачные отношения предшествуют официальной регистрации брака. Эту гипотезу подтверждает и тот факт, что средний стаж брака по данным опроса составляет 3,0 года, фактических брачных отношений — 2,0 года.

Студентки, состоящие в браке, несколько моложе студентов: 23,2 года и 24,7 года.

В целом студенты вступают в брачные отношения (если вступают, в целом вероятность вступления в брак составляет для совокупности российских студентов в 2020 г. 13%, 9,6% для мужчин и 16,2% для женщин), судя по значению среднего возраста, либо на последних

Таблица 1
Table 1

Распределение респондентов по возрасту вступления в брак, %
Distribution of respondents by age of marriage, %

Возраст, лет	Состоят в зарегистрированном браке		Состоят в незарегистрированном браке	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
18 и ранее	1,2	3,3	8,2	7,3
19–20	16,3	23,3	34,4	41,5
21–22	30,2	29,3	29,5	30,1
23–25	29,1	30	14,8	14,6
26–29	23,2	14	13	6,5

4. Lesthaeghe R. Second Demographic Transition. Basil Blackwell [Electronic resource]. URL: http://www.vub.ac.be/SOCO/ron/final_text_SDTBasilBlackwellEncyclop.doc (date accessed: 14.01.2022).

курсах бакалавриата, либо при обучении в магистратуре. Пик вступления в фактические брачные отношения приходится на 19–22 года (63,9% мужчин и 71,6% женщин), регистрации официального брака — 21–25 лет (59,3% мужчин и столько же женщин).

Однако если мы выделим только группу студентов очной формы обучения, то нетрудно заметить, что уровень брачности значительно ниже: 3,3% для мужчин и 7,9% для женщин. К сожалению, объем выборки не позволяет получить достоверные распределения для ряда вопросов только для студентов очной формы обучения.

У трети студенческих семей есть дети (по ответам 33,3% мужчин и 37,4% женщин).

Отдельно стоит обратить внимание на студентов очной формы обучения. Среди них лишь у 14,1% есть дети (7,0% мужчин и 17,2% женщин).

Большая часть студенческих семей проживает отдельно от родителей и других родственников: это касается как супружеских пар без детей (81,8%), так и студенческих семей, имеющих детей (82,1%).

67,7% семей с детьми имеют одного ребенка, 28,4% — двоих детей, 3,9% (6 се-

мей) — троих-четырёх детей. Чаще всего это дети в возрасте до 3 лет.

28,5% семей с детьми имеют детей в возрасте до 1,5 лет, 30,4% — в возрасте от 1,5 до 3 лет, 39,8% — в возрасте от 4 до 9 лет, еще 4,6% — в возрасте старше 9 лет.

Семьи с детьми — это прежде всего семьи, основанные на зарегистрированном браке. Среднее число детей в зарегистрированных браках студентов составляет 0,76, в незарегистрированных — 0,16 (различия статистически значимы, проверка на основе *t*-критерия, $p < 0,000$). Официальный брак выступает гарантией прав ребенка, серьезности намерений супругов, либо рождение ребенка выступает фактором, способствующим заключению официального брака.

Детность студенческих семей ниже, чем других семей у лиц такого же возраста. Лишь 36,8% семей лиц в возрасте до 30 лет не имеют детей. 39,8% имеют одного ребенка, 39,8% — двоих. В остальных молодых семьях 3 и более детей. Еще одной отличительной особенностью выступает тот факт, что у части молодых россиян (не относящихся к категории студентов), не состоящих в браке, есть дети (26,5%). Не тратя время на получение

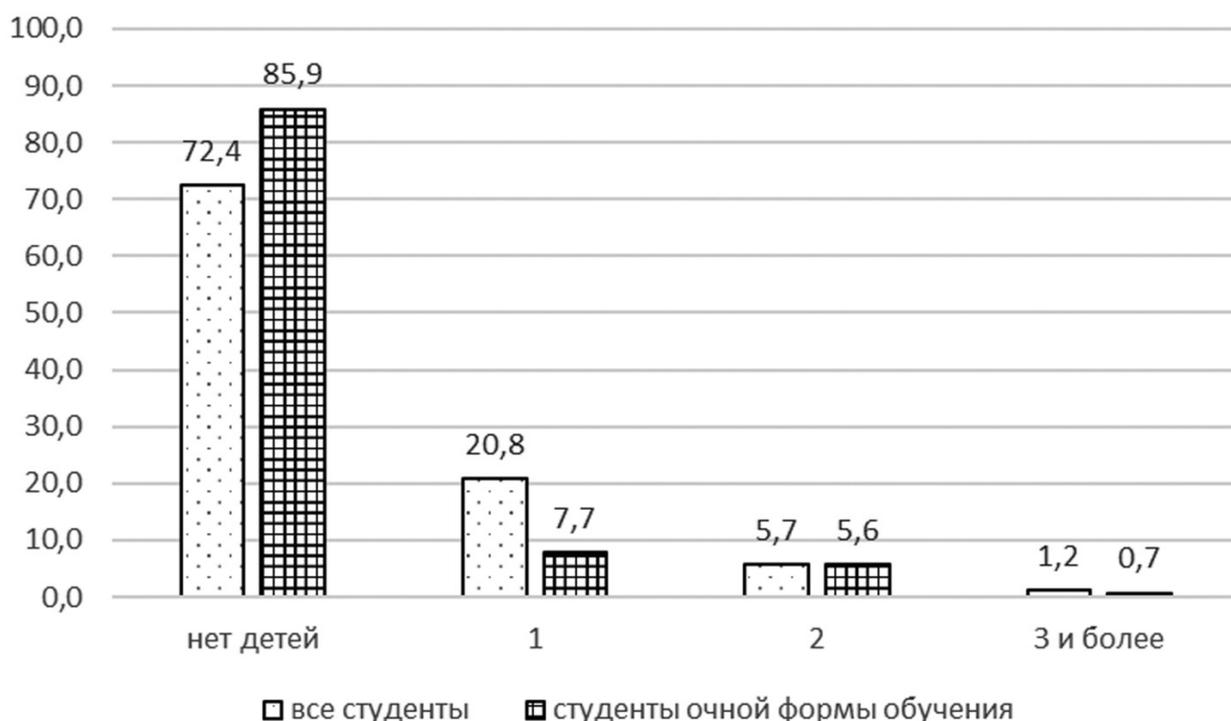

Рис. 1. Распределение студентов по числу детей, %
 Fig. 1. Distribution of students by the number of children, %

образования и реализуя иные жизненные стратегии, они больше внимания уделяют своей семейной карьере. Среди них, как отмечено ранее, не только выше уровень брачности, но есть и те, у кого брак уже распался (3,3%), либо имеет внебрачного ребенка.

Существуют статистические значимые различия (на основе критерия Краскала-Уоллисса, $p < 0,009$) в числе детей в студенческих семьях в зависимости от того, студентами каких образовательных учреждений являются родители (при получении среднего профессионального образования по программе подготовки квалифицированных рабочих — 0,67 ребенка на 1 брачную пару, среднего профессионального образования по программе подготовки специалистов — 0,8 ребенка, при получении высшего образования — 0,44 ребенка). При этом средний возраст студентов, создавших семьи при получении среднего профессионального образования по программе подготовки специалистов и высшего образования, практически не отличается (23,5 и 23,7 года).

Занятость членов студенческих семей. Специфика жизнедеятельности студенческих семей, где в значительной степени образ жизни супругов определяется включенностью в образовательную деятельность, накладывает отпечаток на социальные и экономические характеристики семей.

Среди лиц, состоящих в браке, особенно зарегистрированном, выше доля занятых в экономике (табл. 2). Помимо создания семьи, на рост уровня занятости могут влиять такие факторы, как возраст (как уже отмечалось, лица, состоящие в браке, несколько старше) и наличие детей. 96,9% лиц, получающих образование, заняты в качестве наемных работников.

Уровень занятости мужчин выше. Студенты, состоящие в браке, чаще работают, чем те, кто в браке не состоит. Создание семьи повышает уровень занятости (потребность в доходе) у студентов очной формы обучения. Особенно значимо влияние наличия детей на занятость членов студенческих семей — работают практически все мужчины (95,6%) и 35,6% женщин.

Хотя около 60% студенческих семей с детьми имеют детей в возрасте до 3 лет, лишь 13,5% мам находится в отпуске по уходу за ребенком. Это, видимо, обусловлено возможностью сочетать уход за ребенком и образование, а также небольшой долей студенток, которые имеют возможность получить оплачиваемый отпуск в силу предыдущей занятости.

Чаще всего студенты, имеющие семью, работают в качестве специалистов высшего уровня квалификации (26,4% состоящих в зарегистрированном браке и 22,7% — в незарегистрированном), в сфере обслуживания

Таблица 2
Table 2

**Занятость в экономике членов студенческих семей, %
 Employment in the economy of members of student families, %**

Статус занятости	Семейное положение			Итого
	Состоит в зарегистрированном браке	Состоит в незарегистрированном браке	В браке не состоит	
Занятые в экономике (работающие)	62,7	47,8	19	23,9
Не занятые в экономике (не работающие)	29,7	50,5	80,9	75,5
Находящиеся в отпуске по уходу за ребенком от 0 до 3 лет	7,6	1,6	0	0,7
Итого	100	100	100	100

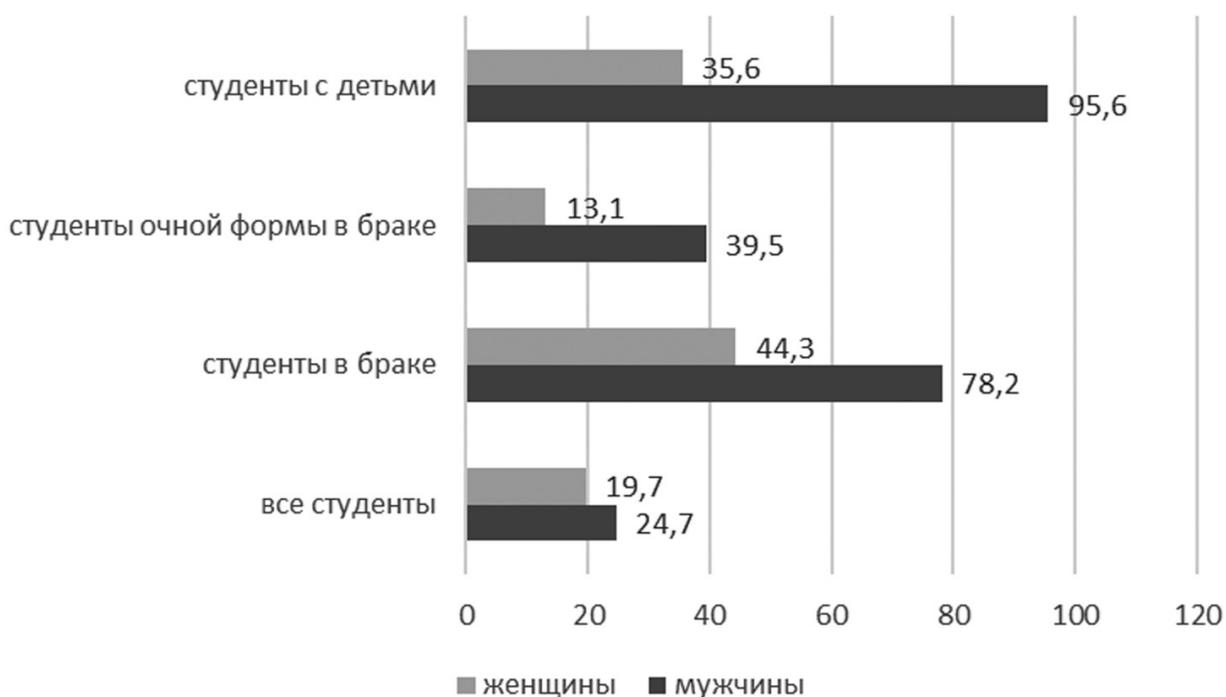

Рис. 2. Доля занятых в экономике среди различных групп студентов, %
Fig. 2. The share of employed in the economy among various groups of students, %

(23,0% и 29,5% соответственно), а также специалистами среднего уровня квалификации (21,6% и 20,5%). Наличие профессиональных навыков и проживание в городской местности (где чаще всего проходит обучение) способствуют занятости в данных секторах. Но, тем не менее, почти 60% семейных студентов работает не по специальности.

Студенты, состоящие в официальном браке (имеющие и не имеющие детей), предпочитают работать в формальном секторе экономики (около 80,0%), где соблюдаются нормы трудового права. Работающие студенты большей частью заняты полный рабочий день (84,2%), лишь 10,0% работают по гибкому графику. Видимо, это связано с желанием получить большой доход и стабильные условия труда, но не только. Незначительная распространенность гибких условий труда на российском рынке — это проблема не только занятости студентов. Необходимость содержать семью и детей и, как следствие, попытки сочетать получение образования и полную занятость могут привести к переутомлению, невозможности сочетать семью, образование и работу.

Доходы студенческих семей. Состояние в браке практически не оказывает влияние на уровень бедности семей. В целом, по данным обследования за 2020 г., среди студентов, состоящих в зарегистрированном браке, 24,2% относятся к категории малоимущих, в незарегистрированном браке — 21,2% (среди всей учащейся молодежи в возрасте 18–30 лет — 27,8%). Данные скорее свидетельствуют о значительном уровне бедности российского населения. Для совокупности студентов, не состоящих в браке, характерен даже больший уровень бедности, обусловленный уровнем доходов родительской семьи, возможно, имеющей в своем составе и других детей, а также пожилых родственников. Требуется дальнейшего исследования и вопрос о том, не является ли более низкий уровень жизни молодых респондентов или нежелание пока иметь самостоятельный источник дохода причиной невступления в брак.

К сожалению, как и все российские семьи с детьми, студенческие семьи, имеющие детей, испытывают значительные материальные проблемы. Уровень бедности студенческих семей с детьми весьма значителен.

В студенческих семьях без детей уровень бедности составляет лишь 15,0%, в семьях с 1 ребенком — 28,3%, с 2 детьми — 54,5%. Расчет статистических показателей взаимосвязи подтвердил зависимость уровня бедности и числа детей в семье (коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен 0,287, $n = 420$, $p = 0,05$). Особенно высок уровень бедности в семьях с детьми в возрасте до 3 лет (34,6%).

Среднедушевой доход в домохозяйствах студентов, состоящих в браке, несколько выше — 20,6 тыс. рублей против 19,2 тыс. рублей у тех, кто в браке не состоит. Однако это не слишком значительная разница. Естественно, что среднедушевой доход выше в тех домохозяйствах, где есть работающие студенты (23,9 тыс. рублей и 17,9 тыс. рублей). Различия статистически значимы (проверка значимости осуществлялась с помощью t -критерия, $p < 0,000$).

Однако лишь 16,9% студенческих семей (очной формы обучения) отметили в качестве доходов подарки и помощь от близких родственников, родителей. Вероятно, создание семьи у современного студенчества происходит в том случае, если супруги достигли определенной экономической независимости, готовы самостоятельно содержать семью.

На величину среднедушевых доходов оказывает влияние наличие детей в семье. В случае, если дети в семье отсутствуют, то среднедушевой доход составляет 24,0 тысячи рублей. При наличии одного ребенка в семье душевые доходы снижаются до 18,4 тысяч, двоих детей — 12,4 тыс. рублей.

К сложностям, связанным с реализацией жизненной стратегии, позволяющей сочетать образование, работу и семью, добавляется необходимость решать элементарные материальные проблемы. Подобная ситуация вынуждает многих молодых людей отказаться пока от создания семьи, отложить на будущее (а потом возможно и отказаться) реализацию своих репродуктивных планов.

Жилищные условия. Выборка студенческих семей не содержит респондентов, проживающих отдельно от супругов, или сту-

денческие семьи, проживающие вместе с родительской семьей, даже при наличии своих детей. Это является подтверждением факта, что молодое поколение реализует свои планы по созданию семьи, предпочитая опираться на свои силы, иметь возможность проживать своей семьей отдельно.

67,6% студентов проживает в отдельных квартирах. Студенты, состоящие в браке, также в основном проживают в отдельных квартирах (64,3%). Несколько меньшая доля студенческих семей, проживающих в отдельных квартирах, на фоне студентов, не состоящих в браке, обусловлена тем, что студенческие семьи чаще выбирают одноквартирные дома/часть дома для проживания (сельская местность, пригород) — 32,0% и 27,5% соответственно. Подобный выбор связан с наличием детей. 56,9% семей, имеющих 2 и более детей, проживает в отдельном доме/части дома. Практически отсутствуют семьи, проживающие в студенческих общежитиях (0,4%).

В большинстве случаев жилье находится в собственности семей (82,5%), еще 6,2% воспользовались возможностями ипотеки. У остальных семей жилье находится в государственной или муниципальной собственности.

Члены студенческих семей редко жалуются на стесненность жилищных условий — 14,7%. Тем не менее, 24,5% студенческих семей хотели бы улучшить свои жилищные условия (15,5% хотели бы сделать это в течение ближайших 2–3 лет), показатель увеличивается до 28,6% среди имеющих 2 и более детей. Однако большая часть респондентов не может дать четкий ответ — каким способом. Можно предположить, что с учетом не слишком высоких доходов покупка жилья только за счет собственных средств большинству семей пока не по силам.

Данные являются подтверждением утвердившейся в общественном мнении тенденции, что дети старше 18 лет, не состоящие в браке, должны жить отдельно от родителей.

Так, по данным мониторинга Левада-Центра⁵, в 2003 г. такого мнения придерживались 52% россиян, в 2019 г. — уже 2/3 опрошенных. Самостоятельное проживание, уход из родительской семьи, особенно в случае

⁵ Исследование «Родители и дети» [Электронный ресурс] // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/28/roditeli-i-deti> (дата обращения: 20.01.2022).

вступления в брак, выступает одним из ведущих критериев взросления.

Заключение. Проведенный анализ данных выборочного обследования, проводимого Росстатом во всех регионах России, свидетельствует, что значительная часть молодых людей, которые в настоящее время заняты получением профессионального образования, пока не стремятся вступить в брак и создать семью.

Уровень брачности современного российского студенчества незначителен, однако для женщин показатели состояния в браке выше, чем у мужчин. При этом, видимо, фактические брачные отношения предшествуют официальной регистрации брака. Данные подтверждают взаимосвязь между официальной регистрацией брака и детностью семей. Однако детность в студенческих семьях значительно ниже, чем в среднем у молодого поколения, а наименьший уровень детности характерен для лиц, получающих высшее образование.

Показатели детности студенческих семей позволяют говорить о вероятности снижения уровня рождаемости в будущем, а также о значительной дифференциации моделей детности: среди молодых людей есть как сторонники многодетности, так и не считающие нужным иметь детей вообще.

Можно выделить ряд проблем, с которыми молодая семья сталкивается в процессе жизнедеятельности: сложное материальное положение, во многом связанное с рождением детей; жилищные проблемы, которые далеко не всегда семья может решить самостоятельно; начальный этап становления профессиональной карьеры; сочетание семейных и внесемейных ролей. Все это обуславливает потребность в государственной поддержке.

Студенты, вступающие в брак, стремятся опираться на свои силы, не рассчитывают на помощь родителей, предпочитают жить отдельно. Это говорит об осознанном подходе к принятию решения о создании семьи.

Масштабы занятости членов студенческих семей свидетельствуют о необходимости поддержки молодежи на рынке труда: обеспечении гарантий студентов при трудоустройстве, расширении масштабов гибких форм занятости.

Представляется важным проведение опроса студентов (состоящих и не состоящих в браке) на репрезентативной выборке, учитывающей региональную представительность, формы и направления подготовки. Обследования Росстата позволяют получить интересный материал, характеризующий существующее положение дел в совокупности студенческих семей (их демографические, экономические, социальные характеристики). Однако обследования Росстата не носят характер социологических исследований, мы не имеем возможности проверить гипотезы о влиянии ценностных параметров на принятие решений членами студенческих семей, о роли взаимоотношений, в том числе с родительской семьей, в формировании моделей поведения. Программа исследования должна включать такие блоки, как система ценностей, взаимоотношения в семье (семейной группе), образ жизни, модель брака, репродуктивные ориентации, экономическое положение, потребность в мерах поддержки (в том числе со стороны образовательного учреждения, работодателя). Это даст возможность выявить всю совокупность факторов, определяющих положение студенческих семей и стратегии поведения молодых супругов, установить типологические группы респондентов с точки зрения потребности в мерах поддержки.

Рассмотрение специфики функционирования молодых семей, супруги в которых продолжают образование, дает возможность детально исследовать особенности их репродуктивного поведения, а также проблемы жизнедеятельности, позволяет получить обоснованное представление о способах и мерах адресной семейной и демографической политики в их интересах. Молодые студенческие семьи — это семьи, создаваемые людьми, в системе ценностей которых значимое место принадлежит профессиональному образованию, как следствие — относительно более высокому социально-профессиональному будущему, а также браку и семье. Стратегия их поведения формирует демографический и социально-экономический потенциал страны.

Список источников

1. Андрюшина Е. В., Григорьева Н. С., Панова Е. А. Гендерные аспекты изучения

семейных стратегий российской студенческой молодежи: результаты компаративного анализа исследований 2008 и 2019 гг. // Женщина в российском обществе. 2020. №2. С. 99–113.

2. Архангельский В. Н., Елизаров В. В., Зверева Н. В., Иванова Л. Ю. Демографическое поведение и его детерминация. М.: Теис, 2005. 351 с.

3. Верещагина А. В., Бандурин А. П., Самыгин С. И. Кризис института традиционной семьи в России и семейные траектории молодой семьи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. №11. С. 24–28.

4. Вишневикий Ю. Р., Ячменева М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. Т. 20. №5. С. 125–141.

5. Гареева И. А., Косойкина С. А., Нам Д. С., Огарева Н. А. Социальные проблемы современной молодой семьи // Ученые заметки ТОГУ. 2021. Т. 12. №2. С. 254–259.

6. Гольцова Е. В., Лещенко Я. А. Факторы социальной среды как детерминанты брачности и рождаемости // Социологические исследования. 2010. №2. С. 125–130.

7. Ковальчук О. В., Лазуренко Н. В., Подпоринова Н. Н. Репродуктивные установки молодой (студенческой) семьи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43. №2. С. 349–360.

8. Кучмаева О. В., Ростовская Т. К. Представления молодых россиян о семейной жизни: социологический ракурс // Вопросы управления. 2015. №6. С. 85–90.

9. Кучмаева О. В. Семья и карьера: выбор жизненной стратегии московским студенчеством // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. Серия «Демография. Социология. Экономика» / Под редакцией чл.-корр. РАН Рязанцева С. В., д. с. н., Ростовской Т. К., д. с. н., Зубок Ю. А. М.: Изд-во «Экон-информ», 2019. 325 с.

10. Кучмаева О. В., Ростовская Т. К. Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. №20(3). С. 527–545.

11. Могун В., Энговатов М. Молодежь: высокие притязания и новые стратегии // Менеджер по персоналу. 2008. №9. С. 6–16.

12. Монастырская Т. И., Цветкова А. В. Образ молодой семьи в представлении студентов // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №71–3. С. 91–96.

13. Панова Е. А., Андриюшина Е. В., Григорьева Н. С. Семейные стратегии современной российской студенческой молодежи (результаты компаративного анализа данных опроса за 2008 и 2019 гг.) // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. №77. С. 246–273.

14. Рачипа А. В., Самыгин С. И., Верещагина А. В. «Гражданский брак» в России: причины и последствия распространения в молодежной среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. №8–9. С. 122–126.

15. Ростовская Т. К. Семья и семейный образ жизни в системе ценностей поколений // Человек в мире культуры. Региональные и культурологические исследования. 2015. №2. С. 3–9.

16. Соколов А. В., Щербакова И. О. Ценностные ориентации постсоветского гуманитарного студенчества // Социологические исследования. 2003. №1. С. 115–123.

17. Уварова Н. Н. Современное студенчество и его ценностное отношение к семье // Прикладная психология и психоанализ. 2012. №3. С. 11.

18. Hofferth S. L., Goldscheider F. Family structure and the transition to early parenthood // Demography. 2010. Vol. 47. P. 415–437.

19. Houseknecht S. K. Voluntary Childlessness // M. B. Sussman & S. K. Steinmetz (Eds.). Handbook of Marriage and the Family. N. Y.: Plenum Press, 1987. P. 369–395.

20. Liefbroer A. C. Changes in family size intentions across young adulthood: A life-course perspective // European Journal of Population. 2009. Vol. 25. P. 363–386.

21. Ljubinković M. Values Such as Marriage and Family Among Young People [Electronic resource]. P. 91–108. URL: <https://docplayer.net/7721146-Values-such-as-marriage-and-family-among-young-people-2.html> (date accessed: 20.01.2022).

22. Mogi R., Canudas-Romo V. Expected years ever married // Demographic Research. 2018. Jan-June. Vol. 38. P. 1423–1456.

23. Oppenheimer V.K. Cohabiting and marriage during young men's career-development process // *Demography*. 2003. Vol. 40. P. 127–149.

24. Rean A.A. The Family in the Structure of Values of Young People // *Russian Education & Society*. 2018. January. Vol. 60 (1). P. 43–57.

25. Samper Mejia C. The Interplay Between the Early Work and Family Trajectories of Young Adult Women Born in West Germany: Differences by Parental Origins // *Int. Migration & Integration*. 2021.

26. Van Bavel J. Choice of study discipline and the postponement of motherhood in Europe: The impact of expected earnings, gender composition, and family attitudes // *Demography*. 2010. Vol. 47. P. 439–458.

27. Yeatman S., Sennott C., Culpepper S. Young Women's Dynamic Family Size Preferences in the Context of Transitioning Fertility // *Demography*. 2013. Vol. 50. P. 1715–1737.

References

1. Andrjushina E. V., Grigor'eva N. S., Panova E.A. Gendernye aspekty izuchenija semejnyh strategij rossijskoj studencheskoj molodezhi: rezul'taty komparativnogo analiza issledovanij 2008 i 2019 gg. [Gender aspects of the study of family strategies of Russian student youth: results of a comparative analysis of research in 2008 and 2019]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve [Woman in Russian society]*. 2020; (2): 99–113. (In Russ.).

2. Arhangel'skij V. N., Elizarov V. V., Zvereva N. V., Ivanova L. Ju. Demograficheskoe povedenie i ego determinacija [Demographic behavior and its determination]. Moscow: Teis, 2005. 351 p. (In Russ.).

3. Vereshhagina A. V., Bandurin A. P., Samygin S.I. Krizis instituta tradicionnoj sem'i v Rossii i semejnye traektorii molodoj sem'i [The crisis of the institution of the traditional family in Russia and the family trajectories of a young family]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]*. 2016; (11): 24–28. (In Russ.).

4. Vishnevskij Ju. R., Jachmeneva M. V. Otnoshenie studencheskoj molodezhi k semejnym cennostjam (na primere Sverdlovskoj oblasti) [The attitude of student youth to family values (on the example of the Sverdlovsk region)].

Obrazovanie i nauka [Education and Science]. 2018; 20(5): 125–141. (In Russ.).

5. Gareeva I.A., Kosojkina S.A., Nam D.S., Ogareva N.A. Social'nye problemy sovremennoj molodoj sem'i [Social problems of a modern young family]. *Uchenye zametki TOGU [Scientific notes of TOGU]*. 2021; 12(2): 254–259. (In Russ.).

6. Gol'cova E. V., Leshhenko Ja. A. Faktory social'noj sredy kak determinanty brachnosti i rozhdajemosti [Factors of the social environment as determinants of marriage and fertility]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]*. 2010; (2): 125–130. (In Russ.).

7. Koval'chuk O. V., Lazurenko N. V., Podporinova N.N. Reproktivnye ustanovki molodoj (studencheskoj) sem'i [Reproductive attitudes of a young (student) family]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo [Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right]*. 2018; 43(2): 349–360. (In Russ.).

8. Kuchmaeva O. V., Rostovskaja T.K. Predstavlenija molodyh rossiyan o semejnoj zhizni: sociologicheskij rakurs [Representations of young Russians about family life: a sociological perspective]. *Voprosy upravlenija [Questions of management]*. 2015; (6): 85–90. (In Russ.).

9. Kuchmaeva O.V. Sem'ja i kar'era: vybor zhiznennoj strategii moskovskim studenchestvom [Family and career: choosing a life strategy by Moscow students]. *Molodezh' i molodezhnaja politika: novye smysly i praktiki. Serija «Demografija. Sociologija. Jekonomika» [Youth and youth policy: new meanings and practices. The series «Demography. Sociology. Economics»]*. Pod redakciej chl.-korr. RAN Rjazanceva S.V., d.s.n., Rostovskoj T.K., d.s.n., Zubok Ju. A. [In Ryazantsev S.V., Rostovskaja T.K., Zubok Yu. A. (eds.)]. Moscow: Izd-vo «Jekon-inform», 2019. 325 p. (In Russ.).

10. Kuchmaeva O.V., Rostovskaja T.K. Transformacija obraza zhelaemoj modeli sem'i u raznyh pokolenij: rezul'taty vsrossijskogo sociologicheskogo issledovanija [Transformation of the image of the desired family model in different generations: results of the All-Russian sociological research]. *Vestnik RUDN. Serija: Sociologija [Bulletin of the RUDN. Series: Sociology]*. 2020; 20(3): 527–545. (In Russ.).

11. Mogun V., Jengovatov M. Molodezh': vysokie pritjazanija i novye strategii [Youth: high requirements and new strategies]

high claims and new strategies]. *Menedzher po personalu [HR manager]*. 2008; (9): 6–16. (In Russ.).

12. Monastyrskaja T.I., Cvetkova A.V. *Obraz molodoy sem'i v predstavlenii studentov [The image of a young family in the representation of students]*. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Problems of modern pedagogical education]*. 2021; (71–3): 91–96. (In Russ.).

13. Panova E.A., Andrijushina E.V., Grigor'eva N.S. *Semejnye strategii sovremennoj rossijskoj studencheskoj molodjozhi (rezul'taty komparativnogo analiza dannyh oprosa za 2008 i 2019 gg.) [Family strategies of modern Russian student youth (results of comparative analysis of survey data for 2008 and 2019)]*. *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik [Public administration. Electronic bulletin]*. 2019; (77): 246–273. (In Russ.).

14. Rachipa A.V., Samygin S.I., Vereshagina A.V. «Grazhdanskij brak» v Rossii: prichiny i posledstviya rasprostraneniya v molodezhnoj srede [«Civil marriage» in Russia: causes and consequences of the spread among young people]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennyye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]*. 2016; (8–9): 122–126. (In Russ.).

15. Rostovskaja T.K. *Sem'ja i semejnij obraz zhizni v sisteme cennostej pokolenij [Family and family lifestyle in the value system of generations]*. *Chelovek v mire kul'tury. Regional'nye i kul'turologicheskie issledovanija [A man in the world of culture. Regional and cultural studies]*. 2015; (2): 3–9. (In Russ.).

16. Sokolov A.V., Shherbakova I.O. *Cennostnye orientacii postsovet'skogo gumanitarnogo studenchestva [Value orientations of post-Soviet humanitarian students]*. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]*. 2003; (1): 115–123. (In Russ.).

17. Uvarova N.N. *Sovremennoe studenchestvo i ego cennostnoe otnoshenie k sem'e*

[Modern studentship and its value attitude to the family]. *Prikladnaja psihologija i psihoanaliz [Applied psychology and psychoanalysis]*. 2012; (3): 11. (In Russ.).

18. Hofferth S.L., Goldscheider F. *Family structure and the transition to early parenthood // Demography*. 2010. Vol. 47. P. 415–437.

19. Houseknecht S.K. *Voluntary Childlessness // M.B. Sussman & S.K. Steinmetz (Eds.). Handbook of Marriage and the Family*. N. Y.: Plenum Press, 1987. P. 369–395.

20. Liefbroer A.C. *Changes in family size intentions across young adulthood: A life-course perspective // European Journal of Population*. 2009. Vol. 25. P. 363–386.

21. Ljubinković M. *Values Such as Marriage and Family Among Young People [Electronic resource]*. P. 91–108. URL: <https://docplayer.net/7721146-Values-such-as-marriage-and-family-among-young-people-2.html> (date accessed: 20.01.2022).

22. Mogi R., Canudas-Romo V. *Expected years ever married // Demographic Research*. 2018. Jan-June. Vol. 38. P. 1423–1456.

23. Oppenheimer V.K. *Cohabiting and marriage during young men's career-development process // Demography*. 2003. Vol. 40. P. 127–149.

24. Rean A.A. *The Family in the Structure of Values of Young People // Russian Education & Society*. 2018. January. Vol. 60 (1). P. 43–57.

25. Samper Mejia C. *The Interplay Between the Early Work and Family Trajectories of Young Adult Women Born in West Germany: Differences by Parental Origins // Int. Migration & Integration*. 2021.

26. Van Bavel J. *Choice of study discipline and the postponement of motherhood in Europe: The impact of expected earnings, gender composition, and family attitudes // Demography*. 2010. Vol. 47. P. 439–458.

27. Yeatman S., Sennott C., Culpepper S. *Young Women's Dynamic Family Size Preferences in the Context of Transitioning Fertility // Demography*. 2013. Vol. 50. P. 1715–1737.

Статья поступила в редакцию 06.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 06.02.2022; approved after reviewing on 08.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кучмаева Оксана Викторовна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник отдела семьи и семейно-демографической политики, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Oksana V. Kuchmaeva — Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher of the Department of Family and Family-Demographic Policy, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

6 Fotievoy st., bld. 1, Moscow, Russia

Золотарева Ольга Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела семьи и семейно-демографической политики, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Olga A. Zolotareva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Family and Family-Demographic Policy of the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

6 Fotievoy st., bld. 1, Moscow, Russia

Вклад авторов:

Кучмаева О. В. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Золотарева О. А. — проведение расчетов; обзор исследований.

Contribution of the authors:

Kuchmaeva O. V. — scientific guidance; research concept; development of methodology; writing of the source text; final conclusions.

Zolotareva O. A. — carrying out calculations; research review.

Научная статья

УДК 314.6

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-150-159

РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ

Андрей Федорович Поломошнов^{1✉}, Андрей Павлович Михайлов²

¹Донской государственный аграрный университет, п. Персиановский, Россия

²Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия

¹raf1@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-6312-9440, AuthorID РИНЦ: 629425

²alexandr01.87@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0035-0276, AuthorID РИНЦ: 385536,

SPIN-код: 3213-2467

Аннотация. Целью исследования является воспроизводство целостного социокультурного портрета современной российской семьи.

Методологическую базу исследования представляют современные отечественные концепции семьеведения. К используемым научным методам относятся социологический, культурологический, социально-философский и статистический анализ.

Результаты исследования. Рассматриваются социологические и культурологические аспекты кризиса современной российской семьи. В социологическом контексте в качестве ведущих тенденций отмечаются уменьшение среднего размера семьи, рост доли неполных и малодетных семей, падение уровня рождаемости, увеличение количества разводов. Подчеркивается, что негативные тенденции в развитии семьи связаны с главной проблемой российского общества — бедностью населения. В культурологическом контексте обосновывается тезис о трансформации отечественного культурного типа семьи в контексте постмодернистской, западной деформации семейно-брачных отношений. Особое внимание обращается на социокультурное разнообразие типов семей в современном российском обществе, обусловленное его сложной социальной стратификацией.

Перспективы исследования заключаются в более детальной теоретической реконструкции характеристик основных типов современной российской семьи и тенденций их трансформации.

Ключевые слова: социология семьи, культурология семьи, современная российская семья, социальная стратификация, массовая трудовая семья, состоятельная российская семья, кризис семьи

Для цитирования: Поломошнов А. Ф., Михайлов А. П. Российская семья: современное состояние и социокультурные типы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 150–159. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-150-159>.

Original article

RUSSIAN FAMILY: CURRENT STATUS AND SOCIO-CULTURAL TYPES

Andrey F. Polomoshnov^{1✉}, Andrey P. Mikhailov²

¹Don State Agrarian University, Persianovsky v., Russia

²Adyghe State University, Maykop, Russia

¹paf1@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-6312-9440, AuthorID RSCI: 629425

²alexandr01.87@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0035-0276, AuthorID RSCI: 385536,
SPIN: 3213-2467

Abstract. *The aim of the study is to reproduce a holistic socio-cultural portrait of the modern Russian family.*

The methodological basis of the study is represented by modern domestic concepts of family science. The scientific methods used include sociological, cultural, socio-philosophical and statistical analysis.

Research results. *The sociological and culturological aspects of the crisis of the modern Russian family are considered. In the sociological context, the leading trends are a decrease in the average family size, an increase in the proportion of single-parent and small families, a drop in the birth rate, and an increase in the number of divorces. It is emphasized that negative trends in the development of the family are associated with the main problem of Russian society — the poverty of the population. In the culturological context, the thesis about the transformation of the domestic cultural type of the family in the context of postmodern, Westernizing deformation of family and marriage relations is substantiated. Particular attention is drawn to the socio-cultural diversity of family types in modern Russian society, due to its complex social stratification.*

The prospects for the study lie in a more detailed theoretical reconstruction of the characteristics of the main types of the modern Russian family and the trends in their transformation.

Keywords: *family sociology, family culturology, modern Russian family, social stratification, mass working family, wealthy Russian family, family crisis*

For citation: *Polomoshnov A. F., Mikhailov A. P. Russian Family: Current status and socio-cultural types // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 150–159. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-150-159>.*

Введение. Семья относится к разряду фундаментальных социокультурных институтов общества и наиболее устойчивых базисных культурных ценностей общества. Ее судьба связана с историческими трансформациями общества в целом, но при всех социальных метаморфозах семья остается оплотом социальной стабильности, основой демографического воспроизводства населения. В периоды социальных трансформаций и кризисов семья также претерпевает метаморфозы, от которых в немалой степени зависит будущее общества. Эти общие тезисы сегодня, наверное, приобре-

тают для современной России особенную актуальность.

Можно утверждать, что судьба современной российской семьи определяет будущую судьбу России. На современную российскую семью и ее трансформации влияют два основных фактора: внешний и внутренний. Внешним фактором является противоречивая глобализация и глобальный переход человечества к постиндустриальному, информационному обществу. Мощное давление процессов глобализации, протекающих в форме экспансии западной культуры, по-разному оценивается в отечественном дискурсе. А.В. Верещагина

и М.М. Шахбанова склонны к позитивной оценке: «формирование новых семейных отношений и ценностей в России невозможно рассматривать в отрыве от общемировых тенденций эгалитаризации, индивидуализации и гуманизации человеческих отношений, и в сфере семьи в том числе» [2, с. 65]. А.Х. Сатаева и Р.И. Якупов, напротив, бьют обоснованную тревогу: «Современный мир претерпевает неоднозначные изменения, которые не всегда поддаются рациональному объяснению и восприятию. В целом происходит ломка ценностных ориентиров, при этом многие базовые понятия, устоявшиеся моральные принципы, выработанные веками этические нормы и идеалы постепенно исчезают, уничтожаются, разрушаются, особенно в семейно-брачных отношениях» [10, с. 13]. К такой оценке присоединяется и М. Бутаева: «Тенденции сегодняшнего дня свидетельствуют о нивелировке традиционных российских ценностей под давлением привнесенных извне ценностей других сообществ» [1, с. 37].

Гораздо более значительным, если не сказать решающим, является противоречивое, часто отрицательное влияние на современную российскую семью социально-экономических реформ российского общества на рубеже тысячелетий, а также негативных социально-экономических явлений и процессов в современном российском обществе, усугубляющихся в том числе и под влиянием все обостряющейся конфронтации с Западом. «Реальные экономические условия жизни для большинства людей, оказавшихся за чертой бедности, безжалостные, антигуманные законы общества, строящегося на принципах частной наживы, привели к тому, что дети страдают от голода и нищеты, безработицы родителей, недостатка государственной помощи. Да и в целом брак и семья находятся на грани банкротства, разъедаемые эгоизмом и индивидуализмом, безудержной погоней за вещами и удовольствиями» [8, с. 278].

Методика. Постигание современного состояния и динамики российской семьи крайне важно. Но эта проблема освещена в отечественном дискурсе неоднозначно. Вместо некоторых общепризнанных концептов мы имеем плюрализм концептуальных и ценностных подходов к этой проблеме. По-

жалуй, единственным общим тезисом в современном дискурсе о российской семье является тезис о кризисе традиционной российской семьи и переходе ее в качественно новое состояние. Однако и сама сущность кризиса российской семьи, и ее будущее интерпретируются весьма разнообразно.

Если попытаться обобщить описания кризиса российской семьи, то можно выделить две его стороны: социальную и культурную. К социальной стороне кризиса относятся структурные и функциональные деформации традиционной российской семьи (изменение состава семьи, особенно количества детей, изменение функций семьи, изменение материально-экономической основы семьи и т.д.). К культурологической стороне кризиса российской семьи относятся трансформации традиционных семейно-брачных отношений, деформации гендерных ролей и сексуальных отношений и т.п.

Итак, какова же она современная российская семья? Пытаясь дать ответ на этот вопрос, невозможно обойти тот факт, что в современном семейведении существуют дисциплинарная и методологическая фрагментация и необозримый плюрализм подходов, поэтому целесообразно проанализировать эвристический потенциал основных существующих подходов к проблеме постижения сущности современной российской семьи.

Наиболее распространенным подходом является попытка дать некоторый обобщенный портрет современной российской семьи в целом и описать общие тенденции ее динамики. Обобщенный портрет современной российской семьи складывается из двух взаимодополняющих частей: социологических параметров и культурологических характеристик.

Результаты. Социологический обобщенный портрет современного состояния российской семьи, к сожалению, в основном полон негативных параметров. «К ним относятся прежде всего такие объективные факторы, как изменение социальной инфраструктуры, ухудшение материального положения большинства населения, высокая смертность, диспропорция полов, снижение брачности (числа вступающих в брак), рост количества разводящихся пар, снижение рождаемости, рост доли однополовых и бездетных семей,

увеличение числа внебрачных рождений, рост безнадзорности детей» [8, с. 283–284].

Экономическая бедность как главная особенность и причина кризиса современной российской семьи отмечается многими исследователями. Т.Е. Лифанова и Е.С. Бабенко [4] в список вытекающих из бедности социально-экономических проблем включают жилищную проблему, состояние здоровья детей и родителей, проблемы с трудоустройством, сложности с образованием и воспитанием детей, низкое качество семейного досуга и отдыха, внутрисемейные конфликты, проблему неформальной социальной сегрегации бедных семей, дистанцирования их от общества. М.Ю. Ефлова и Э.Р. Галиева отмечают, что в России «... в целом происходит ухудшение репродуктивного здоровья, что, в свою очередь, приводит к снижению репродуктивных возможностей мужчин и женщин, а также к бесплодию» [3, с. 12].

Убедительное подтверждение данных оценок дают факты отечественной статистики. Сравнение коэффициентов рождаемости в 2002 г. (1,32) и в 2019 г. (1,5) [9] показывает тенденцию ее незначительного роста при сохранении в целом критически низкого значения. Анализ баланса браков и разводов в 2002 г. (7,1 брак на 6 разводов) и в 2019 г. (6,5 браков на 4,2 развода) [9] свидетельствует о небольшом улучшении ситуации со стабильностью брака. Крайне негативная тенденция обнаруживается в динамике состава среднестатистической российской семьи. В 2002 г. средний состав российской семьи был 3,5 человека, а в 2010 г. он сократился до 2,5 [9]. Пока нет результатов всероссийской переписи населения 2021 г., но нетрудно спрогнозировать, что качественного улучшения показателя среднего состава российской семьи она не покажет.

Этот далеко не полный статистический портрет современной российской семьи высвечивает ее главные проблемы — бедность и малодетность. Их причины связаны с неэффективностью современной российской социально-экономической системы, гигантской социальной поляризацией современного российского общества, массовой бедностью населения, удручающим феноменом «работающих бедных». В-общем, трудно дать позитивную оценку социологическим характе-

ристикам деградации традиционной российской семьи.

Но кризис современной российской семьи имеет и другую культурно-функциональную сторону: трансформацию традиционных функций семьи и внутрисемейных отношений, трансформацию традиционных форм брака и семейного воспитания, трансформацию социального статуса и позиционирования семьи, трансформацию гендерных семейных ролей и позиционирования семьи в обществе. Среди функций семьи приоритетными становятся не материально-хозяйственные и педагогические, а релаксационные, эмоционально-психологические. Исчезает четкое разделение семейных функций, размывается их гуманистический смысл и содержание, они деформируются либо минимизируются и формализуются.

Гендерный ролевой расклад в современной российской семье становится размытым и запутанным. Нередко гендерные роли переворачиваются: мужчины феминизируются, а женщины — маскулинизируются. Это явление отмечают многие исследователи. Например, Г.А. Пушкарь отмечает: «Современная российская семья находится на стадии трансформации гендерных ролей, что в конечном итоге может привести к “маскулинизации” женщин и “феминизации” мужчин...» [6, с. 72].

В социальном позиционировании современных российских семей происходит переход от социоцентризма к деструктивному семьецентризму в форме взаимного отчуждения общества и семьи. Общество в лице государства демонстративно отвернулось от семьи, а семья — от общества, что превратило существование современной российской семьи в современном российском обществе в тяжелую и бесперспективную борьбу за существование во враждебной по сути внешней социокультурной среде.

Идеал трудовой, многодетной, эгалитарной семьи вытесняется и замещается образами нетрадиционных, аномальных семей или вообще различными сомнительными образцами внебрачного сожительства вроде «шведской семьи», «гостевого брака», «однополого брака» и т.п. Часто семейные извращения стремятся занять место социальной нормы. Главным содержанием современного кризиса семейной психологии является нарастающее

внутрисемейное отчуждение на основе замещения коллективистских ориентаций членов семьи эгоистическими.

Оценивая данный обобщенный культурологический портрет современной российской семьи, можно сделать вывод о трансформации отечественного культурного типа семьи в контексте постмодернистской деформации семейно-брачных отношений, смысл которой состоит в проблематическом и противоречивом переходе «... от фундаментальной, моногамной нуклеарной семьи к дефундаментальной, плюралистичной по формам организации семье» [5, с. 192] При этом стоит признать, что «постмодернистская деконструкция разрушает традиционную российскую культуру семейно-брачных отношений, но не ведет к ее замещению другой, более совершенной, гуманистической формой» [5, с. 192].

Однако при оценке культурологических параметров обобщенного портрета современной российской семьи, в отличие от социологических, преимущественно негативных оценок, встречаются и позитивные оценки. Например, А. В. Верещагина и М. М. Шахбанова утверждают, что «процесс перехода к современному типу семьи на основе разрушения традиционных основ функционирования семьи, сформированных на протяжении исторического, по своей сути авторитарного, развития российского общества, представляется совершенно закономерным и позитивным явлением в условиях демократизации всей общественной жизни» [2, с. 66].

Обсуждение. Объединяя обобщенную социологическую и культурологическую характеристики современной российской семьи, мы можем говорить о критическом состоянии традиционной российской семьи в целом и о деструктивной тенденции ее дефундаментализации. «Дефундаментализация семьи проявляется в том, что она перестает быть одним из ключевых социальных институтов общества, жестко регулируемых обществом и государством, а становится пространством личной свободы и личного выбора... Кризис российской семьи фактически подрывает демографическую безопасность российской цивилизации, лишая ее будущего» [5, с. 192].

При всей его убедительности, однако, обобщенный портрет современной российской семьи нельзя признать ни достаточно полным, ни достаточно точным. В нем не хватает очень важного момента — описания многообразия социокультурных типов семей, существующих в современном высоко социально дифференцированном и поляризованном российском обществе. Другими словами, необходимым элементом социокультурного портрета современной российской семьи является палитра социокультурных типов семей, соотношенная с социокультурной стратификацией современного российского общества. Дифференциация социокультурных типов российских семей пока мало исследована в отечественном дискурсе. Тем не менее, можно отметить некоторые уже сложившиеся подходы к ее исследованию. Примером культурологического подхода является концепция А. В. Верещагиной. Согласно ее концепции «... само понятие “современная семья” не носит четко обозначенного характера и типа, а лишь, по большому счету, символизирует отход от традиционной семьи и ее основных принципов и стереотипов, формируются различные типы семьи, которые в совокупности и представляют феномен современной семьи» [2, с. 66]. Конкретизируя современное многообразие типов семей на стадии общего перехода российского общества и российской семьи от традиционного к современному, А. В. Верещагина и М. М. Шахбанова говорят о некоем «семейном хаосе», который выражается «... в сосуществовании различных типов семей и семейных отношений (неполных, гостевых, традиционных (патриархальных), супружеских (эгалитарных), гражданских и т. д.)» [2, с. 71]. Этот хаос, по их представлению, является периодом апробации наиболее оптимальных и эффективных культурных типов семьи, которые будут затем институализированы в российском обществе [2].

Попытку реализовать социально-стратификационный подход к характеристике современной российской семьи предпринял большой коллектив исследователей под руководством М. Тарусина [7]. Портрет современной российской семьи создан этим коллективом на основе статистических данных из разных источников и собственных социологических исследований и представляет

собой статический срез российской семьи на 2004 год.

В этом исследовании в основу социологического портрета российской семьи положен принцип социальной стратификации современного российского общества, хотя и не проведенный до конца четко и последовательно. В соответствии с этим принципом исследователи «Реальной России» выделяют шесть типов российских семей. Семья-1 — малообеспеченная семья, ориентированная на многодетность, с большим количеством детей и большим процентом неработающих взрослых в составе семьи. Семья-2 и семья-3 — это пенсионные и предпенсионные семьи с самым низким процентом работающих взрослых и высоким средним возрастом. Семья-4 — среднеобеспеченная семья, статистически преобладающая среди всех шести типов семей со средним возрастом (около 40 лет и выше) и средними доходами. Семья-5 и семья-6 относятся к классу обеспеченных семей с высоким социальным статусом [7, с. 300].

Более конкретную статистическую характеристику шести типов российских семей исследователи «Реальной России» дают по следующим параметрам, скоррелированным с главным параметром: уровнем семейных доходов: 1) количество членов семьи; 2) средний возраст членов семьи; 3) количество детей до 18 лет; 4) количество работающих членов семьи. Главный материальный параметр — уровень доходов семьи — оценивается по двум шкалам: общий доход семьи и доход на 1 члена семьи¹.

Однако в классификации российских семей авторами «Реальной России» отсутствует главное — социально-экономическое деление по формам собственности и способам получения семейного дохода, а именно — деление семей на трудовые (семьи наемных работников) и семьи частных собственников, живущие на доходы от частной собственности и использующие труд наемной семейной прислуги.

Поэтому для теоретической реконструкции портрета и динамики современной российской семьи необходимо привлечение дополнительного концептуально-методологического арсенала, который мы видим

в сфере социально-философского подхода. Социально-философский подход начинается с выяснения ее социальных основ и ее статуса в социально-экономической системе современного российского общества. Этот подход дифференцирует социально-экономические основы и типы семей и содержание социальной детерминации и социального регулирования семейно-брачных отношений. Другими словами, социально-философский подход исходит из того очевидного факта, что и социокультурный портрет, и динамика российской семьи определяются социокультурной спецификой современного российского общества и современной российской семейной политикой, и вне этого контекста не могут быть поняты.

Отдельные элементы социально-философского подхода встречаются в отечественном дискурсе. Например, К.С. Романова обращает внимание на то, что «форма собственности определяет место и роль семьи в общественной системе, в том числе взаимосвязь семейного хозяйства с общественным производством, положение и права личности в семье...» [8, с. 272].

Именно социально-философский подход дает ключи к постижению социокультурного портрета современной российской семьи на базе дифференцированного стратификационного анализа. Прежде всего, этот подход дает нам ключ к интерпретации доступных статистических показателей. Опираясь на данные официальной статистики, составим статистический портрет современной российской семьи на 2019 год.

В российском статистическом ежегоднике за 2020 год отсутствует характеристика распределения семей по уровню доходов. Однако по косвенным данным можно вычислить эти параметры. Так, есть данные о распределении населения на группы по уровню ежемесячного дохода: группа с доходами ниже 7 тыс. рублей составляет 4,1 %, группа с доходами от 7 тыс. руб. до 10 тыс. руб. — 6,1 %, группа с доходами от 10 тыс. руб. до 14 тыс. руб. — 10,1 %, группа с доходами от 14 тыс. руб. до 19 тыс. руб. — 13,1 %, группа с доходами от 19 тыс. руб. до 27 тыс. руб. — 17,9 %,

¹ Материальные параметры типов семей выражены в рублевых абсолютных значениях на 2004 год.

группа с доходами от 27 тыс. руб. до 45 тыс. руб. — 24,6%, группа с доходами от 45 тыс. руб. до 60 тыс. руб. — 10,1%, группа с доходами от 60 тыс. руб. до 75 тыс. руб. — 5,5%, группа с доходами от 75 тыс. руб. до 100 тыс. руб. — 4,5%, группа с доходами свыше 100 тыс. руб. — 4% [9, с. 161].

Обобщив эти данные, можно сделать вывод, что к группе маргинальных семей, живущих на грани нищеты, относится 20,3% населения (в эту группу мы включаем социальные слои с уровнем дохода до 14 тыс. руб. в месяц).

Количество бедных семей с доходами от 14 тыс. руб. до 27 тыс. руб. составляет 31%. Получается, что в современной России более половины семей живут в условиях бедности или нищеты.

Группа семей относительно среднего достатка с доходами от 27 тыс. руб. до 75 тыс. руб. — наиболее массовая современная российская трудовая семья — составляет 40,2%. Наконец, группа состоятельных семей составляет, по косвенным данным официальной статистики, 8,5%. Такова социальная палитра современной российской семьи.

Статистический анализ дает ответ на вопрос, какова же палитра, представляющая социокультурные типы современной российской семьи? Первый и самый массовый тип современной российской семьи — трудовая российская малообеспеченная семья, поскольку в современной России даже семья, где работают оба супруга, является малообеспеченной. Трудовая российская семья имеет следующие основные подтипы: 1) городская рабочая семья рядовых наемных рабочих; 2) сельская рабочая семья рядовых сельских наемных рабочих; 3) городская трудовая семья служащих, являющихся наемными работниками в непроизводственных секторах российской экономики. Внутри последнего подтипа отдельно можно выделить три вида: 1) семья трудовой интеллигенции; 2) семья трудовых мелких клерков; 3) семья военнослужащих и служащих других силовых структур. Отдельным подтипом современной российской трудовой семьи можно также считать семью услуги состоятельных и элитарных семей.

Второй социокультурный тип современной российской семьи образует когорта «новых русских семей», или по-другому, со-

стоятельных семей из представителей современных правящих, экономически господствующих и политически доминирующих социальных групп, делящаяся на подвиды: 1) современная российская буржуазная или предпринимательская семья; 2) современная российская чиновничья семья; 3) семья современных политических, художественных и культурных элит (элитарная семья).

Какой же социокультурный тип семьи является доминирующим в современном российском обществе? Доминирующий тип российской семьи — это тип основной части российского населения, основной социальной группы российского общества — слоя наемных работников. Таким образом, это трудовая российская семья наемных работников, если исходить из количественного критерия. Российская трудовая семья является доминирующим типом не только потому, что она количественно доминирует над другими социальными типами современных российских семей, но и потому, что именно труд этих семей обеспечивает существование российского общества и государства, в том числе и процветание другого типа российских семей — новых русских семей или новых имущих семей. Тип новой русской имущей семьи можно считать доминирующим лишь в смысле социального доминирования всего слоя «новых русских», современных российских имущих граждан.

Заключение. Проведенный нами анализ позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, при постижении смысла современных трансформаций российской семьи важно учитывать то, что нет средней российской семьи, а есть палитра ее качественно различных социокультурных типов. Доминирующим типом современной российской семьи является наиболее массовая трудовая семья.

Во-вторых, главные проблемы массовой трудовой российской семьи, обуславливающие критически низкие показатели ее демографической репродуктивности, — социальная поляризация российских семей, застойная бедность массовой российской трудовой семьи, деформация социокультурного типа традиционной многодетной семьи в семейной практике и в массовом сознании. Все эти проблемы, к сожалению, являются длительными

негативными трендами, постоянно обостряющимися и не меняющимися к лучшему.

В-третьих, сегодня в российском обществе, непрерывно трансформирующемся и находящемся в ситуации перманентного длительно текущего общего цивилизационного и социокультурного кризиса, в сфере семьи и семейно-брачных отношений идет острый конфликт традиционных российских цивилизационных основ и ценностей и чуждых, деструктивных инокультурных, западных основ и ценностей. Культурный цивилизационный тип российской семьи даже в доминирующем виде современной российской трудовой семьи разрушается и деформируется, а в российской состоятельной семье он совершенно разрушен.

В-четвертых, острые социальные кризисные проявления затронули в основном массовую российскую трудовую семью, а наибольшей остроты они достигли в социально маргинальных, беднейших семьях. В состоятельных семьях кризис семьи носит, скорее, не социальный, а культурологический характер, поэтому обоснованно утверждать, что современная российская семья во всех ее типах является кризисной или переходной формой семьи.

Список источников

1. Бутаева М. Семья в контексте современных проблем трансформации России // *Власть*. 2011. №4. С. 34–37.

2. Верещагина А. В., Шахбанова М. М. Формирование новых семейных ценностей и отношений в современном российском обществе // *Вестник Дагестанского научного центра*. 2013. №50. С. 65–71.

3. Ефлова М. Ю. Репродуктивное поведение в современном российском обществе: стратегии институализации и сценарии реализации // *Научный Татарстан*. 2018. №4. С. 5–19.

4. Лифанова Т. Е., Бабенко Е. С. Проблемы современной российской семьи: социологический портрет // *Дискурс социальных проблем в социокультурном, образовательном, языковом пространстве в период пандемии коронавируса*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Брянск, 2021. С. 195–205.

5. Михайленко Т. Н., Поломошнов А. Ф. Культура семейно-брачных отношений российской студенческой молодежи в условиях модернизации. п. Персиановский, 2016. 206 с.

6. Пушкарь Г. А. Современная российская семья: гендерная аномалия маскулинности и феминности // *Грани познания*. 2010. №2(7). С. 71–72.

7. Реальная Россия: социальная стратификация современного российского общества / Под ред. М. Тарусина. М.: Журнал-Эксперт, 2006. 680 с.

8. Романова К. С. Трансформация семьи как социального института в условиях изменения государства и собственности // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук*. 2010. Вып. 10. С. 271–287.

9. Российский статистический ежегодник. 2020: Сб. ст. / Росстат. М., 2020. 700 с.

10. Сатаева А. Х., Якупов Р. И. Особенности традиционных отношений в мусульманской семье: ислам и современное общество // *Общество: философия, история, культура*. 2019. №9(65). С. 13–19.

References

1. Butaeva M. Sem'ja v kontekste sovremennyh problem transformacii Rossii [Family in the context of modern problems of transformation of Russia]. *Vlast' [Power]*. 2011; (4): 34–37. (In Russ.).

2. Vereshhagina A. V., Shahbanova M. M. Formirovanie novyh semejnyh cennostej i otoshenij v sovremennom rossijskom obshhestve [Formation of new family values and relationships in modern Russian society]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra [Bulletin of the Dagestan Scientific Center]*. 2013; (50): 65–71. (In Russ.).

3. Eflova M. Ju. Reproductivnoe povedenie v sovremennom rossijskom obshhestve: strategii instutualizacii i scenarii realizacii [Reproductive behavior in modern Russian society: strategies of institutionalization and implementation scenarios]. *Nauchnyj Tatarstan [Scientific Tatarstan]*. 2018; (4): 5–19. (In Russ.).

4. Lifanova T. E., Babenko E. S. Problemy sovremennoj rossijskoj sem'i: sociologicheskij portret [Problems of the modern Russian family: a sociological portrait]. *Diskurs social'nyh*

problem v sociokul'turnom, obrazovatel'nom, jazykovom prostranstve v period pandemii koronavirusa. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [The discourse of social problems in the socio-cultural, educational, linguistic space during the coronavirus pandemic. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation]. Brjansk, 2021. P. 195–205. (In Russ.).

5. Mihajlenko T.N., Polomoshnov A.F. Kul'tura semejno-brachnyh otnoshenij rossijskoj studencheskoj molodezhi v uslovijah modernizacii [Culture of family and marriage relations of Russian student youth in the conditions of modernization]. p. Persianovskij, 2016. 206 p. (In Russ.).

6. Pushkar' G.A. Sovremennaja rossijskaja sem'ja: gendernaja antinomija maskulinnosti i feminnosti [Modern Russian family: gender antinomy of masculinity and femininity]. *Grani poznaniya* [Facets of cognition]. 2010; 2(7): 71–72. (In Russ.).

7. Real'naja Rossija: social'naja stratifikacija sovremennogo rossijskogo obshhestva [Real

Russia: social stratification of modern Russian society]. Pod red. M. Tarusina [In M. Tarusin (eds.)]. Moscow: Zhurnal-Jekspert, 2006. 680 p. (In Russ.).

8. Romanova K.S. Transformacija sem'i kak social'nogo instituta v uslovijah izmenenija gosudarstva i sobstvennosti [Transformation of the family as a social institution in the conditions of changes in the state and property]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj Akademii nauk* [Scientific yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2010; (10): 271–287. (In Russ.).

9. Rossijskij statističeskij ezhegodnik [Russian Statistical Yearbook]. 2020: Sb. st. / Rosstat. Moscow, 2020. 700 p. (In Russ.).

10. Sataeva A.H., Jakupov R.I. Osobennosti tradicionnyh otnoshenij v musul'manskoj sem'e: islam i sovremennoe obshhestvo [Features of traditional relations in the Muslim family: Islam and modern society]. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. 2019; 9(65): 13–19. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 03.02.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Поломошнов Андрей Федорович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия и история Отечества», Донской государственной аграрной университет.

Россия, п. Персиановский, ул. Кривошлыкова, 24

Andrey F. Polomoshnov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department «Philosophy and History of the Fatherland», Don State Agrarian University.

24 Krivoshlykova st., Persianovsky v., Russia

Михайлов Андрей Павлович — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры «Философия и социология», Адыгейский государственный университет; председатель Майкопской городской коллегии адвокатов «Диалог».
Россия, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208

Andrey P. Mikhailov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University; Chairman of the Maykop City Bar Association «Dialog».
208 Pervomayskaya st., Maykop, Russia

Вклад авторов:

Поломоинов А. Ф. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Михайлов А. П. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Polomoshnov A. F. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Mikhailov A. P. — revision of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 314

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-160-168

ВЛИЯНИЕ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЫХ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН НА БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Ирина Геннадьевна Прохорова¹✉, Дарья Олеговна Ковалева²

^{1,2}*Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия*

¹*IGProkhorova@fa.ru*✉, *ORCID: 0000-0002-2703-2569, AuthorID РИНЦ: 1063367*

²*dikvly@yandex.ru*

Аннотация. *Цель исследования* — определить установки в отношении совмещения работы и семьи у молодых российских женщин.

Методологическую базу исследования представляют подходы работы Толкотта Парсонса о структурном функционализме. Также к научным методам, применяемым в работе, можно отнести сравнительный и причинно-следственный. Эмпирической базой работы послужили статистические данные и данные социологических исследований, включая собственное исследование.

Результаты исследования. *Статья посвящена проблеме влияния трудовой занятости на брачно-семейные отношения современной молодой женщины в России. В современном мире существуют проблемы совместимости профессиональной карьеры с семейными обязанностями. Благодаря полученным данным анализируются факторы, способствующие снижению семейных ценностей у молодых женщин. Также представлены результаты опроса студенток, говорящие об их жизненных приоритетах, об их отношении к женщинам, совмещающим работу и семью. На основании проведенного анализа делаются выводы о высокой степени включенности молодых российских женщин в экономическую жизнь, а также значительном потенциале и росте данного явления в ближайшем будущем.*

Перспективы исследования заключаются в использовании полученных результатов для широкого круга ученых и практиков, преподавателей и студентов, интересующихся гендерной социологией, социологическим анализом динамики происходящих на рынке труда и занятости процессов и изменений.

Ключевые слова: *семья, карьера, трудоспособное население, установки, жизненные ценности, дети, работающие женщины*

Для цитирования: Прохорова И.Г., Ковалева Д.О. Влияние трудовой занятости молодых российских женщин на брачно-семейные отношения: проблемы, перспективы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 160–168. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-160-168>.

Благодарности: *исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного гранта «Вызовы и риски формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России», №20-011-00519.*

Original article

IMPACT OF EMPLOYMENT OF YOUNG RUSSIAN WOMEN ON MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS: PROBLEMS, PROSPECTS

Irina G. Prokhorova¹, Daria O. Kovaleva²

^{1,2}*Financial University under the Government of Russia, Moscow, Russia*

¹*IGProkhorova@fa.ru*, ORCID: 0000-0002-2703-2569, AuthorID RSCI: 1063367

²*dikvly@yandex.ru*

Abstract. *The purpose of the study is to determine the attitudes towards combining work and family among young Russian women.*

The methodological basis of the research is represented by the approaches of Talcott Parsons' work on structural functionalism. Also, comparative and causal methods can be attributed to the scientific methods used in the work. The empirical basis of the work was statistical data and data from sociological studies, including our own research.

The results of the study. The article is devoted to the problem of the influence of employment on marriage and family relations of a modern young woman in Russia. In the modern world, there are problems of compatibility of professional career with family responsibilities. Thanks to the data obtained, the factors contributing to the decline in family values among young women are analyzed. The results of a survey of female students are also presented, talking about their life priorities, about their attitude to women who combine work and family. Based on the analysis, conclusions are drawn about the high degree of involvement of young Russian women in economic life, as well as the significant potential and growth of this phenomenon in the near future.

The prospects of the research are to use the results obtained for a wide range of scientists and practitioners, teachers and students interested in gender sociology, sociological analysis of the dynamics of processes and changes taking place in the labor market and employment.

Keywords: *family, career, able-bodied population, attitudes, life values, children, working women*

For citation: *Prokhorova I. G., Kovaleva D. O. Impact Of Employment Of Young Russian Women On Marriage And Family Relations: Problems, Prospects // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 160–168. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-160-168>.*

Acknowledgments: *the research was carried out within the framework of the scientific project «Challenges and risks of the formation of a new gender order and the social mechanism of its management in Russia», №20-011-00519 with the financial support of the RFBR.*

Введение. В последние годы происходит существенная трансформация семейно-бытовой сферы в современной России. Происходят изменения духовно-ценностных ориентаций и, как следствие, семейных ценностей. Меняется уклад, порядок и образ жизни семьи, роль женщины в семье. Стереотип о том, что женщина только стремится выйти замуж, устарел. Женщина сегодня стремится-

ся достигнуть более высокого социального статуса за счет собственной самореализации в профессиональной сфере [1]. Однако это зачастую приводит к тому, что материальное благосостояние становится определяющим фактором, превращается в главную ценность. Более того, распространение получила такая крайность, при которой достижения социального превосходства через потребление

порождают в сознании у покупателя веру в то, что сам акт покупки способен доставить большее удовлетворение, нежели собственно продукт, который приобретается. Человеческое счастье ставится в зависимость от уровня потребления, потребление становится целью и смыслом жизни. Для подобного явления даже существует свой термин — консьюмеризм. Все эти явления, как показывают результаты нашего исследования, негативно влияют на институт семьи.

Проблемная ситуация. Молодежь сегодня предпочитает делать выбор в пользу карьеры, аргументируя свою позицию желанием самореализоваться и быть финансово независимой личностью. С одной стороны, в современном мире и мужчины, и женщины могут уделять время карьерному росту, тем самым успешно реализовать в трудовой сфере. С другой стороны, супруги меньше времени посвящают построению семейных отношений, вследствие чего происходят конфликты в семье, ценность семьи стремительно девальвируется, что имеет негативное последствие как для демографической ситуации в стране, так и для будущего в целом.

Цель исследования — определить влияние трудовой занятости женщины на брачно-семейные отношения.

Все больше становится видимой разница между женщинами-домохозяйками, имеющими семьи, и работающими одинокими женщинами. Акцентированное внимание к карьере, образ успешных работающих женщин негативно повлиял на семейные установки девушек. В иерархии жизненных ценностей у многих молодых людей первое место занимает карьерный рост, что обуславливается их стремлением к финансовой независимости.

Методика. Как мы уже упоминали, методологическую базу исследования представляют подходы, описываемые в работах Толкотта Парсонса о структурном функционализме как макросоциологической теории, а также конфликтологической парадигме.

Его структурный функционализм позволяет рассмотреть и проанализировать следующие роли, наиболее часто применяемые в практической жизни: женщина-работник и женщина-мать, жена, а конфликтологическая парадигма рассматривает конфликт данных социальных ролей. Также к научным методам, применяемым в работе, можно отнести сравнительный и причинно-следственный. Эмпирической базой работы послужили статистические данные и данные социологических исследований, включая собственное исследование.

Результаты. Как известно, после Октябрьской революции 1917 года у женщин появилось больше прав и возможностей во всех сферах жизнедеятельности: у женщин появилась возможность получать образование, они получили право не только избирать, но и быть избранными в органы государственной власти, также труд женщин был запрещен в ночных сменах и на подземных работах, вводились ограничения для них и на сверхурочные работы. Женщина стала активным экономическим субъектом, а также экономически не зависимой от мужчины.

На сегодняшний день наблюдается тенденция отказа молодых семей от патриархального уклада семьи: женщины стремятся к независимости, к успешному карьерному росту. Кроме того, по мере роста и расширения возможностей в карьере, образовании, социальной сфере молодыми девушками вступление в брак перестает восприниматься в качестве единственного способа успешной самореализации. Большая часть женщин выступает за отношения по типу партнерства [2]. На наш взгляд, данное явление объясняется следующими факторами.

Во-первых, рост количества разводов. По последним данным ЕМИСС, в 2020 году в России распалось 73% браков, для сравнения: в 2018 и 2019 годах распалось 65% браков¹. После развода женщины предпочитают иметь финансовые сбережения, стабильный доход, вследствие чего большинство представительниц женского пола предпочитают уде-

1 Демографическая ситуация в России [Электронный ресурс] // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). URL: <https://rusrand.ru/forecast/demograficheskaja-situatsija-v-rossii> (дата обращения: 16.12.2018).

лать время карьере, состоя в семейно-брачных отношениях.

Во-вторых, во многих странах мира мужчины могут оформить декретный отпуск. Данное явление актуально для тех семей, где супруга зарабатывает больше, чем ее партнер. Мужчины уделяют больше времени ребенку, домашнему хозяйству, пока супруга находится на работе.

В-третьих, молодых людей привлекают равноправные отношения в семье.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что молодые люди по сравнению с прошлым поколением имеют иной взгляд на модель семьи: отношения между супругами строятся на равноправии, женщина так же уделяет время работе, как и мужчина, а рождение детей является не приоритетной целью для современной семьи. Однако удастся ли успешно совмещать карьеру и семью женщины XXI века?

Большинство современных женщин активно совмещают работу и семью: приходя домой после тяжелого рабочего дня, представительницы прекрасного пола вынуждены заниматься домашними заботами и при этом уделять время детям и мужу. По данным Федеральной службы государственной статистики, женщин в России больше 78 млн., они составляют около 54% от всего населения. При этом в экономике заняты всего 60% от общего числа трудоспособного населения женского пола, в то время как среди мужчин данный показатель достигает 72%. Для одних женщин работа — это способ показать свою экономическую независимость от мужчины, для других — это часть жизни, которая приносит удовольствие².

В то же время сегодня в нашей стране наблюдаются демографические проблемы. Отмечается снижение рождаемости на фоне роста смертности населения. По прогнозам, к 2050 г. Россия займет 14-е место по численности населения³. С целью стимулирования рождаемости были разработаны программы

по реализации Концепции демографической политики Российской Федерации, в том числе материнский капитал, оплата отпуска по уходу за ребенком до 1,5 лет, а также региональные программы материнского капитала. Однако многие девушки предпочитают в первую очередь реализоваться в сфере труда, а уже потом задумываться о построении семьи.

Почему же большинство современных девушек предпочитают быть востребованным работником, нежели счастливой мамой и женой? Во-первых, сегодня большее значение придается материальным ценностям как обществом, так и отдельными индивидами. Во-вторых, имеет значение увеличение периода получения образования. Современная молодежь, окончившая магистратуру, выходит на работу в возрасте около 24 лет, а раньше молодые люди начинали трудовую жизнь в 22 года. В-третьих, произошло переосмысление сущности брака. До 90-х годов прошлого века брак являлся, в первую очередь, символом вечной любви, началом создания семьи, обретения самостоятельности и отрыва от родителей. Сейчас, к сожалению, мало кто относится к браку так же серьезно.

Кроме того, сегодня многие студенты начинают работать еще в период обучения в вузе. В качестве примера можно привести исследование по самозанятым. Были проанализированы данные Федеральной налоговой службы на 2018 год: 56,3% всех зарегистрированных самозанятых в стране занимались репетиторством, 23,7% специализировались на уборке помещений и ведении домашнего хозяйства, 19% предоставляли услуги по присмотру и уходу за детьми, больными, лицами, достигшими возраста 80 лет и др. Все представленные сферы самозанятости можно с большой долей уверенности отнести к «женским», что подтверждает высокий уровень вовлеченности российских женщин в самозанятость.

Что касается репетиторства, то его гендерный состав мы оценили на основании

2. Соотношение числа работающих женщин и мужчин в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/search?q=Соотношение+числа+работающих+женщин+и+мужчин+в+Российской+Федерации&date_from=03.09.2019&content=on&date_to=&search_by=all&sort=relevance (дата обращения: 03.09.2019).

3. Демографическая ситуация в России [Электронный ресурс] // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). URL: <https://rusrand.ru/forecast/demograficheskaja-situatsija-v-rossii> (дата обращения: 16.12.2018).

данных такого популярного интернет-портала, как Profi.ru, где сейчас значительное число самозанятых находят себе работу. Проведенный нами анализ размещенных на портале 48338 резюме специалистов-репетиторов показал, что 70% из них составляют женщины и 30% мужчины. Более того, с каждым годом стремительно молодеет состав участниц [3].

Широкое развитие получил и рынок арендного жилья, позволяющий молодежи жить отдельно от родительской семьи.

В-четвертых, многие женщины хотят быть финансово независимыми от мужчин, а мужчины, в свою очередь, также не хотят отвлекаться на семейные заботы от зарабатывания денег. В результате построение семьи откладывается молодежью на более поздний период.

На брачные и репродуктивные установки оказывает влияние и отношение к молодым мамам со стороны работодателей. Работающие женщины, имеющие несовершеннолетних детей, часто сталкиваются с проблемами на работе и при трудоустройстве. Дискриминация связана с представлениями работодателей о том, что женщина с маленькими детьми часто отпрашивается с работы, открывает листок нетрудоспособности по уходу за ребенком (больничный лист) или не так усердно трудится на работе, как бездетная женщина. Также многие работодатели полагают, что если женщина замужем и у нее нет детей, то в скором времени они обязательно появятся и, соответственно, работница сначала уйдет в декретный отпуск, а затем не сможет уделять много времени работе.

Мы задаемся вопросом: действительно ли сегодня у молодых людей происходит переосмысление жизненных ценностей, действительно ли сегодня девушки предпочитают рожать в более зрелом возрасте, сначала стараются закончить вуз, устроиться на высокооплачиваемую и стабильную работу, а также «пожить для себя»? Или представительниц женского пола не страшат перечисленные выше проблемы, и они предпочитают в скором будущем успешно совмещать карьеру и семью? С целью получения ответов на эти вопросы нами был проведен анкетный опрос среди студенток Финансового университета.

Помимо иных вопросов, в ходе исследования анализировалось отношение к ра-

ботающим женщинам в семьях студенток, поскольку нередко индивид воспроизводит черты семьи, в которой он вырос. Согласно полученным данным, у 82% опрошенных студенток мать работает, при этом в 63% случаев матери успешно совмещают карьеру и семью, у большинства респондентов мать принимает решения в семье.

С помощью открытых вопросов был выявлен и сложившийся у студенток образ работающей и неработающей женщины (рис. 1, 2).

Обсуждение. Анализ полученных данных позволил сделать вывод о том, что неработающая женщина (домохозяйка) и работающая женщина выглядят в представлениях студенток противоположным образом. Так, если обобщить ответы, характеризующие домохозяйку, сложится образ хозяйственной и трудолюбивой, но в то же время уставшей и скучной женщины. В образе работающей женщины доминируют ответственность, целеустремленность и стремление к самореализации, но также и плотный график ее жизни («занятая»).

Кроме того, в ходе исследования проводился анализ структуры жизненных ценностей студенток Финансового университета. Согласно полученным данным можно сделать вывод о том, что в приоритете у девушек стоит крепкая семья (отметили 89%), высокий уровень материального обеспечения (51%), надежные друзья (47%). В целом студентки Финансового университета планируют в будущем создавать семью. При этом девушки осознают, что их работа и карьерный рост будут занимать много времени, а семье они смогут уделять меньше внимания. В то же время, респонденты считают, что семье женщина должна уделять больше времени, чем работе. Соответственно, перед ними встанет задача нахождения баланса между работой и семьей.

Заключение. Проанализировав результаты эмпирического исследования, можно сделать следующий вывод: на данный момент времени у студенток Финансового университета в структуре жизненных ценностей первое место занимает крепкая семья и только затем — карьера. Соответственно, девушки планируют совмещать работу и семью. Пред-

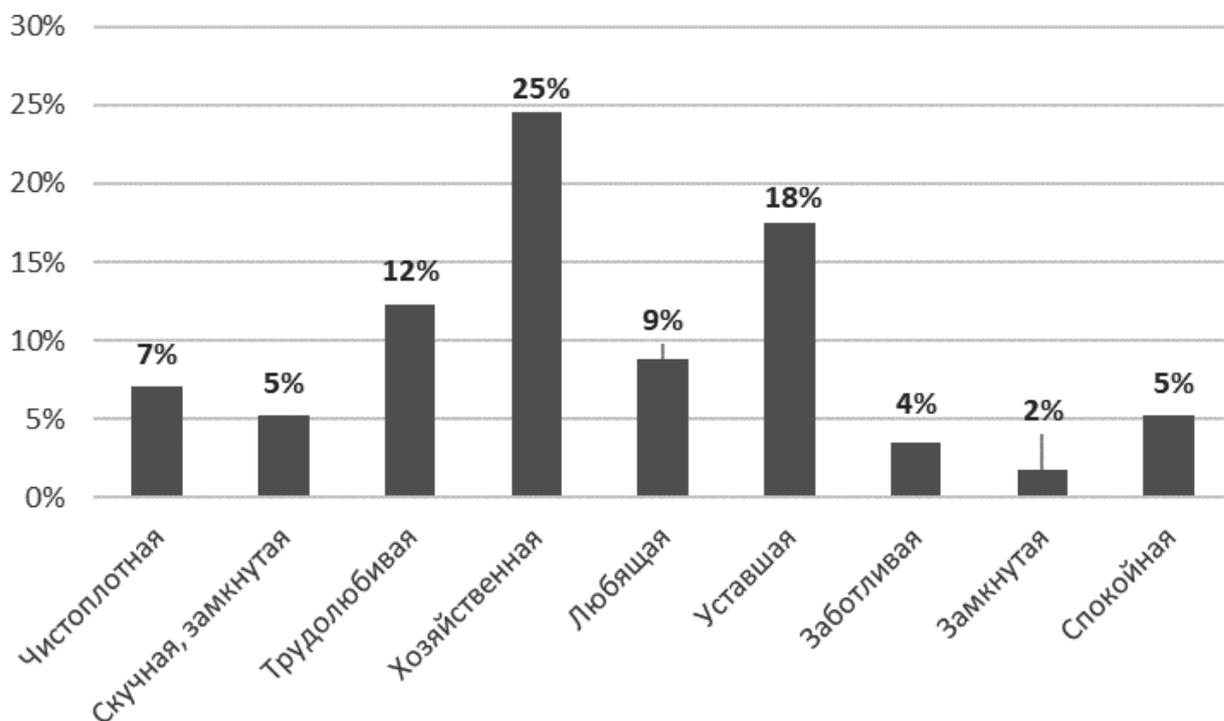

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Опишите 2–3 прилагательными главные черты неработающей женщины (домохозяйки)»

Fig. 1. Distribution of respondents' answers to the question: «Describe with 2–3 adjectives the main features of a non-working woman (housewife)»

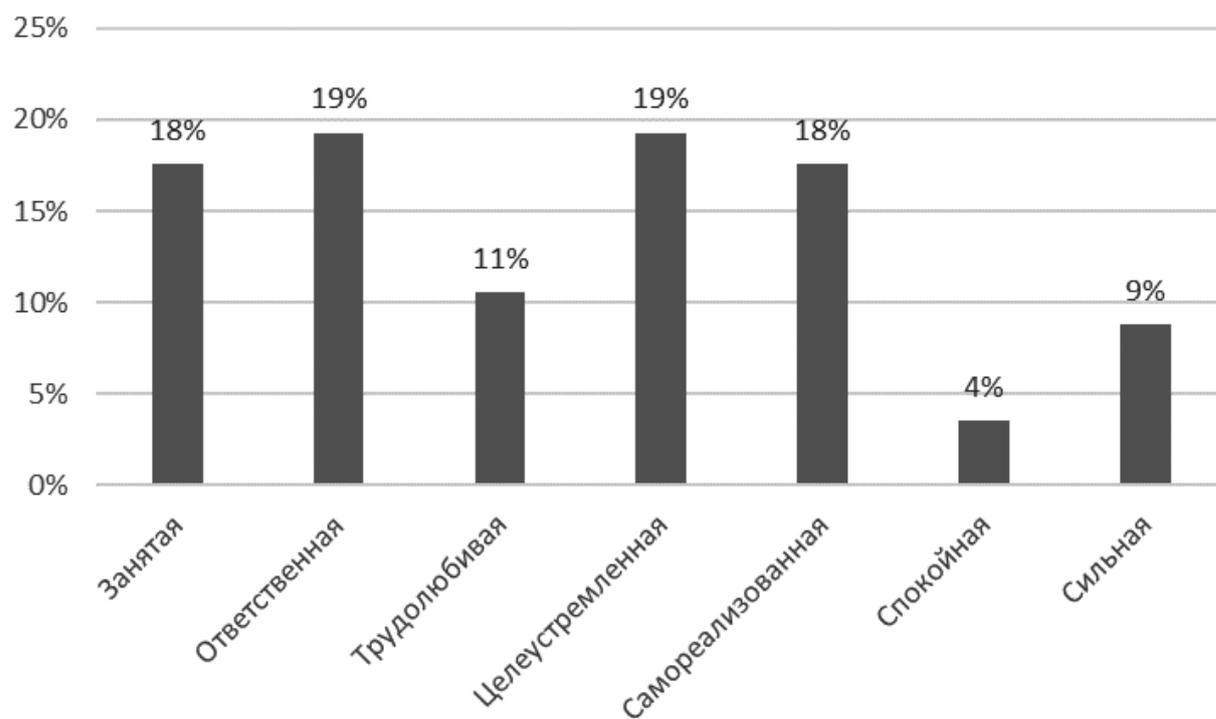

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Опишите 2–3 прилагательными главные черты работающей женщины, имеющей семью»

Fig. 2. Distribution of respondents' answers to the question: «Describe with 2–3 adjectives the main features of a working woman with a family»

ставительницы женского пола заинтересованы в быстром карьерном росте, в успешности во многих сферах деятельности, но также и в счастливой и крепкой семье. Большинство студенток осознают, что при совмещении профессиональной карьеры и семьи они будут сталкиваться со многими проблемами как в личной жизни, так и в трудовой деятельности, но их это не пугает.

На сегодняшний день работающие женщины сталкиваются с проблемой гендерной дискриминации в трудовой деятельности. Гендерная экономика — отрасль экономических знаний о взаимовлиянии гендерной дискриминации и социально-экономического развития, в рамках которой статистически фиксируется гендерное неравенство в доступе к ресурсам, анализируются его причины и последствия.

В современном мире для многих работодателей высшую должность предпочтительнее предложить мужчине, поскольку он не зависит от семьи, нежели женщина. Женский пол сталкивается с дискриминацией на всех этапах трудовой деятельности: при устройстве на работу, при выборе должности, при выплате заработной платы. Проблема гендерного неравенства в трудовой деятельности становится актуальнее с каждым годом.

Дискриминация работниц с детьми связана с тем, что сотрудница-женщина станет часто отпрашиваться с работы, открывать листок нетрудоспособности по уходу за ребенком (больничный лист) или будет не так усердно трудиться на работе, как это делает бездетная женщина. Также многие работодатели полагают, что если женщина замужем и у нее нет детей, то в скором времени они обязательно появятся, соответственно, работница не сможет уделять много времени работе и в скором времени уйдет в декретный отпуск.

Социолог Т. Парсонс в своих трудах обращался к проблеме гендерной дискриминации. В результате мужчина, обладающий властью и жестокостью, выполняет инструментальные роли в семье, а женщина, характеризующаяся мягкостью, отвечает за экспрессивные роли в семье. Социолог полагал, что разделение обязанностей супругов и трансформация форм их самореализации ведет к нарушению общественной стабильности.

З. Фрейд считал, что в семье роль мужчины должна быть доминирующей, женщина не должна выполнять роли мужчины, а мужчина — роли женщины.

Так, Э. Дюркгейм полагал, что каждый из супругов должен выполнять определенную функцию, которая характерна для него, если же член семьи не выполнит присущее ему действие, то в семье будут разногласия и конфликты, которые могут даже привести к суициду одного из супругов.

На уровне субъектов РФ и организаций принимаются дополнительные меры, поддерживающие работающих женщин. К примеру, на севере страны популярны активированные дни — это возможность не посещать работу женщинам, дошкольные и школьные учреждения детям из-за морозов. В Российской Федерации существует ряд профессий, которые не доступны для женщин. В основном такая работа подразумевает вахтовый тип занятости, вследствие этого создается диспропорция продолжительности рабочего дня между мужчинами и женщинами.

Таким образом, трудовая деятельность женщины может как негативно, так и положительно влиять на семейные процессы. Данное явление зависит от степени загруженности женщины на работе, а также от взаимоотношений с коллегами. В современном мире необходимо найти баланс между работой и семьей. Так, если женщина умеет правильно расставлять приоритеты, руководствоваться своим временем и при этом иметь работу, которая ей приносит удовольствие, то она не будет иметь конфликтов в семье, а наоборот, будет интересной, финансово независимой личностью и счастливой женщиной.

Список источников

1. Прохорова И.Г. Ценность института семьи как предмет государственной политики // Рост или рецессия: социально-гуманитарные тренды (сборник научных статей бакалавров, магистрантов и аспирантов) / под ред. Назаренко С.В. Казань: Изд. «Отечество», 2020. С. 428–439.

2. Кабайкина О.В., Суценко О.А. Взаимовлияние брачно-семейной и трудовой сфер жизни современного человека [Электронный ресурс] // Социология. 2018. №3. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimovliyanie-brachno-semeynoy-i-trudovoy-sfer-zhizni-sovremennogo-cheloveka>.

3. Брушкова Л. А. С Гендерный профиль самозанятости в России // Самоуправление. 2020. №3. С. 27–30.

References

1. Prohorova I. G. Cennost' instituta sem'i kak predmet gosudarstvennoj politiki [The value of the institution of the family as a subject of state policy]. Rost ili recessiya: social'no-gumanitar-nye trendy (sbornik nauchnyh statej bakalavrov, magistrantov i aspirantov) [Growth or recession: socio-humanitarian trends (collection of scientific articles of bachelors, undergraduates and post-

graduates)]. Pod red. Nazarenko S. V. [In Nazarenko S. V. (eds.)]. Kazan': Izd. «Otechestvo», 2020. P. 428–439. (In Russ.).

2. Kabajkina O. V., Sushhenko O. A. Vzaimovlijanie brachno-semeynoj i trudovoj sfer zhizni sovremennogo cheloveka [Mutual influence of marriage, family and labor spheres of modern man's life] [Jelektronnyj resurs]. *Sociologija* [Sociology]. 2018; (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimovliyanie-brachno-semeynoy-i-trudovoy-sfer-zhizni-sovremennogo-cheloveka>. (In Russ.).

3. Brushkova L. A. S Gendernyj profil' samozanjatosti v Rossii [With the gender profile of self-employment in Russia]. *Samoupravlenie* [Self-government]. 2020; (3): 27–30. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 03.02.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Прохорова Ирина Геннадьевна — ассистент Департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Россия, г. Москва, Ленинградский пр., 49

Irina G. Prokhorova — Assistant of the Department of Sociology, the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Russian Federation government.

49 Leningradsky av., Moscow, Russia

Ковалева Дарья Олеговна — студент Департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Россия, г. Москва, Ленинградский пр., 49

Daria O. Kovaleva — student of the Department of Sociology, the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Russian Federation government.

49 Leningradsky av., Moscow, Russia

Вклад авторов:

Прохорова И. Г. — научное руководство; доработка текста; итоговые выводы.

Ковалева Д. О. — концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Prokhorova I. G. — scientific management; text revision; final conclusions.

Kovaleva D. O. — research concept; development of methodology; writing the original text; final conclusions.

Научная статья

УДК 314.622, 316.346.32-053.6, 316.356.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-169-179

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ СЕМЬИ КАК РЕСУРСА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Тамара Керимовна Ростовская¹✉, Екатерина Александровна Князькова²

^{1,2}Институт демографических исследований

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

²Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

¹rostovskaya.tamara@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-1629-7780, AuthorID РИНЦ: 767943,
AuthorID Scopus: 57192987864

²eparavlova@bk.ru, ORCID: 0000-0002-4032-1656, AuthorID РИНЦ: 785242

Аннотация. Целью исследования является изучение подходов и методологической основы к формированию институциональных основ для становления и развития студенческой семьи как ресурса демографического развития России.

Методологическую базу исследования составляют методы демографического и социологического анализа функционирования института студенческой семьи, а также теории, концепции, лежащие в основу фамилистической социологии.

Результаты исследования. Обоснованы институциональные основы для становления и развития студенческой семьи, имеющие значение для формирования ее правового статуса, обозначения в качестве субъекта и объекта социальной политики, как-то: сущностные характеристики, специфические проблемы, целевые ориентиры. В качестве основного целевого ориентира институционализации студенческой семьи предложен тип благополучной студенческой семьи. Выделены критерии благополучия студенческой семьи.

Перспективы исследования заключаются в формулировании показателей, индикаторов и индексов благополучия студенческой семьи, позволяющих выделить стадии и оценить процесс институционализации студенческой семьи, предложить комплекс мер в области содействия благополучию молодой студенческой семьи.

Ключевые слова: студенческая семья, молодая семья, институционализация студенческой семьи, благополучие студенческой семьи, инфраструктура семейной и демографической политики

Для цитирования: Ростовская Т. К., Князькова Е. А. Институциональные основы становления студенческой семьи как ресурса демографического развития России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 169–179. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-169-179>.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект №20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

Original article

**INSTITUTIONAL FOUNDATIONS
OF THE FORMATION OF THE STUDENT FAMILY
AS A RESOURCE OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN RUSSIA**

Tamara K. Rostovskaya^{1✉}, Ekaterina A. Knyazkova²

*^{1,2}Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

²Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

*¹rostovskaya.tamara@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-1629-7780, AuthorID RSCI: 767943,
AuthorID Scopus: 57192987864*

²eapavlova@bk.ru, ORCID: 0000-0002-4032-1656, AuthorID RSCI: 785242

Abstract. *The purpose of the research is to study approaches and methodological basis for the formation of institutional foundations for the formation and development of the student family as a resource of demographic development in Russia.*

The methodological basis of the research consists of methods of demographic and sociological analysis of the functioning of the institute of the student family, as well as theories, concepts that formed the basis of familistic sociology.

The results of the research. The institutional foundations for the formation and development of the student family, which are important for the formation of its legal status, designation as a subject and object of social policy, such as: essential characteristics, specific problems, targets, are substantiated. The type of a prosperous student family is proposed as the main target of institutionalization of the student family. The criteria for the well-being of the student family are highlighted.

The prospects of the research consist in the formulation of indicators, indicators and indices of the well-being of the student family, allowing to identify the stages and evaluate the process of institutionalization of the student family, to propose a set of measures to promote the well-being of a young student family.

Keywords: *student family, young family, institutionalization of student family, well-being of student family, infrastructure of family and demographic policy*

For citation: *Rostovskaya T.K., Knyazkova E.A. Institutional foundations of the formation of the student family as a resource of demographic development in Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 169–179. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-169-179>.*

Acknowledgements: *the study was carried out with the financial support of the Russian National Fund, project №20-18-00256 «Demographic behavior of the population in the context of Russia's national security».*

Введение. Роль и место семьи в общественной жизни с древнейших времен отражались в социально-политической деятельности государств, историко-культурных образах, этническом и религиозном фольклоре. Интерес к семье и изучению ее проблем

проявляли более двух тысяч лет назад древнегреческие ученые Платон и Аристотель. Семья как социальный институт общества продолжает находиться в фокусе внимания исследователей. На современном этапе в контексте исследуемой проблематики значитель-

ный интерес представляют поиск и изучение ресурсов демографического развития как основа для преодоления депопуляции и повышения численности населения. Известно, что одними из ресурсов преодоления депопуляции, применяющихся во многих странах, включая Россию, страны ЕС, БРИКС, являются увеличение продолжительности жизни и миграция. Между тем периодически осуществляются научные исследования по проблемам формирования и становления студенческой семьи как ресурса демографического развития (Л.Н. Авдеева, Ю.Р. Вишневецкий, Л.А. Гегель, Б.И. Говако, И.П. Лотова, Г.М. Муратова, Т.К. Ростовская и другие). Кроме того, студенческая семья реализует удовлетворение потребности рыночной экономики в высококвалифицированных кадрах, репродуктивных функциях, воспитании и развитии детей, в социализации, распространении общественного опыта. Однако в российской науке недостаточно интерпретированы институциональные основы для становления и развития студенческой семьи, имеющие значение для формирования ее правового статуса, обозначения в качестве субъекта и объекта социальной политики.

Методика и источники. Рассмотрение институциональных основ становления и развития студенческой семьи связано с изучением подходов, методик, статистических данных, отнесенных к выделению подкатегории «студенческая семья» внутри категории «молодая семья», формулированию индивидуальных специфических черт студенческой семьи, определению ее функций и роли в демографическом развитии государства, рассмотрению притязаний, потребностей, интересов членов студенческой семьи, определению благополучия как целевого ориентира, результата институционализации студенческой семьи, формулированию ключевых целей и задач для достижения благополучия студенческой семьи.

Ключевые выводы, сделанные авторами, основаны на результатах Всероссийского межвузовского социологического исследования «Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей», проведенного под руководством Т.К. Ростовской в 2014–

2015 гг. в шести российских вузах (выборочная совокупность опроса составила 628 человек в возрасте 17–35 лет), а также материалах Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов», проведенного в 2020 г. методом анкетного опроса в десяти субъектах Российской Федерации (Москва, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Вологодская, Волгоградская, Ивановская, Ленинградская, Московская, Нижегородская, Свердловская области), многоступенчатая выборка которого составила 5616 человек в возрасте 18–50 лет.

Результаты. Ученым понадобились десятилетия кропотливой научной деятельности, чтобы утвердить саму категорию «студенческая семья». Однако это отнюдь не означает, что при этом возникла новая разновидность семейных отношений: данная проблематика входит составляющей частью в сферу проблем нынешней семьи, соответственно, отношение к студенческой семье фиксируется той социальной политикой, проводимой государством, которой она вообще руководствуется в отношении семейного института, а также в отношении детей, подростков и молодежи. Первоочередной задачей всех без исключения институтов, реализующих политику в области материнства, отцовства и детства, должна стать популяризация института благополучной молодой (студенческой) семьи, в которой традиционно в молодом возрасте создается супружеская пара и в которой так же в молодости рождаются дети. В обществе должна закрепляться и пропагандироваться в массовом сознании идея о том, что студенческая семья — явление не новое для российского общества, однако актуальное и востребованное государством, обществом, образовательными организациями, родительскими семьями.

На сегодняшний день категория «студенческая семья» все чаще актуализируется в научной литературе. При этом существуют различные подходы к определению ее социального статуса, возрастного ценза и др.

Нами предложено следующее определение. **Студенческая семья — это семья, в которой оба супруга находятся в возрасте до 25 лет (включительно), состоят**

в зарегистрированном браке и являются студентами очной формы обучения образовательных организаций высшего образования. Для детной (многодетной) студенческой семьи возраст может быть увеличен до 30 лет (при условии, что один из супругов является студентом очной формы обучения образовательной организации высшего образования).

Согласно Концепции государственной политики в отношении молодой семьи, институционализация молодой семьи предполагает стабилизацию ее функционирования от момента создания до рождения и воспитания детей, достижения экономической самостоятельности, создания устойчивого психологического климата, выполнения социальных функций.

Следует особо подчеркнуть, что для институционализации студенческой семьи первоочередную значимость имеет именно зарегистрированный брак, заключенный в органах записи гражданского состояния, союз между мужчиной и женщиной в соответствии с конституционными нормами и на основании Семейного кодекса Российской Федерации. Хотелось бы отметить, что конституционно определены роли и значимость традиционных семейных ценностей, к числу которых относят также ценность сохранения семьи, профилактику разводов. Данный факт обусловил существенное: принятие во внимание статуса первого зарегистрированного брака в качестве основы, определяющей институционализацию студенческой семьи.

При определении студенческой семьи нами принималось во внимание следующее.

Отечественные психологи Б.Г. Ананьев [2], Л.С. Выготский [4] определяли «студенческий возраст» границами от 18 до 25 лет. При этом если первая фаза студенческого возраста определялась 17–18 годами и граничила с детством, то вторая фаза, от 19 лет, граничила со взрослостью и завершалась к 24–27 годам формированием большинства психических процессов. Другие отечественные психологи, Д.Б. Эльконин [15] и А.Н. Леонтьев [8], в определении студенческого возраста исходили из понимания учебно-профессиональной деятельности в качестве ведущей для этого воз-

растного периода, определяющей мотивации самоопределения, профессионального определения и самостоятельной жизни.

Выделение институциональных основ студенческой семьи позволит исследовать ее как значимый социальный институт, способствующий общественному развитию, взаимодействующий с другими элементами социальной системы, в первую очередь, с государством, выполняющий значимые общественные функции: жизнеохранительную, связанную с заботой и вниманием о членах семьи, репродуктивную, финансово-материальную, воспитательно-психологическую, хозяйственно-практическую, активизирующую, социокультурную, чувственную и рекреационную функции.

Следует отметить, что современная студенческая семья реализует не только эти функции, но и трудовую функцию, поскольку совмещает учебу и работу, а также функцию, связанную с воспитанием, как правило, одного ребенка.

Примечательно, что в России наблюдается тенденция к увеличению возрастного ценза молодежного возраста: если до 2020 г. он ограничивался 30 годами, то с 2020 г. — 35 годами. Также Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»¹ установил понятие «молодая семья» — «это лица, состоящие в заключенном в установленном законодательстве Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно». Между тем Федеральным законом от 29.12.2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»² статьей 100 установлено, что обучение за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета по образовательным программам высшего образования проводится все же в отношении лиц в возрасте от 17 до 30 лет.

Поскольку в России существуют устоявшиеся тенденции рождения первенцев матерями в возрасте 26 лет, вторых детей — в возрасте 30 лет, третьих — 31 года и увеличения

1 Федеральный закон от 30.12.2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».

2 Федеральный закон от 29.12.2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

почти вдвое интервала между появлением на свет первого и второго детей, необходимо, на наш взгляд, повысить возраст супругов в студенческой семье до 30-летнего возраста в случае, если они реализуют собственный репродуктивный потенциал, получая при этом высшее образование. Данная мера позволит актуализировать репродуктивный потенциал студенческой молодежи, являющийся самым ценным, поскольку его реализация соответствует раннему и среднему значениям фертильности (от лат. *Fertilis* — «плодовый, плодородный») — периоду наилучшей способности организма воспроизводить потомство, рекомендуемому с медицинской и биологической точки зрения, от 20 до 40 лет.

Выделяют характерные особенности, присущие студенческим семьям, связанные с их особыми потребностями, исключительно характерными для данной категории семей. Данные потребности, на наш взгляд, обусловлены, прежде всего, особым социально уязвимым положением студенческой семьи в обществе, выраженным в ее зависимости от многих факторов: стартовых возможностей родительских семей, степенью их поддержки молодой семьи, отношения к студенческим семьям в образовательных организациях, обществе, государстве.

Анализ существующих подходов к выделению проблем студенческих семей позволил обобщить их, выделить существенные, характерные для этой категории семей. Прежде всего, появление этих проблем связано с переходом во «взрослую жизнь», изменением социального статуса членов студенческой семьи, прохождением определенных вех — этапов: поступление в образовательную организацию высшего образования, вступление в зарегистрированный брак, решение жилищной проблемы молодой семьи, трудоустройство членов студенческой семьи, рождение ребенка, получение высшего образования.

Социально-экономические проблемы студенческой семьи связаны, прежде всего, с ее финансовой обеспеченностью. Молодая семья испытывает на себе сложности перехода от экономического состояния, формирующегося родителями, к состоянию, формируемому с помощью самостоятельного получения денежной прибыли. Между тем возможностей для этого значительно меньше именно

у студенческих семей, поскольку их члены, как правило, еще не трудоустроены по специальности на полную ставку. Крайне низкий уровень стипендии, или ее отсутствие, ставит под сомнение возможность занятости супругов — членов студенческой семьи — исключительно учебной. Значимой для студенческой семьи остается жилищная проблема, которая возникает сразу после свадьбы. Вариантами решения данной проблемы становятся: проживание совместно с родителями одного из супругов, проживание на частной съемной квартире или в студенческом общежитии, проживание в отдельной собственной квартире или покупка в ипотеку собственного жилья. Отмечаем, что выбор того или иного способа проживания студенческой семьи влечет за собой возможности появления новых проблем, связанных с ростом числа конфликтов, необходимостью адаптации супругов не только друг к другу, но и к родителям, их правилам жизнеустройства, ведения быта, в том случае, если студенческая семья проживает вместе с родителями одного из супругов. Если жилищная проблема решается с помощью ипотеки или аренды комнаты/квартиры, усугубляются финансовые проблемы студенческой семьи. Таким образом, если в собственности у членов студенческой семьи нет жилья, приобретение его на специальных льготных условиях кредитования или получение из жилищного фонда образовательных организаций высшего образования — мера, необходимая для формирования социально-экономического базиса студенческой семьи.

Социально-психологические проблемы студенческой семьи обусловлены, во-первых, сложностями адаптации ее членов к новым для себя условиям совместного проживания, ведения быта, совмещения учебной и трудовой занятости и семейных обязанностей. Во-вторых, социально-психологические проблемы студенческой семьи обостряются в связи с рождением ребенка, появлением обязанностей по его жизнеобеспечению, здоровьесбережению, воспитанию, образованию и др. Как правило, молодые матери во время отпусков по беременности и родам, уходу за ребенком, становятся полностью зависимыми от супруга, а также от родительских семей, испытывая сложности с продолжением учебы, финансовые затруднения. Таким

образом, чрезвычайно актуальны для студенческих семей услуги по уходу и присмотру за детьми, а также возможность посещения их ребенком яслей и детского сада.

Широкий спектр социально-экономических и социально-психологических проблем студенческих семей нередко заставляет их членов — молодых женщин и мужчин — отказываться от получения образования в пользу полной трудовой занятости. Данная мера, на первый взгляд, обнаруживает свою состоятельность как экстренный способ улучшения социально-экономических проблем молодой семьи. Между тем последствия этого решения имеют явно негативный характер: молодые люди ограничивают возможности своего трудоустройства, вынуждены отказаться от карьерного роста, становятся менее профессионально востребованы, по-прежнему остаются зависимыми от финансовой помощи со стороны родительских семей.

Таким образом, специфика социальной проблематики студенческих семей связана как с наличием типично «молодежных» проблем, так и с появлением новых проблем, свойственных более старшим возрастным категориям, имеющим семьи и детей.

Социальное неравенство студенческих семей обусловлено неравными стартовыми возможностями их родительских семей, неравномерностью возможностей для решения студенческими семьями собственных проблем, степенью социальной активности и включенностью членов студенческой семьи в социальную структуру для улучшения своего положения. Как и для других социальных категорий, основаниями неравенства студенческих семей являются наличие собственности, уровень доходов, степень властных полномочий, уровень образования, квалификационные возможности, регион проживания, тип муниципального образования (городское или сельское поселение), показатели здоровья и др. Таким образом, важным для институциональной основы становления и развития студенческой семьи представляется изучение ее социальной стратификации, обусловленной социальным неравенством, выделением ее показателей, степеней, форм, коэффициентов. Учет социально-слоевого расслоения, социальной стратификации студенческой семьи способен выделить такие категории студенческих семей, как бога-

тые, средний класс, бедные, городскую семью и сельскую и др.

Концепция государственной политики в отношении молодой семьи предлагает следующую типологизацию молодых семей: полные и неполные; процветающие, благополучные, кризисные и маргинальные; семьи военнослужащих и сотрудников других силовых структур; семьи с малолетними детьми; многодетные семьи; студенческие семьи с детьми; семьи с детьми-инвалидами и др.

Между тем в качестве целевого ориентира институционализации студенческой семьи необходимо выделить тип благополучной студенческой семьи с соответствующими ей критериями благополучия (см. таблицу 1).

Не вызывает сомнений тот факт, что каждый из критериев благополучия студенческой семьи нуждается в системном анализе, выделении показателей, индикаторов и индексов, позволяющих оценить его сформированность, а в целом — достижение высокой степени благополучия российскими студенческими семьями. Кроме того, оценка уровня благополучия студенческой семьи позволит разработать комплексные меры по работе со студенческими семьями, консолидировать усилия всех элементов социальной инфраструктуры по его повышению.

Институционализация студенческой семьи предполагает процесс формирования структуры формальных и неформальных регламентов — основы для социальных практик, содействующих выполнению студенческой семьей ее функций, что предусматривает введение данного института в социокультурную и юридическую сферы.

Основополагающим звеном процесса институционализации студенческой семьи должно стать государство, устанавливающее специальные юридические и социальные предписания, выделяющее средства, предоставляющее различные меры помощи студенческим семьям. Немаловажная роль в процессе институционализации студенческой семьи принадлежит руководителям образовательных организаций высшего образования, от степени поддержки которых многое зависит.

Становление инфраструктуры для студенческих семей предполагает развитие системы государственных, муниципальных организаций, юридических лиц независимо

Таблица 1
Table 1

Критерии благополучия студенческой семьи
Criteria for the well-being of the student family

Критерии благополучия студенческой семьи	Описание сформированности критерия
Юридическая оформленность	Наличие зарегистрированного брака между супружеской парой
Ценностные ориентации членов студенческой семьи	Мотивация вступления молодежи в брак. Традиционные морально-нравственные ценности целомудрия, брака, семьи, детности, детства, материнства, отцовства, сохранения брака (профилактика конфликтов, разводов), сохранение и укрепление института многопоколенной семьи
Полнота семьи	Семья должна состоять из супружеской пары (родителей) и детей
Детность семьи	Наличие детей в студенческой семье, либо установки на их рождение
Образование и квалификация	Ориентация членов студенческой семьи на повышение имеющегося уровня образования, успешное обучение в организациях среднего профессионального образования, высшего, дополнительного к высшему, своевременное повышение квалификации, участие в программах по подготовке кадров высшей квалификации (аспирантура, докторантура, ординатура, адъюнктура)
Доход и материальное благосостояние	Уровень доходов студенческих семей, объем приобретения товаров и услуг, обеспеченность материальным и духовными благами
Труд и быт	Санитарно-эпидемиологическое благополучие студенческих семей, благоприятные условия их жизнедеятельности, особенности питания, условий быта, труда, отдыха. Наличие условий для совмещения учебы и работы
Жилищные условия	Возможность студенческой семьи улучшить жилищные условия, наличие жилья в собственности членов студенческой семьи, общая площадь жилых помещений, приходящаяся на одного члена студенческой семьи
Личная безопасность и безопасность всех членов семьи	Возможность достижения безопасности членов студенческой семьи, отсутствие производственных и непроизводственных аварий, стихийных бедствий, опасных факторов, вызывающих травмы, ухудшение здоровья, заболевания и снижающих работоспособность
Социальная активность	Возможность студенческой семьи самостоятельно решать свои проблемы при получении ею законодательно закрепленных мер государственной поддержки. Члены студенческой семьи проявляют политическую активность, решительность, динамичность, артикулируя собственные интересы, в том числе, через некоммерческие организации, молодежные общественные объединения
Социальная направленность	Основные направления и содержание жизнедеятельности студенческой семьи совпадают с тенденциями развития российского государства и общества, соответствуют нормам нравственности и ценностям культуры, способствуют формированию российского самосознания, гражданственности, преемственности национальных и народных социокультурных ценностей у своих детей

Окончание таблицы 1
End of Table 1

Ориентация на защиту прав и законных интересов детей, осуществление родительских прав.	Ответственность родителей за воспитание, образование, обучение и развитие, социализацию своих детей. Забота родителей о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей
Обеспечение реализации личных интересов каждого члена семьи	Ориентация супружеской пары — членов студенческой семьи — на успешное обучение в образовательных организациях, профессиональный и карьерный рост, повышение квалификации в их сочетании с реализацией семейных функций и выполнением обязанностей. Наличие возможностей для использования членами студенческой семьи услуг по уходу и присмотру за ребенком (детьми)
Обеспечение условий для укрепления здоровья, организации полноценного досуга и отдыха всех членов семьи	Возможность сохранения и укрепления здоровья членами студенческих семей, занятий спортом, организации досуга и отдыха
Обеспечение эмоциональной и психологической устойчивости	Ориентация на профилактику внутрисемейных конфликтов, их разрешение своими силами без ущерба для каждого члена семьи, включая детей. Развитие взаимоотношений с родительскими семьями, возможность для формирования устойчивых связей и позитивных межличностных отношений внутри многопоколенной семьи
Субъективная оценка благополучия	Самооценка членами студенческой семьи качества их жизни

от организационно-правовых форм, индивидуальных предпринимателей, общественных объединений, образовательных организаций, оказывающих услуги, проводящих мероприятия, направленные на повышение благополучия студенческих семей.

Развитие нормативной правовой базы в отношении категории «студенческая семья», формирование для нее соответствующей инфраструктуры должно происходить на основе региональной специфики с учетом принципа адресности, межсекторного и межведомственного подходов, использованием возможностей образовательных организаций, путем создания центров студенческой семьи.

Эффективность процесса институализации студенческой семьи расценивается с позиции достижения благополучия студенческой семьи, увеличении степени её субъектности, самостоятельности при урегулировании собственных проблем, а в итоге — наращивании её социальной статусности.

Заключение. Студенческая семья представляет собой определенный тип молодой семьи, находящийся в специфических условиях, связанных с необходимостью получения образования и реализацией типично семейных функций. Социальные трансформации в обществе, экономические кризисы, в том числе обусловленные новой, т.н. «постковидной реальностью», представляются, с одной стороны детерминантами усиления семейной проблематики в обществе, поисков решения ключевых проблем в этой сфере, а с другой стороны служат катализатором для выявления новых «точек роста» для обеспечения ключевых национальных интересов Российской Федерации, к которым можно отнести и обеспечение демографической безопасности. В данной связи актуальны научные исследования оценки реального и прогнозируемого вклада студенческой семьи в демографическое и социально-экономическое развитие России, выявления способов повышения благополучия

российских молодых семей, повышения престижа и благополучия студенческой семьи.

Список источников

1. Авдеева Л. Н. Психолого-педагогическое сопровождение студенческой семьи: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Астрахань, 2009. С. 26.
2. Ананьев Б. Г. К психофизиологии студенческого возраста // Современные психологические проблемы высшей школы. Л., 1974. 280 с.
3. Вишневецкий Ю. Р., Ячменева М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. Т. 20. №5. С. 125–141.
4. Выготский Л. С. Психология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с.
5. Гегель Л. А. Эволюция ценностного сознания современного российского студенчества: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 1999. С. 31.
6. Гегель Л. А., Фролова Ю. С. Ценности современного студенчества и конкурентоспособность на рынке труда // Социально-гуманитарные знания. 2012. №5. С. 229–240.
7. Говако Б. И. Студенческая семья. М.: Мысль, 1988. С. 158.
8. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2-х т. Т. I. М.: Педагогика, 1983. 392 с.
9. Лотова И. П. Студенческая семья: современный портрет, характеристика основных проблем и пути разрешения // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 12. №3. С. 129–134.
10. Муратова Г. М. Студенческая семья на современном этапе // Социальная политика и социология. 2012. №9(87). С. 67–73.
11. Письмо Минобрнауки РФ от 08.05.2007 г. №АФ-163/06 «О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи».
12. Ростовская Т. К. Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей (итоги всероссийского межвузовского исследования) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. №4(40). С. 73–81.
13. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Оценка социального благополучия семей в российских регионах: социологический анализ // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. №4. С. 805–824.

логический анализ // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. №4. С. 805–824.

14. Ростовская Т. К., Шимановская Я. В. Брачно-семейные отношения современной молодежи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. №3(252). С. 41–47.

15. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

References

1. Avdeeva L. N. Psihologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie studencheskoj sem'i: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk [Psychological and pedagogical support of the student family. Ph. D. (Pedagogic) Thesis]. Astrahan', 2009. P. 26. (In Russ.).
2. Anan'ev B. G. K psihofiziologii studencheskogo vozrasta [To the psychophysiology of student age]. Sovremennye psihologicheskie problemy vysshej shkoly [Modern psychological problems of higher education]. Leningrad, 1974. 280 p. (In Russ.).
3. Vishnevskij Ju. R., Jachmeneva M. V. Ot-noshenie studencheskoj molodezhi k semejnym cennostjam (na primere Sverdlovskoj oblasti) [The attitude of students to family values (on the example of the Sverdlovsk region)]. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science]. 2018; 20(5): 125–141. (In Russ.).
4. Vygotskij L. S. Psihologija [Psychology]. Moscow: Izd-vo JeKSMO-Press, 2000. 1008 p. (In Russ.).
5. Gegel' L. A. Jevoljucija cennostnogo soznanija sovremennogo rossijskogo studenchestva: avtoref. dis. ... d-ra sociol. Nauk [The evolution of the value consciousness of modern Russian students. Dr. Sci. (Social) diss.]. Moscow, 1999. P. 31. (In Russ.).
6. Gegel' L. A., Frolova Ju. S. Cennosti sovremennogo studenchestva i konkurentosposobnost' na rynke truda [Values of modern students and competitiveness in the labor market]. *Social'no-gumanitarnye znanija* [Socio-humanitarian knowledge]. 2012; (5): 229–240. (In Russ.).
7. Govako B. I. Studencheskaja sem'ja [Student family]. Moscow: Mysl', 1988. P. 158. (In Russ.).
8. Leont'ev A. N. Izbrannye psihologicheskie proizvedenija: v 2-h t. [Selected psychological works: in 2 vols.]. Vol. I. Moscow: Pedagogika, 1983. 392 p. (In Russ.).

9. Lotova I.P. Studencheskaja sem'ja: sovremennyj portret, harakteristika osnovnyh problem i puti razreshenija [Student family: a modern portrait, characteristics of the main problems and ways of resolution]. *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Trans-Baikal State University]. 2017; 12(3): 129–134. (In Russ.).

10. Muratova G.M. Studencheskaja sem'ja na sovremennom jetape [Student family at the present stage]. *Social'naja politika i sociologija* [Social policy and sociology]. 2012; 9(87): 67–73. (In Russ.).

11. Pis'mo Minobrnauki RF ot 08.05.2007 g. №AF-163/06 «O Konceptii gosudarstvennoj politiki v otnoshenii molodoy sem'i» [Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 08.05.2007 №AF-163/06 «On the Concept of state policy in relation to a young family»]. (In Russ.).

12. Rostovskaja T.K. Sozdanie studencheskoj sem'i: motivacija i zhiznennye strategii chlenov molodyh studencheskih semej (itogi vserossijskogo mezhvuzovskogo issledovanija) [Creating a student family: motivation and life strategies of members of young student families (results of the All-Russian interuniversity re-

search)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences]. 2015; 4(40): 73–81. (In Russ.).

13. Rostovskaja T.K., Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A. Ocenka social'nogo blagopoluchija semej v rossijskih regionah: sociologicheskiy analiz [Assessment of the social well-being of families in Russian regions: a sociological analysis]. *Vestnik RUDN. Serija: Sociologija* [Bulletin of the RUDN. Series: Sociology]. 2021; (4): 805–824. (In Russ.).

14. Rostovskaja T.K., Shimanovskaja Ja. V. Brachno-semejnye otnoshenija sovremennoj molodezhi [Marriage and family relations of modern youth]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo* [Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right]. 2017; 3(252): 41–47. (In Russ.).

15. Jel'konin D.B. Izbrannye psihologicheskie trudy [Selected psychological works]. Moscow: Pedagogika, 1989. 560 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 03.02.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Tamara K. Rostovskaya — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for Research, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences.

6 Fotievoy st., bld. 1, Moscow, Russia

Князькова Екатерина Александровна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела семьи и семейно-демографической политики, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доцент социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Ekaterina A. Knyazkova — Candidate of Political Sciences, Leading Researcher of the Department of Family and Family-Demographic Policy, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor, faculty of sociology, Russian State University for the Humanities.

6 Fotieva st., bld. 1, Moscow, Russia

Вклад авторов:

Ростовская Т. К. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Князькова Е. А. — подготовка промежуточных выводов; обзор исследований.

Contribution of the authors:

Rostovskaya T. K. — scientific guidance; research concept; development of methodology; writing of the source text; final conclusions.

Knyazkova E. A. — preparation of interim conclusions; research review.

Научная статья

УДК 316.4

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-180-192

ПОДДЕРЖКА ЖЕНЩИН КАК ВАЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПРЕЛОМЛЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ТРЕНДА РАЗВИТИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Наталья Сергеевна Рычихина¹✉, Екатерина Николаевна Васильева²

¹*Ивановский государственный университет, Иваново, Россия*

²*Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия*

¹*richihina@mail.ru* ✉, ORCID: 0000-0001-9872-424X, AuthorID РИНЦ: 1714-3140

²*vasilevaen@yandex.ru*, ORCID: 0000-0002-0460-5539, AuthorID РИНЦ: 240731,
SPIN-код: 8682-4325

Аннотация. *Целью исследования* является изучение особенностей развития демографических ситуаций в российских регионах; выявление факторов, оказывающих доминирующее влияние на снижение рождаемости; актуализация значимых направлений мотивации женщин на рождение детей и поддержки женщин, имеющих детей; обобщение успешных региональных практик, позволяющих в перспективе преломить отрицательный тренд развития демографической ситуации в регионах.

Методологическую базу исследования представляют базисные положения концепции демографического развития. К используемым научным методам относят сравнительный, причинно-следственный и статистический анализ.

Результаты исследования. Авторами проведен анализ развития региональной демографической ситуации и выявлен нисходящий тренд снижения численности в ряде российских регионов (Ивановской, Нижегородской, Волгоградской, Вологодской, Свердловской областях и других). Актуализированы типичные демографические проблемы регионов: снижение рождаемости, рост смертности, миграционная убыль, старение населения и др. Сделан вывод, что одним из важных направлений преломления отрицательного тренда развития демографической ситуации в России является поддержка женщин путем разработки и реализации комплекса мер, направленного на сохранение женского репродуктивного здоровья, мотивирование на рождение детей в раннем детородном возрасте, содействие в трудоустройстве женщин, поддержку многодетных семей и помощь в миграции женщинам с детьми. Выявлено, что этим важным направлениям поддержки женщин в последнее время уделяется значительное внимание на государственном и региональном уровнях. Однако в настоящее время преломить отрицательный тренд развития демографической ситуации в российских регионах не удалось. На примере Ивановской и Волгоградской областей рассматриваются реализуемые социальные проекты и успешная практика решения данных вопросов, позволяющая нацелить молодых людей на семейную ориентированность, на рождение детей в детородном молодом возрасте, увеличить количество многодетных семей, а значит, повысить рождаемость и справиться с демографическим вызовом. Реализация данных успешных региональных практик по поддержке женщин, планирующих детей, и женщин с детьми позволит выровнять демографическую ситуацию в стране.

Перспективы исследования заключаются в преломлении отрицательного тренда развития демографической ситуации в регионах путем проработки и внедрения комплекса мер поддержки, мотивированных на деторождение и рождающих детей женщин.

Ключевые слова: демографический спад, демографическая политика, рождаемость, поддержка женщин

Для цитирования: Рычихина Н. С., Васильева Е. Н. Поддержка женщин как важное направление преломления отрицательного тренда развития демографической ситуации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 180–192. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-180-192>.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта №20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

Original article

SUPPORT FOR WOMEN AS IMPORTANT DIRECTION OF REFRACTION OF NEGATIVE TREND OF DEMOGRAPHIC SITUATION

Natalya S. Rychikhina¹✉, Ekaterina N. Vasilyeva²

¹Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

²Volgograd State University, Volgograd, Russia

¹richikhina@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-9872-424X, AuthorID RSCI: 1714-3140

²vasilevaen@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0460-5539, AuthorID RSCI: 240731, SPIN: 8682-4325

Annotation. *The purpose of the study is to study the peculiarities of the development of demographic situations in Russian regions; to identify factors that have a dominant influence on the decline in fertility; to actualize significant areas of women's motivation to have children and support women with children; to generalize successful regional practices that allow in the future to reverse the negative trend of the demographic situation in the regions.*

The methodological basis of the study is the basic provisions of the concept of demographic development. The scientific methods used include comparative, causal and statistical analysis.

The results of the study. The authors analyzed the development of the regional demographic situation and revealed a downward trend of population decline in a number of Russian regions (Ivanovo, Nizhny Novgorod, Volgograd, Vologda, Sverdlovsk regions and others). Typical demographic problems of the regions are actualized: a decrease in the birth rate, an increase in mortality, migration decline, population aging, etc. It is concluded that one of the important directions of refraction of the negative trend in the development of the demographic situation in Russia is to support women by developing and implementing a set of measures aimed at preserving women's reproductive health, motivating the birth of children in early childbearing age, assistance in the employment of women, support for large families and assistance in migration for women with children. It is revealed that these important areas of support for women have recently received considerable attention at the state and regional levels. However, at present, it has not been possible to reverse the negative trend in the development of the demographic situation in the Russian

regions. On the example of the Ivanovo and Volgograd regions, the implemented social projects and successful practice of solving these issues are considered, which allows young people to focus on family orientation, to have children at a childbearing young age, to increase the number of large families, which means to increase the birth rate and cope with the demographic challenge. The implementation of these successful regional practices to support women planning children and women with children will help to even out the demographic situation in the country.

The prospects of the study are to refract the negative trend in the development of the demographic situation in the regions by working out and implementing a set of support measures motivated for childbirth and women giving birth to children.

Keywords: demographic decline, demographic policy, fertility, support for women

For citation: Rychikhina N. S., Vasilyeva E. N. Support for women as important direction of refraction of negative trend of demographic situation // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 180–192. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-180-192>.

Acknowledgments: the research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation project №20-18-00256 «Demographic behavior of the population in the context of national security of Russia».

Введение. В настоящее время многие регионы России столкнулись с однотипными демографическими проблемами, вызывающими сокращение численности постоянного населения, к которым относится снижение рождаемости, рост смертности, миграционная убыль, старение населения. Например, в Ивановской области на 1 января 2010 г. чис-

ленность населения составляла 1067,8 тыс. человек, а на 1 января 2021 г. численность населения уменьшилась на 7,9%, и стала составлять 987 тыс. человек [3]. За этот же период численность населения Свердловской области сократилась с 4308 тыс. человек до 4290 тыс. чел., т.е. на 0,4% или на 18,7 тыс. чел. [3]. В Нижегородской области с 2010 г.

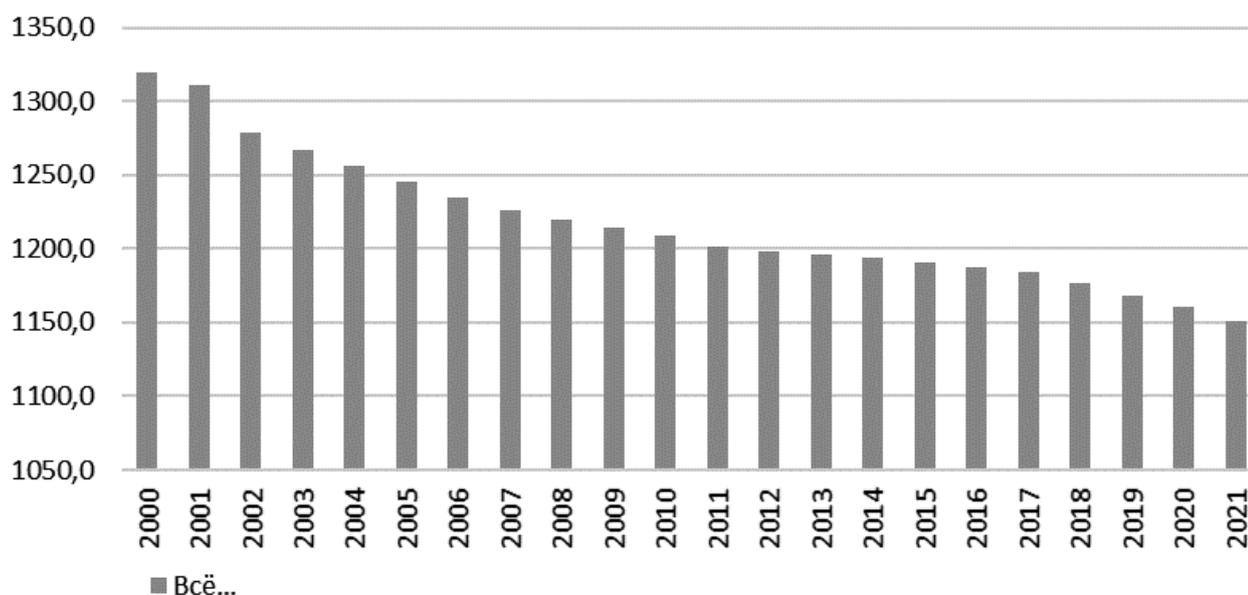

Рис. 1. Динамика численности постоянного населения Нижегородской области на 1 января 2010–2021 гг., чел.

Fig. 1. Dynamics of the permanent population of the Nizhny Novgorod region as of January 1, 2010–2021, people

население региона уменьшилось на 150 тыс. человек [3]. За период с 2000 по 2021 гг. численность постоянного населения Вологодской области сократилась с 1319,2 до 1151,0 тыс. человек, т.е. на 168,2 тыс. человек или на 13%. [3]. В Волгоградской области с 2007 по 2021 гг. численность населения поступательно сокращалась (на 155,4 тыс. чел.) (см. рис. 5). На рисунках 1, 2, 3, 4 и 5 представлена динамика численности в период с 2010

по 2021 гг. постоянного населения Нижегородской, Волгоградской, Вологодской, Ивановской и Свердловской областей. Анализ развития демографической ситуации выявил нисходящий тренд снижения численности населения в российских регионах. Данные тенденции сокращения численности характерны и для других регионов России.

В подобных условиях важное значение имеет изучение особенностей развития де-

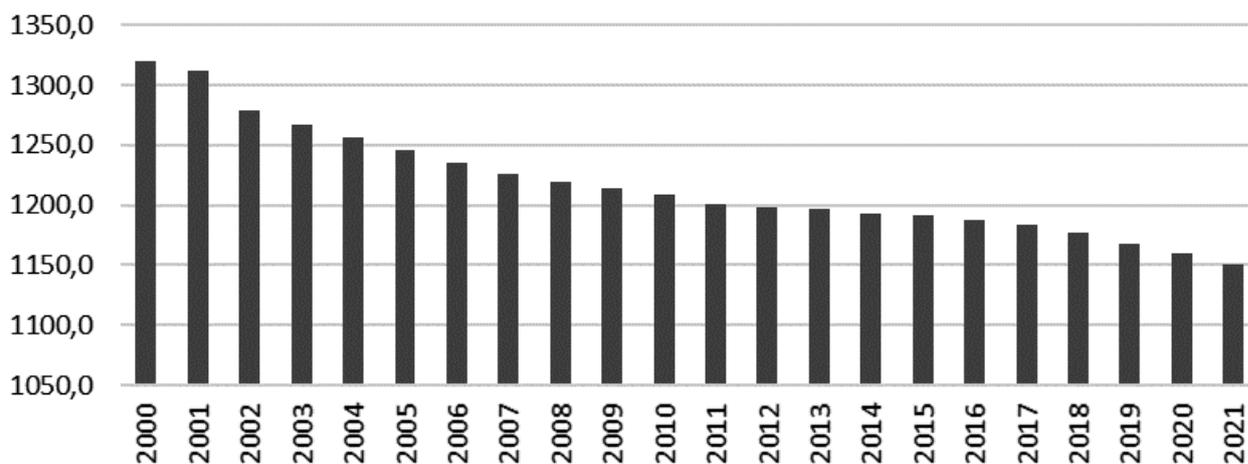

Рис. 2. Динамика численности постоянного населения Вологодской области на 1 января 2010–2021 гг., тыс. чел.

Fig. 2. Dynamics of the permanent population of the Vologda region as of January 1, 2010–2021, thousand people

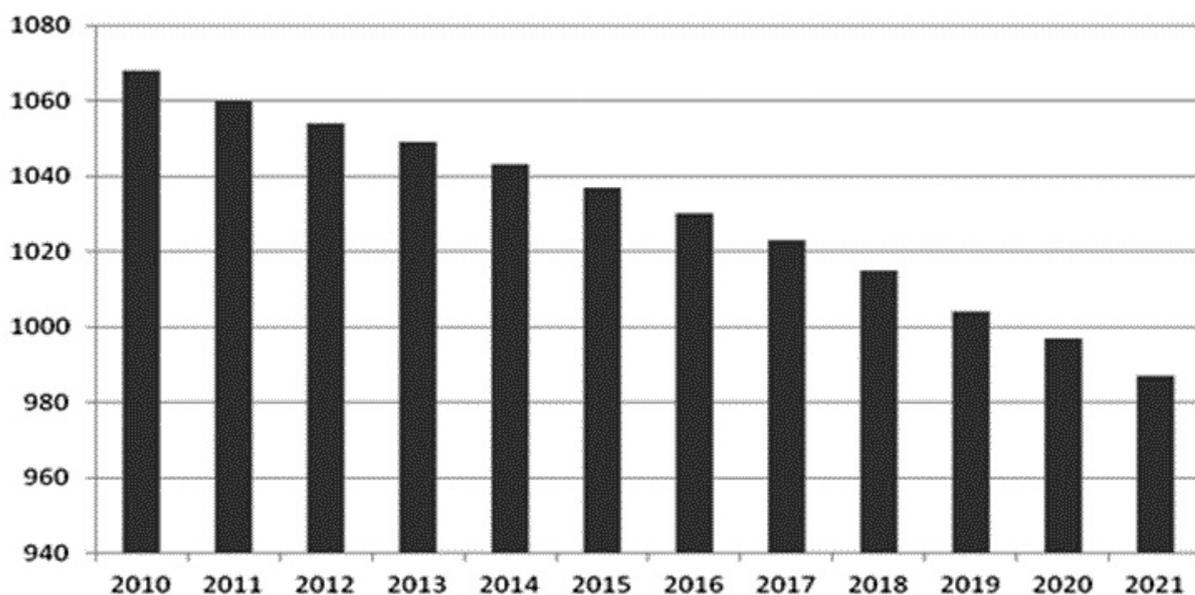

Рис. 3. Динамика численности постоянного населения Ивановской области на 1 января 2010–2021 гг., тыс. чел.

Fig. 3. Dynamics of the permanent population of the Ivanovo region as of January 1, 2010–2021, thousand people

мографических ситуаций в регионах и обобщение успешных региональных практик решения данных демографических проблем.

Обзор научно-исследовательской литературы и законодательных источников. За последние десять лет российскими учеными опубликованы значимые работы по данной тематике, имеющие важное значение

для управления демографической ситуацией в регионах. Вопросами анализа демографической ситуации в Ивановской области занимались ученые С. В. Ключина и Н. А. Птицына [6]. Демографический портрет Тамбовской области представлен в исследованиях Т. Н. Черемисиной и Н. В. Черемисиной [15]. В. И. Хавроничев, Г. М. Тюлю, Н. С. Мельникова изучали проблемы роста рождаемости,

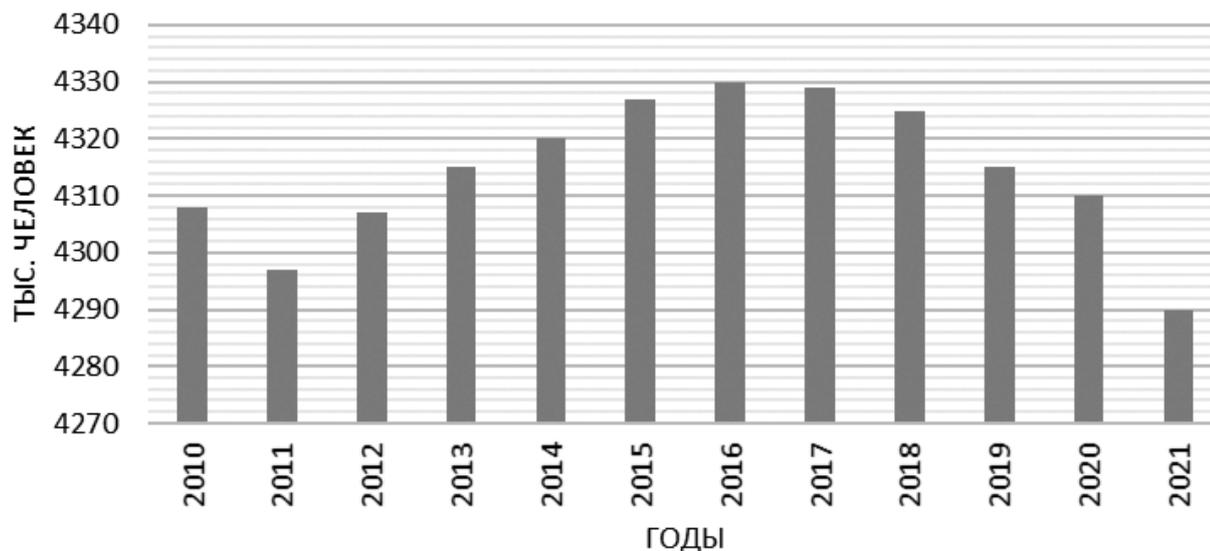

Рис. 4. Динамика численности постоянного населения Свердловской области на 1 января 2010–2021 гг., тыс. чел.

Fig. 4. Dynamics of the permanent population of the Sverdlovsk region as of January 1, 2010–2021, thousand people

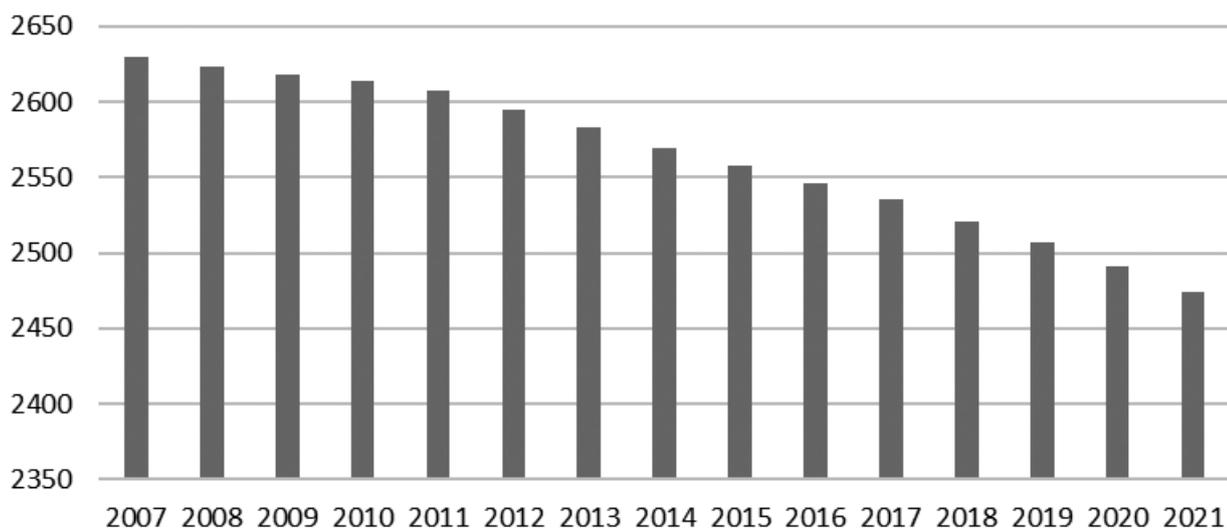

Рис. 5. Динамика численности постоянного населения Волгоградской области на 1 января 2010–2021 гг., тыс. чел.

Fig. 5. Dynamics of the permanent population of the Volgograd region as of January 1, 2010–2021, thousand people

снижения смертности и старения населения в Вологодской области [13]. Современным механизмам реализации демографической политики Владимирской области посвящена публикация Е.И. Москвитиной, И.Г. Ходжаевой, И.П. Дорошиной и Т.В. Бутовой [7]. А.Г. Пухова, Т.К. Беляева провели анализ демографических проблем в Нижегородской области [10]. А.В. Короленко выявляет причины демографического кризиса в Вологодской области [5].

Кроме того, важное значение имеет обсуждение демографических проблем регионов и успешных региональных практик учеными на форумах, круглых столах, заседаниях и конференциях. В 2021 г. при поддержке РНФ¹ ведущими учеными из 10 субъектов Российской Федерации под руководством Т.К. Ростовской был подготовлен Национальный демографический доклад-2021 «Демографическое самочувствие регионов России» [3]. В этом же году в Москве прошел третий всероссийский демографический форум, на котором обсуждалась практика демографической политики регионов. В 2022 г. в Твери пройдет Всероссийская научно-практическая конференция «Государственная поддержка становления и развития института студенческой (детной) семьи» и выездное заседание Научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при Отделении общественных наук РАН.

В настоящее время для решения демографических проблем государством и региональными органами власти принимаются значительные меры. На территории РФ активно реализуется проект «Демография», который направлен на комплексное решение данных проблем и уже показал свою эффективность². Однако в настоящее время преломить отрицательный тренд развития демографической ситуации в российских регионах не удалось. Именно поэтому выявление факторов, усугубляющих ситуацию в российских регионах, актуализация значимых направлений поддержки женщин, оценка их эффективности и обобщение успешных региональных

практик демографической политики имеют важное значение для нормализации демографической ситуации в обществе.

Факторы, влияющие на снижение рождаемости, и комплекс мер поддержки женщин. Анализ демографической политики государства, обзор научных источников по данной проблематике, обобщение мнения ученых на научных форумах показали, что одним из важных направлений преломления отрицательного тренда развития демографической ситуации в России является поддержка женщин путем разработки и реализации комплекса мер, направленного на сохранение женского репродуктивного здоровья, мотивирование на рождение детей в раннем детородном возрасте, содействие в трудоустройстве женщин, поддержку многодетных семей и помощь в миграции женщинам с детьми. В этом направлении российскими учеными проведена значительная работа. Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева исследуют вопросы семьи и семейных ценностей в современном мире [11]. Основные направления государственной политики в области рождаемости актуализированы в работах Я.В. Артамоновой, И.В. Липчанской, О.В. Кабайкиной [1; 4]. Л.А. Попова, М.А. Шишкина [8; 9] и А.В. Шадрикова [14] изучают брачно-семейные и репродуктивные установки современной молодежи. О.В. Гокова и А.М. Киселева проводят сравнительное исследование данных установок у молодого поколения разных стран [2].

Обзор научных исследований за 2010–2021 гг. показал, что перечисленные выше демографические проблемы в регионах России обусловлены рядом факторов, среди которых первостепенную значимость имеют следующие:

— молодые девушки (18–24 года) не мотивированы на рождение ребенка. И даже выйдя замуж, они занимаются построением карьеры и откладывают рождение ребенка на более поздний период. В связи с тем, что репродуктивный возраст женщин ограничен,

¹ Научный проект РНФ №20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

² Паспорт национального проекта «Демография». Утвержден Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. №16).

снижается процент женщин, рожаящих второго, третьего и последующих детей. Кроме того, с возрастом у определенной численности женщин появляются проблемы с деторождением, и им приходится прибегать к медицинской помощи;

— преобладающая часть молодежи не нацелена на многодетные семьи и хочет иметь одного или двух детей;

— в динамично развивающемся обществе женщины имеют сложности с трудоустройством после продолжительного декретного отпуска и отпуска по уходу за ребенком;

— сложность миграции женщин с детьми. Молодое и среднее поколение стало очень мобильным и легко переезжает из одного населенного пункта в другой в поисках более высокого заработка и финансовой стабильности. Однако практика трудовой и учебной миграции показывает, что женщины при переезде легко трудоустраиваются на новом месте, но у них возникают проблемы с устройством детей в дошкольные и школьные учреждения [15].

В фокусе решения данных важных для общества проблем лежит мотивирование женщин на рождение детей в раннем детородном возрасте, содействие занятости молодых мам, сохранение женского репродуктивного здоровья, поддержка мигрирующих женщин и оказание помощи многодетным семьям. Это очень важные направления поддержки женщин, которым последнее время уделяется значительное внимание. При успешной их реализации мы сможем нацелить молодых людей на семейно-ориентированность, на рождение детей в детородном молодом возрасте (18–24 года), увеличить количество многодетных семей, а значит, повысить рождаемость и справиться с демографическим вызовом.

Обобщение успешных практик в реализации демографических проблем позволило выделить значимые направления поддержки женщин:

— выплата материнского капитала на первого, второго, третьего и последующего ребенка;

— поддержка молодых семей, которые решили родить до 24 лет;

— помощь в трудоустройстве женщин с маленькими детьми;

— поддержка мигрирующих женщин;

— поддержка многодетных семей;

— профилактика аборт и другие.

Региональные практики поддержки женщин (на примере Ивановской области). Рассмотрим ситуацию с рождаемостью в ряде регионов России. В 2020 г. в Ивановской области родилось 7563 детей, что на 375 детей меньше, чем годом ранее, и на 4100 меньше, чем в 2015 г. [3]. В 2020 г. численность родившихся малышей в Свердловской области составила 43,8 тыс. чел. Уменьшение числа родившихся в Свердловской области в 2020 г. в сравнении с 2019 г. составило 2,2 тыс. чел. или 4,8%. [3]. Подобная ситуация с рождаемостью и в Нижегородской области.

Статистика показывает, что за последние двадцать лет средний возраст женщин, рожаящих первого ребенка, неуклонно увеличивается и в настоящее время превышает 28 лет. Если первый ребенок рождается у женщины в 30–32 года, то для рождения второго и третьего ребенка остается достаточно маленький период времени, чем если бы первый ребенок родился бы в 18–24 года. Поэтому одной из значимых мер поддержки рождения первого ребенка в более раннем возрасте является действующая на территории России программа о выплате материнского капитала и на первого ребенка.

Однако на региональном уровне в настоящее время реализуются свои успешные практики поддержки женщин. Рассмотрим их на примере Ивановской области более подробно.

1. Важным направлением поддержки молодых женщин, решающихся на рождение ребенка в возрасте до 24 лет, является выплата регионального студенческого (материнского) капитала. Так как Иваново считается городом студентов, то данная мера поддержки молодых женщин, рожаящих детей во время учебы, несомненно, очень актуальна. Данная мера поддержки была введена в Ивановской области в 2017 г. Право на региональный студенческий (материнский) капитал возникает у матери, если она и отец ребенка (при его наличии) являются студентами, обучающимися по очной форме по образовательным программам среднего профессионального или высшего образования. Региональный

студенческий (материнский) капитал первоначально составлял 54340 рублей. С 2022 г. размер студенческого (материнского) капитала вырос почти в 3 раза — до 150 т. руб., что уже является значимой поддержкой для женщины. Только в 2021 г. студенческий (материнский) капитал получили 40 семей. Всего с 2017 г. по настоящее время в Ивановской области его получили более 200 семей. Также с 2017 г. в Ивановской области были введены дополнительные меры поддержки женщин, рожаящих ребенка в возрасте до 24 лет, а именно — существенные ежемесячные денежные выплаты по уходу за первым ребенком до достижения им возраста 1,5 лет³.

В Волгоградской области также вводятся активные меры, направленные на поддержку женщин, семей с детьми. Помимо пособия на рождение, установленного федеральным законодательством, из областного бюджета выплачивается дополнительное единовременное пособие семьям при рождении первого ребенка с 01.01.2022 г. женщиной в возрасте до 24 лет включительно — 55488,00 руб.; на детей, рожденных до 01.01.2022 г. — 53354,00 руб.

2. Единовременная выплата на улучшение жилищных условий для молодых мам. В настоящее время одной из актуальных проблем, с которыми сталкивается молодая семья, является отсутствие собственного жилья. Именно жилищная проблема чаще всего удерживает женщину от рождения нескольких детей, поэтому данная мера поддержки имеет весомое значение при планировании деторождения. Для общества важно, чтобы молодые женщины не откладывали надолго свои планы по рождению второго ребенка. Единовременная выплата на улучшение жилищных условий предоставляется женщинам, родившим первого ребенка до 24 лет, и в случае, если в течение 3 лет после рождения первенца в семье родился второй ребенок. В Волгоградской области налажено межведомственное взаимодействие: Минстрой

России и Администрация Волгоградской области заключили соглашение о предоставлении в 2021–2023 гг. субсидии из федерального бюджета бюджету Волгоградской области на софинансирование расходных обязательств субъекта Российской Федерации на предоставление социальных выплат молодым семьям на приобретение (строительство) жилья. Но и до принятых решений с начала 2000-х гг. реализовывались программы поддержки молодых семей. В Волгоградской области активную работу ведет Волгоградский областной фонд жилья и ипотеки, на базе которого осуществляются компенсации для многодетных семей (в том числе при строительстве дома), а также оказывается юридическая, техническая, финансовая поддержка по предоставлению молодым семьям льготного займа на оплату первоначального взноса при приобретении жилья в новостройках.

3. Поддержка женщин при рождении третьего и последующего ребенка (многодетных женщин). В Ивановской области был реализован проект по поддержке многодетных семей, в основе которого лежал комплекс мер социальной поддержки. Важное значение для поддержки женщин при рождении третьего и последующего ребенка имел региональный материнский капитал, который представлял собой единовременную денежную выплату за счет средств областного бюджета⁴. За период реализации данного проекта число многодетных семей в Ивановской области увеличилось в два с половиной раза. В 2022 г. в регионе действуют следующие меры поддержки многодетных семей: ежемесячная денежная выплата на оплату жилого помещения и коммунальных услуг в объеме 30% установленной платы за коммунальные услуги, бесплатное питание для учащихся в образовательных учреждениях, бесплатный проезд, бесплатная выдача лекарств для детей до 6 лет и другие⁵.

С целью улучшения демографической ситуации в Волгоградской области

³ Закон Ивановской области №40-ОЗ от 30 мая 2017 г. «О дополнительных мерах государственной поддержки семей с детьми на территории Ивановской области».

⁴ Постановление правительства Ивановской области №197-п от 20 июня 2012 г. об утверждении порядка назначения и выплаты материнского (семейного) капитала в Ивановской области, перечня документов, подтверждающих право его получения, и требований к ним.

⁵ Меры социальной поддержки многодетных семей и семей с детьми в Ивановской области в 2022 году [Электронный ресурс]. URL: <https://mnogodetey.ru/regions/ivanobl/socmery/>.

с 01.01.2013 г. регионом финансируется на 16% ежемесячная денежная выплата нуждающимся в поддержке семьям при рождении третьего или последующих детей до достижения ребенком возраста трех лет, установленная на федеральном уровне. Введен и постоянно индексируется размер родительского капитала на третьих и последующих детей, рожденных после 1 января 2016 г. (предоставляется при достижении детьми возраста трех лет). Принятые меры позволили увеличить в регионе число рождений третьих и последующих детей, однако остается существенная проблема с рождением первых детей женщинами до достижения 24 лет.

4. Содействие трудоустройству женщин с детьми. В 2019 г. в Ивановской области разработан и утвержден план дополнительных мероприятий, направленных на поддержку женщин с детьми, который включает:

— формирование банка вакансий с гибкими формами занятости на условиях неполного рабочего дня или неполной рабочей недели, гибкого графика работы, надомной работы;

— проект «Мама-предприниматель». Целью проекта является обучение женщин основам предпринимательской деятельности на базе центра «Мой бизнес».

С целью обеспечения возможности женщинам, воспитывающим детей дошкольного возраста, совмещать трудовую деятельность с семейными обязанностями в Ивановской области началась реализация регионального проекта «Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет»⁶. Так как в период декретного отпуска женщина может потерять свои профессиональные навыки и квалификацию, служба занятости населе-

ния предлагает женщинам пройти переподготовку или получить новую профессию с учетом их интересов, состояния здоровья и региональной потребности в кадрах. В 2018 г. в Ивановской области в рамках данной программы профессиональное обучение прошла 121 женщина по профессиям: бухгалтер, оператор электронно-вычислительных и вычислительных машин, парикмахер, мастер маникюра, кондитер, повар, швея и др. В 2020 г. в Ивановской области обучение в ЦЗН прошли 183 женщины⁷.

В Волгоградской области работа проводится так же, как в Ивановской области, в рамках федерального проекта «Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет» национального проекта «Демография» государственными казенными учреждениями Волгоградской области, центрами занятости населения Волгоградской области, подведомственными комитету по труду и занятости населения Волгоградской области. Реализуются мероприятия по переобучению и повышению квалификации женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до трех лет, а также женщин, имеющих детей дошкольного возраста, не состоящих в трудовых отношениях и обратившихся в органы службы занятости⁸.

5. Помощь в миграции женщинам с детьми. По статистике на 2018 г. женщин в Ивановскую область приезжает больше (52%), чем мужчин⁹. Данные проблемы характерны и для Волгоградского региона. В российских регионах реализуются программы, ориентированные на пополнение трудовых ресурсов. В Ивановской области реализуется региональная программа содействия добровольному переселению соотечественников¹⁰, в Вол-

6 Паспорт регионального проекта «Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет (Содействие занятости женщин — доступность дошкольного образования для детей)».

7 Официальный сайт Центра Занятости населения по Ивановской области [Электронный ресурс]. URL: <https://ivzan.ru> (дата обращения 15.05.2021).

8 Интерактивный портал Службы занятости населения Волгоградской области и Комитета по труду и занятости населения Волгоградской области [Электронный ресурс]. URL: https://czn.volganet.ru/content/%D1%83%D0%B2%D0%B0%D0%B6%D0%B0%D0%B5%D0%BC%D1%8B%D0%B5_%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8.

9 Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ивановской области [Электронный ресурс]. URL: <https://ivanovo.gks.ru/search?q=миграция/> (дата обращения: 15.05.2021).

10 Подпрограмма «Оказание содействия добровольному переселению в Ивановскую область соотечественников, проживающих за рубежом» государственной программы Ивановской области «Содействие занятости населения Ивановской области» (постановление Правительства Ивановской области от 09.07.2013 г. №279-п).

воградской области работа также направлена на обеспечение экономики области квалифицированной рабочей силой¹¹. Основным условием участия в подпрограмме является наличие у соотечественника образования и опыта работы по наиболее востребованным на рынке труда региона профессиям. Ивановская область готова принять специалистов и рабочих из числа медицинских и педагогических кадров, работников текстильной и швейной отрасли, профессионалов в строительной сфере, а также инженеров и ученых. Планируется, что реализация подпрограммы позволит привлечь в Ивановскую область в период с 2019 по 2024 гг. свыше 2,7 тысячи соотечественников.

Основными проблемами при переселении женщин с детьми являются значительная материальная нагрузка, оформление документов, устройство детей в дошкольные и школьные учреждения. В рамках данной программы семьям с детьми предоставляется единовременная материальная помощь на обустройство в размере 20 тыс. руб. Дети переселенцев имеют право на получение дошкольного, общего, среднего образования, а также среднего профессионального, высшего образования. Переселенцы имеют право на получение услуг в содействии занятости, на компенсацию расходов на проезд и на уплату государственной пошлины за оформление документов. В первом полугодии 2019 г. в Ивановской области 120 человек получили свидетельства участников программы. В Волгоградской области в 2020 г. впервые за несколько лет был зафиксирован миграционный прирост (+3,7 тыс. человек). Миграционный прирост 2020 г. обусловлен двумя факторами: закрытые границы в период локдауна затруднили выезд внешним трудовым мигрантам, а также фиксировалась возвратная внутренняя миграция.

Заключение. Комплекс данных мероприятий имеет важное значение для преломления отрицательного тренда развития демографической ситуации в Ивановской области. Ре-

ализация данных успешных региональных практик по поддержке женщин, планирующих детей, и женщин с детьми позволит выровнять демографическую ситуацию в стране.

Список источников

1. Артамонова Я. В., Липчанская И. В. Реализация программ государственной поддержки российских молодых семей (на примере Ростовской области) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. 2021. №3. С. 18–25.
2. Гокова О. В., Киселева А. М. Вопросы управления демографическим развитием в РФ, Франции и Германии: сравнительное исследование репродуктивных технологий и отношения молодежи к институту брака // Вопросы управления. 2016. №2. С. 68–75.
3. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад — 2021 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова и др.; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 138 с.
4. Кабайкина О. В. Трансформация роли женщины в современном обществе: в семье и на работе // Социология. 2016. №4. С. 163–169.
5. Короленко А. В. Современный демографический кризис в России и Вологодской области: сущность, причины и основные черты [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2015. №1. Ч. 1. URL: <https://human.snauka.ru/2015/01/8758> (дата обращения: 16.01.2022).
6. Ключина С. В., Птицына Н. А. О демографической ситуации в Ивановской области // Женщина в Российском обществе. 2007. №2. С. 48–54.
7. Москвитина Е. И., Ходжаева И. Г., Дорошина И. П., Бутова Т. В. Современные механизмы реализации демографической политики Владимирской области // Science Time. 2014. №11. С. 251–259.
8. Попова Л. А. Современная российская демографическая политика в области рождаемости: результаты и направления совер-

¹¹ Постановление Администрации Волгоградской области от 25 сентября 2017 г. №503-п «Об утверждении государственной программы Волгоградской области “Развитие рынка труда и обеспечение занятости в Волгоградской области”» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/450356607>.

шенствования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. №2(44). С. 79–93.

9. Попова Л. А., Шишкина М. А. Брачно-семейные и репродуктивные установки современной молодежи // Проблемы развития территории. 2016. №5(85). С. 57–71.

10. Пухова А. Г., Беляева Т. К. Анализ современной демографической ситуации в Нижегородской области [Электронный ресурс] // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. №12–10. С. 1893–1895. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8404> (дата обращения: 21.01.2022).

11. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Семья и семейные ценности в современном мире / Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы Российского государства: монография. М.: Перспектива. 2017. С. 303–315.

12. Рычихина Н. С. Современные тенденции женской международной миграции // Женщина в российском обществе. 2020. №1. С. 45–54.

13. Хавроничев В. И., Тюлю Г. М., Мельникова Н. С. Исследование демографической ситуации Вологодской области [Электронный ресурс] // Региональная экономика и управление. 2021. №1(65). С. 18. URL: <https://eee-region.ru/article/6518/> (дата обращения: 21.01.2022).

14. Шадриков А. В. Репродуктивные установки молодых сельских женщин Республики Татарстан // Регионоведение. 2019. Т. 27. №1. С. 122–137.

15. Черемисина Н. В., Черемисина Т. Н. Демографический портрет Тамбовской области в цифрах статистики // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. №2. С. 166–178.

References

1. Artamonova Ja. V., Lipchanskaja I. V. Realizacija programm gosudarstvennoj podderzhki rossijskih molodyh semej (na primere Rostovskoj oblasti) [Implementation of state support programs for Russian young families (on the example of the Rostov region)]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo*

go universiteta [Bulletin of the South Russian State Technical University]. 2021; (3): 18–25. (In Russ.).

2. Gokova O. V., Kiseleva A. M. Voprosy upravlenija demograficheskim razvitiem v RF, Francii i Germanii: sravnitel'noe issledovanie reproductivnyh tehnologij i otnoshenija molodezhi k institutu braka [Issues of demographic development management in Russia, France and Germany: a comparative study of reproductive technologies and the attitude of young people to the institution of marriage]. *Voprosy upravlenija* [Management issues]. 2016; (2): 68–75. (In Russ.).

3. Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii. Nacional'nyj demograficheskij doklad — 2021 [Demographic well-being of Russian regions. National Demographic Report — 2021]. Т. К. Rostovskaja, А. А. Shabunova et al.; otv. red. Т. К. Rostovskaja, А. А. Shabunova [in Т. К. Rostovskaja, А. А. Shabunova (eds.)]; FNISC RAN. Moscow: FNISC RAN, 2021. 138 p. (In Russ.).

4. Kabajkina O. V. Transformacija roli zhen-shhiny v sovremennom obshhestve: v sem'e i na rabote [Transformation of the role of women in modern society: in the family and at work]. *Sociologija* [Sociology]. 2016; (4): 163–169. (In Russ.).

5. Korolenko A. V. Sovremennyj demograficheskij krizis v Rossii i Vologodskoj oblasti: sushhnost', prichiny i osnovnye cherty [The modern demographic crisis in Russia and the Vologda Oblast: the essence, causes and main features] [Elektronnyj resurs]. *Gumanitarnye nauchnye issledovanija* [Humanitarian scientific research]. 2015; (1). Part 1. URL: <https://human.snauka.ru/2015/01/8758> (data obrashhenija: 16.01.2022). (In Russ.).

6. Kljuzina S. V., Pticyna N. A. O demograficheskoj situacii v Ivanovskoj oblasti [On the demographic situation in the Ivanovo region]. *Zhenshhina v Rossijskom obshhestve* [Woman in Russian society]. 2007; (2): 48–54. (In Russ.).

7. Moskvitina E. I., Hodzhaeva I. G., Doroshina I. P., Butova T. V. Sovremennye mehanizmy realizacii demograficheskoj politiki Vladimirskoj oblasti [Modern mechanisms for the implementation of demographic policy of the Vladimir region]. *Science Time*. 2014; (11): 251–259. (In Russ.).

8. Popova L. A. Sovremennaja rossijskaja demograficheskaja politika v oblasti rozhdade-

mosti: rezul'taty i napravlenija sovershenstvovaniya [Modern Russian demographic policy in the field of fertility: results and directions of improvement]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2016; 2(44): 79–93. (In Russ.).

9. Popova L.A., Shishkina M.A. Brachno-semejnye i reproduktivnye ustanovki sovremennoj molodezhi [Marital-family and reproductive attitudes of modern youth]. *Problemy razvitija territorii* [Problems of territory development]. 2016; 5(85): 57–71. (In Russ.).

10. Puhova A.G., Beljaeva T.K. Analiz sovremennoj demograficheskoj situacii v Nizhegorodskoj oblasti [Analysis of the current demographic situation in the Nizhny Novgorod region] [Elektronnyj resurs]. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij* [International Journal of Applied and Fundamental Research]. 2015; (12–10): 1893–1895. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8404> (data obrashhenija: 21.01.2022). (In Russ.).

11. Rostovskaja T.K., Kuchmaeva O.V. Sem'ja i semejnye cennosti v sovremennom mire [Family and family values in the modern world]. Rossijskaja molodezh': social'no-demograficheskij portret i sistema cennostej v kontekste mnogonacional'noj osnovy Rossijskogo gosudarstva: monografija [Russian youth: socio-demographic portrait and value system in the

context of the multinational basis of the Russian state: monograph]. Moscow: Perspektiva. 2017. P. 303–315. (In Russ.).

12. Rychihina N.S. Sovremennye tendencii zhenskoj mezhdunarodnoj migracii [Modern trends of women's international migration]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve* [Woman in Russian society]. 2020; (1): 45–54. (In Russ.).

13. Havronichev V.I., Tjulju G.M., Mel'nikova N.S. Issledovanie demograficheskoi situacii Vologodskoj oblasti [Study of the demographic situation of the Vologda Region] [Elektronnyj resurs]. *Regional'naja jekonomika i upravlenie* [Regional economics and management]. 2021; 1(65): 18. URL: <https://eee-region.ru/article/6518/> (data obrashhenija: 21.01.2022). (In Russ.).

14. Shadrikov A.V. Reproaktivnye ustanovki molodyh sel'skih zhenshhin Respubliki Tatarstan [Reproductive attitudes of young rural women of the Republic of Tatarstan]. *Regionologija* [Regionology]. 2019; 27(1): 122–137. (In Russ.).

15. Cheremisina N.V., Cheremisina T.N. Demograficheskij portret Tambovskoj oblasti v cifrah statistiki [Demographic portrait of the Tambov region in statistics figures]. *Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy* [Socio-economic phenomena and processes]. 2017; 12(2): 166–178. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 03.02.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рычихина Наталья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Социология, социальная работа и управление персоналом», Ивановский государственный университет. Россия, г. Иваново, ул. Ермака, 39

Natalia S. Rychikhina — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management, Ivanovo State University. 39 Ermaka st., Ivanovo, Russia

Васильева Екатерина Николаевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Педагогика, психология и социальная работа», Волгоградский государственный университет.

Россия, г. Волгоград, Университетский пр., 100

Ekaterina N. Vasilyeva — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University. 100 Universitetskiy av., Volgograd, Russia

Вклад авторов:

Рычихина Н. С. — концепция исследования; подготовка промежуточных выводов; обзор исследований.

Васильева Е. Н. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Rychikhina N. S. — research concept; preparation of interim conclusions; research review.

Vasilyeva E. N. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Научная статья
УДК 316
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-193-208

БРАК И СЕМЬЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ

Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна Саралиева¹, Надежда Юрьевна Егорова²✉,
Елена Сергеевна Рябинская³

^{1, 2, 3}Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

¹zara@fsn.unn.ru, ORCID: 0000-0002-4825-1584, AuthorID РИНЦ: 144343

²nadegorova@yandex.ru ✉, ORCID: 0000-0002-5914-8021, AuthorID РИНЦ: 317483

³Ryabinskaya95@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5265-3615, AuthorID РИНЦ: 996667

Аннотация. *Цель исследования* — описать основные характеристики студенческой семьи на примере студентов нижегородских вузов, определить место и роль студенческой семьи в системе семейно-брачных отношений в условиях трансформации.

Методологическая база исследования представлена принципами структурно-функционального и системного подходов, положениями адаптационной / трансформационной концепций семьи, диверсификации семьи.

Результаты исследования дают основания говорить о студенческой семье как о редком явлении, особенно если рассматривать ее через призму классического традиционного определения как зарегистрированную и детную группу. Тем не менее, ориентация студенческой молодежи на создание семьи, рождение детей сохраняется. Однако в студенческие годы, скорее, преобладает желание сначала встать на ноги, обеспечить необходимые условия для создания семьи. Отмечается распространение в представлениях и реальных практиках молодых людей сожительства как «пробного брака» или альтернативы зарегистрированному браку.

Перспективы исследования лежат в расширении объекта и предмета анализа с использованием категорий «супружество», «партнерство», чтобы проследить весь путь формирования отношений студентов, молодежи, охватить весь их спектр, определить сложности и проблемы сохранения семейных групп.

Ключевые слова: трансформация брачно-семейной сферы, студенческая семья, условия для создания семьи, брачное поведение студентов, репродуктивные установки студентов

Для цитирования: Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю., Рябинская Е.С. Брак и семья студентов в условиях трансформации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т.15, № 1. С. 193–208. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-193-208>.

Благодарности: статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-311-90077 «Роль мужчины в современной российской семье». Исследование «Представления студентов о семье» было проведено в 2020 г. по инициативе семейного центра «Лада» под руководством заведующего кафедрой общей социологии и социальной работы С.А. Судьбина и профессора Н.Ю. Егоровой, при участии старшего преподавателя А.Л. Янак и социологов Д.Е. Ивашечкиной и Е.С. Рябинской.

Целью исследования было выявление представлений студенческой молодежи о семье и семейных отношениях.

Original article

MARRIAGE AND FAMILY OF STUDENTS DURING TRANSFORMATION

Zaretkhan H. Saraliev¹, Nadezhda Yu. Egorova²✉, Elena S. Ryabinskaya³

^{1,2,3}Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

¹zara@fsn.unn.ru, ORCID: 0000-0002-4825-1584, AuthorID RSCI: 144343

²nadegorova@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-5914-8021, AuthorID RSCI: 317483

³Ryabinskaya95@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5265-3615, AuthorID RSCI: 996667

Abstract. *The purpose of the research is to describe the key characteristics of the student family on the example of students from Nizhny Novgorod universities, to determine the place and role of the student family in the system of family-marriage relations during the transformation.*

The research is methodologically based on principles devised within structural-functional and systemic approaches, as well as on provisions embedded in the adaptation/transformation concept of the family, family diversification.

The results obtained suggest that the student family is a rare phenomenon, especially when viewed through the prism of the classical traditional definition which describes it as a registered unity with children. Nevertheless, students still have an intention to create families and have children. However, in their studentship, the desire to stand firmly on their feet first, to secure conditions necessary for starting a family comes first. In the perceptions and real practices of young people the authors have also discovered prevalence of cohabitation as a «trial marriage» or as an alternative form to a registered marriage.

Further studies may touch upon expanding the object and subject of analysis using the categories of «marriage», «partnership» to trace the entire path how students and young people form relationships to cover their full range, to identify difficulties and problems of maintaining family groups.

Keywords: *transformation of marriage and family, student family, conditions to create a family, marital behavior of students, reproductive attitudes of students*

For citation: Saraliev Z. H., Egorova N. Yu., Ryabinskaya E. S. Marriage and family of students during transformation // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 193–208. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-193-208>.

Acknowledgements: *the reported article was funded by RFBR according to the research project №20-311-90077 «The role of the male in modern Russian family». The research named «Students' perceptions of the family» was conducted in 2020 by the initiative of «Lada» Family Center and was supervised by S.A. Sudjin, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Professor N. Yu. Egorova, who were assisted by senior lecturer A. L. Yanak and sociologists D. E. Ivashchikina and E. S. Ryabinskaya. The purpose of the study was to identify students' perceptions of family and family relationships.*

Введение. Брачная, семейная сфера и происходящие в ней изменения привлекают сегодня все больше внимания. Действительно, очевидное снижение репродуктивного и социализирующего потенциала современной семьи не может не вызывать опасений. Откладывание момента создания семьи и рождения детей, как следствие — низкая рождаемость и брачность, высокая разводимость, распространение незарегистрированных союзов — неполный перечень черт, характеризующих состояние современной российской семьи [10]. Как результат, сторонники «классического» функционализма [17] предрекают многовековому институту моногамной семьи крах и исчезновение [1; 14; 23], рассматривая все процессы как свидетельства распада целого на части, настаивая на возрождении большой, традиционной (безразводной и с четким разделением обязанностей) семьи с минимальным вмешательством государственных институтов в «частную жизнь», «личные» дела супругов, родителей и детей, подчеркивая, что только единая структура супружества-родительства может успешно выполнять предписанные обществом функции биологического и социального воспроизводства [2]. Последователи концепции «эволюции» семьи, «функциональных альтернатив» и заменяемости структур [17; 15] говорят о трансформации института моногамной семьи, ее адаптации к изменяющимся условиям [5; 16], внутренних ресурсах и резервах, обуславливающих изменчивость, с одной стороны, ее структурных форм, а с другой — устойчивости семьи как таковой [6; 9; 18].

Параллельно научным дискуссиям естественным образом активизируется интерес к исследованиям молодежи, студентов как наиболее активным и перспективным социально-демографическим группам, с точки зрения решения возникающих проблем. Понимание, сохранятся ли семейные институты в неизменном виде или будут меняться, лежит в области постоянного мониторинга текущей ситуации, а также анализе представлений молодого поколения о браке, родительстве и родстве, семейных отношениях. Взгляды, ценности, реальные практики групп молодых, наиболее восприимчивых к изменениям, позволяют увидеть направле-

ния трансформационных процессов, описать облик семьи в недалеком будущем, выявить возможные проблемы и противоречия.

Какой будет семья? Можно ли сохранить студенческую семью как значимый и специфический семейный тип в современных условиях? Как изменяются параметры и характеристики молодой семьи? С точки зрения решения острых демографических проблем, вопросы отнюдь не праздные. Студенческая семья [21] сегодня все реже становится предметом исследования, в силу совершенно объективных причин, если учесть, что модальный возраст создания семьи в течение последних десятилетий постепенно переместился в группу 25–29-летних. Есть ли у нее будущее? Готовы ли студенты создавать семьи и при каких условиях? Какое место вообще занимает семья в жизни современного студента? Какой, с их точки зрения, должна быть успешная семья? Можно ли и как мотивировать студентов на создание семьи? Исследования студенчества помогают находить хотя бы частичные ответы на эти вопросы, несмотря на локальный характер опросов. Их результаты, с одной стороны, констатируют сохраняющуюся высокую значимость семьи и детей для студентов [4; 24], а с другой — указывают на новые элементы и проблемы, связанные с выстраиванием семьи и семейных отношений: все ярче проявляющееся противоречие между семейной и профессиональной сферами, желание самореализации [3] и неготовность посвящать свою жизнь исключительно детям [13], допустимость сожительства [13] и ориентация на эгалитаризацию отношений [7; 8; 11; 20].

Включаясь в попытку найти ответы на поставленные вопросы, в рамках данной статьи постараемся описать основные характеристики студенческой семьи на примере студентов нижегородских вузов, выделить черты, определяющие, с точки зрения представителей этой социальной группы, облик семьи и ее значение в их собственной жизни.

Методология и методика исследования. Методологическую основу исследования студенческой семьи составляют базовые принципы структурно-функционального и системного подходов. Анализируются функциональные возможности семьи студентов,

в том числе в условиях трансформации семейно-брачной сферы, направления которых описываются с помощью данных Федеральной службы государственной статистики (общенационального и регионального уровней). Эмпирическая база представлена нижегородскими исследованиями под руководством и с участием авторов:

1) «Представления студентов о семье», проведенное в 2020 г. методом анкетного онлайн-опроса студентов 1–6 курсов естественных (технических и общественных) гуманитарных специальностей очной и заочной форм обучения ННГУ им. Н. И. Лобачевского (N = 362, выборка квотная по полу и направлению подготовки);

2) «Представления студентов о роли отца», проведенное в 2017–2019 гг. методом анкетного опроса студентов 3–4 курсов очной формы обучения естественных (технических и общественных) гуманитарных специальностей нижегородских вузов: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, НГТУ им. Р. Е. Алек-

сеева, Высшей школы экономики и Нижегородской академии МВД РФ (N = 472, выборка квотная по полу и направлению подготовки). Теоретическую базу для интерпретации результатов исследования составляют в том числе положения адаптационной/трансформационной концепции семьи, диверсификации семьи.

Результаты. Молодая студенческая семья сегодня не может существовать вне контекста стремительной трансформации семейно-брачной сферы, которая, естественно, затрагивает вопросы становления, формирования семейной группы. И здесь необходимо говорить, как минимум, о двух моментах.

Во-первых, на фоне общего, продолжающегося в течение нескольких последних десятилетий снижения брачности наблюдается изменение возраста вступления в брак, его «старение», то есть создание семьи «откладывается». Данные официальной общенациональной статистики указывают на посте-

Таблица 1
Table 1

**Браки по возрасту жениха и невесты (Россия и Нижегородская область)¹, %
 Marriages by age of the bride and groom (Russia and Nizhny Novgorod region), %**

Годы	Всего браков	По возрасту невесты, лет				По возрасту жениха, лет			
		до 18	18–24	25–34	35 и старше	до 18	18–24	25–34	35 и старше
<i>Россия</i>									
1990	1319928	5,5	59	21	14,5	1	52	30	17
2000	897327	3	57	24	16	0,4	45	34	20,6
2010	1215066	1	46	37	16	0,1	30,9	46	23
2015	1161068	1	34	44	21	0,1	20,9	52	27
2020	770857	0,5	31	41	27,5	0,1	18,9	48	33
<i>Нижегородская область</i>									
1990	30113	7	63	17	13	1,5	59	25	14,5
2000	21216	4	64	20	12	0,5	53,5	30	16
2010	26112	1	50	35	14	0,1	34,9	45	20
2015	25530	1	36	44	19	0,1	22,9	53	24
2019	19572	0,5	32	42	25,5	0,1	20	49,9	30

¹ Источники: Браки по возрасту жениха и невесты [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 31.01.2022); Статистический ежегодник. 2020: Стат. сб. / Нижегородстат. Нижний Новгород, 2020. Раздел 4. С. 39. Составлено и рассчитано авторами.

пенное снижение доли юношей и девушек, вступающих в брак в возрасте 20–24 лет. В течение двух последних десятилетий (с 2000 по 2020 гг.) у женихов она снизилась больше, чем вдвое (с 45% до 19%), у невест — почти в два раза (с 57% до 31%) (табл. 1). Параллельно наблюдается активизация заключения браков в более старших возрастных группах: 25–35-летних и после 35-летнего возраста. В 1990 г. только треть женихов принадлежала к возрастной группе 25–35 лет, и только каждый шестой был старше 35 лет, в 2020 г. — каждый второй и почти каждый третий соответственно. У девушек процесс идет менее интенсивно, сегодня уже более половины невест официально закрепляют свой семейный статус только после 25 лет.

Аналогичным образом складывается ситуация и в Нижегородском регионе (табл. 1). В течение 30 лет возрастная «мода» вступления в брак плавно перемещалась из группы 18–24-летних в более старшую, 25–34-летних, происходило это как у юношей, так и у девушек. С 1990 по 2019 гг. доля невест, официально ставших женами в возрасте 18–24 лет, уменьшилась вдвое (с 63% до 32%), а женихов, получивших статус «мужа» в этом возрасте, стало меньше в три раза. Стоит отметить, что статистические ряды, опубликованные Росстатом, не учитывают очередность заключаемого союза, потому остается неясным, описанная тенденция является результатом действительного откладывания формирования семьи или следствием увели-

Таблица 2
 Table 2

**Доля женщин, состоящих в отношениях сожительства
 (Россия и Нижегородская область)², %**

Percentage of women in cohabitation relationships (Russia and Nizhny Novgorod region), %

Возраст, лет	Россия, 1994 г.		Россия, 2002 г., все население	Россия, 2010 г., все население	Россия, 2015 г., все население	Нижегородская область, 2015 г., все население
	село	город				
16–17				59	48	67
18–19	18*	14*	36*	45	54	54
20–24	7	7	19	26	37	26
25–29	6	6	14	17	21	15
30–34	7	5	12	16	16	12
35–39	8	5	9	15	14	11
40–44	10	5	8	14	13	9
45–49	11	6	8	11	12	9
50–54	10	6	7	10	10**	6**
55–59	10	6	7	9	–	
60 и старше	9	5	6	7	6	4
Все возрастные группы	9	6	10	13	12,5	10
<i>*данные приведены в целом по возрастной группе 16–19 лет</i>						
<i>**данные приведены по возрастной группе 50–59 лет</i>						

2 Источники: Всероссийские переписи населения 2002, 2010, 2015 гг. // Росстат. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/vpn/vpn_popul.htm (дата обращения: 31.01.22). Рассчитано авторами; Михеева А. Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. С. 36.

чения числа повторных браков, которые, очевидно, заключаются в более позднем возрасте. Расчеты демографов [12] и данные выборочных опросов все же дают основания для вывода о «старении» брака, возраст вступления в который, в том числе для первых союзов, уверенно стремится ко второй половине третьего десятилетия не только у юношей, но и у девушек. Более того, молодые люди с высшим образованием вступают в первый брак в среднем позже, особенно девушки, которые все чаще, прежде чем создать семью, стремятся получить образование и закрепиться в трудовой деятельности [22].

Второе, на чем необходимо остановиться, это все большая распространенность незарегистрированных союзов, или сожительства, причем наиболее популярны они именно в молодом возрасте, на что четко указывают, например, данные переписей населения. За те 20 лет (1994–2015 гг.), что задается вопрос о наличии регистрации брака, доля женщин, состоящих в отношениях сожительства, в группе 20–24-летних выросла в пять раз (с 7% до 37%), в остальных возрастных группах фиксируется та же тенденция, но изменения медленные, без резких скачков (табл. 2). В Нижегородской области доля сожительства сопоставима с общероссийскими данными. В 2015 г. она составила 10% от общего числа супружеских союзов, став в группе 20–24-летних фактически максимальной — каждый четвертый союз здесь не был зарегистрирован (высокими показателями доли сожительства в самых младших группах можно пренебречь, так как число супружеств среди 16–19-летних невелико и в разы меньше, чем во всех остальных возрастных группах).

В этих условиях становится все более очевидным, что студенческие годы, скорее всего, не будут рассматриваться как время, оптимальное для создания семьи, вступления в брак и рождения детей. Тем не менее, поиск партнера, формирование близких отношений и даже совместное проживание с потенциальным супругом/супругой вполне возможны.

Действительно, половина опрошенных в рамках исследования «Представления студентов о семье» (2020 г.) молодых людей не состояли в отношениях (50%), при этом одиноких юношей оказалось больше, чем одиноких девушек (54% против 49%). Треть обучающихся имели партнера/шу, но совместно с ним/ней не проживали (33%), 11% молодых людей находились в отношениях сожительства, и лишь 6% студенток состояли в зарегистрированном браке (студентов-юношей, состоящих в зарегистрированном браке, не оказалось) (табл. 3).

Большинству проживающих со своими вторыми половинками юношей и девушек от 18 до 20 лет (67%) (табл. 4), при этом самым вторым половинкам преимущественно от 21 до 24 лет (41%). Стоит отметить, что партнерши опрошенных юношей не старше 24 лет, в то время как возраст партнеров опрошенных девушек колеблется от 21 до 30+ лет (табл. 5). Чуть больше четверти сожительства студентов от 21 до 24 лет (28%), при этом юношей в данном возрастном интервале на 11% больше, чем девушек (36% против 25%) (табл. 4). Вероятно, совместное проживание с партнером — серьезный шаг в развитии отношений, который юноши делают позднее девушек.

Таблица 3
Table 3

Семейное положение студентов, %
Marital status of students, %

Семейное положение	Все	Юноши*	Девушки*
Не женат/не замужем, нет партнера/ши	50	54	49
Есть партнер/ша, но совместно с ним/ней не проживаю	33	36	32
Живу вместе с партнером/шей, но в браке с ним/ней не состою	11	10	11
Женат/замужем	6	0	8

*Разница статистически значима с использованием критерия χ^2 -квадрат при $p \leq 0,05$

Возраст большинства замужних студенток находится в интервале от 21 до 24 лет (52%), почти в два раза меньше замужних девушек от 25 до 29 лет (29%), еще вдвое меньше — в возрасте 30+ лет (14%) (табл. 4). Возраст их супругов преимущественно находится в интервале 25–29 лет (43%), трети 30+ лет (33%), четверти 21–24 года (24%) (табл. 5), т.е. девушки чаще выходят замуж на последних курсах или после выпуска из университета за юношей, преимущественно старше их самих.

В момент опроса большинство молодых людей не имели детей (98%), лишь у 2% был один ребенок, у 1% — двое детей. Несмотря на малочисленность, детные студенты состояли преимущественно в зарегистрированных отношениях: 24% замужних девушек имели одного ребенка, 10% — двоих детей. Практически никто из опрошенных девушек, партнерш/жен опрошенных юношей не были беременны в момент опроса (99%). Факт беременности в основном был отмечен у замужних студенток — 10%. То есть беременность,

рождение ребенка/детей чаще характеризуют официальный брак, чем другие формы студенческих отношений.

Опрошенные молодые люди (независимо от семейного положения) в основном жили с родителями/родственниками (42%), в два раза реже — в собственной квартире (23%), еще меньший процент юношей и девушек снимали жилье (17%) или жили в общежитии (14%), совсем редко студенты проживали в квартире своего/ей партнера/ши (мужа/жены) (4%). При этом юноши чаще жили с родителями/родственниками (47% против 40%) и в собственной квартире (27% против 21%), а девушки чаще снимали жилье (19% против 11%) и жили в квартире своего партнера/мужа (5% против 0%) (табл. 6).

Чуть меньше половины опрошенных девушек снимали жилье со своими молодыми людьми (46%), четверть жили в собственной квартире, четверть — в квартире партнера. Опрошенные юноши жили со своими девушками преимущественно в собственной квартире (45%), чуть больше четверти —

Таблица 4
Table 4

Возраст студентов, состоящих в сожительстве и зарегистрированном браке, %
Age of students in cohabitation and registered marriage, %

Возраст, лет	Соžitельство			Зарегистрированный брак		
	все	юноши	девушки	все	юноши	девушки
18–20	67	64	68	–	–	5
21–24	28	36	25	–	–	52
25–29	3	0	4	–	–	29
30 и старше	3	0	4	–	–	14

Таблица 5
Table 5

Возраст партнеров студентов, состоящих в сожительстве и зарегистрированном браке, %
Age of students' partners who are in cohabitation and registered marriage, %

Возраст, лет	Соžitельство			Зарегистрированный брак		
	все	сожительница	сожитель	все	жена	муж
18–20	23	36	18	–	–	0
21–24	41	64	32	–	–	24
25–29	15	0	21	–	–	43
30 и старше	21	0	29	–	–	33

вместе с родителями (27%). То есть для девушек наиболее подходящим вариантом для совместного проживания, «пробного брака», является нейтральная территория — съемное жилье, а для юношей — собственное жилье. Возможно, в этом вопросе проявляется большая традиционность юношей, их желание обеспечить, в некотором роде обезопасить, свою будущую семью, быть ее главой. Большинство студенток, состоящих в зарегистрированном браке, имели собственную квартиру, скорее всего, общую с мужем (62%), чуть меньше трети жили в квартире мужа (29%) (табл. 7). То есть по сравнению с сожительствующими партнерами супружеские пары имеют больше возможностей для проживания в квартире, принадлежащей хотя бы одному из супругов, отдельно от других родственников. В целом можно предположить, наличие жилья является важным фактором для принятия решения о совместной жизни.

Более половины опрошенных студентов не работали (54%), четверть подрабатывали время от времени (25%), 21% — работали постоянно. Распределение ответов сожительствующих юношей и девушек на данный вопрос более равномерное: 36% подрабатывали, 33% работали постоянно, 31% не работали. Однако были отмечены значимые гендерные различия: имеющих постоянный заработок юношей в два раза больше, чем девушек (55% против 25%), а неработающих девушек оказалось в четыре раза больше, чем юношей (39% против 9%). Это подтверждает выдвинутое выше предположение о традиционности юношей, их ориентации на роль кормильца семьи. При этом большинство замужних девушек имели постоянную работу (71%), лишь пятая часть не работали (19%) (табл. 8).

Большинство опрошенных молодых людей отнесли свои семьи к семьям со средним достатком (75%), почти пятая часть — состоятельным (17%), 8% — малоимущим. По-

Таблица 6
Table 6

Место проживания студентов (независимо от семейного положения), %
Place of residence of students (regardless of marital status), %

Место проживания	Все	Юноши	Девушки
С родителями/родственниками	42	47	40
В собственной квартире	23	27	21
В съемной квартире/комнате	17	11	19
В общежитии	14	14	15
В квартире партнера/ши (мужа/жены)	4	0	5

Таблица 7
Table 7

Место проживания студентов, состоящих в сожительстве и зарегистрированном браке, %
Place of residence of students who are in cohabitation and registered marriage, %

Место проживания	Сожителство			Зарегистрированный брак		
	все	юноши	девушки	все	юноши	девушки
С родителями/родственниками	8	27	0	—	—	5
В собственной квартире	31	45	25	—	—	62
В съемной квартире/комнате	38	18	46	—	—	5
В общежитии	5	9	4	—	—	0
В квартире партнера/ши (мужа/жены)	18	0	25	—	—	29

добным образом распределились ответы состоящих в сожительстве студентов: 85%, 10% и 5% соответственно, при этом юношей, отнесших свои семьи к категории «состоятельные», почти в три раза больше (18% против 7%). Если сравнить девушек, состоящих в сожительстве и зарегистрированном браке, то последние чуть реже описывали свое материальное положение как среднее и чаще относили свою семью к состоятельным (76% против 86% и 14% против 7%, соответственно), что можно объяснить наличием постоянной работы и собственного жилья (табл. 9).

Аналогичные результаты были получены в ходе исследования «Представления студентов о роли отца» (2017–2019 гг.). Большинство молодых людей были не женаты/не замужем (57%), 28% «встречались» со своим/ей партнером/шей, 12% жили в «гражданском браке» и лишь 3% юношей и девушек состояли в официально зарегистрированных отношениях. Практически все молодые люди в момент опроса не имели детей (99%). Большинство опрошенных студентов не работали

(51%), треть подрабатывали время от времени (28%), а пятая часть — работали постоянно (22%). Что касается материального положения, большинство юношей и девушек (73%) отнесли себя и свою семью к семьям со средним достатком, пятая часть (20%) — состоятельным, всего 5% студентов отнесли свои семьи к малоимущим, 2% — богатым.

Данные проведенных исследований позволяют сделать вывод, что студенческая семья сегодня — редкое явление. В студенческие годы юноши и девушки преимущественно не состоят в отношениях и живут с родителями. Скорее всего, на данном этапе жизни большинство молодых людей имеют другие приоритеты — получение высшего образования, устройство на работу, в связи с чем откладывают момент создания семьи.

Что же можно считать моментом создания семьи? По мнению опрошенных студентов, именно официальная регистрация брака закладывает начало новой ячейки общества (38%), реже — начало совместного проживания в сожительстве (26%). Получается, официально

Таблица 8

Table 8

Наличие работы у студентов, состоящих в сожительстве и зарегистрированном браке, %
Availability of work for students who are in cohabitation and registered marriage, %

	Соžitельство			Зарегистрированный брак		
	все	юноши	девушки	все	юноши	девушки
Работаю постоянно	33	55	25	–	–	71
Подрабатываю время от времени	36	36	36	–	–	10
Не работаю	31	9	39	–	–	19

Таблица 9

Table 9

Материальное положение студентов, состоящих в сожительстве и зарегистрированном браке, %
Financial situation of students who are in cohabitation and registered marriage, %

Материальное положение	Соžitельство			Зарегистрированный брак		
	все	юноши	девушки	все	юноши	девушки
Малоимущая семья	5	0	7	–	–	10
Семья со средним достатком	85	82	86	–	–	76
Состоятельная семья	10	18	7	–	–	14
Богатая семья	0	0	0	–	–	0

зарегистрированный брачный союз — семья, а сожительство — нет? Сожительство, скорее всего, рассматривается молодыми людьми как пробный брак, поэтому 81% юношей и девушек (78% и 83% соответственно) предпочитают сначала пожить вместе, а потом зарегистрировать отношения. Сразу вступить в брак предпочитают в большей степени девушки (13% против 5%), а юноши — только в случае беременности партнерши / рождения ребенка (11% против 3%).

По мнению большинства молодых людей, семейные отношения должны характеризоваться, в первую очередь, уважением (84%), любовью (80%) и ответственностью (79%), при этом наличие сильного чувства более важно для девушек, чем юношей (83% против 72%). Более половины опрошенных отметили совместное проживание партнеров (55%). То есть в понимании студентов, гостевой брак и регулярно-раздельный брак семьей не является? Сексуальные отношения в большей степени важны для юношей (48% против 39%), а регистрация брака — для девушек (41% против 31%). Треть молодых людей считают, что семьей можно назвать только полную семью с двумя родителями (38%), при этом в большей мере это мнение отражено в представлениях юношей, чем девушек

(44% против 30%). Следует ли из этого, что девушки более лояльны к монородительским семьям? Одной из последних по значимости характеристик семьи является наличие детей (23%) (табл. 10).

Главным условием для создания семьи 84% студентов назвали наличие сильного чувства. К немаловажным факторам половина опрошенных отнесла стабильный доход хотя бы у одного из партнеров (52%) и собственное жилье (49%). Для юношей эти условия имеют большее значение (58% против 49%, 54% против 47% соответственно). Для трети молодых людей важно, чтобы стабильный доход был у обоих партнеров (36%). В большей степени это важно для девушек (38% против 31%). Примерно четверть студентов ответили, что прежде чем создавать семью, нужно устроиться на работу хотя бы одному (27%) или обоим партнерам (24%). Фактор наличия работы хотя бы у одного из партнеров в большей мере находит отражение в ответах юношей (31% против 25%). В целом можно сказать, что для создания семьи необходимы два основных фактора: эмоциональный и материальный.

Почему же молодые люди отказываются от регистрации отношений? Большинство не хотят брать ответственность (58%) и те-

Таблица 10
Table 10

Обязательные характеристики семьи, %
Mandatory characteristics of the family, %

Характеристики	Всего	Юноши	Девушки
Уважение	84	82	85
Любовь	80	72	83
Ответственность	79	76	80
Совместное проживание	55	60	63
Общие интересы	48	49	48
Сексуальные отношения	41	48	39
Регистрация брака	38	31	41
Оба родителя	34	44	30
Общий бюджет	33	30	34
Общее имущество	29	32	28
Дети	23	23	23
Венчание	19	16	20

рять свободу (56%). Такую позицию отстаивают преимущественно девушки (62% против 48%, 58% против 51% соответственно). Реже студенты отказываются от формирования брачного союза по материальным соображениям (46%), при этом юноши оказываются прагматичнее девушек (57% против 41%). 44% рассматривают своего сожителя/ницу как временного сексуального партнера/шу, а не будущего мужа/жену; столько же молодых людей считают штамп в паспорте необязательным при наличии чувств. Нужно отметить, что и той, и другой позиции придерживаются преимущественно девушки (46% против 37%, 46% против 39% соответственно). Девушкам почти в два раза чаще приходится мириться с нежеланием партнера связывать себя узами брака (44% против 28%). Реже студенты предпочитают сожительство зарегистрированному брачному союзу, если не уверены в своих чувствах (39%) или чувствах партнера (28%), причем в чувствах своей второй половинки чаще сомневаются юноши (38% против 24%). Неудачный опыт предыдущих отношений тоже может стать причиной отказа от регистрации новых отношений (31%).

Что касается репродуктивных установок студентов, большинство юношей и девушек ориентированы на двухдетную семью (57%). 17% молодых людей хотят иметь одного ребенка, 18% — трех и более детей. И в той, и другой группе преобладают ответы девушек (19% против 11%, 20% против 15% соответственно). Странниками чайлдфри являются 8% студентов, юношей среди них втрое больше (15% против 5%).

По мнению большинства молодых людей, оптимальный возраст рождения первого ребенка — 25–29 лет, так считают 66% юношей и девушек относительно мужчин и 51% — относительно женщин. Однако 41% студентов отодвигают нижнюю возрастную границу материнства до 21 года. Доля молодых людей, считающих возраст от 21 до 24 лет подходящим для становления отцом, втрое меньше (12%), при этом втрое больше убежденных в том, что это должно происходить после 30 лет (21% против 7%). То есть границы данного возрастного интервала могут быть расширены: для женщин от 21 до 29 лет (92%), для мужчин — от 25

лет и старше (87%). Таким образом, становление женщины матерью в более раннем возрасте, чем мужчины отцом, является допустимым и приемлемым.

По мнению большинства студентов, оптимальный возраст вступления мужчины в брак — 25–29 лет (64%), что совпадает с возрастом рождения первого ребенка. При этом женщина, по мнению 54% юношей и девушек, должна выходить замуж раньше — в 21–24 года, что соответствует реальному брачному возрасту опрошенных студентов. Однако 38% молодых людей считают интервал от 25 до 29 лет более подходящим для регистрации отношений.

Обсуждение результатов и заключение. Семейные отношения и семья для студентов по-прежнему являются важной составляющей, целью и частью их жизни, ориентация на создание семьи, рождение детей не исчезает, несмотря на изменения внешних условий и трансформацию самого института семьи. Студенческая семья существует, хотя сегодня это редкое, даже исключительное явление, особенно если использовать классический, традиционный подход к ее определению и рассматривать регистрацию и наличие детей как необходимые условия и признаки семейного статуса. В то же время сами отношения, которые могут сопровождаться или нет совместным проживанием пары, в дальнейшем вести или нет к созданию семьи и рождению детей, формируются именно в этот период, причем коренным образом меняется их смысл, а значит, новым содержанием наполняется и само понятие семьи. Супружество, качество отношений, партнерство становятся самыми важными характеристиками семьи для этой передовой социальной группы. Именно уважение, любовь, ответственность делают отношения семьей, а не наличие регистрации брака и даже детей. Несмотря на расхождения во взглядах юношей и девушек по отдельным вопросам, восприятие семьи в целом одинаково для представителей обоих полов. В этом контексте неудивительно, что для половины студентов регистрация брака перестает быть моментом создания семьи, формирование которой связывается или с устной договоренностью, или с началом совместного

проживания с партнером/шей. И здесь, с нашей точки зрения, очень важно не упустить интересующий нас объект анализа — студенческую семью, а расширять и конкретизировать категории, с помощью которых мы можем найти, увидеть и понять весь процесс ее становления, сложности и проблемы сохранения этой семейной группы. «Супружество» (в широком смысле, включая брак и сожительство), «партнерство» — термины, использование которых становится важным исследовательским инструментом, позволяющим проследить весь путь формирования отношений, охватить весь их спектр. Более того, доля таких семей может расти за счет семей магистров, разброс возрастов которых широк, что необходимо учитывать. Значит, студенческая семья — не всегда молодая. Безусловно, отношения — очень хрупкая вещь, а откладывание основных семейных событий (регистрации и рождения детей) — не очень продуктивная позиция, ни с точки зрения реализации общественных демографических задач, ни с точки зрения собственных физиологических возможностей и индивидуальных потребностей. Но мы далеки от мысли «клеить» молодое поколение, называя безнравственным все, что происходит сегодня в семейно-брачной сфере, скорее, здесь необходимы исследование, понимание и, возможно, принятие происходящих изменений, чтобы в дальнейшем суметь грамотно выстроить всю цепь поддержки молодой, студенческой семьи как основного социально-демографического ресурса. Сегодня уже очевидно, что этим группам для реализации своих семейных (брачных, репродуктивных) потребностей и целей необходимо «ощущать почву под ногами», но касается это, по-видимому, не только материальных вещей (трудоустройства, жилья), но и успешности в выстраивании близких, интимных отношений, супружеских или родительско-детских.

Список источников

1. Антонов А.И. Семья — какая она и куда движется? // Семья в России. 1999. №1-2. С. 30–40.
2. Антонов А.И., Жаворонков А.В., Карпова В.М. и др. Семья, дети — жизненные ценности и установки: итоги социологичес-

кого опроса населения в регионах России: коллективная монография. М.: Фонд Андрея Первозванного, 2015. 239 с.

3. Багирова А.П., Шубат О.М. Семья и родительство сквозь призму мнений студентов [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2017. С. 126–131. URL: <http://sosis.isras.ru/files/File/2017/7/Bagirova.pdf>.

4. Банникова Л.Н., Боронина Л.Н., Вишневский Ю.Р. Новые явления в ценностных ориентациях уральского студенчества [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2013. №2. С. 58–68. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_2/Bannikova.pdf.

5. Волков А.Г. Почему изменилась российская семья // Семья в России. 1999. №1-2. С. 40–53.

6. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998. 242 с.

7. Гурко Т.А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин [Электронный ресурс] // Социологическая наука и социальная практика. 2019. №2(26). С. 65–80. URL: <https://www.jour.isras.ru/upload/journals/4/articles/6410/public/6410-12118-1-PB.pdf>.

8. Гурко Т.А., Тарченко В.С. Динамика брачных установок и планов студентов [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2019. №7. С. 102–113. URL: <http://sosis.isras.ru/files/File/2019/7/Gurko.pdf>.

9. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. №1. С. 31–54.

10. Жизненные миры современной семьи: монография / З.Х. Саралиева, В.А. Блонин, Н.Ю. Егорова и др. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.

11. Егорова Н.Ю., Рябинская Е.С. Представления студенческой молодежи о роли отца в современной семье [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2019. №2(54). С. 99–105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39264166>.

12. Захаров С. Браки и разводы в современной России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2015. №625–626. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/demoscope625.pdf>.

13. Ильиных С. А. Представления о семье студентов Минска и Новосибирска [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2014. №3. С. 59–65. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_3/59-65_Ilinykh.pdf.

14. Карцева Л. В. Какую семью мы можем и должны сохранить: по материалам социологических исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. №1(45). С. 74–79.

15. Луман Н. Введение в системную теорию / Под редакцией Д. Беккера. Пер. с нем. К. Тимофеева. М.: Изд-во «Логос», 2007. 360 с.

16. Мацковский М. С. Российская семья в изменяющемся мире // Семья в России. 1995. №3-4. С. 25–30.

17. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 873 с.

18. Михеева А. Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. 156 с.

19. Назарова И. Б., Зеленская М. П. Брак, семья, обучение: установки и представления студентов [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2019. №7. С. 78–89. URL: <http://socis.isras.ru/files/File/2019/7/Nazarova.pdf>.

20. Нечаева Н. А. Представления студенческой молодежи о гендерных и семейно-брачных отношениях // Новая значимость семьи и межпоколенных отношений для России и Китая: монография / Под ред. И. И. Елисейевой; Социологический ин-т — филиал ФНИСЦ РАН. СПб.: «Реноме», 2018. С. 114–141.

21. Ростовская Т. К. Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей (итоги Всероссийского межвузовского исследования) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. №4(40). С. 73–81.

22. Саралиева З. Х., Егорова Н. Ю., Кутявина Е. Е. Молодая семья в контексте социологии семьи // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. 17. №3-4. С. 195–206.

23. Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. №1. С. 95–113.

24. Явон С. В. Ценностные ориентации молодежи среднего Поволжья [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2012. №5. С. 89–95. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_5/Yavon.pdf.

References

1. Antonov A. I. Sem'ja — kakaja ona i kuda dvizhetsja? [Family — what is it and where is it moving?]. *Sem'ja v Rossii [Family in Russia]*. 1999; (1-2): 30–40. (In Russ.).

2. Antonov A. I., Zhavoronkov A. V., Karpova V. M. et al. Sem'ja, deti — zhiznennye cennosti i ustanovki: itogi sociologicheskogo oprosa naselenija v regionah Rossii: kollektivnaja monografija [Family, children — life values and attitudes: the results of a sociological survey of the population in the regions of Russia: a collective monograph]. Moscow: Fond Andreja Pervozvannogo, 2015. 239 p. (In Russ.).

3. Bagirova A. P., Shubat O. M. Sem'ja i roditel'stvo skvoz' prizmu mnenij studentok [Family and parenthood through the prism of students' opinions] [Elektronnyj resurs]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]*. 2017. P. 126–131. URL: <http://socis.isras.ru/files/File/2017/7/Bagirova.pdf>. (In Russ.).

4. Bannikova L. N., Boronina L. N., Vishnevskij Ju. R. Novye javlenija v cennostnyh orientacijah ural'skogo studenchestva [New phenomena in the value orientations of the Ural students] [Elektronnyj resurs]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]*. 2013; (2): 58–68. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_2/Bannikova.pdf. (In Russ.).

5. Volkov A. G. Pochemu izmenilas' rossijskaja sem'ja [Why has the Russian family changed]. *Sem'ja v Rossii [Family in Russia]*. 1999; (1-2): 40–53. (In Russ.).

6. Golod S. I. Sem'ja i brak: istoriko-sociologicheskij analiz [Family and marriage: historical and sociological analysis]. Saint Petersburg: TOO TK Petropolis, 1998. 242 p. (In Russ.).

7. Gurko T. A. Predstavlenija studentov v otnoshenii roditel'stva i social'nyh rolej muzhchin i zhenshhin [Students' views on parenthood and the social roles of men and women] [Elektronnyj resurs]. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika [Sociological science and social practice]*. 2019; 2(26): 65–80. URL: <https://www.jour.isras.ru/upload/journals/4/>

articles/6410/public/6410-12118-1-PB.pdf. (In Russ.).

8. Gurko T.A., Tarchenko V.S. Dinamika brachnyh ustanovok i planov studentov [Dynamics of marital attitudes and plans of students] [Elektronnyj resurs]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2019; (7): 102–113. URL: <http://socis.isras.ru/files/File/2019/7/Gurko.pdf>. (In Russ.).

9. Gurko T.A. Teoreticheskie podhody k izucheniju transformacii instituta sem'i [Theoretical approaches to the study of the transformation of the family institute]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. 2020; (1): 31–54. (In Russ.).

10. Zhiznennye miry sovremennoj sem'i: monografija [The life worlds of the modern family: a monograph]. Z.H. Saraliev, V.A. Blonin, N. Ju. Egorova et al. N. Novgorod: Izd-vo NNGU, 2015. 264 p. (In Russ.).

11. Egorova N. Ju., Rjabinskaja E. S. Predstavlenija studencheskoj molodezhi o roli otca v sovremennoj sem'e [Representations of student youth about the role of the father in the modern family] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija Social'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Social Sciences series]. 2019; 2(54): 99–105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39264166>. (In Russ.).

12. Zaharov S. Braki i razvody v sovremennoj Rossii [Marriages and divorces in modern Russia] [Elektronnyj resurs]. *Demoskop Weekly*. 2015; (625-626). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/demoscope625.pdf>. (In Russ.).

13. Il'inyh S.A. Predstavlenija o sem'e studentov Minska i Novosibirskaja [Ideas about the family of students of Minsk and Novosibirsk] [Elektronnyj resurs]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2014; (3): 59–65. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_3/59-65_Il'inyx.pdf. (In Russ.).

14. Karceva L. V. Kakuju sem'ju my mozhem i dolzhny sohranit': po materialam sociologicheskijh issledovanij [What kind of family we can and should keep: based on the materials of sociological research]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lo-

bachevsky. Series: Social Sciences]. 2017; 1(45): 74–79. (In Russ.).

15. Luman N. Vvedenie v sistemnuju teoriju [Introduction to system theory]. Pod redakciej D. Bekkera. Per. s nem. K. Timofeeva [In D. Becker (eds.). Translated from German by K. Timofeev]. Moscow: Izd-vo «Logos», 2007. 360 p. (In Russ.).

16. Mackovskij M. S. Rossijskaja sem'ja v izmenjajushhemsja mire [The Russian family in a changing world]. *Sem'ja v Rossii* [Family in Russia]. 1995; (3-4): 25–30. (In Russ.).

17. Merton R. Social'naja teorija i social'naja struktura [Social theory and social structure]. Moscow: ACT: Hranitel', 2006. 873 p. (In Russ.).

18. Miheeva A. R. Chelovek v sfere chastnoj zhizni: vektory transformacii semejnyh otnoshenij [A person in the sphere of private life: vectors of transformation of family relations]. Novosibirsk: IJeOPP SO RAN, 2012. 156 p. (In Russ.).

19. Nazarova I. B., Zelenskaja M. P. Brak, sem'ja, obuchenie: ustanovki i predstavlenija studentov [Marriage, family, education: attitudes and representations of students] [Elektronnyj resurs]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2019; (7): 78–89. URL: <http://socis.isras.ru/files/File/2019/7/Nazarova.pdf>. (In Russ.).

20. Nechaeva N. A. Predstavlenija studencheskoj molodezhi o gendernyh i semejno-brachnyh otnoshenijah [Representations of student youth about gender and family-marriage relations]. Novaja znachimost' sem'i i mezhpokolennyh otnoshenij dlja Rossii i Kitaja: monografija [The new significance of family and intergenerational relations for Russia and China: monograph]. Pod red. I. I. Eliseevoj [In I. I. Eliseeva (eds.)]; Sociologicheskij in-t — filial FNIS RAN. Saint Petersburg: «Renome», 2018. P. 114–141. (In Russ.).

21. Rostovskaja T. K. Sozdanie studencheskoj sem'i: motivacija i zhiznennye strategii chlenov molodyh studencheskijh semej (itogi Vserossijskogo mezhvuzovskogo issledovanija) [Creating a student family: motivation and life strategies of members of young student families (results of the All-Russian Interuniversity research)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]. Series: Social Sciences. 2015; 4(40): 73–81. (In Russ.).

22. Saralievа Z. H., Egorova N. Ju., Kutjavina E. E. Molodaja sem'ja v kontekste sociologii sem'i [Young family in the context of family sociology]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo* [Personality. Culture. Society]. 2015; 17(3-4): 195–206. (In Russ.).

23. Sinel'nikov A. B. Sem'ja i brak: krizis ili modernizacija? [Family and marriage: crisis or modernization?]. *Sociologicheskij zhurnal*

[*Sociological Journal*]. 2018; 24(1): 95–113. (In Russ.).

24. Javon S. V. Cennostnye orientacii molodezhi srednego Povolzh'ja [Value orientations of youth of the Middle Volga region] [Elektronnyj resurs]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2012; (5): 89–95. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_5/Yavon.pdf. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 03.02.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Общая социология и социальная работа» факультета социальных наук, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Zaretkhan H. Saralievа — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (National Research University). 23 Gagarina ln., Nizhny Novgorod, Russia

Егорова Надежда Юрьевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Общая социология и социальная работа» факультета социальных наук, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Nadezhda Yu. Egorova — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of Department of General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (National Research University). 23 Gagarina ln., Nizhny Novgorod, Russia

Рябинская Елена Сергеевна — аспирант, социолог кафедры «Общая социология и социальная работа» факультета социальных наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.
Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Elena S. Ryabinskaya — Post Graduate Student, Sociologist of Department of General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (National Research University).
23 Gagarina In., Nizhny Novgorod, Russia

Вклад авторов:

Саралиева З. Х. — научное руководство; концепция исследования; итоговые выводы.

Егорова Н. Ю. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Рябинская Е. С. — обработка и описание данных социологического исследования; написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Saraliev Z. H. — scientific supervision; research concept; final conclusions.

Egorova N. Yu. — scientific supervision; research concept; development of methodology; writing the text; final conclusions.

Ryabinskaya E. S. — processing and describing data of the sociological research; writing the text; final conclusions.

Научная статья
УДК 316
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-209-221

РАЗВИТИЕ ГОТОВНОСТИ МОЛОДЕЖИ К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ И МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ СТУДЕНЧЕСКИХ СЕМЕЙ

Сергей Александрович Судьин¹✉, Григорий Петрович Сайфуллин²

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

²Агентство социально-демографического развития, Нижний Новгород, Россия
¹sudjin@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-3625-6804, AuthorID РИНЦ: 445007,
AuthorID Scopus: 26031196200, WoS Research ID: D-5052-2019

²gsayfullin@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9826-2652, AuthorID РИНЦ: 9620-6450

Аннотация. Целью исследования является анализ готовности студенческой молодежи к семейной жизни и разработка конкретных предложений по ее развитию, а также разработка направлений совершенствования мер государственной и корпоративной поддержки студенческих семей.

Методологическую базу исследования составили концептуальные подходы в сфере демографического (брачно-семейного и репродуктивного) поведения молодежи, а также подходы к анализу эффективности и совершенствованию семейной и демографической политики.

Результаты исследования. Современные тенденции в отложенном создании семьи молодежью часто связаны с продолжительным получением образования и профессионального становления. В статье проведен анализ существующих мер поддержки студенческих семей, разработаны и обоснованы предложения по совершенствованию мер государственной и корпоративной социально-экономической поддержки студенческих семей. На основе реализации авторской межрегиональной программы «Любовь. Семья. Счастье» (2012–2022) и более 45 социальных проектов в сфере укрепления традиционных семейных ценностей в молодежной среде предложены подходы к развитию социально-психологической готовности студенческой молодежи к семейной жизни на базе специальных образовательных программ и практик развития студенческих просемейных сообществ.

Перспективы исследования заключаются в развитии исследований и разработке комплексных мер государственной поддержки молодых студенческих семей в России, внедрении эффективных практик подготовки студенческой молодежи к семейной жизни.

Ключевые слова: демографическое поведение, студенческие семьи, готовность к семейной жизни, демографическая политика, образовательное семейведение

Для цитирования: Судьин С. А., Сайфуллин Г. П. Развитие готовности молодежи к семейной жизни и меры поддержки студенческих семей // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 209–221. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-209-221>.

Благодарности: статья выполнена на основе анализа опыта реализации программы «Любовь. Семья. Счастье», реализованной Агентством социально-демографическо-

го развития совместно с партнерами — высшими учебными заведениями и некоммерческими организациями России и Беларуси в 2012–2022 годах.

Original article

DEVELOPMENT OF YOUTH READINESS FOR FAMILY LIFE AND MEASURES TO SUPPORT STUDENT FAMILIES

Sergey A. Sudin¹✉, Grigoriy P. Sayfullin²

¹*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia*

²*Agency of Social and Demographic Development, Nizhny Novgorod, Russia*

¹*sudjin@mail.ru* ✉, *ORCID: 0000-0002-3625-6804, AuthorID РИИЦ: 445007,*
AuthorID Scopus: 26031196200, WoS Research ID: D-5052-2019

²*gsayfullin@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9826-2652, AuthorID RSCI: 9620-6450*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze and develop specific proposals for the development of the readiness of students for family life and directions for improving measures of state and corporate support for student families.*

The methodological basis of the study consisted of conceptual approaches in the field of demographic (marital, family and reproductive) behavior of young people, as well as approaches to analyzing the effectiveness and improvement of family and demographic policy.

The results of the study. Modern trends in delayed family creation by young people are often associated with long-term vocational education. The article analyzes the existing measures of support for student families, develops and substantiates conceptual and applied proposals for improving measures of state and corporate socio-economic support for student families. Based on the implementation of the author's interregional program «Love. Family. Happiness» (2012–2022) and more than 45 social projects in the field of strengthening traditional family values among young people, approaches to the development of socio-psychological readiness of students for family life on the basis of special educational programs and practices for the development of student pro-family communities are proposed.

The prospects of the research are the development of research and the comprehensive development of measures of state support for young student families in Russia, the introduction of effective practices for preparing students for family life.

Keywords: *demographic behavior, student families, readiness for family life, demographic policy, educational family studies*

For citation: *Sudin S. A., Sayfullin G. P. Development of youth readiness for family life and measures to support student families // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 209–221. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-209-221>.*

Acknowledgments: *the article is based on the analysis of the experience of the implementation of the program «Love. Family. Happiness», implemented by the Agency for Socio-Demographic Development together with partners — higher educational institutions and non-profit organizations of Russia and Belarus in 2012–2021.*

Введение. С позиции репродуктивного здоровья, студенческий возраст (18–25 лет) является наиболее благоприятным периодом для рождения первого ребёнка. Семья в системе жизненных ценностей молодежи традиционно занимает лидирующую позицию, и абсолютное большинство молодежи называют возраст до 25 лет оптимальным для создания семьи. Однако продолжительный процесс получения образования и последующего профессионального становления сдерживает создание семьи и рождение детей, негативно влияя на реализацию демографического (брачно-семейного и репродуктивного) поведения. Это явление, характерное для большинства развитых стран, особенно заметно в женском брачном и репродуктивном поведении и требует дополнительных и серьезных научных исследований [10; 11].

Нередко при наступлении беременности выбор делается в пользу реализации образовательной и профессиональной стратегии. Искусственное прерывание беременности чревато серьезными рисками и для здоровья женщины, и для качества отношений в паре. Профилактика аборт как средства планирования семьи является важной задачей демографического развития [6], поэтому крайне важно способствовать созданию условий для совмещения процессов получения образования, рождения и воспитания детей в семье.

На фоне декларируемой высокой значимости семьи как ценности в брачно-семейном и репродуктивном поведении происходят обратные тенденции [7]: повышается средний возраст вступления в брак, сохраняется высокий уровень разводов, распространяются сожительства, ухудшается статистика заболеваний, передающихся половым путем, а также сокращается рождаемость — основная причина малодетности большинства российских семей [8].

В связи с этим особое значение приобретает поиск социально-политических и социально-демографических решений, направленных на развитие готовности студенческой молодежи к семейной жизни, и эффективных подходов к социально-экономической поддержке студенческих семей.

Брачное и репродуктивное поведение тесно связаны между собой [4]. С позиции

решения представленных проблем на первом этапе очевидна необходимость воздействия на брачное поведение, т.е. содействие увеличению браков среди студенческой молодежи при одновременном снижении количества сожительства и разводов в молодых семьях. Во всех разрабатываемых мерах государственной и корпоративной политики важно формировать прямые механизмы создания условий для рождения и семейного воспитания детей. Это важно не только с позиции демографического развития государства, но и с точки зрения самой молодой семьи, поскольку, как отмечает Т.К. Ростовская, детность выступает основным критерием оценки ее благополучия [3].

Оптимальным возрастом для вступления в брак, по мнению молодежи, считается 26 лет для мужчин и 23 года для женщин. Но реальное поведение не соответствует этим представлениям: даже в возрастной группе 23–27 лет состоят в зарегистрированном браке лишь около трети, четверть проживает в незарегистрированных союзах и почти половина — вне брака и постоянных партнерств. Показательно, что откладывание создания семьи и регистрации брака провоцирует распространение сожительства: это отражается увеличением доли партнерств и сожительства в возрастной группе 23–27 лет, в то время как их доля в остальных группах остается относительно стабильной [2].

Существуют различные трактовки понятия «студенческая семья». Под этой категорией мы понимаем зарегистрированный в установленном законодательством Российской Федерации брак мужчины и женщины, в том числе воспитывающих ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно, один из супругов (или оба супруга) которого осваивают образовательные программы среднего профессионального образования, программы бакалавриата, специалитета или магистратуры. Данное определение может быть расширено, например, за счет включения студентов программ аспирантуры, ординатуры, интернатуры, адъюнктуры, но и в представленном виде оно не только соответствует содержанию специфики студенческой семьи, но и отвечает положениям действующего законодатель-

ства, в том числе положениям обновленной Конституции РФ¹, Семейного кодекса РФ², федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»³, принятого федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации»⁴.

В качестве методологической основы исследования используются положения теории институционального кризиса семьи, исследований в области демографического поведения (А.И. Антонов, В.Н. Архангельский, В.М. Медков, Т.К. Ростовская, З.Х. Саралиева, А.Б. Синельников), а также различные подходы к анализу эффективности и совершенствованию семейной и демографической политики.

Общая цель исследования заключается в анализе готовности студенческой молодежи к семейной жизни и разработке конкретных предложений по ее развитию и совершенствованию мер государственной и корпоративной поддержки студенческих семей.

Результаты и обсуждение. Готовность молодежи к семейной жизни – комплексный феномен. Но на основе проведенного анализа научной литературы и авторских исследований среди значимых компонентов готовности к семейной жизни помимо физиологической зрелости следует выделять социально-психологические и социально-экономические компоненты. Соответствующим образом представлены предложения по совершенствованию мер государственной и корпоративной поддержки.

Развитие социально-экономической готовности студенческой молодежи. Среди социально-экономических условий, оказывающих влияние на репродуктивное поведение студенческой семьи, следует выделить жилищные условия, регулярные доходы для обеспечения потребностей семьи, а также возможности для совмещения семейной жизни и процесса получения профессионального образования.

Условия обеспечения студенческой семьи регулярным доходом при уходе за ребенком. Существующая система государственной социальной защиты беременных женщин и система социального страхования ориентированы в большей степени на поддержку трудоустроенных женщин, имеющих страховой стаж до наступления беременности, и сдерживает репродуктивное поведение женщин, очно получающих профессиональное образование. Так, в соответствии с действующим законодательством для трудоустроенных женщин размер пособия по беременности и родам рассчитывается на основе среднедневного заработка за последние 2 года, а для обучающихся на очной форме — на основе среднедневного размера получаемой стипендии. Учитывая это, размер пособия при беременности и родам, начисляемый от средней заработной платы, может превышать пособие, начисляемое от среднего размера государственной академической стипендии в 20 и более раз в зависимости от субъекта РФ и категории стипендии. В абсолютном выражении по состоянию на 01.01.2022 г. для пособия по беременности и родам при одноплодной беременности и ее нормальном течении (140 дней) разница между размером пособия по беременности и родам для студенток, получающих образование в очной форме, и для трудоустроенных женщин может составлять до 356 тысяч рублей при использовании минимального размера государственной академической стипендии (К1) и предельно допустимого размера пособия для работающих женщин.

Очевидно, в логику данных нормативно-правовых актов были заложены принципы дополнительного стимулирования активной трудовой деятельности и оптимизация расходных социальных обязательств. Студенческой семье сложнее получать достаточный доход из-за ее включенности в образовательный процесс, в силу чего она является социально незащищенной категорией. Это усугубляется в случае, когда ро-

1 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.).

2 «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 г. №223-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.).

3 Федеральный закон от 29.12.2012 г. №273-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022 г.).

4 Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».

дители и близкие родственники студентов находятся в другом населенном пункте или субъекте РФ. Ввиду изменяющихся моделей демографического поведения и нарастающих негативных тенденций данные аспекты, по мнению авторов настоящей статьи, следует пересмотреть. Так, на первом этапе предлагается установить, что при начислении пособия по беременности и родам неработающим женщинам необходимо применять наибольшее значение между размером текущего дохода (стипендии) и установленным минимальным размером оплаты труда. На следующем этапе целесообразно перейти к применению в расчетах наибольшего значения между размером текущего дохода (стипендии) и официально установленным среднерыночным размером оплаты труда в субъекте РФ. Соответственно, необходимо будет внести изменения в нормы действующего законодательства⁵. Кроме того, предлагается включить студенческую семью в число льготных категорий, что даст основания и для начислений социальных стипендий молодым родителям из числа студентов.

Конечно, это потребует дополнительных бюджетных расходов, однако обеспечит необходимые гарантии для такой социально уязвимой категории, как студенческая семья, и будет способствовать созданию равных условий для обеспечения ухода за детьми вне зависимости от статуса женщины и её страхового стажа.

В настоящее время наиболее распространенной мерой корпоративной, т.е. оказываемой вузом, социально-экономической поддержки студенческой семьи является предоставление разовой материальной помощи при наступлении семейных событий — создания семьи, рождения ребенка. В практике высших учебных заведений сумма поддержки обычно составляет от 1000 до 5000 рублей. Эта помощь чаще всего предоставляется первичными профсоюзными организациями студентов из собственных фондов, основным источником формирования которых являются взносы, обычно не превышающие 1–2%

от размера государственных академических стипендий студентов-бюджетников, являющихся членами профсоюзов.

Выплата ежемесячной материальной помощи студенческим семьям, имеющим несовершеннолетних детей, представляется актуальной мерой. Данная материальная помощь должна предоставляться по факту появления в студенческой семье ребенка без учета ее соответствия критериям нуждаемости. Только в этих условиях меры социально-экономического характера могут значимо влиять на демографическое поведение [5].

Создание жилищных условий для студенческих семей. К сожалению, существующие механизмы государственной поддержки молодых семей в сфере улучшения жилищных условий, в том числе механизмы льготного кредитования и субсидий в рамках основной госпрограммы⁶, во многом являются низкоэффективными и на практике труднодоступными (особенно для студенческих семей). Ситуация еще более осложнилась на фоне существенного (до 70%) роста стоимости объектов жилой недвижимости в 2020–2021 гг.

В сегодняшних условиях наиболее реалистичной и эффективной мерой улучшения жилищных условий студенческих семей можно считать предоставление отдельной комнаты в общежитии для совместного проживания студенческой семьи. В ряде университетов в настоящий момент подобная практика имеется, однако, как правило, сопровождается рядом ограничений. Например, на совместное проживание членов студенческой семьи, если один из супругов не является студентом университета, предоставившего общежитие; на проживание во время нахождения в академическом отпуске (что актуально для девушек-студенток в предродовой и послеродовой период); на временное нахождение родственников, например, в период раннего ухода за новорожденным; на проживание с маленькими детьми и предоставление помещений для студентов, обучающихся на платной основе. На наш взгляд, все данные ограничения

⁵ В первую очередь, в статью 8 Федерального закона от 19.05.1995 г. №81-ФЗ (ред. от 06.12.2021 г.) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей».

⁶ Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 30.12.2017 г. №1710.

должны быть пересмотрены в пользу студенческой семьи, воспитывающей ребенка, поскольку условия проживания являются одним из ключевых факторов в ситуации репродуктивного выбора студенческой семьи. Кроме того, в рамках программ капитального ремонта общежитий, а также при проектировании новых студенческих кампусов необходимо предусматривать создание условий для проживания семей с детьми.

Создание условий для формирования студенческой семьи. К необходимым мерам здесь следует отнести развитие форм обеспечения гибких условий для обучения членам студенческих семей, в которых воспитываются маленькие дети, в числе которых необходимо назвать доступность гибких форм получения образования и формирование индивидуальных учебных планов.

Другой очень важной мерой поддержки студенческих семей в получении непрерывного образования может выступать развитие на базе учебных заведений детских садов или отделений дневного пребывания для детей. Опыт создания детских садов при крупных организациях был широко распространен в СССР, когда родители могли оставить ребёнка под присмотром опытных педагогов и, находясь недалеко от малыша, продолжать обучение или работать. Так, с 1960 г. при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова действует детский сад, который на льготной основе организует получение дошкольного образования детьми сотрудников университета, а также студентов и аспирантов очной формы обучения. В детском саду Университета работает ясельная группа, которая принимает детей от 1,5 лет⁷.

Центры дошкольного образования и два детских сада действуют при Донском государственном техническом университете. Помимо льготной оплаты, студентам и преподавателям разрешается выбрать гибкий график посещения детского сада детьми с 3 лет⁸. В университете реализуется собственная социальная программа предоставления сотрудникам и студентам путевок для отдыха в детских лагерях и санатории-профилактории вуза на льготных условиях.

В Томском государственном университете имеется детский сад, принимающий детей студентов и сотрудников в группы полного дня в возрасте от 3 лет, в группы кратковременного пребывания — от 1, 5 лет⁹. В настоящее время подобные детские сады также работают при Уральском федеральном университете¹⁰, Южном федеральном университете, Дальневосточном федеральном университете¹¹.

Для университета подобная деятельность может выступать базой для студенческой педагогической практики. Так, функционирующая с 2018 г. на базе Центра дошкольной педагогики Вятского государственного университета группа бесплатного кратковременного пребывания для детей от 2 до 5 лет выступает ресурсной базой для подготовки педагогов дошкольного образования¹².

Дошкольные группы открываются и в учреждениях среднего профессионального образования, например, на базе Астраханского государственного колледжа профессиональных технологий¹³.

Следует отличать дошкольные учреждения при вузах, созданные для краткосрочного пребывания детей студентов и сотрудников, от специальных (коррекционных) детских дошкольных учреждений для детей с ОВЗ.

7 Московский государственный университет. Детский сад №82 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.msu.ru/info/struct/detsad/> (дата обращения: 10.01.2022).

8 Центр дошкольного образования ДГТУ [Электронный ресурс] // URL: <https://donstu.ru/structure/administrative/tsentr-doshkolnogo-obrazovaniya-dgtu/> (дата обращения: 10.01.2022).

9 Томский государственный университет. Детский сад №49 [Электронный ресурс] // URL: <http://detsad49.tsu.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).

10 Детский сад УРФУ [Электронный ресурс] // URL: <https://urfu.ru/ru/about/units/pp1/detskii-sad-urfu/> (дата обращения: 10.01.2022).

11 Университет для малышей. Центр развития ребенка — детский сад ДВФУ [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dvfu.ru/news/febu-news/universitet-dla-malysej/> (дата обращения: 10.01.2022).

12 Центр дошкольной педагогики Вятского государственного университета [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vyatsu.ru/internet-gazeta/gruppa-kratkovremennogo-prebyvaniya-detey-vyatsko.html> (дата обращения: 10.01.2022).

13 Недетский вопрос: что мешает вузам открывать свои ясли и детсады планете [Электронный ресурс] // ТАСС. 06.07.2017. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4391808> (дата обращения: 10.01.2022).

Примером здесь могут выступать специальные (коррекционные) детские сады и группы на базе Казанского федерального университета и Приволжского исследовательского медицинского университета, созданные для детей с расстройствами аутистического спектра и другими ментальными нарушениями.

Важно учитывать, что крупные вузы страны имеют несколько учебных корпусов, которые часто находятся в разных частях города. Ввиду этого молодым матерям не всегда удобно возить ребёнка далеко от места своего обучения на несколько часов. Поэтому целесообразно создать в каждом корпусе учебного заведения специальные компактные пространства в формате комнат матери и дитя по примеру аэропортов, ж/д вокзалов, торговых центров с возможностью осуществления ухода за ребёнком или кратковременного присмотра.

Не всегда создание детских комнат на базе учебных заведений или развитие иных мер может быть экономически целесообразным в сравнении с альтернативными формами поддержки. Это может быть связано с региональными особенностями, спецификой образовательной организации, удалённостью учебных корпусов общежитий и других объектов инфраструктуры вуза друг от друга, небольшим количеством студенческих семей в общей структуре контингента обучающихся и низкой востребованностью предлагаемых услуг, наличием ограничений для выполнения санитарных и противопожарных требований. Учебные заведения не должны подменять собой государственные и муниципальные дошкольные учреждения. Главный принцип при реализации подобных мер корпоративной социальной политики должен заключаться в концептуальном решении вопроса о создании условий для возможного совмещения процесса получения образования и создания семьи, рождения и воспитания детей в студенчестве. Исходя из специфики учебного заведения, в конкретных случаях могут применяться индивидуальные решения, в том числе предоставление приоритетного права на посещение муниципальных или региональных детских дошкольных образовательных учреждений, компенсация затрат на услуги по уходу за ребёнком, частные студии дневного пребывания, услуги социальных нянь, создание об-

щей для нескольких учебных заведений в масштабе одного города объектов социальной инфраструктуры для студенческих семей.

Источники финансирования мер корпоративной поддержки студенческих семей. В качестве наиболее очевидных источников финансирования можно назвать бюджеты первичных профсоюзных организаций студентов и собственные средства учебного заведения, особенно от приносящей доход деятельности. Это может быть отражено в коллективных договорах и других внутренних нормативных актах учебного заведения в качестве элемента корпоративной социальной ответственности. Помимо этого, источниками финансирования вышеперечисленных мер социальной и материальной поддержки могут выступать средства от использования фондов целевых капиталов, в том числе с привлечением коммерческих партнеров университета и ассоциаций выпускников учебных заведений. Для средних специальных учебных заведений, учредителями которых часто являются органы исполнительной власти субъектов РФ, подобные меры могут оцениваться как формы региональной поддержки молодых семей и обеспечиваться на основе нормативно-правовых актов при финансовой поддержке (субсидиях) органов исполнительной власти субъектов РФ.

Современная модель управления высшими учебными заведениями устроена таким образом, что для системного развития мер поддержки студенческих семей необходимо хотя бы одно из следующих условий:

— включение комплекса мер поддержки студенческой семьи в число аккредитационных критериев учебного заведения Министерством образования и науки РФ либо нормативно-правовым актом другого ведомства, которое является учредителем высшего учебного заведения;

— включение комплекса мер поддержки студенческой семьи в программу развития учебного заведения с оценкой влияния на региональную среду и достижением положительных социальных эффектов в рамках «третьей миссии университетов», наподобие реализованных программ развития опорных вузов или реализуемых с 2021 г. программ вузов «Приоритет-2030»;

— наличие личной и реальной заинтересованности руководителей органов власти субъектов РФ, ректоров и управленческих команд учебных заведений в реализации подобных программ поддержки студенческих семей с привлечением коллективов сотрудников и обучающихся, а также внешних партнеров и иных заинтересованных сторон.

Очевидно, что во всех иных случаях меры поддержки студенческих семей будут носить формальный, условный и несистемный характер. Создание на базе учебного заведения специальных условий для формирования студенческих семей является не только элементом их социальной защиты, но и социальной справедливости. Будет преодолена фактически существующая дискриминация семейного студенческого меньшинства и созданы равные условия для его личностного развития, учебной и внеучебной деятельности.

Развитие социально-психологической готовности к семейной жизни у студенческой молодежи на основе образовательных проектов и развития просемейных молодежных сообществ. Даже самые совершенные меры социально-экономической поддержки студенческой семьи не дадут необходимого эффекта при низком уровне ценностных ориентаций на семью, отсутствии потребности в семье, детях и несформированности у молодежи социально-психологической готовности к семейной жизни [1]. Существенное и в большей степени негативное влияние оказывают современные медиа. Но при этом одним из наиболее эффективных способов развития социально-психологической готовности молодежи к семейной жизни являются интерактивные практики образовательного семействования, а также развитие молодежных просемейных сообществ.

С 2012 г. реализуется авторская программа «Любовь. Семья. Счастье»¹⁴, направленная на развитие социально-психологической готовности молодежи к семейной жизни. В рамках программы в 37 субъектах Российской Федерации и Республики Беларусь были проведены очные образовательные тематические мероприятия по развитию готовности

школьной и студенческой молодежи к семейной жизни, охватившие в общей сложности свыше 6000 человек.

Студенческие просемейные сообщества имеют большой потенциал для развития готовности к семейной жизни. В качестве успешного примера студенческих форумов семейной направленности можно привести реализованные Астраханским государственным университетом окружные просемейные форумы «Семейная этноакадемия» (2020 г.) и «Я. Семья. Мы» (2021 г.). В числе преимуществ данных мероприятий следует отметить наличие комплексной и целостной трехдневной образовательной программы, формирование индивидуальных траекторий личностного развития и подготовки к семейной жизни, привлечение межрегиональной профессиональной команды спикеров, имеющих успешный опыт многолетнего родительства, интерактивный формат взаимодействия, включающий семинары, интенсивы, тренинги и насыщенную творческую программу. Одним из результатов мероприятий следует отметить разработку участниками комплекса социальных проектных инициатив, в дальнейшем интегрированных в программу воспитательной работы университета и создание университетского просемейного молодежного сообщества.

Развитие проектов по укреплению семейных ценностей в студенческой среде может выходить за рамки одного учебного заведения и стать основой для межрегионального вузовского сотрудничества. Так, в 2018 г. Приволжским исследовательским медицинским университетом был успешно реализован проект «Семейный университет Приволжья». Проект охватывал целую серию мероприятий (экспертные мероприятия, проведение прикладных исследований, образовательные интенсивы по развитию готовности к семейной жизни, развитие просемейных молодежных сообществ), которыми было охвачено более 500 студентов Приволжского федерального округа (далее — ПФО). Важным практико-ориентированным направлением как с позиции личностного совершенствования, так и с позиции профессионального развития стало проведение проектных школ «Техноло-

¹⁴ Программа «Любовь. Семья. Счастье». [Электронный ресурс] // URL: <https://lovefamilyhappy.ru/> (дата обращения: 20.01.2022).

гии и практики семейного просвещения молодежи. Создание и развитие студенческих семейных клубов» и организация конкурсов лучших проектных и исследовательских работ, в которых приняли участие 240 студентов гуманитарных специальностей.

С позиции формирования социально-психологической готовности к семейной жизни особое значение представляют практики и программы образовательного семействования. Они нацелены на системное усвоение участниками тем, касающихся подготовки к созданию семьи, профилактики конфликтов и разводов, сознательного укрепления отношений, и обладают большим потенциалом результативности. Однако к ним предъявляются высокие требования к содержанию, форме подачи материала и качествам ведущих. По результатам анализа опроса студентов — участников интенсив-курсов проекта «Семейный университет Приволжья» (N = 548, 2018 г.), наиболее значимыми и положительно воспринятыми элементами интенсив-курса были названы:

- игры, взаимодействие, практика (28%);
- информация, статистика, ответы на вопросы, графики (15%);
- ведущие, атмосфера проведения (13%);
- общение, знакомства, жизненные примеры (13%);
- отдельные содержательные элементы, например, разбор тем влюблённости, любви, ценностей (10%);

— «5 вопросов», помогающие определить жизненные ценности другого человека (3%); всё в совокупности (18%).

Развитие института студенческой семьи в России является важной общественно-государственной задачей, и для её решения можно предложить следующие решения.

1. Включение перечисленных в настоящей статье мероприятий по развитию готовности студенческой молодежи к семейной жизни в национальный проект «Демография», программы развития высших учебных заведений, подведомственных Министерству высшего образования и науки Российской Федерации.

2. Развитие институциональных структур по развитию воспитательной, социальной и исследовательской деятельности в сфере укрепления семейных ценностей в студенческой среде на базе учебных заведений. Примерами таких структур могут выступать Центр демографии, репродуктивистике и изучения вопросов семьи (Вятский государственный университет, 2016–2018), Проектно-аналитический офис демографического развития (Приволжский исследовательский медицинский университет, 2018–2019), Центр защиты семьи, материнства и детства (Курский государственный университет, 2018–2022). Подобные структуры набирают популярность. Так, в августе 2021 г. на базе Севастопольского госуниверситета принято решение о создании Центра семьи и детства, реализующего 4 направления деятельности:

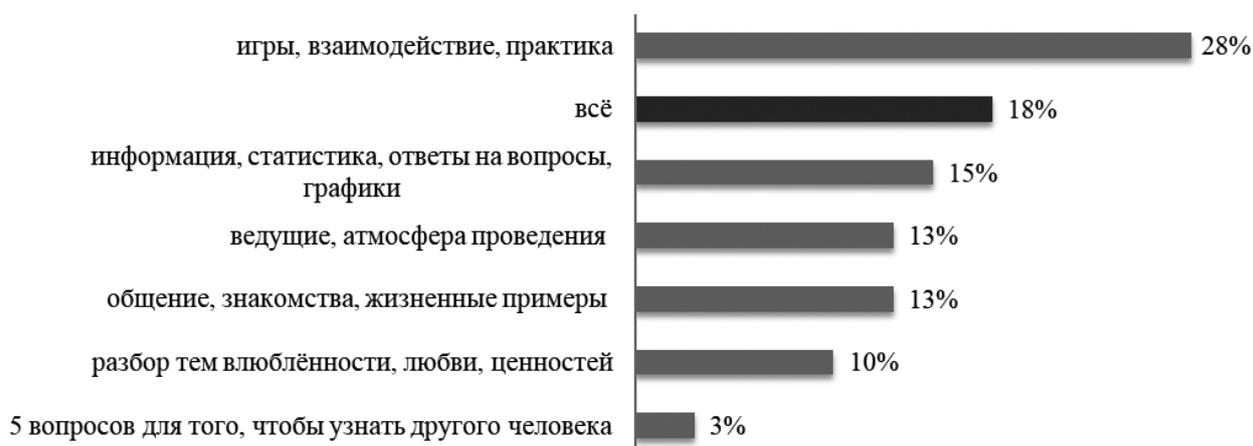

Рис. 1. Оценка студентами наиболее значимых элементов интенсива
Fig. 1. Students' assessment of the most significant elements of the intensive

исследовательское, просветительское, социально-проектное, экспертное.

3. Важным элементом повышения заинтересованности руководителей учебных заведений к организации деятельности по укреплению семейных ценностей и поддержки молодых семей в студенческой среде является система профессиональных конкурсов.

До 2017 г. Министерством образования и науки РФ ежегодно проводился конкурс по предоставлению субсидий на программы развития деятельности студенческих объединений. С 2018 г. его фактическим преемником стал проводимый Федеральным агентством по делам молодежи Всероссийский конкурс молодежных проектов среди учреждений высшего образования. В 2022 г. конкурс претерпел значимые изменения, но в числе номинаций сохранилась тематика сбережения семейных ценностей в молодежной среде.

В ноябре 2020 г. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации совместно с Российским государственным гуманитарным университетом провели конкурс-мониторинг «Практики организации воспитательной работы с обучающимися образовательных организаций высшего образования». Конкурс проводился по 13 номинациям, общее число поданных заявок — 412 из 66 субъектов РФ. В номинации «Духовно-нравственное и семейное воспитание» вузами были представлены к защите 15 проектов по развитию клубов студенческих семей, творческих конкурсов, образовательных форумов, просветительских акций по укреплению семейных ценностей в молодежной среде.

В 2021 г. Государственный институт новых форм обучения проводил Марафон лучших практик по применению новых технологий обучения, воспитания и социализации обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов в вузах Российской Федерации в рамках «Десятилетия детства»¹⁵. И хотя сам марафон проводился не по тематике непосредственно студенческой семьи, но эта идея может быть распространена и на нее. Исходя из авторского опыта участия в качестве эксперта и члена

конкурсных комиссий вышеуказанных мероприятий, можно предложить следующие направления их развития:

— особое внимание при оценке проектов необходимо уделять анализу социальных эффектов, что должно отражаться в конкурсной документации;

— среди содержательных форм реализации проектов особое внимание уделять образовательно-познавательным программам по формированию готовности молодежи к семейной жизни, а также развитию просемейных студенческих сообществ;

— осуществлять системную работу по расширению охвата участников данных конкурсов;

— формировать с помощью проектов модели семейного поведения (в настоящее время организаторы вузовских проектов нередко уравнивают статусы различных партнерств и студенческих семей);

— увеличение финансирования проектов семейной направленности в общей структуре грантовых конкурсов Федерального агентства по делам молодежи и Фонда Президентских грантов. Исходя из результатов прошедших конкурсов очевидно, что «семейное» направление пока остается второстепенным.

4. Авторский опыт разработки в 2019–2020 гг. образовательной программы Всероссийского форума молодых семей, организованного Федеральным агентством по делам молодежи, показывает, что форумы молодых семей имеют потенциал драйвера к развитию данной сферы, но только при условии качественной разработки, комплексности и премодекации модулей образовательной программы.

5. Целесообразным считаем и создание Федерального методического центра по укреплению семейных ценностей и поддержке молодых семей в студенчестве. Данный Центр может быть создан как отдельное государственное учреждение, так и путем наделения дополнительными полномочиями уже существующих образовательных, исследовательских или некоммерческих организаций с предоставлением соответствующих ресурсов.

¹⁵ План основных мероприятий в рамках «Десятилетия детства» на период до 2027 г. Утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.01.2021 г. №122-р.

Заключение. Студенческие семьи играют важную роль в семейно-демографическом развитии страны. Однако в отсутствии системных и адекватных мер поддержки длительный процесс получения образования негативно отражается на брачно-семейном и репродуктивном поведении студенческой молодежи. В ходе настоящего исследования были представлены практические предложения по совершенствованию государственной семейной и демографической политики, а также меры корпоративной социальной ответственности учебных заведений с целью развития готовности молодежи к семейной жизни и поддержке студенческих семей.

Список источников

1. Демографические процессы в России XXI века / А.И. Антонов, В.М. Медков, В.Н. Архангельский; Отв. ред. А.И. Антонов. М.: Грааль, 2002. 167 с.
2. Логинов Д.М. Традиционные и новые паттерны демографического поведения современной городской молодежи // Народонаселение. 2021. Т. 24. №2. С. 165–178.
3. Ростовская Т.К. Благополучие молодой семьи — основа качества жизни молодежи // Международный академический вестник. 2014. №1. С. 30–33.
4. Ростовская Т.К. Репродуктивные установки в российском обществе: по данным всероссийского социологического исследования / Т.К. Ростовская, Е.А. Князькова // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. №2. С. 121–129.
5. Сайфуллин Г.П. Актуальные предложения по совершенствованию семейно-демографической политики России, направленные на преодоление рисков современного демографического кризиса // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 4. №8. С. 64–75.
6. Сайфуллин Г.П. Главный резерв обеспечения национальной демографической безопасности России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 2. №8. С. 164–168.
7. Семейная экосистема человека: демография / З.Х. Саралиева, Г.Л. Воронин,

С.А. Судьин, Д.А. Шпилев и др. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2018. 225 с.

8. Синельников А.Б. Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019. №2. С. 26–39.

9. Bengtson V.L., Allen K.R. The Life Course Perspective Applied to Families over Time // Boss P., Doherty W.J., LaRossa R., Schumm W.R., Steinmetz S.K. (eds). Sourcebook of Family Theories and Methods. Boston, MA: Springer, 2009. P. 469–504.

10. Isen A., Stevenson B. Women's Education and Family Behavior: Trends in Marriage, Divorce and Fertility. National Bureau of Economic Research. 2010. №15725. P. 1–22.

11. Martin T.C. Women's Education and Fertility: Results from 26 Demographic and Health Surveys. Studies in Family Planning. 1995. Vol. 26. №4. P. 187–202.

References

1. Demograficheskie processy v Rossii XXI veka [Demographic processes in Russia of the XXI century]. A.I. Antonov, V.M. Medkov, V.N. Arhangel'skij; Otв. red. A.I. Antonov [In A.I. Antonov (eds.)]. Moscow: Graal', 2002. 167 p. (In Russ.).
2. Loginov D.M. Tradicionnye i novye patterny demograficheskogo povedeniya sovremennoj gorodskoj molodjozhi [Traditional and new patterns of demographic behavior of modern urban youth]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021; 24(2): 165–178. (In Russ.).
3. Rostovskaja T.K. Blagopoluchie mladodj sem'i — osnova kachestva zhizni molodezhi [The well-being of a young family is the basis of the quality of life of young people]. *Mezhdunarodnyj akademicheskij vestnik [International Academic Bulletin]*. 2014; (1): 30–33. (In Russ.).
4. Rostovskaja T.K. Reproductivnye ustanovki v rossijskom obshhestve: po dannym vserossijskogo sociologicheskogo issledovanija [Reproductive attitudes in Russian society: according to the All-Russian sociological research]. T.K. Rostovskaja, E.A. Knjaz'kova. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences]*. 2021; 14(2): 121–129. (In Russ.).

5. Sajfullin G. P. Aktual'nye predlozhenija po sovershenstvovaniju semejno-demograficheskoj politiki Rossii, napravlennye na preodolenie riskov sovremennogo demograficheskogo krizisa [Current proposals for improving the family and demographic policy of Russia aimed at overcoming the risks of the modern demographic crisis]. *Jekonomika i upravlenie: problemy, reshenija* [Economics and management: problems, solutions]. 2017; 4 (8): 64–75. (In Russ.).

6. Sajfullin G. P. Glavnyj rezerv obespechenija nacional'noj demograficheskoj bezopasnosti Rossii [The main reserve for ensuring the national demographic security of Russia]. *Jekonomika i upravlenie: problemy, reshenija* [Economics and management: problems, solutions]. 2016; 2(8): 164–168. (In Russ.).

7. Semejnaja jekosistema cheloveka: monografija [The human family ecosystem: monograph]. Z. H. Saraliev, G. L. Voronin,

S. A. Sud'in, D. A. Shpilev et al. N. Novgorod: Izd-vo NISOC, 2018. 225 p. (In Russ.).

8. Sinel'nikov A. B. Transformacija braka i rozhdaemost' v Rossii [Transformation of marriage and fertility in Russia]. *Narodonaselenie* [Population]. 2019; (2): 26–39. (In Russ.).

9. Bengtson V. L., Allen K. R. The Life Course Perspective Applied to Families over Time // Boss P., Doherty W. J., LaRossa R., Schumm W. R., Steinmetz S. K. (eds). *Sourcebook of Family Theories and Methods*. Boston, MA: Springer, 2009. P. 469–504.

10. Isen A., Stevenson B. Women's Education and Family Behavior: Trends in Marriage, Divorce and Fertility. National Bureau of Economic Research. 2010. №15725. P. 1–22.

11. Martin T. C. Women's Education and Fertility: Results from 26 Demographic and Health Surveys. *Studies in Family Planning*. 1995. Vol. 26. №4. P. 187–202.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 03.02.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Судин Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общая социология и социальная работа», Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Россия, г. Нижний Новгород, Университетский пер., 7, к. 201

Sergey A. Sudin — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

7 Universitetskiy In., of. 201, Nizhny Novgorod, Russia

Сайфуллин Григорий Петрович — руководитель Агентства социально-демографического развития.
Россия, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 56

Grigoriy P. Sayfullin — Head of Agency of Social and Demographic Development.
56 B. Pokrovskaya st., Nizhny Novgorod, Russia

Вклад авторов:

Судьин С. А. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Сайфуллин Г. П. — подготовка промежуточных выводов; обзор исследований.

Contribution of the authors:

Sudin S. A. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Sayfullin G. P. — preparation of interim conclusions; review of studies.

Научная статья
УДК 316.346.32-053.6(07)
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-222-231

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ СЕМЬИ

Ирина Александровна Урмина

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
urminaia@gmail.com, ORCID: 0000-0001-7263-2769, AuthorID РИНЦ:151908

Аннотация. *Целью исследования* является анализ состояния современной молодой семьи, в том числе студенческой, в условиях динамичных трансформаций окружения, а также текущих функциональных изменений института семьи в целом.

Методологическую базу исследования представляют общенаучные методы (анализ, синтез, описание, сравнение, обобщение, оценка и систематизация), а также базовые методы социального и культурного анализа, включая сравнительный, статистический, проблемно-ситуативный.

Результаты исследования свидетельствуют о наличии комплексных проблем современной молодой семьи на фоне развивающихся трансформационных изменений традиционного понятия семьи в глобальном измерении, нового подхода к функциональной принадлежности устойчивой семьи как основы социума, появления правовых основ однополых браков в разных странах, увеличения значимости внесемейных отношений при решении исключительно семейных отношений и т. д. Эти проблемы требуют настоящего и глубокого комплексного анализа. Результаты исследования могут быть использованы в междисциплинарных исследованиях современных семейных отношений молодых поколений в условиях трансформационных изменений вплоть до кризисных.

Перспективы исследования заключаются в комплексности и междисциплинарности научного социокультурного подхода к решению специфических проблем устойчивой жизнедеятельности молодой семьи, в том числе студенческой, в условиях развивающейся глобализации.

Ключевые слова: семья, молодая семья, студенческая семья, социальные отношения, семейные проблемы

Для цитирования: Урмина И. А. Проблемы формирования социальных связей современной студенческой семьи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 222–231. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-222-231>.

Original article

PROBLEMS OF FORMING SOCIAL TIES OF A MODERN STUDENT FAMILY

Irina A. Urmina

Russian State Social University, Moscow, Russia
urminaia@gmail.com, ORCID: 0000-0001-7263-2769, AuthorID RSCI:151908

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the state of a modern young family, including a student family, in the conditions of dynamic transformations of the environment, as well as current functional changes of the family institution as a whole.*

The methodological basis of the research is represented by general scientific methods (analysis, synthesis, description, comparison, generalization, evaluation and systematization), as well as basic methods of social and cultural analysis, including comparative, statistical, problem-situational.

The results of the study indicate the presence of complex problems of the modern young family against the background of developing transformational changes in the traditional concept of family in the global dimension, a new approach to the functional affiliation of a stable family as the basis of society, the emergence of legal foundations of same-sex marriages in different countries, the increasing importance of extra-family relations in solving exclusively family relations, etc. These problems require urgent and in-depth comprehensive analysis. The results of the study can be used in interdisciplinary studies of modern family relations of young generations in conditions of transformational changes up to crisis.

The prospects of the research lie in the complexity and interdisciplinarity of the scientific socio-cultural approach to solving specific problems of sustainable life of a young family, including a student family, in the conditions of developing globalization.

Keywords: family, young family, student family, social relations, family problems

For citation: Urmina I. A. Problems of forming social ties of a modern student family // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 222–231. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-222-231>.

Введение. Семья по праву является самым сложным и противоречивым объектом социального познания. Эта сложность обнаруживается в самом значении семьи как особой формы социального бытия, которое называется близостью или первичностью взаимодействия. Несмотря на то, что проблемам семьи и семейных отношений посвящено немало исторических и современных научных и публицистических работ, молодая семья предметом специального комплексного рассмотрения становится сравнительно редко. А ведь и семья как социальный институт и молодая семья активно претерпевает сегодня существенные изменения, видоизменяются её социальные функции в обществе, роли внутри семьи, образ жизни, присущий первичной ячейке общества, происходят изменения во взаимоотношениях внутри семьи и вне семьи.

Семья в целом в современной науке рассматривается как проблемный институт общества, нуждающийся в постоянном изучении и ситуативном анализе, а также в предложении эффективных решений тех проблем, которые возникают в процессе жизнедеятельности этой ячейки общества. Следует отметить, что сегодня в научных

исследованиях этой темы можно выделить три концепции: фамилистическую, модернизационную и феминистическую.

Согласно фамилистической концепции, ценностный кризис семьи связан с тем, что семья как социальный институт и как малая группа перестала или перестает выполнять свои традиционные функции, часть которых перехватывается другими институтами или вообще отмирает. А другие, прежде всего репродуктивная функция и функция первичной социализации, резко ослабевают, порождая в обществе массу проблем. Одной из наиболее острых является проблема сверхнизкой рождаемости и депопуляции. Ценности семейного образа жизни, многодетной семьи теряют свою приоритетность для личности, становятся неконкурентоспособными по сравнению с внесемейными ценностями [1]. В концепции «кризиса семьи» основное место занимает теория исторического уменьшения потребности личности в детях. Согласно этой теории потребность семьи и личности в детях уменьшается в результате социально-экономических изменений общества. Есть и другой подход к проблеме, учитывающий социокультурные перемены в от-

ношении к религии как основному фактору сохранения традиционной семьи [6].

Сторонники модернизационной концепции семьи отмечают такие позитивные перемены в семейных отношениях, как переход от патриархальной семьи к эгалитарной и равноправной, когда отношения в семье формируются на принципах партнерства. Ими отмечается также важность перехода от традиций нерегулируемой рождаемости и многодетности к планированию семьи, т.е. к сознательному родителству и выбору числа детей. Трансформацию института семьи в нашей стране можно рассматривать как отражение глобального мирового кризиса социального института семьи на фоне становления и развития рыночных отношений во всех сферах жизни, распространения правил общества потребления, что кардинально изменило проблемы адаптации семьи к новым социально-экономическим условиям [4].

Феминистическая концепция отражает, без сомнения, весь спектр активных социальных и культурных перемен в обществе, связанных с расширением свобод и прав граждан решать семейные вопросы самостоятельно без внешнего контроля со стороны государства, церкви, в нашей стране — общественных и партийных организаций, эмансипацией женщин и др. Акцент исследователей осуществляется тогда на деструктивном значении традиционной патриархальной семьи для женского равноправия как социально-культурного явления. С этой точки зрения девальвация ценностей традиционной модели семьи выступает как объективный процесс, который обеспечивает условия для эгалитаризации внутрисемейного бытия и эмансипации субъектов семейного социума от мужского диктата.

В этой связи хотелось бы отметить определенный «дрейф» в оценке понятия многодетности, что особенно важно в настоящее время по отношению к молодой семье, когда именно на нее нацелена идеологическая составляющая торговой рекламы, требующей наличия в семье не менее двух детей и не отражающей их социального положения в реальности. Но есть и всеобщие демографические тенденции, указывающие на то, что современная малодетность вообще становится одним из переходных этапов снижения рож-

даемости, что может результатиться в массовую добровольную бездетность [5].

А ведь молодая семья может просто не хотеть иметь детей, желая посвятить лучшие годы жизни самой себе. Если учесть и социально-экономические условия, сложившиеся за последние десятилетия в нашей стране, массовое одобрение в странах однополых браков, а также глобальную пандемию последних двух лет, оценку таких трансформаций следует проводить с точки зрения функциональных перемен. Следует подчеркнуть, что такой подход использовался еще в советское время. Т.С. Мацковский отмечал, что в процессе жизнедеятельности семьи первостепенное значение приобретают функции, связанные с общением, взаимопомощью, эмоциональными отношениями супругов, родителей и детей, сравнивая типичные нормы традиционной и современной семьи в основных сферах семейной жизни [3]. Об этом свидетельствуют и современные исследования социально-психологических аспектов стабильности современной семьи [9].

Методика. Методологической основой исследования является социокультурный анализ проблемной ситуации в приложении к особенностям трансформационных изменений современной семьи.

Результаты исследования. Анализ функциональных особенностей современной молодой семьи. Следует отметить, что особого отличия в этом плане между молодой семьей и студенческой семьей нет, поэтому рассмотрим функцию современной молодой семьи как агента социализации в условиях динамичности окружения с высокой степенью социокультурной неопределенности, для преодоления которой в рамках самой семьи не находится ни рецептов, ни жизненных технологий. Не останавливаясь на анализе семьи как социального института, более подробно оценим микроуровень — отдельную семью, семейные роли, семейное поведение, т.е. изменение семьи как социальной группы.

Без сомнения, именно в рамках семьи сменяются поколения людей, в ней человек рождается, в ней достигается основное биологическое и социокультурное воспроизводство человека и человечества. Семья,

ее формы и функции напрямую зависят как от общественных отношений в целом, так и от достигнутого в то или иное время уровня социокультурного развития общества. Заметим, что более высокий уровень имманентной культуры общества и степень ее институционализации предполагает и более высокий уровень культуры семьи [2].

С этим невозможно не согласиться и сегодня, когда общий уровень культуры семьи формируется, в том числе за счет информации, потребляемой молодыми членами этой ячейки общества в виртуальном пространстве. При этом активное самостоятельное освоение молодыми этой информации соответствует личному, весьма ограниченному жизненному опыту, который накапливается, как правило, методом проб и ошибок, а не за счет передачи знаний и опыта семейной жизни от поколения к поколению. Если учесть, что современное общество в целом неоднородно в культурном плане, а молодое поколение формирует «свои» представления о семейных ценностях из глобализованного информационного потока, очевидной становится проблема появления разнонаправленных тенденций решения текущих жизненных задач молодой семьи. На это указывают и немногочисленные зарубежные исследования, результаты которых свидетельствуют о необходимости поддержания стабильности молодой семьи и устойчивых позитивных отношений между ее членами как основы стабильности общества в целом. А ведь именно молодая семья, особенно студенческая, наиболее страдает от социальных, экономических и политических перемен во всех странах [10].

Постановка задачи. Практико-ориентированные исследования семьи представляют в основном статистические данные о рождаемости, благосостоянии семьи и социально-экономическом положении, об эффективности государственной семейной политики, о представлениях молодых людей о семье и браке, о детях в браке, о жестоком обращении в семье, об изменении ролей в семье, об эмансипации женщин в семье, о проблемных семьях (неполных, молодых, малообеспеченных и др.), о ценности семьи, брака и детей в обществе, о специфике сельской, городской семьи, семьи мегаполиса и др. Кроме того, проводятся научные исследова-

ния по направлениям: исследования молодой семьи (проблемы и пути их решения); исследования ценностных ориентаций молодых людей, их отношение к семье, браку и детям; сексуальное поведение партнеров в семье, взаимоотношения в семье между партнерами, родителями и детьми, взаимоотношения в неполных семьях, многодетных семьях, семьях группы риска; исследования в контексте «семья-религия»; образ жизни, качество жизни, уровень жизни в семьях; досуговые проблемы современной семьи; проблемы воспитания и социализации; проблемы межпоколенных конфликтов; экономическое положение семьи; эффективность государственной семейной политики и пути её совершенствования; насилие в семье и др.

В меньшей степени изучаются социальные и культурные связи молодой семьи, анализ которых и является целью публикуемой статьи.

Рассмотрим их более подробно с учетом уже высказанных особенностей развития общества, которые сказываются на всех сторонах жизни современной семьи.

«Системы первичных связей молодой семьи с окружением являются едва ли не самыми существенными механизмами ее идентификации. Во-первых, групповые ценности, образцы поведения, взаимодействий, отношений составляют основу отнесения молодыми людьми себя к определенному личностно-культурному типу, к определенной группе. Таким образом, они формируют свое культурное пространство, внутренние параметры которого задаются спецификой структуры и содержания групповых связей. Во-вторых, осознание себя как элемента такого культурного пространства позволяет им на базе своей культурной идентичности проводить социально значимые различия между собой и представителями других групп» [7, с. 49]. В семье представлены фундаментальные социально-демографические различия: между мужчиной и женщиной, мужскими и женскими ролями, между поколениями и культурными позициями взрослых и детей. Семья является социокультурной единицей, на базе которой составляющие ее члены ведут совместное хозяйство, которая имеет свое пространственное воплощение: принадлежащие ей территории, помещения, вещи. В семье

через элементы образа жизни ее членов фиксируется социальное, значимое для ее членов время. Иными словами, в рамках семьи можно обнаружить набор предпосылок, необходимых для освоения и воспроизведения исходных социально значимых знаний и навыков, основных элементов культуры.

Следует подчеркнуть, что социальные отношения, составляющие пространство первичных межличностных связей, имеют определенную форму. Ядро таких отношений образует семья — нуклеарная и расширенная — первое кольцо ее окружения составляют сети дружеских связей, второе — свободные ассоциации по интересам, третье — знакомые. Эта форма обусловлена частотой, интенсивностью связей между людьми: по мере движения от центра к периферии величина всех названных переменных убывает. Рассмотрим их более подробно, чтобы выделить специфику социальных отношений, развивающихся во времени и отличающихся разной интенсивностью влияния на молодую семью.

Родственные связи. Обычно семья не ограничивается нуклеарной формой. У супругов, как правило, сохраняются связи с собственными родителями, братьями, сестрами, другими родственниками. Такие связи образуют первый круг социокультурных сетей, порождаемых тесными межличностными отношениями. В этом пространстве действуют семейные традиции. Одновременное сосуществование и постоянное или периодическое взаимодействие представителей трех, а то и четырех поколений, связанных родственными узами, со специфичными для них культурно установленными образцами интимных отношений позволяет последовательно передавать семейные ценности, нормы, стереотипы поведения, действий, а в определенных случаях — социальное положение, престиж от поколения к поколению, от старших к младшим, от прямых ветвей к боковым.

Включенность различных членов семьи в разнородные группы принадлежности (профессиональные, дружеские, ассоциации по интересам и т.п.) — существенный фактор обеспечения каждой семьи многообразной культурной информацией как общего, так и специализированного, например, профессионального, конфиденциального характера.

В ходе взаимодействия и коммуникаций такого рода принятые в семье нормы отношений подвергаются постоянной проверке «на прочность». Те из них, что оказываются устойчивыми организационными принципами по отношению к изменениям окружения, составляют семейные традиции. Те же, что проявляют слабую организационную эффективность, необоснованность, адаптационную несостоятельность, начинают подвергаться сомнению, считаться необязательными и образуют такие слабые места в структуре семейных нормативов, которые разрушаются под напором внешних и внутренних воздействий и открывают каналы для проникновения новых культурных образцов.

Судьба семейных устоев от поколения к поколению складывается по-разному. Те из них, которые держатся на переживаемом жизненном опыте, общем для представителей всех поколений в семье — это могут быть устойчивые черты историко-культурной ситуации (стабильность или кризис в обществе); состояния самой семьи (бедность или богатство, концентрация в одном месте жительства или рассеянность в географическом пространстве); повторяющиеся семейные ситуации (праздники, ритуальные контакты, семейные конфликты и т.п.) — скорее всего и сохраняются при трансляции от старших поколений к младшим. Те же устойчивые черты, которые более используются как символы, демонстративные признаки принадлежности к семье, или же удерживаются по привычке, утратив свои адаптивные свойства или связь с непосредственными переживаниями, становятся объектами изменений, порождаемых младшими поколениями. Для их представителей такие действия, суждения, связи и т.п., которые не созвучны их переживаниям, не имеют для них непосредственной значимости, личного смысла, кажутся ненужными, лишними, устаревшими. Соответственно молодые пытаются преодолеть такие семейные стереотипы, установить какие-то более приемлемые для себя порядки в отношениях и взаимодействиях с другими членами семьи.

Как уже отмечалось выше, за счет включенности членов семьи (прежде всего молодых) в иные группы принадлежности, происходит поступление культурной информации из более широкого культурного контекста.

Так образуется второй круг социальных связей (друзья) и третий (знакомые). Отношения друзей обычно носят более глубокий и интимный характер, чем просто знакомые. В первом случае допускается высокая степень импровизации, культурного экспериментирования, игры, тогда как во втором — наличие ролевой, формальной окраски придает им более поверхностный и эмоционально нейтральный характер.

Дружеские связи. По отношению к динамике семейных отношений дружеские связи выполняют для молодой семьи важные функции.

Во-первых, члены таких дружеских групп либо позволяют сохранять стереотипы поведения в принятых здесь сценариях взаимодействия, либо побуждают изменить их.

Во-вторых, молодые люди вносят в микрокультуру семьи опыт, освоенный в дружеских группах. Это могут быть навыки действий и поведения, критерии оценок социокультурных феноменов, информация и т.п. Принимаясь или отвергаясь, они оказывают определенное влияние на отношения и на течение повседневной жизни в семье.

В-третьих, в дружеских группах молодые люди могут компенсировать дефицит переживаний, впечатлений, информации, неизбежно существующий в ограниченном семейном пространстве. Между друзьями обычно допускается больше импровизаций, культурного экспериментирования, попыток переоценки общепринятых ценностей, чем между родителями и детьми. Ведь в семье текущие процессы, как правило, подчиняются соображениям целесообразности и экономии усилий, т.е. являются максимально рутинизированными. В дружеских группах при наличии разделяемых норм и ценностей, символических ритуальных элементов поведения важную роль играют вариации совместных форм активности, обмен новой информацией, обсуждение индивидуальных переживаний и впечатлений, социально значимых событий и проблем. В зависимости от характера семейных отношений дружеские связи молодых могут либо поддерживать, либо разрушать эти отношения. Чем ближе ценностные ориентации членов дружеских групп к общим для всех членов семьи представлениям, тем в большей степени можно ожидать укрепления таких представлений.

Чем значительнее расхождение между разделяемыми семейными ценностями и представлениями, свойственными дружеской группе, и чем большую компенсационную роль для молодого человека играет эта группа, тем выше степень возникновения конфликтной ситуации в семье.

В-четвертых, дружеские группы становятся источниками социальной защиты, поддержки, помощи для семьи, когда в ней возникают серьезные проблемные ситуации. В таких случаях друзья помогают советами, реальными действиями, деньгами; они подключают к решению таких проблем своих знакомых, которые могут не иметь прямых отношений с данной семьей.

Таким образом, семейные и дружеские отношения образуют наиболее плотную и прочную сеть первичных социокультурных связей, где постоянно происходит использование, проверка на пригодность, изменение, отвержение, отбор содержательных компонент повседневной жизни людей, процессы воспроизведения, укрепления, контролирования социокультурных пространств, которые объединившиеся люди считают своими; процессы утверждения и поддержания признаков и символов групповой идентичности.

Особый интерес представляют случаи, когда дружеские и семейные группы состоят из представителей сходных или близких профессиональных культур, связанных со сложной интеллектуальной деятельностью. В этом случае весьма условной становится граница между обыденным и профессиональным уровнями их повседневной жизни. В подобных семьях постоянно обсуждаются профессиональные проблемы. Специфика первичных отношений позволяет молодым людям в свободное время относиться к объектам профессиональной деятельности как к элементам своеобразных интеллектуальных игр, ставить их в необычные символические условия, смещать их ценностные приоритеты, словом, обращаться с ними так, как не позволяют правила в официальных или стандартных рабочих ситуациях. Соответственно, первичные сети приобретают свойства механизмов резонанса индивидуальных побуждений молодых к изменениям, культурному экспериментированию за счет доброжелательного интереса и любопытства ближайшего

окружения к тому, что может получиться, и компетентности в оценке результатов изменения и его последствий для профессиональной культуры. Образуется своеобразная среда, где элементы специализированной деятельности порождаются и функционируют силами молодых в системе абсолютно неформальных, близких, эмоционально окрашенных отношений между людьми, объединенными не только взаимной симпатией, но и общими профессиональными интересами. Такого рода первичные сети выполняют весьма важные функции.

Во-первых, они являются теми социокультурными «пространствами», где объекты специализированной культуры — научные, политические, религиозные идеи, художественные образы и т.п. — существуют не в отчужденной форме, но являются «естественным» языком тех, кто их порождает, языком, которым они привычно пользуются для выражения своих мыслей и переживаний. Иными словами, где профессиональная деятельность составляет основное содержание повседневной жизни представителей старших и младших поколений.

Во-вторых, они образуют среды для порождения и формирования культурных изменений и инноваций. Ведь чувство безопасности, обеспечиваемое первичными группами, побуждает людей, привыкших ставить и решать сложные проблемы, к более смелым экспериментам с объектами культуры, чем это допускается на их рабочем месте. Кроме того, большая открытость отношений в первичных группах, состоящих из профессионалов, позволяет молодым, которые сделали или нашли что-то необычное, без опасений представить это родным и друзьям и обсудить возможную судьбу изобретения или открытия.

В-третьих, благодаря накоплению сложного профессионального опыта, переживаемого как основное содержание индивидуальной и групповой жизни, такие области становятся местом высокой концентрации культурного потенциала. Чтобы стать членом такой группы, молодому человеку приходится осваивать необходимые и весьма сложные знания и навыки, доказывать свою подготовленность к равноправному участию в жизни группы.

Связи по интересам. Для членов семьи представляется важным и такой уровень со-

циальных сетей, как свободные объединения людей в соответствии с общими культурными интересами (любительские занятия искусством, техническими изобретениями, коллекционирование, путешествия, другие формы проведения досуга), а также непрофессиональная деятельность — благотворительность, волонтерство, добровольное социальное участие и т.д. Между участниками таких сетей складываются довольно близкие, доверительные отношения, которые могут либо сочетаться с дружескими, семейными, либо нет.

Эти группы по своим нормам и ценностям существенно отличаются от первых двух типов. Группы по интересам специально ориентированы на реализацию фиксированных целей. Разумеется, их неформальный характер обуславливает то, что межличностные отношения являются здесь дополнительной самоцелью. Однако и они выстраиваются, прежде всего, вокруг предметов общего интереса, поэтому нормы и правила взаимодействий и коммуникации здесь не особенно сложны. Функции таких групп — компенсационные: люди, особенно молодые, реализуют здесь свои специфические интересы, восполняют дефицит межличностных контактов и активности, возникающий на работе и дома, заполняют свободное время по своему желанию. Иногда такого рода группы точно соприкасаются с «творческими» субкультурами: встречи с художниками у любителей искусства, контакты с искусствоведами, историками у коллекционеров и т.п. В большинстве случаев молодым здесь приходится иметь дело с образцами культуры, созданными профессионалами, и практически ничего нового в них не привносить. Скорее, такие объединения выполняют функцию носителей культурных традиций.

Круг знакомых. Еще более далеким от ядра тесных межличностных семейных связей является круг знакомых. Отношения такого рода могут поддерживаться длительное время, но в форме спорадических или ритуальных (например, поздравления с праздниками) контактов. В этом случае происходит обмен общей или специальной информацией, обязательной или необязательной, либо по особому случаю, когда к знакомому обращаются, чтобы получить от него сведения, которыми он владеет в большей степени, чем

представители ближайшего окружения. Соответственно, на этом уровне не принято обсуждать сугубо личные, семейные проблемы, но разговоры строятся вокруг нейтральных тем: события политического, художественного характера, общие вопросы быденной жизни и т.п. Отношения между знакомыми не являются официальными, но их нельзя назвать близкими. Обычно в культуре существуют определенные стандартные формы контактов такого рода, например, стереотипы обращения, обмена репликами при случайных встречах, поддержание связей во времени.

По отношению к первичным группам с тесными межличностными связями среда знакомых выполняет важные функции.

Во-первых, в ней складывается, поддерживается и меняется общественное мнение о том, насколько обсуждаемые на этом уровне первичные группы социально полезны, интересны, отвечают установленным нормам. Таким образом, в более широком социокультурном контексте подобные группы идентифицируются, классифицируются, оцениваются и, следовательно, приобретают социальное признание.

Во-вторых, в этой среде складывается и поддерживается социальный статус и престиж их совокупностей, формируются общие представления об имеющемся в обществе социокультурном расслоении.

В-третьих, она функционирует как своеобразный медиатор между первичными группами с тесными межличностными отношениями. Если они и не имеют никаких контактов, то всегда при надобности могут найти возможность установить связи между собой через общих знакомых, которые, как правило, обнаруживаются внутри одного социального слоя или в близких друг к другу слоях.

Результаты. Таким образом, рассматривая социокультурное пространство быденной жизни молодой семьи, важно увидеть, в каких сетях социальной коммуникации происходит обмен информацией оффлайн. Ведь именно в этой среде действует механизм традиции, т.е. передачи культурного опыта, что называется «из рук в руки, из уст в уста», и, следова-

тельно, здесь воспроизводятся нравы, обычаи, культурные образцы, нормы, другие устойчивые культурные черты. В этой же среде зарождаются вариации культурных черт, а в некоторых ее точках — и культурные инновации.

В приложении выводов к студенческой молодежи следует отметить, что «в процессе общения, взаимодействия с другими людьми человек приобретает определенный социальный опыт... Усвоение социального опыта всегда индивидуально. Одинаковые вопросы, проблемы, явления могут по-разному восприниматься и по-разному переживаться различными людьми. Этот фактор необходимо учитывать в работе по социализации студенческой молодежи» [8, с. 139].

Обсуждение. Формирование социальных связей семьи, особенно молодой, зависит как от интенсивности коммуникаций и взаимодействия членов семьи со всеми уровнями социальной сети, так и от характера текущей жизненной ситуации. В устойчивой ситуации механизм традиции сохраняется и поддерживается, в проблемной — видоизменяется вплоть до отрицания. Итак, круги влияния в рамках социальных отношений молодой семьи определены, но как живут сегодня студенческие семьи? Интересными представляются результаты исследования в Университете Темпл (США)¹, которые свидетельствуют о новом для нас аспекте проблем семейной жизни — 66% родителей студентов испытывают нехватку жилья во время учебы в колледже, а еще 16% вообще не имеют места для проживания. Нехватка жилья в кампусе для родителей студентов не является просто жилищной проблемой, она напрямую связана с качеством получаемого студентами образования. Когда родители студентов могут участвовать в жизни кампуса и проводить время со своими детьми, у них больше шансов получить дипломы. К сожалению, глобальная проблема пандемии приостановила реализацию интереснейшего решения задачи эффективности образовательного процесса. Конечно, в нашей стране студенческие семьи вряд ли ставят такие задачи на первый план.

¹ Student housing is scarce for college students who have kids [Electronic resource] // Academic rigour, journalistic flair Theconversation, October 6, 2020. URL: <https://theconversation.com/student-housing-is-scarce-for-college-students-who-have-kids-145162> (date accessed: 27.01.2022).

Но сам подход к повышению успешности обучения заслуживает внимания в глобальном понимании функциональной значимости устойчивой молодой семьи.

Заключение. На основании вышеизложенного предлагаются следующие рекомендации организационного характера.

1. Высшим учебным заведениям, в том числе университетам, имеющим студенческие кампусы и общежития, следует разрабатывать и реализовывать программы поддержки, которые помогают студентам справляться с семейными проблемами на всех этапах обучения, уделяя особое внимание оказанию поддержки студентам первого курса.

2. Использовать программы повышения квалификации для преподавателей по профилю решения семейных проблем и студентов, и студенческой семьи.

3. Включать в образовательные программы и учебные планы курсы социализации и решения социальных проблем на основе программ построения социальных отношений среди молодежи.

4. Использовать координационные связи между вузами, университетами и центрами консультирования, обучения и развития (государственными и частными) для совместной разработки программ, помогающих студентам и студенческим семьям в решении семейных проблем.

Список источников

1. Березовая А. Ю. Фамилизм как система ценностей российской семьи: региональный аспект: дис. канд. социол. наук. 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.volgmed.ru/uploads/dsovet/autoref/7-796-1507809820_berezovaya_anna_yurevna.pdf (дата обращения: 27.01.2022).

2. Бим-Бад Б. М., Гавров С. Н. Модернизация института семьи: социологический, экономический и антрополого-педагогический анализ: монография / предисл. Л. С. Перепелкин // Федеральная целевая программа «Культура России». М.: Интеллектуальная книга — Новый хронограф, 2010. 352 с.

3. Мацковский Т. С. Тенденции развития брачно-семейных отношений в СССР // Под ред. Сысенко В. А. М.: Мысль, 1985.

4. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Семья в системе социальных институтов общества: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., пер. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 299 с.

5. Синельников А. Б. Трансформация семьи и развитие общества. Учебное пособие. Серия: Спецкурс. М.: КДУ, 2008. 320 с.

6. Синельников А. Б., Медков В. М., Антонов А. И. Семья и вера в социологическом измерении: результаты межрегионального и межконфессионального исследования. М.: КДУ, 2009. 288 с.

7. Урмина И. А., Копёнкина Ю. С. Молодая семья — объект молодежной политики: учебное пособие. М.: Изд-во РГСУ, 2011. 134 с.

8. Черноскутов В. Е. Актуальные проблемы социализации студенческой молодежи в процессе обучения в вузе // Профессиональное образование в современном мире. 2021. Т. 11. №1. С. 136–143.

9. Чукмарова Л. Ф. Полоролевые expectativas супругов и стабильность брачно-семейного союза в молодом городе: дис. канд. психол. наук. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/polorolevye-ekspektatsii-suprugov-i-stabilnost-brachno-semeinogo-soyuza-v-molodom-gorode/read> (дата обращения: 27.01.2022).

10. Faten Saad Hatahet, Prof. «Mohammed Amin» Hamed Alqudah. Family Problems Experienced by Students of the University of Jordan // European Scientific Journal. May, 2016. Vol. 12. №13. P. 145–156.

References

1. Berezovaja A. Ju. Familizm kak sistema cennostej rossijskoj sem'i: regional'nyj aspekt: dis. kand. sociol. nauk [Familiism as a system of values of the Russian family: regional aspect: Ph. D. Sci. (Sociology) diss.]. 2017. [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.volgmed.ru/uploads/dsovet/autoref/7-796-1507809820_berezovaya_anna_yurevna.pdf (data obrashhenija: 27.01.2022). (In Russ.).

2. Bim-Bad B. M., Gavrov S. N. Modernizacija instituta sem'i: sociologicheskij, jekonomicheskij i antropologo-pedagogicheskij analiz: monografija [Modernization of the Family Institute: sociological, economic, anthropological and pedagogical analysis: monograph]. Predisl.

L.S. Perepelkin. Federal'naja celevaja programma «Kul'tura Rossii» [Federal target program «Culture of Russia»]. Moscow: Intellektual'naja kniga — Novyj hronograf, 2010. 352 p. (In Russ.).

3. Mackovskij T.S. Tendencii razvitija brachno-semejnyh otnoshenij v SSSR [Trends in the development of marriage and family relations in the USSR]. Pod red. Sysenko V.A. [In Sysenko V.A. (eds.)]. Moscow: Mysl', 1985. (In Russ.).

4. Rostovskaja T.K., Kuchmaeva O.V. Sem'ja v sisteme social'nyh institutov obshchestva: ucheb. posobie dlja bakalavriata i magistratury. 2-e izd., per. i dop. [Family in the system of social institutions of society: studies. a manual for bachelor's and master's degrees. 2nd ed., trans. and add.]. Moscow: Izdatel'stvo Jurajt, 2019. 299 p. (In Russ.).

5. Sinel'nikov A.B. Transformacija sem'i i razvitie obshchestva. Uchebnoe posobie. Serija: Spekurs [Transformation of the family and the development of society. Study guide. Series: Special course]. Moscow: KDU, 2008. 320 p. (In Russ.).

6. Sinel'nikov A. B., Medkov V.M., Antonov A.I. Sem'ja i vera v sociologicheskom izmerenii: rezul'taty mezhregional'nogo i mezhhkonnessional'nogo issledovanija [Family and faith in the sociological dimension: results of interregional and interfaith research]. Moscow: KDU, 2009. 288 p. (In Russ.).

7. Urmina I.A., Kopjonkina Ju. S. Molodaja sem'ja — ob'ekt molodezhnoj politiki: uchebnoe posobie [A young family — an object of youth policy: a textbook]. Moscow: Izd-vo RGSU, 2011. 134 p. (In Russ.).

8. Chernoskutov V.E. Aktual'nye problemy socializacii studencheskoj molodezhi v processe obuchenija v vuze [Actual problems of socialization of student youth in the process of studying at a university]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire* [Vocational education in the modern world]. 2021; 11(1): 136–143. (In Russ.).

9. Chukmarova L.F. Polorolevye jekspektacii suprugov i stabil'nost' brachno-semejnogo sojuza v molodom gorode: dis. kand. psihol. nauk [Gender-role expectations of spouses and stability of marriage and family union in a young city: Ph. D. Sci. (Psychology) diss.]. 2008. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.dissercat.com/content/polorolevye-ekspektatsii-suprugov-i-stabilnost-brachno-semeinogo-sojuza-v-molodom-gorode/read> (data obrashhenija: 27.01.2022). (In Russ.).

10. Faten Saad Hatahet, Prof. «Mohammed Amin» Hamed Alqudah. Family Problems Experienced by Students of the University of Jordan // *European Scientific Journal*. May, 2016. Vol. 12. №13. P. 145–156.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 03.02.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Урмина Ирина Александровна — доктор культурологии, профессор факультета искусств, Российский государственный социальный университет.

Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1

Irina A. Urmina — Doctor of Culturology, Professor of the Faculty of Arts, Russian State Social University.

4 Wilhelm Peak st., bld. 1, Moscow, Russia

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-232-246

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ УСТАНОВОК СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ

Ольга Евгеньевна Фомина

*Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Муром, Россия
olgazemskova@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-0959-4557*

Аннотация. *Цель исследования* — выявление возможностей и оценка потенциала социальных сетей как актуальных средств формирования гендерных установок современной российской молодежи в условиях демографического кризиса.

Методологическую базу исследования гендерных установок российской молодежи малых городов России составляет социологическое исследование — как фундаментальный инструмент изучения социальных явлений с помощью количественных и качественных методов. Программа социологического исследования состоит из двух частей: методологической и процедурной. Методологическая часть исследования включает в себя анализ содержания гендерно-ориентированных блогов современных социальных сетей, наиболее привлекательных для российской молодежи (ВКонтакте и Instagram); процедурная часть представлена описанием проведения социологического исследования гендерных установок молодежи малых городов России.

Результаты исследования определяются необходимостью создания инструментария для исследования влияния социальных сетей на гендерные установки молодежи малых городов России и возможности использования социальных сетей для реализации государственной политики в области демографии и укрепления института семьи в условиях демографического кризиса. Материалы, полученные в ходе исследования, могут иметь прикладную значимость и послужить теоретической и методической базой для дальнейших научных разработок стратегий государства в социальной политике по отношению к российской молодежи, проживающей в малых городах России, которая разрабатывается государственными структурами и задается доминирующей в обществе гендерной идеологией и используется в работе органов исполнительной власти по молодежной политике.

Перспективы исследования заключаются в том, что его результаты позволят значительно расширить теоретико-методологическую базу в исследовании факторов формирования гендерных установок российской молодежи и их влияние на отношение к семье, браку и деторождению и возможности и потенциал социальных сетей как современных средств массовой коммуникации, ориентированных на решение социально-политических задач государства.

Ключевые слова: гендер, молодежь, семья, молодежная политика, деторождение, брак, демография

Для цитирования: Фомина О. Е. Влияние социальных сетей на формирование гендерных установок современной молодежи в малых городах России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 232–246. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-232-246>.

Original article

THE INFLUENCE OF SOCIAL NETWORKS ON THE FORMATION OF GENDER ATTITUDES OF MODERN YOUTH IN SMALL TOWNS OF RUSSIA

Olga E. Fomina

*Murom Institute (branch) Vladimir State University
named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov, Murom, Russia
olgazemskova@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-0959-4557*

Abstract. *The purpose of the research is identification of opportunities and assessment of the potential of social networks as modern means of forming gender attitudes of modern Russian youth in the conditions of demographic crisis.*

The methodological basis for the study of gender attitudes of Russian youth in small towns of Russia is a sociological study — as a fundamental tool for studying social phenomena using quantitative and qualitative methods. The program of sociological research consists of two parts: methodological and procedural. The methodological part of the study includes an analysis of the content of gender-oriented blogs of modern social networks, the most attractive for Russian youth (VKontakte and Instagram); the procedural part is a description of the sociological study of gender attitudes of young people in small towns of Russia.

Research result they are determined by the need to create tools to study the impact of social networks on the gender attitudes of young people in small towns in Russia and the possibility of using social networks to implement state policy in the field of demography and strengthen the institution of the family in the demographic crisis. The materials obtained in the course of the study may have applied significance and serve as a theoretical and methodological basis for further fundamental scientific developments of state strategies in social policy in relation to Russian youth living in small towns of Russia, which is developed by state structures and set by the dominant gender ideology in society and used in the work of executive authorities on youth policy.

The prospects of the research are to specify the directions for the transition of the industrial region to the principles of sustainable development.

Keywords: *gender, youth, family, youth policy, childbearing, marriage, demography*

For citation: *Fomina O. E. The influence of social networks on the formation of gender attitudes of modern youth in small towns of Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 232–246. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-232-246>.*

Введение. В настоящее время как в России, так и за рубежом активно изучаются вопросы влияния гендерных установок молодежи на базовые ценности семьи и деторождения. В современном мире наблюдается изменение тенденции распределения властных структур от патриархальной к эгалитарной, трансформируются понятия «феминность» и «маскулинность», между которыми стираются грани, значительные изменения

претерпевают и социальные роли женщины и мужчины, перестающие нести традиционные смыслы «отец», «муж», «мать», «жена», постепенно сменяясь на понятия «партнер».

Большое влияние на формирование гендерных представлений молодежи оказывает Интернет-пространство, блоги и социальные сети как информационное пространство коммуникации. Анализ современных научных исследований по данной проблеме позволил

выявить ряд основных направлений научных разработок в области гендерной политики и законодательной базы государства, социологические исследования различных гендерных вопросов, ценностные ориентации молодежи в различных социальных группах, влияние социальных сетей и Интернета на мировоззрение молодежи, вопросы гендерной психологии и социологии пола.

Методика исследования. Проведя анализ современных исследований по теме гендерных установок молодежи и влияния на них социальных сетей, следует отметить работы, направленные на изучение современных теоретико-методологических достижений в отечественной и мировой социальной науке, исследование текущих социальных процессов российского общества, выполненные в научных школах ФНИСЦ РАН под руководством ученых М. К. Горшкова [7; 10], Т. А. Гурко [9], И. Ф. Девятко [11], В. В. Семеновой [19], Д. Л. Константиновского [14], В. Д. Мансурова [15] и других, определяющих теорию и технологические инновации в практике современных социологических исследований.

Динамика населения и социальная динамика в контексте современной демографической ситуации в России с обоснованием решающей роли грамотной демографической политики и государственного управления посредством создания системы демографической технологии, нормативного прогнозирования и проектирования раскрыты в работах д. ф. н. А. И. Антонова [1].

Проблема гендерного равенства в контексте личностной и институциональной динамики в рамках демографической ситуации рассматривается и представлена в работах П. Бергера, Т. Лукмана, А. В. Верещагиной, М. К. Горшкова [2; 5; 6].

Особое внимание вопросам гендерного неравенства и дискриминации личности по половой принадлежности в социальной сфере, возможности получить образование, в системе демократических выборов, а также в судебной практике уделено в работах Ди Томмазо, Гатти, Яннотта, Клисинг, Сигел, Уэльманн, Хильбер [33; 42; 47].

Ряд исследователей (Н. А. Горяникова, М. К. Горшков, Т. З. Козлова, В. С. Тарчен-

ко, Б. Н. Тугайбаева [7; 9; 12; 21; 22]) проводят анализ гендерной идеологии молодежи, сексуальных установок и брачно-семейных представлений старших подростков и молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет в условиях социальной мобильности и новых межпоколенческих отношений в современных семьях. В работах Купри, Чен, Чан [31; 38] раскрыты аспекты гендерных установок, влияющие на половое поведение и социальные конструкты студенческой молодежи при выборе полового партнера, спутника жизни, на формирование представлений о себе в роли матери или отца.

Исследованиям современных представлений о гендерных отношениях и ролях в семье, изменении исторически сложившихся гендерных стереотипах посвящены работы В. В. Семеновой, Абу-Салих, Чан [18; 24].

Гендер как социокультурный феномен, структура и понятие «гендер» в психологии, социологии и медицине, рассматривается в трудах Н. А. Нечаевой, В. В. Семеновой, Чен [17; 18; 32].

Взаимосвязь гендерных представлений и физиологии пола представлена в работах З. Бода, Элмер, М. Жак, Дж. Осман [29; 40], проблема сексизма, унижения по половому признаку и гендерные мифы в проявлении социальных явлений рассмотрены в трудах Дж. Фаталлах, П. Пиакурель, Дж. С. Хайд, Р. С. Биглер, Д. Джозл [35; 39], о решении проблемы гендерного неравенства на законодательном и конституционном уровне, праве и возможностях получения образования, выгодном трудоустройстве и равных финансовых возможностях говорится в работах А. Дж. Баккер, Б. Р. Уокер, Г. Ди Томмазо, М. Гатти, М. Яннотта, А. Клисинг [28; 33; 42].

Особая роль формирования гендерных ролей и гендерных представлений личности в процессе общественного развития и в системе образования рассмотрена в статьях Т. А. Гурко, М. С. Мамиконян, Э. К. Бийжанова, Д. Л. Константиновского [4; 8; 13]. Социологические исследования гендерной идеологии молодежи представлены в работе Н. А. Горяникова, В. Н. Васильевой [9], изменения в ценностных ориентациях молодых россиян (М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги) [7; 10], гендерный аспект эмоционально-психологического состояния населения Российской Фе-

дерации в условиях кризиса отражен в статье Д. Л. Константиновского [13], психоэмоциональное влияние гендерных ролей на поведение личности представлено в исследовании Э. Калпазиду Шмидт, Э. К. Граверсен [41], а также исследование гендерных аспектов социальной мобильности в усложняющемся поликультурном пространстве мира (В. С. Тарченко, Р. Ладхари, Э. Масса, Х. Скандрани, А. С. Саги, Дж. А. Уильямс, М. Рис [20; 43; 46] отражают основные тенденции стирания граней социальных ожиданий и установок, существовавших еще в XX веке, и показывают динамику стремительной эгалитарности гендерных отношений.

Гендерный подход к исследованию психологических проблем пола опирается на понимание гендерной идентичности как мультиполярного конструкта. Данный теоретический подход, используемый для исследования проблем гендерной идентичности, можно встретить в работах Ф. Б. Бурухановой, Дж. А. Сигел, К. Л. Уэльманн, К. С. Хиллер, Л. Кэмпбелл [3; 47].

Ряд исследователей (М. Айвазоглу, А. О. Руссос, Д. Маргарис, Дж. Фардули, Л. Р. Варганян, Д. Ричардс, Б. Альшарби, А. Абдулрахман [25; 34; 45] отмечают все возрастающую роль интернет-пространства как современного мира коммуникации, формирующего у детей и молодежи, а также у лиц более старшего возраста определенные ценности, как базовые, так и духовно-нравственные. В работах А. А. Альалван, Н. П. Рана, Ю. К. Дживеди, Р. Альгарабат, Дж. Дж. Камерон, Э. Карри, В. Х. Нгуен, Г. Сяо, Х. — Дж. Сюй, К. Ву, К. — Й. Ся [26; 30; 44] отмечено, что социальные сети, такие как Instagram, YouTube, Twitter и Facebook, оказывают значительное влияние на мировоззрение человека, формируя его представления о себе самом, окружающем мире, заставляя менять свои убеждения, покупать товары, изменять свое тело и внешность в угоду модным, а порой и опасным тенденциям, транслируемым через интернет-порталы блогерами и референтными группами (М. Арагонес-Гонсалес, А. Россер-Лиминьяна, Дж. Фатхаллах, П. Пиакурел, Х. Феньес, Г. Пуштай, А. Энглер [27; 35; 37]).

Результат анализа современных исследований в области гендерных ориентаций пока-

зывает, что влияние средств массовых коммуникаций и сети Интернет вызывает опасность нарушения традиционных гендерных ориентиров у детей и молодежи, популяризирует отказ от создания семьи и деторождения, увеличивает риск привлечения молодых людей в сообщества, пропагандирующие чуждые российскому обществу ценности, в том числе и вовлечение детей и подростков в порноиндустрию.

Вместе с тем существует множество задач, решение которых в условиях демографического кризиса в России требует поиска принципиально новых подходов, в их контексте формирование гендерных установок современной российской молодежи представляется нам очень значимым.

Целью нашего исследования стала разработка методов изучения влияния социальных сетей (ВКонтакте и Instagram) на гендерные установки современной российской молодежи, проживающей в малых городах России (с населением менее 100000 человек), и возможности использования потенциала социальных сетей в целях реализации государственной политики в области семьи и демографии.

В качестве задач исследования были определены: изучение корреляции между индивидуальными характеристиками личности и предпочтениями вербального и визуального контента в социальных сетях, формируемыми у молодежи ценности и установки по отношению к семье, браку, рождению и воспитанию детей; изучение и анализ содержания гендерно-ориентированных блогов и сообществ наиболее популярных в России социальных сетей (ВКонтакте и Instagram) как одной из наиболее репрезентативных сфер конструирования гендерных установок и факторов формирования гендерных ценностных ориентаций молодежи.

Научная новизна исследования связана с обоснованием социально-психологического механизма формирования гендерных установок в социальных сетях. Предполагается, что гендерные установки, представленные в контенте социальных сетей, интериоризированы в сознании пользователей посредством социально-психологического механизма и происходят через удовлетворяемые в социальных сетях потребности в идентификации, причастности, поддержании статуса и самооценки, потребность в успехе.

Рассматривая теоретико-методологические основы исследования гендерных установок молодежи, направленных на самоидентификацию, ориентацию на создание семьи, деторождение, воспитание детей, поведение в соответствии с социальными ролями «муж — жена», «мать — отец», следует отметить концепцию социального конструирования, раскрытую в работе П. Бергера и Т. Лукмана [2], где гендер представлен как социальная конструкция, при которой все мужское или женское наполнено различным содержанием опыта личности и разными ценностями, наиболее значимыми для личности. Таким образом, «гендер» трактуется как причина и следствие повседневных взаимодействий, контролируемых обществом. Данный подход позволил определить рамки исследования, направленного на изучение способов формирования основных гендерных установок личности.

Объект исследования — гендерные установки современной российской молодежи.

Предмет исследования: потенциал социальных сетей как современных средств формирования гендерных установок современной российской молодежи малых городов России в условиях демографического кризиса.

Основным методом исследования гендерных установок российской молодежи нами выбрано социологическое исследование как инструмент изучения социальных явлений с помощью количественных и качественных методов. Программа социологического исследования состоит из двух частей: методологической и процедурной.

Методологическая часть исследования включает в себя решение следующих вопросов: обзор и анализ содержания гендерно-ориентированных блогов современных социальных сетей, наиболее привлекательных для российской молодежи (ВКонтакте и Instagram). Процедурная часть программы включает методику и технику исследования, приемы сбора, обработки и анализа социологической информации.

Исследование проводилось в несколько этапов:

— разработка авторских анкет «Гендерные установки и ценности молодежи» и «Социальные сети — приоритетный контент»;

— формирование личного кабинета для проведения массового опроса в интернет-портале Google Форма (<https://www.google.ru/intl/ru/forms>) май-июнь 2021 г.;

— проведение полевого исследования (репрезентативный опрос молодежи в соответствии с выборкой) в городах Владимирской области (июль-сентябрь 2021 г.);

— обработка и анализ данных, полученных в ходе опроса (октябрь-ноябрь 2021 г.);

— подготовка аналитического отчета по результатам исследования (декабрь 2021 г. — январь 2022 г.);

— разработка предложений и рекомендаций для органов государственной власти, реализующих молодежную политику Администрации Владимирской области, по использованию потенциала социальных сетей в процессе формирования гендерных установок современной российской молодежи в целях реализации государственной политики в области молодежи, семьи и демографии (социальная реклама, микро-блоги, мотиваторы, посты, новостная лента, статьи и т.д.) (планируется в сроки февраль-март 2022 г.).

Объем и характер выборки определены на основе статистических данных Росстата (www.gks.ru) о численности населения Владимирской области России в возрастной группе от 16 до 23 лет. Генеральная совокупность данной возрастной группы составляет 123000 человек (на 01.01.2019 г.). Репрезентативная выборка составляет 0,24% (300 человек). В общей сложности опрос прошли 309 человек, но 9 из них его не завершили или дали заведомо ложные ответы.

По возрастам респонденты распределились следующим образом: 167 девушек, 133 юноши. Возраст участников исследования отражен на рисунке 1.

География исследуемого региона — города Владимирской области: Муром, Ковров, Гороховец, Вязники, Александров, Кольчугино, Камешково, Гусь-Хрустальный, Меленки, Собинка, Юрьев-Польский при доверительной вероятности 95% и погрешности 5% (при доверительном интервале $95 \pm 5\%$).

В качестве интервьюеров были привлечены волонтеры — студенты Муромского института ВлГУ направления подготовки «Социальная работа» и «психолого-педагогическое направление» в количестве 10 человек.

Для решения задач исследования выбраны следующие методы:

— общенаучные: анализ, сравнительный анализ, статистический анализ, синтез, проблематизация, схематизация, абстрагирование, критика, категоризация;

— эмпирические: анкетный опрос (полевое исследование и опрос через интернет-портал Google Форма (<https://www.google.ru/intl/ru/forms>), семантический дифференциал, контент-анализ, математические методы анализа информации с использованием пакета прикладных программ SPSS («Statistical Package for the Social Sciences» — «статистический пакет для общественных наук»).

Для проведения исследования были разработаны авторские анкеты «Гендерные установки и ценности молодежи» и «Социальные сети — приоритетный контент».

В ходе эмпирического исследования через портал Google Форма был проведен опрос по теме «Гендерные установки и ценности молодежи».

Анкета состояла из 15 вопросов, ответы на которые позволяли сделать выводы о том, какие ценности являются для молодежи в возрасте от 16 до 23 лет включительно приоритетными, как они видят свои роли в семье, в отношениях между мужчинами и женщинами.

При ответе на вопрос «Есть ли у вас цель в жизни?» были получены следующие варианты: «да, цель есть» — 43%, «цель есть, но она может измениться» — 23%, «цели нет» — 21% и 13% респондентов ответили, что «не задумывались над этим вопросом».

Планы на будущее имеют лишь 26% опрошенных, 37% респондентов планируют только свое ближайшее будущее, 28% не имеют планов, и у 9% респондентов имеются планы на отдаленное будущее.

Среди конкретных жизненных планов основным для большинства опрошенных стал ответ «закончить обучение и найти достойную работу» — 47%, на втором месте был ответ «найти свое призвание, самореализоваться» — 35% ответов, «сделать успешную карьеру» — 10% и лишь 8% респондентов выбрали ответ «создать семью».

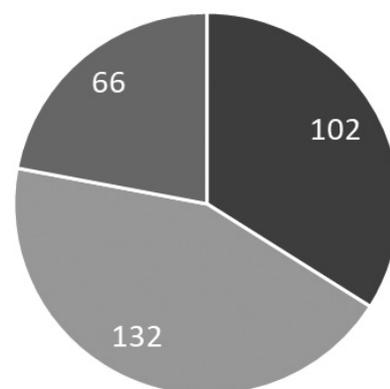
Отвечая на вопрос, допускающий несколько вариантов ответа, «Какие ценности в жизни являются для вас наиболее значимы-

ми?», респонденты выбрали следующие показатели: «семья» — 69% респондентов; «материальный достаток» — 57%, «друзья» — 53%; «здоровье» — 51%; «работа» — 48%; «саморазвитие» — 46%, «досуг и отдых» выбрали 36% опрошенных, вариант «другое» предпочли 8% респондентов.

При ответе на вопрос «Планируете ли вы в будущем создать семью, вступить в официальный брак?» мнения разделились.

В группе респондентов в возрасте 16–17 лет (общее число опрошенных 102 человека) 38 девушек и 29 юношей планируют в будущем создать семью и зарегистрировать брак, 12 девушек и 9 юношей планируют создать семью без официальной регистрации брака, свободные отношения выбрали 3 девушки и 8 юношей, 3 юноши выбрали жизнь без семьи вообще.

В группе юношей и девушек в возрасте 18–20 лет (общее количество опрошенных — 132 человека) из 77 девушек планируют в будущем создать семью и зарегистрировать брак — 51 человек, создать семью без официальной регистрации брака хотели бы 17 девушек, 7 предпочли бы свободные отношения и 2 девушки ответили, что хотели бы жить без семьи. Среди юношей этой возрастной группы (55 человек) ответы распределились следующим образом: хотят в будущем создать семью и зарегистрировать брак 21 юноша, 21 молодой человек планирует создать семью без официальной регистрации брака, свободные отношения предпочли 12 юношей

■ 16-17 лет ■ 18-19 лет ■ 21-23 года

Рис.1. Возраст участников исследования
Fig.1. Age of the study participants

и 1 опрошенный планирует провести свою жизнь в одиночестве.

В возрастной категории респондентов от 21 до 23 лет отношение к браку значительно меняется в сторону «свободных необременительных отношений»: из 66 опрошенных 7 девушек планируют не создавать семью, 12 девушек выбрали свободные отношения, по 9 девушек выбрали семью с зарегистрированным и с незарегистрированным браком. Молодые люди этого возраста были еще более отрицательно настроены на создание семьи: 6 человек не планируют создание семьи, 10 выступают за свободные отношения в паре, 9 хотели бы семью без обязательной регистрации брака, зарегистрировать брак планируют лишь 4 человека из опрошенных.

Среди причин, влияющих на создание семьи и заключение брака, его сторонники отметили такие, как «любовь и взаимопонимание» — 64% респондентов, «поддержка и помощь друг другу» — 56%, «рождение и воспитание детей» — 43%, «совместные интересы и взгляды на жизнь» выбрали 36% участников опроса.

Факторами, влияющими на нежелание создавать семью, по мнению респондентов, стали: «отсутствие жилья и материальные трудности» — 68% опрошенных выбрали эту причину, «отсутствие доверия и взаимопонимания» — 53%; «разные жизненные ценности и моральные установки» — 45%; «боязнь оказаться преданным» — 38% ответов (среди уточнений на этот вопрос в качестве примеров участники опроса приводили свои страхи: меня бросят, если я «окажусь безработным», «перестану обеспечивать семью», «заболею или стану инвалидом», «муж найдет женщину моложе или красивее меня» и т.п.); 18% респондентов не хотели бы создавать семью из-за нежелания родить и воспитывать детей.

Отвечая на вопрос «Какой вы видите свою роль в будущей семье?», девушки, выбравшие форму семьи и брака, указали, что хотели бы сочетать роли жены, матери и профессионала — так ответили 47% опрошенных. Только женой и матерью видят себя 14% респондентов, предпочтут успешную карьеру роли матери и жены 39% девушек.

Среди тех, кто планирует «свободные отношения» или отказ от создания семьи,

главными причинами были названы: «не хочу ограничивать свою свободу», «не желаю связывать себя обязательствами», «мне не нужна ответственность за другого человека», «категорически не желаю иметь детей», «зачем плодить нищету», «сначала нужно самореализоваться, увидеть мир, потом погрузиться в семейном быте» и т.п. Главной социальной ролью для этой категории респондентов среди девушек стала роль «успешного профессионала» — 49%, при этом в данное понятие вкладывался совершенно разный смысл, от «руководителя собственного предприятия» до «фотомодели» и «блогера». 38% респондентов-девушек считают, что их миссия — «украшать собой жизнь мужчины», который должен взять всю финансовую и материальную сторону их жизни на себя. Свою роль они видят в «обеспечении культурного досуга», «спутника в путешествиях», «создании нескучной жизни».

Среди юношей, выбравших семью и брак, свою основную роль 57% респондентов видят как «муж и отец, глава семьи», 43% считают, что им удастся сочетать роль главы семьи и построить успешную карьеру.

Отвергающие семью, предпочитающие свободные отношения юноши в качестве причин своего выбора указали «отсутствие доверия к женщинам», «нежелание в одиночку тащить на себе жену, детей и ипотеку», «нелюбовь к детям», главным же фактором стало «желание построить успешную карьеру и найти свое место в жизни» — так ответили 42% респондентов.

В ходе исследования испытуемые ответили также на вопросы, касающиеся социальных сетей «ВКонтакте» и «Инстаграм». Отвечая на вопрос «Кто оказал наибольшее влияние на формирование ваших планов на будущее?» 48% респондентов выбрали ответ «семья, родители», 32% указали «СМИ и сеть Интернет», 16% ответили, что это «школа/вуз», 4% выбрали в качестве ориентиров друзей и знакомых.

Самым привлекательным в социальных сетях для молодежи стала возможность получить различную интересную информацию. Так как наше исследование имело определенные цели, то вопросы, связанные с социальными сетями, были ориентированы на решение поставленных в исследовании задач.

Девушки в возрасте 16–18 лет предпочитают паблики и страницы с модными советами по трендам в одежде (62% респондентов), страницы блогеров, посвященные различным косметическим средствам и бьюти-индустрии (75% респондентов), странички с юмором и развлекательным контентом (музыка, юмор) выбирают 88% опрошенных.

В этой возрастной категории 63% девушек отметили, что видят значительную разницу между внешностью и успешностью блогеров и собственными возможностями и внешними данными: 46% девушек испытывают от этого эмоциональный дискомфорт и неуверенность в себе, в своей счастливой жизни, в создании семьи; 52% девушек в этом возрасте хотели бы изменить свою внешность радикальным путем, так как считают, что именно внешние данные являются главной составляющей успешной самореализации и материального достатка.

В возрастной категории от 19 до 23 лет девушки выбирают паблики с музыкой и юмором (81%), контент, связанный с модой, бьюти-сферой — 78%, страницы и подкасты с советами, касающимися межличностных отношений между полами — 76% респондентов, 62% предпочитают развлекательный контент (путешествия, отдых), 28% девушек подписаны на страницы с культурно-просветительским контентом и 13% опрошенных интересуются фуд-блогами (кулинария, еда, приготовление пищи, сервировка стола и т.д.), аккаунты с советами по обустройству дома и ведению домашнего хозяйства выбрали лишь 7% респонденток.

Девушки в этом возрасте уже понимают разницу между реальной жизнью и виртуальным пространством, отмечают, что большинство блогеров, позиционирующих себя как успешные жены, матери и главы крупных корпораций, владелицы фирм и т.п., являются коммерческим брендом, для которых социальные сети — инструмент заработка, 23% респонденток указывают, что у всех популярных блогеров, имеющих детей и бизнес, есть няни и многочисленные помощники по домашнему хозяйству. 44% опрошенных убеждены, что внешние данные являются для женщин главной составляющей успеха, будь то в успешной карьере, будь то в создании семьи. Однако опрошенные понимают, что

внешность большинства медийных блогеров — результат работы пластических хирургов и применения специальных фото- и видеофильтров для социальных сетей. Но 36% девушек по-прежнему недовольны своим внешним видом и хотели бы внести изменения в фигуру и лицо ради успеха в жизни.

При этом важно отметить, что из 167 девушек — участниц исследования 148 человек (88,6%) отметили, что хотели бы видеть в социальных сетях бесплатную информацию по психологии межличностных и семейных отношений, реальные истории женщин, сочетающих трудовую и профессиональную деятельность и семью.

В ответах на вопросы, касающиеся социальных сетей, мнения юношей разных возрастов имели большее сходство. Так, наибольшей популярностью у юношей пользуются паблики с музыкальным контентом и юмором — выбор 87% респондентов, со стримами и описаниями компьютерных игр (Dota, World of Tanks, FIFA) — 75%, спорт, тренировки и спортивное питание выбрали 46% юношей, а тема автомобилей (марки, гонки, сравнительные характеристики) интересна 43%. Страницы и видео, посвященные ремонту, строительству, кулинарии, созданию интересных вещей и механизмов своими руками выбирают всего 12% молодых людей. На вопросы, связанные с темой контента «18+», ответили лишь 5 опрошенных.

Отвечая на вопросы успешности и карьеры, молодые люди сетовали на «отсутствие условий для успешного старта», «невозможность найти приличную работу», «несоответствие уровня образования рынку труда», «отсутствие работы», «в провинции невозможно приобрести жилье», «низкий уровень заработной платы». Большинство опрошенных понимают разницу между демонстрируемой в социальных сетях виртуальной картинкой «успеха» и жизненной реальностью низких доходов, некачественного образования, безработицы и отсутствия жилья в малых городах.

32% респондентов хотели бы видеть в соцсетях бесплатный образовательный контент, 52% отметили, что для них важно было бы получить психологическую помощь и поддержку.

Отвечая на вопрос анкеты «Чему бы вы хотели уделить больше внимания в ближай-

шие 3 года?», 58% девушек и 64% юношей выбрали «трудоустройство и развитие карьеры», 46% девушек и 53% юношей планируют «продолжить образование», 38% девушек и 32% юношей предпочитают «любовь и отношения», и 24% девушек и 11% юношей выбрали «семейную жизнь».

Последний вопрос анкеты касался времени, которое молодые люди тратят на просматривание социальных сетей. Здесь ответы девушек и юношей были примерно одинаковыми. В среднем на просмотр контента у молодежи 17–18 лет уходит 5,5 часов в сутки, в возрастной категории 19–20 лет — до 5 часов, молодежь 21–23 лет тратит на социальные сети от 4,5 до 5 часов своего времени.

Таким образом, можно сделать вывод, что для молодежи, проживающей в малых городах Владимирской области, социальные сети являются транслятором социальных норм, правил и поведенческих установок, они формируют мировоззрение молодежи, навязывая во многом ложные представления об успешности и самореализации, поглощают время, которое можно было бы использовать на самообразование, спорт, полноценное межличностное общение, позитивное служение обществу. Грамотная государственная политика в области формирования нравственно-ценностного потенциала подрастающего поколения должна использовать механизмы социальных сетей, создавая новый, просветительский и образовательный контент, направленный на традиционные для нашей страны ценности.

Заключение. Подводя итоги нашего эмпирического исследования, можно сделать ряд выводов, подтверждающих, что вопрос влияния социальных сетей на гендерные установки современной молодежи, проживающей в малых городах России, значителен. Наблюдая за транслируемой красивой картинкой внешне беззаботной жизни, полной материальных благ, отдыха и развлечений, молодые люди пытаются подражать и копировать поведение блогеров, примеряя на себя их образ жизни. Желание сделать карьеру и добиться успеха в жизни не подкреплено реальными поступками — получением образования, саморазвитием, созданием крепких семейных отношений. Мы наблюдаем сме-

щение гендерных ролей, когда девушки ставят роль «жены и матери» на последнюю ступеньку в своей иерархии ценностей, также не привлекательна для юношей роль «отца и мужа».

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет предположить, что создание и грамотное ведение гендерно-ориентированных блогов в социальных сетях может быть одной из наиболее репрезентативных сфер конструирования гендерных установок, фактором формирования гендерной идентичности. Изучение способов репрезентации мужской и женской субъективности в социальных сетях предполагает дальнейший анализ и кластеризацию их содержания для выявления и обоснования механизма формирования гендерных установок российской молодежи.

Потенциал социальных сетей может быть использован для разработки государственной программы мер по решению ситуации демографического кризиса в стране через активное использование социальной рекламы, текстов и постов, ориентированных на реализацию государственной политики в сфере демографии, молодежной политики и гендерного равенства.

Список источников

1. Антонов А. И. Цели активной семейно-демографической политики в связи с тенденциями динамики населения РФ // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 211. №3. С. 264–274.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
3. Бурханова Ф. Б. Гендерный режим в системе высшего образования // Гендерные режимы современного общества: мозаика сценариев маскулинности и феминности: сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. В. Фроловой. Уфа: Диалог, 2019. С. 49–59.
4. Бюро ПРООН по странам Европы и СНГ. Региональный Центр Братислава, Словакия. Законодательство, построенное с учетом гендерных принципов, в странах центральной и восточной Европы и СНГ: руководство по продвижению и защите гендерного равенства посредством закона [Элект-

ронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20090130014350if_/http://genderstudies.info/ravens/ravens6.htm.

5. Верещагина А.В., Савченко Л.А., Красножон А.Г. Гендерная социология и демография в контексте личностной и институциональной динамики // Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России. Материалы международной научно-практической конференции. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Институт социально-политических исследований РАН. 2015. С. 170–174.

6. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Российская молодежь в контексте социологического анализа: монография ФНИСЦ РАН [Электронный ресурс]. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 263 с. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7555.

7. Горянников Н.А., Васильева В.Н. Динамика гендерных ролей в процессе общественного развития / Социальные риски в современном обществе: сборник научных статей // Науч. ред. М.И. Сидорова. 2018. С. 32–38.

8. Гурко Т.А., Мамиконян М.С., Бийжанова Э.К. Исследования гендерной идеологии молодежи: обзор зарубежных работ // Социология медицины. 2018. №17(2). С. 104–113.

9. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / Отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь Мир, 2018. 384 с.

10. Девятко И.Ф. Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям: монография / Отв. ред. И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамов, И.В. Катерный. М.: Весь Мир, 2017. 288 с.

11. Зелова В.Н. Формирование гендерных стереотипов в юношеском возрасте / Смысл, функции и значение разных отраслей практической психологии в современном обществе: сборник научных трудов // Под ред. Е.Н. Ткач. 2017. С. 277–283.

12. Козлова Т.З. Эмоционально-психологическое состояние россиян: гендерный аспект // Человеческий капитал. 2018. №9. С. 48–52.

13. Константиновский Д.Л. Неравенство в российском образовании: XX — нача-

ло XXI вв. // Образование и социальная дифференциация: колл. монография / Отв. ред. М. Карной, И.Д. Фрумин, Н.Н. Кармаева. Нац. исслед. ун-т Высшая школа экономики, Институт образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. С. 203–225.

14. Мансуров В.А., Юрченко Д.В. Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г.) [Электронный ресурс] // Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Отв. ред. В.А. Мансуров. М.: Российское общество социологов, 2016. 10696 с. (DVD ROM).

15. Матвиенко В.В. Гендер как социокультурный феномен / Общество: социология, психология, педагогика. 2016. №10. С. 14–16.

16. Нечаева Н.А. Гендерная картина мира: к определению понятия и его структуры // Петербургская социология сегодня. 2019. №12. С. 114–133.

17. Нечаева Н.А. Общие жизненные установки молодежи: их роль в семейных и гендерных представлениях // Петербургская социология сегодня. 2018. Вып. 9. С. 6–26.

18. Семенова В.В. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: монография / Отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 512 с.

19. Тартаковская И.Н., Ваньке А.В. Гендерные аспекты социальной мобильности: интерсекциональный анализ // Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: монография / Отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 289–324.

20. Тарченко В.С. Сексуальное поведение и установки студентов: различия по полу и религиозной идентичности // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. №1. С. 36–43.

21. Тарченко В.С., Бийжанова Э.К. Исследования брачно-семейных представлений студенческой молодежи: обзор российских работ // Общество: социология, педагогика, психология. 2018. №12. С. 50–55.

22. Тугайбаева Б.Н. Представления о гендерных отношениях в семье как характеристика менталитета современных россиян /

Историогенез и современное состояние российского менталитета // Серия: Методология, теория и история психологии / Под ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.Н. Холондович. М., 2016. С. 396–418.

23. Цветаева Н.Н. Сценарии семейной жизни в автобиографических нарративах женщин: эволюция ценностных ориентаций // Петербургская социология сегодня. 2019. Вып. 12. С. 154–172.

24. Abu-Salih B., Chan K. Y., Al-Kadi O., Bremie B., Albahlal A. Time-aware domain-based social influence prediction // Journal of Big Data. 2020. №7(1). P. 10.

25. Aivazoglou M., Roussos A.O., Margaritis D., Polakis J., Spiliotopoulos D. A fine-grained social network recommender system // Social Network Analysis and Mining. 2020. №10(1). P. 8.

26. Alalwan A.A., Rana N.P., Dwivedi Y.K., Algharabat R. Social media in marketing: A review and analysis of the existing literature // Telematics and Informatics. 2017. №34(7). P. 1177–1190.

27. Aragonés-González M., Rosser-Limiñana A. Coeducation and gender equality in education systems: A scoping review. Gil-González D. // Children and Youth Services Review. 2020. №111. P. 104837.

28. Bakker A.J., Walker B.R. Sex drive and sociosexuality moderated by gender identity and gender identity fluidity // Personality and Individual Differences. 2020. №159. P. 109884.

29. Boda Z., Elmer T., Vörös A., Stadtfeld C. Short-term and long-term effects of a social network intervention on friendships among university students // Scientific Reports. 2020. №10(1). P. 2889.

30. Cameron J.J., Curry E. Gender Roles and Date Context in Hypothetical Scripts for a Woman and a Man on a First Date in the Twenty-First Century // Sex Roles. 2020. №82(5-6). P. 345–362.

31. Couprie H., Cudeville E., Sofer C. Efficiency versus gender roles and stereotypes: an experiment in domestic production // Experimental Economics. 2020. №23(1). P. 181–211.

32. Cheng Y., Chang M., Xue Y. Understanding the promotion dilemma for females based on a computational model // Communications in Nonlinear Science and Numerical Simulation. 2020. №84. P. 105173.

33. Di Tommaso G., Gatti M., Iannotta M., Stilo G., Velardi P. Gender rank, and social networks on an enterprise social media platform // Social Networks. 2020. №62. P. 58–67.

34. Fardouly J., Vartanian L.R. Social Media and Body Image Concerns: Current Research and Future Directions // Current Opinion in Psychology. 2016. №9. P. 1–5.

35. Fathallah J., Pyakurel P. Addressing gender in energy studies // Energy Research and Social Science. 2020. №65. P. 101461.

36. Feltman C.E., Szymanski D.M. Instagram Use and Self-Objectification: The Roles of Internalization, Comparison, Appearance Commentary, and Feminism // Sex Roles. 2018. №78(5-6). P. 311–324.

37. Fényes H., Pusztai G., Engler Á. Gender role attitudes and religiosity among higher education students // Journal for the Study of Religions and Ideologies. 2020. №19(55). P. 69–84.

38. Hammond M.D., Cross E.J., Overall N.C. Relationship (in) security is central to the sources and outcomes of sexist attitudes // Social and Personality Psychology Compass. 2020. №14(3). P. 12522.

39. Hyde J.S., Bigler R.S., Joel D., Tate C.C., van Anders S.M. The future of sex and gender in psychology: Five challenges to the gender binary // American Psychologist. 2020. №74(2). P. 171–193.

40. Jacques M., Osman G. The role of gender and education on decision-making // Studies in Business and Economics. 2020. №14(3). P. 117–130.

41. Kalpazidou Schmidt E., Graversen E.K. Developing a conceptual evaluation framework for gender equality interventions in research and innovation // Evaluation and Program Planning. 2020. №79. P. 101750.

42. Klysing A. Exposure to Scientific Explanations for Gender Differences Influences Individuals' Personal Theories of Gender and Their Evaluations of a Discriminatory Situation // Sex Roles. 2020. №82(5-6). P. 253–265.

43. Ladhari R., Massa E., Skandrani H. YouTube vloggers' popularity and influence: The roles of homophily, emotional attachment, and expertise // Journal of Retailing and Consumer Services. 2020. №54. P. 102027.

44. Nguyen V.X., Xiao G., Xu X.-J., Wu Q., Xia C.-Y. Dynamics of opinion formation under majority rules on complex social networks // Scientific Reports. 2020. №10(1). P. 456.

45. Richards D., Alsharbi B., Abdulrahman A. Can I help you? Preferences of young adults for the age, gender and ethnicity of a Virtual Support Person based on individual differences including personality and psychological state // ACM International Conference Proceeding Series. 2020. P. 44.

46. Saguy A. C., Williams J. A., Rees M. Reassessing Gender Neutrality // Law and Society Review. 2020. №54(1). P. 7–32.

47. Siegel J. A., Huellemann K. L., Hillier C. C., Campbell L. The protective role of self-compassion for women's positive body image: an open replication and extension // Body Image. 2020. №32. P. 136–144.

References

1. Antonov A. I. Celi aktivnoj semejno-demograficheskoj politiki v svjazi s tendencijami dinamiki naselenija RF [Goals of active family and demographic policy in connection with trends in the dynamics of the population of the Russian Federation]. *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii [Scientific works of the Free Economic Society of Russia]*. 211(3): 264–274. (In Russ.).

2. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: «Medium», 1995. 323 p. (In Russ.).

3. Burhanova F. B. Gendernyj rezhim v sisteme vysshego obrazovanija [Gender regime in the system of higher education]. *Gendernye rezhimy sovremennogo obshhestva: mozaika scenarijev maskulinnosti i feminnosti: sbornik materialov Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. [Gender regimes of modern society: mosaic of scenarios of masculinity and femininity: a collection of materials of the International Scientific and Practical Conference]*. Pod obshh. red. I. V. Frolovoj [In I. V. Frolova (eds.)]. Ufa: Dialog, 2019. P. 49–59. (In Russ.).

4. Bjuro PROON po stranam Evropy i SNG. Regional'nyj Centr Bratislava, Slovakiya. Zakonodatel'stvo, postroennoe s uchetom gendernyh principov, v stranah central'noj i vostochnoj Evropy i SNG: rukovodstvo po prodvizheniju i zashhite gendernogo ravenstva posredstvom zakona [UNDP Bureau for Europe and CIS countries. Regional Center of Bratisla-

va, Slovakia. Legislation based on gender principles in the countries of Central and Eastern Europe and the CIS: a guide to the promotion and protection of gender equality through the law] [Elektronnyj resurs]. URL: https://web.archive.org/web/20090130014350if_/http://genderstudies.info/ravens/ravens6.htm. (In Russ.).

5. Vereshhagina A. V., Savchenko L. A., Krasnozhon A. G. Gendernaja sociologija i demografija v kontekste lichnostnoj i institucional'noj dinamiki [Gender sociology and demography in the context of personal and institutional dynamics]. *Modelirovanie demograficheskogo razvitija i social'no-jekonomicheskaja jeffektivnost' realizacii demograficheskoy politiki Rossii. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Finansovyj universitet pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii, Institut social'no-politicheskikh issledovanij RAN [Modeling of demographic development and socio-economic efficiency of the implementation of the demographic policy of Russia. Materials of the international scientific and practical conference. Financial University under the Government of the Russian Federation, Institute of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences]*. 2015. P. 170–174. (In Russ.).

6. Gorshkov M. K., Sheregi F. Je. Rossijskaja molodezh' v kontekste sociologicheskogo analiza: monografija FNISC RAN [Russian youth in the context of sociological analysis: monograph FNESC wounds] [Elektronnyj resurs]. Moscow: FNISC RAN, 2019. 263 p. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7555. (In Russ.).

7. Gorjannikov N. A., Vasil'eva V. N. Dinamika gendernyh rolej v processe obshhestvennogo razvitija [The dynamics of gender roles in the process of social development]. *Social'nye riski v sovremennom obshhestve: sbornik nauchnyh statej [Social risks in modern society: collection of scientific articles]*. Nauch. red. M. I. Sidorova [In M. I. Sidorov (eds.)]. 2018. P. 32–38. (In Russ.).

8. Gurko T. A., Mamikonjan M. S., Bijzhanova Je. K. Issledovanija gendernoj ideologii molodezhi: obzor zarubezhnyh rabot [Studies of the gender ideology of youth: a review of foreign works]. *Sociologija mediciny [Sociology of medicine]*. 2018; 17(2): 104–113. (In Russ.).

9. Dvadcat' pjat' let social'nyh transformacij v ocenkah i suzhdenijah rossijan: opyt sociolog-

icheskogo analiza [Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians: the experience of sociological analysis]. Otv. red. M. K. Gorshkov, V. V. Petuhov [In M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov (eds.)]. Moscow: Ves' Mir, 2018. 384 p. (In Russ.).

10. Devjatko I. F. Normy i moral' v sociologicheskoi teorii: ot klassicheskikh koncepcij k novym idejam: monografija [Norms and morality in sociological theory: from classical concepts to new ideas: monograph]. Otv. red. I. F. Devyatko, R. N. Abramov, I. V. Katernyj [In I. F. Devyatko, R. N. Abramov, I. V. Katernyj (eds.)]. Moscow: Ves' Mir, 2017. 288 p. (In Russ.).

11. Zelova V. N. Formirovanie gendernykh stereotipov v junosheskom vozraste [Formation of gender stereotypes in adolescence]. Smysl, funkcii i znachenie raznykh otraslej prakticheskoi psihologii v sovremennom obshhestve: sbornik nauchnykh trudov [The meaning, functions and significance of various branches of practical psychology in modern society: a collection of scientific papers]. Pod red. E. N. Tkach [In E. N. Tkach (eds.)]. 2017. P. 277–283. (In Russ.).

12. Kozlova T. Z. Jemocional'no-psihologicheskoe sostojanie rossijan: gendernyj aspekt [Emotional and psychological state of Russians: gender aspect]. *Chelovecheskij kapital [Human capital]*. 2018; (9): 48–52. (In Russ.).

13. Konstantinovskij D. L. Neravenstvo v rossijskom obrazovanii: XX — nachalo XXI vv. [Inequality in Russian education: XX — the beginning of the XXI century]. Obrazovanie i social'naja differenciacija: koll. monografija [Education and social differentiation: coll. monograph]. Otv. red. M. Karnoj, I. D. Frumin, N. N. Karmaeva. Nac. issled. un-t Vysshaja shkola jekonomiki, Institut obrazovanija [In M. Karnoj, I. D. Frumin, N. N. Karmaeva (eds.)]. Nats. research. Higher School of Economics, Institute of Education]. Moscow: Izd. dom Vysshiej shkoly jekonomiki, 2018. P. 203–225. (In Russ.).

14. Mansurov V. A., Jurchenko D. V. Sociologija i obshhestvo: social'noe neravenstvo i social'naja spravedlivost' (Ekaterinburg, 19–21 oktjabrja 2016 g.) [Sociology and society: social inequality and social justice (Yekaterinburg, October 19–21, 2016)] [Elektronnyj resurs] // Materialy V Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa [Materials of the V All-Russian Sociological Congress]. Otv. red. V. A. Mansurov [In V. A. Mansurov (eds.)]. Moscow: Rossijskoe

obshhestvo sociologov, 2016. 10696 p. (DVD ROM). (In Russ.).

15. Matvienko V. V. Gender kak sociokul'turnyj fenomen [Gender as a socio-cultural phenomenon]. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika [Society: sociology, psychology, pedagogy]*. 2016; (10): 14–16. (In Russ.).

16. Nechaeva N. A. Gendernaja kartina mira: k opredeleniju ponjatija i ego struktury [Gender picture of the world: to the definition of the concept and its structure]. *Peterburgskaja sociologija segodnja [St. Petersburg Sociology today]*. 2019; (12): 114–133. (In Russ.).

17. Nechaeva N. A. Obshhie zhiznennye ustanovki molodezhi: ih rol' v semejnyh i gendernykh predstavlenijah [General life attitudes of youth: their role in family and gender representations]. *Peterburgskaja sociologija segodnja [St. Petersburg Sociology today]*. 2018; (9): 6–26. (In Russ.).

18. Semenova V. V. Social'naja mobil'nost' v uslozhnjajushhemsja obshhestve: ob'ektivnye i sub'ektivnye aspekty: monografija [Social mobility in an increasingly complex society: objective and subjective aspects: monograph]. Otv. red. V. V. Semenova, M. F. Chernysh, P. E. Sushko [In V. V. Semenova, M. F. Chernysh, P. E. Sushko (eds.)]. FNISC RAN. Moscow: FNISC RAN, 2019. 512 p. (In Russ.).

19. Tartakovskaja I. N., Van'ke A. V. Gendernye aspekty social'noj mobil'nosti: intersekcional'nyj analiz [Gender aspects of social mobility: intersectional analysis]. Social'naja mobil'nost' v uslozhnjajushhemsja obshhestve: ob'ektivnye i sub'ektivnye aspekty: monografija [Social mobility in an increasingly complex society: objective and subjective aspects: monograph]. Otv. red. V. V. Semenova, M. F. Chernysh, P. E. Sushko [In V. V. Semenova, M. F. Chernysh, P. E. Sushko (eds.)]. FNISC RAN. Moscow: FNISC RAN, 2019. P. 289–324. (In Russ.).

20. Tarchenko V. S. Seksual'noe povedenie i ustanovki studentov: razlichija po polu i religioznoj identichnosti [Sexual behavior and attitudes of students: differences in gender and religious identity]. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika [Society: sociology, psychology, pedagogy]*. 2020; (1): 36–43. (In Russ.).

21. Tarchenko V. S., Bijzhanova Je. K. Issledovanija brachno-semejnykh predstavlenij studentcheskoj molodezhi: obzor rossijskikh rabot

[Studies of marriage and family representations of students: a review of Russian works]. *Obshchestvo: sociologija, psihologija, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. 2018; (12): 50–55. (In Russ.).

22. Tugajbaeva B.N. Predstavlenija o gendernyh odnoshenijah v sem'e kak karakteristika mentaliteta sovremennyh rossijan [Ideas about gender relations in the family as a characteristic of the mentality of modern Russians]. *Istoriogenez i sovremennoe sostojanie rossijskogo mentaliteta* [Historiogenesis and the current state of the Russian mentality]. Serija: Metodologija, teorija i istorija psihologii [Series: Methodology, theory and History of Psychology]. Pod red. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'cova, E.N. Holondovich [In A.L. Zhuravlev, V.A. Koltsova, E.N. Holondovich (eds.)]. Moscow, 2016. P.396–418. (In Russ.).

23. Cvetaeva N.N. Scenarii semejnoj zhizni v avtobiograficheskikh narrativah zhenshin: jevoljucija cennostnyh orientacij [Scenarios of family life in autobiographical narratives of women: the evolution of value orientations]. *Peterburgskaja sociologija segodnja* [St. Petersburg Sociology today]. 2019; (12): 154–172. (In Russ.).

24. Abu-Salih B., Chan K. Y., Al-Kadi O., Bremie B., Albahlal A. Time-aware domain-based social influence prediction // *Journal of Big Data*. 2020. №7(1). P. 10.

25. Aivazoglou M., Roussos A. O., Margaris D., Polakis J., Spiliotopoulos D. A fine-grained social network recommender system // *Social Network Analysis and Mining*. 2020. №10(1). P. 8.

26. Alalwan A.A., Rana N.P., Dwivedi Y.K., Algharabat R. Social media in marketing: A review and analysis of the existing literature // *Telematics and Informatics*. 2017. №34(7). P. 1177–1190.

27. Aragonés-González M., Rosser-Limiñana A. Coeducation and gender equality in education systems: A scoping review. Gil-González D. // *Children and Youth Services Review*. 2020. №111. P. 104837.

28. Bakker A.J., Walker B.R. Sex drive and sociosexuality moderated by gender identity and gender identity fluidity // *Personality and Individual Differences*. 2020. №159. P. 109884.

29. Boda Z., Elmer T., Vörös A., Stadtfeld C. Short-term and long-term effects of a social net-

work intervention on friendships among university students // *Scientific Reports*. 2020. №10(1). P. 2889.

30. Cameron J.J., Curry E. Gender Roles and Date Context in Hypothetical Scripts for a Woman and a Man on a First Date in the Twenty-First Century // *Sex Roles*. 2020. №82(5-6). P.345–362.

31. Couprie H., Cudeville E., Sofer C. Efficiency versus gender roles and stereotypes: an experiment in domestic production // *Experimental Economics*. 2020. №23(1). P. 181–211.

32. Cheng Y., Chang M., Xue Y. Understanding the promotion dilemma for females based on a computational model // *Communications in Nonlinear Science and Numerical Simulation*. 2020. №84. P. 105173.

33. Di Tommaso G., Gatti M., Iannotta M., Stilo G., Velardi P. Gender rank, and social networks on an enterprise social media platform // *Social Networks*. 2020. №62. P. 58–67.

34. Fardouly J., Vartanian L.R. Social Media and Body Image Concerns: Current Research and Future Directions // *Current Opinion in Psychology*. 2016. №9. P. 1–5.

35. Fathallah J., Pyakurel P. Addressing gender in energy studies // *Energy Research and Social Science*. 2020. №65. P. 101461.

36. Feltman C.E., Szymanski D.M. Instagram Use and Self-Objectification: The Roles of Internalization, Comparison, Appearance Commentary, and Feminism // *Sex Roles*. 2018. №78(5-6). P. 311–324.

37. Fényes H., Pusztai G., Engler Á. Gender role attitudes and religiosity among higher education students // *Journal for the Study of Religions and Ideologies*. 2020. №19(55). P. 69–84.

38. Hammond M.D., Cross E.J., Overall N.C. Relationship (in) security is central to the sources and outcomes of sexist attitudes // *Social and Personality Psychology Compass*. 2020. №14(3). P. 12522.

39. Hyde J.S., Bigler R.S., Joel D., Tate C.C., van Anders S.M. The future of sex and gender in psychology: Five challenges to the gender binary // *American Psychologist*. 2020. №74(2). P. 171–193.

40. Jacques M., Osman G. The role of gender and education on decision-making // *Studies in Business and Economics*. 2020. №14(3). P. 117–130.

41. Kalpazidou Schmidt E., Graversen E.K. Developing a conceptual evaluation framework

for gender equality interventions in research and innovation // *Evaluation and Program Planning*. 2020. №79. P. 101750.

42. Klysing A. Exposure to Scientific Explanations for Gender Differences Influences Individuals' Personal Theories of Gender and Their Evaluations of a Discriminatory Situation // *Sex Roles*. 2020. №82(5-6). P. 253–265.

43. Ladhari R., Massa E., Skandrani H. YouTube vloggers' popularity and influence: The roles of homophily, emotional attachment, and expertise // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2020. №54. P. 102027.

44. Nguyen V.X., Xiao G., Xu X.-J., Wu Q., Xia C.-Y. Dynamics of opinion formation under majority rules on complex social networks // *Scientific Reports*. 2020. №10(1). P. 456.

45. Richards D., Alsharbi B., Abdulrahman A. Can I help you? Preferences of young adults for the age, gender and ethnicity of a Virtual Support Person based on individual differences including personality and psychological state // *ACM International Conference Proceeding Series*. 2020. P. 44.

46. Saguy A. C., Williams J.A., Rees M. Reassessing Gender Neutrality // *Law and Society Review*. 2020. №54(1). P. 7–32.

47. Siegel J.A., Huellemann K.L., Hillier C.C., Campbell L. The protective role of self-compassion for women's positive body image: an open replication and extension // *Body Image*. 2020. №32. P. 136–144.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 03.02.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фомина Ольга Евгеньевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Социально гуманитарные и правовые дисциплины», Муромский институт (филиал), Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

Россия, г. Муром, ул. Орловская, 23

Olga E. Fomina — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian and Legal Disciplines, Murom Institute (branch) Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov.

23 Orlovskaya st., Murom, Russia

Научная статья
УДК 796.01:316
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-247-261

**МОТИВЫ И СТИМУЛЫ МОЛОДЫХ РОДИТЕЛЕЙ
К ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2021 ГОДА)**

Петр Евгеньевич Царьков

*Федеральный научный центр физической культуры и спорта, Москва, Россия
petrcarkov@gmail.com, AuthorID РИНЦ: 763954*

Аннотация. *Целью исследования* является выявление мотивов и стимулов для занятия занятиями физической культурой и спортом детей (3–5 лет), рожденных в молодых семьях. *Опрашивались родители (в том числе студенческие семьи).*

Методологическую базу исследования представляют структурно-функциональный метод исследования, системный подход, метод сравнения и компаративистский метод. *При помощи структурно-функционального метода определяются основные универсальные закономерности функционального действия социальных систем. Метод строится на основе выделения в целостных системах их структуры и выполняемых каждым элементов функций, что позволяет определить устойчивость отношений и взаимосвязей между элементами структуры и надежность выполняемых ими функций.*

Результаты исследования. *При любых видах занятий спортом (обязательные, дополнительные, платные или самостоятельные) детям молодых родителей нравится физическая активность. Ответы «очень нравится» и «скорее нравится» по данной возрастной группе составляют наибольший удельный вес. Это говорит о высокой мотивации детей к занятию спортом и восприятию физической активности как развлечения. Выбор платных секций родителями для своих детей обусловлен прежде всего программой занятий (33,2%). Удобное расположение места проведения занятий также является одним из факторов, на который обращают респонденты. Значительная часть респондентов (20,5%), выбирают платные занятия, потому что не имеют бесплатной альтернативы. Распределение ответов по остальным видам спорта танцам, боксу, футболу (до 10%) происходит относительно равномерно. 23,57% респондентов ответили, что перечисленными видами спорта их дети заниматься не будут.*

Перспективы исследования заключаются в развитии и улучшении здорового образа жизни молодых семей, студенчества, детей и молодежи в РФ.

Ключевые слова: *физкультура и спорт, молодая семья, студенческая детская семья, физкультура и спорт в студенческой семье, здоровый образ жизни, детский спорт, социология физической культуры и спорта, демография, спорт в молодой семье*

Для цитирования: *Царьков П. Е. Мотивы и стимулы молодых родителей к занятиям физической культурой и спортом (по материалам Всероссийского исследования 2021 года) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 247–261. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-247-261>.*

Благодарности: статья выполнена в рамках реализации НИР (научно-исследовательской работы) «Социологический опрос для определения индивидуальных потребностей (мотивации) всех категорий и групп населения в условиях для занятий физической культурой и спортом и препятствующих им факторов» (НИОКТР АААА-А19-119042290098-5).

Original article

**MOTIVATIONS AND INCENTIVES OF YOUNG PARENTS
TO ENGAGE IN PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS
(BY THE MATERIALS OF THE 2021 ALL-RUSSIAN RESEARCH)**

Tsarkov Petr Evgenievich

*Federal Scientific Center for Physical Culture and Sports, Moscow, Russia
petrcarkov@gmail.com, AuthorID RSCI: 763954*

Abstract. *The purpose of the research is to identify the motives and incentives for physical culture and sports for children (3–5 years old) born in young families. Parents were interviewed (including student families).*

The methodological basis of the research *is representing the structural-functional research method, the system approach, the comparison method and the comparative method. With the help of the structural-functional method m, the basic, universal patterns of the functional action of social systems are determined. The method is based on the identification of their structure in integral systems and the functions performed by each element, which makes it possible to determine the stability of relationships and relationships between the elements of the structure and the reliability of the functions they perform.*

Research result. *In any type of sports (compulsory, optional, paid or independent), children like activity. The responses are «very much» and «rather like» for this age group. This indicates a high motivation of children to go in for sports and the perception of physical activity as entertainment. Choosing paid sections for their children is usually the most common activity (33.2%). The convenient location of the place also deals with the services that appeal to the respondents. A significant part of the respondents (20.5%) chooses paid classes because there are no alternatives. The distribution of responses by dangerous sports, dancing, boxing, football (up to 10%) occurs quite often. 23.57% of respondents answered that these are listed places for sports.*

The prospects of the research *are consisted in the development and improvement of a healthy lifestyle of young families, students, children and youth in the Russian Federation.*

Keywords: *physical education and sports, young family, student family, physical education and sports in a student family, healthy lifestyle, children's sports, sociology of physical culture and sports, demography, sports in a young family*

For citation: *Tsarkov P. E. Motivations and incentives of young parents to engage in physical education and sports (by the materials of the 2021 All-Russian research) // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 247–261. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-247-261>.*

Acknowledgments: the article was made as part of the implementation of research work (research work) «Sociological survey to determine the individual needs (motivation) of all categories and groups of the population in the conditions for physical culture and sports and factors preventing them» (NIOKTR AAAA-A19-119042290098-5).

Введение. Данная статья представляет некоторые результаты социологического исследования, проведенного в 2021 году, целью которого было выявление динамики отношения исследуемой целевой аудитории (молодых родители, чьи дети относятся к возрастной когорте от 3 лет) к проблеме вовлеченности в спорт и физическую активность.

В основу исследовательских материалов, приведенных в статье, были положены:

— материалы исследования «Социологический опрос для определения индивидуальных потребностей (мотивации) лиц с ограниченными возможностями здоровья в условиях для занятий физической культурой и спортом и препятствующих им факторов»;

— результаты компаративистского (сравнительного) исследования профильной профессиональной научной литературы [1–7; 9; 10; 13; 16; 17].

Целью исследования было определение индивидуальных мотивов и стимулов для занятия занятий физической культурой и спортом детей, рожденных в молодых (в том числе студенческих) семьях, чей возраст составляет 3–5 лет. Опрашивались родители детей младшего возраста.

Задачи:

— выявление удобства и уровня обеспечения условиями для занятий физической культурой и спортом родителями, чьи дети относятся к возрастной когорте 3–6 лет;

— выявление причин, препятствующих занятиям физической культурой и спортом детям в возрасте 3–6 лет;

— выявление информационных источников и каналов, через которые молодые родители получают информацию о спортивных или физкультурных мероприятиях для детей младшего возраста;

— выявление объективных условий для занятий физической культурой и спортом для детей младшего возраста;

— определение, каким образом повлияла пандемия коронавируса на физкультурно-спортивную активность ребенка в молодых семьях.

Методика. Основными теоретическими методами исследования являются структурно-функциональный метод исследования [11; 14; 15; 18–21], системный подход [8; 12], метод сравнения и компаративистский метод [15]. При помощи структурно-функционального метода определяются основные, универсальные закономерности функционального действия социальных систем. Метод строится на основе выделения в целостных системах их структуры и выполняемых каждым элементов функций, что позволяет определить устойчивость отношений и взаимосвязей между элементами структуры и надежность выполняемых ими функций.

Основным количественным методом сбора первичной информации является метод социологического опроса разных групп населения с применением технологий САТИ (Computer Assisted Telephone Interview) и САВИ (Computer Assisted WEB Interview).

Мотивы и стимулы молодых родителей к занятиям физической культурой и спортом детей младшего возраста. При анализе ответа на вопрос «Какие формы физкультурно-двигательной активности есть в общеобразовательном учреждении Вашего ребенка?» большинство респондентов говорят о наличии физкультурных занятий в помещении (71,66%), на воздухе (59,14%), утренней гимнастики (55,75%), а также прогулок (48,97%). Значительную долю в детском саду составляет такая форма физкультурно-двигательной активности, как подвижные игры (48,15%).

Распределение ответов респондентов родителей детей младшего возраста на вопрос «Какими видами физической активности занимается ребенок?» представлено в таблице 1.

На вопрос «А какими из них занимается ваш ребенок?» самым популярным вариантом ответа являются физкультурные занятия в помещении (60,78% опрошенных), физкультурные занятия на воздухе (48,15%), утренняя гимнастика (44,87%).

По результатам проведенного опроса можно сделать выводы: большинство опрошенных (49,62%) считают, что занятия физкультурой способствуют улучшению здоровья и общефизического развития ребенка. Также популярными вариантами ответов было: «содействие гармоничному развитию ребенка» (22,3%), «способствуют воспитанию дисциплинированности» (17,16%), а также «воздействуют на формирование характера и волевых качеств» (16,39%).

В таблице 2 представлено распределение ответов на вопрос «Каковы причины интереса ребенка к занятиям физической активностью/спортом, что стало фактором, заставившим начать заниматься?».

При анализе ответа на вопрос «Что, по Вашему мнению, повлияло на развитие интереса и приобщение к занятиям физкультурой и спортом Вашего ребенка?» большинство респондентов (21,31%) отмечают, что пока на их детей ничто не повлияло. Спе-

цифика возраста говорит о том, что выбор занятий физкультурой и спортом — это решение родителей. Это подтверждают варианты открытого ответа в категории «другое». Ребенок пока еще ничего не понимает и не может самостоятельно выбирать виды занятий физкультурой и спортом.

Близкий по смыслу и по частоте упоминания ответ «Совместные занятия с ребенком» составляет 21,64%.

Также популярными вариантами ответов были следующие: «работники образовательного учреждения» (19,13%), «личный пример отца» (16,39%) и «личный пример матери» (13,55%).

На рисунке 1 представлено распределение ответов респондентов, насколько значимы (важны) занятия спортом для воспитания ребенка?

На основе проведенного опроса на предмет того, важно ли заниматься физкультурой и спортом для воспитательно-образователь-

Таблица 1
Table 1

**Распределение ответов на вопрос «Какими видами физической активности занимается ребенок» (в % от посещающих детский сад, любое количество ответов)
Distribution of answers to the question «What types of physical activity does a child engage in» (in % of those attending kindergarten, any number of answers)**

Варианты ответа	Родители детей от 3 до 5 лет	
	чел.	%
Утренняя гимнастика	437	44,87
Оздоровительная физкультура (ЛФК)	192	19,71
Физкультурные занятия в помещении	592	60,78
Физкультурные занятия на воздухе	469	48,15
Ритмическая гимнастика (ритмика)	127	13,04
Физкультурные минутки	245	25,15
Прогулки	389	39,94
Закаливающие процедуры	54	5,54
Плавание	97	9,96
Туристические походы	14	1,44
Занятия на тренажерах	31	3,18
Массаж	24	2,46
Подвижные игры	389	39,94
Другое	1	0,1
Ничем из перечисленного	10	1,03

Таблица 2
 Table 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Каковы причины интереса ребенка к занятиям физической активностью/спортом, что стало фактором, заставившим начать заниматься?», % (не более трех ответов)

Distribution of respondents' answers to the question «What are the reasons for the child's interest in physical activity /sports, what was the factor that made him start practicing?», % (no more than three answers)

Варианты ответа	Родители детей от 3 до 5 лет	
	чел.	%
Личный пример матери	124	13,55
Личный пример отца	150	16,39
Совместные занятия с ребенком	198	21,64
Примеры друзей	137	14,97
Советы родственников	51	5,57
Советы врача	57	6,23
Советы тренера	56	6,12
Работники образовательного учреждения	175	19,13
Соревнования	16	1,75
Любимый вид спорта	117	12,79
Передачи по телевидению	71	7,76
Интернет	49	5,36
Пока ничто не повлияло	195	21,31
Затрудняюсь ответить	93	10,16
Другое	12	1,31

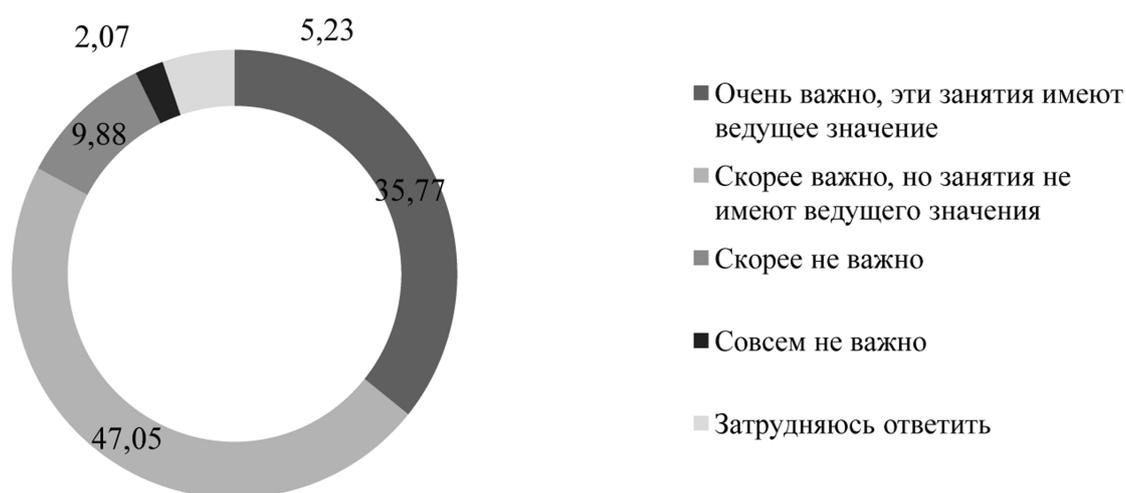

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько значимы (важны) занятия спортом для воспитания ребенка?», %
Fig. 1. Distribution of responses of respondents to the question «How significant (important) are sports activities for the upbringing of a child?», %

ного процесса ребенка, 35,77% респондентов сказали о том, что это очень важно и занятия имеют ведущее значение. 47,05% респондентов сообщили, что они все же не имеют ведущего значения, и лишь 7,3% опрошенных говорят о том, что занятия не важны.

Более половины (58,09%) опрошенных хотели бы, чтобы их ребенок в течение ближайших 5 лет занимался в спортивной секции, 16,68% говорят о том, что хотят видеть

ребенка в секции общефизической подготовки, а те, кто выбрал вариант ответа «другие», предложили такие секции, как танцы, гимнастика, бассейн и др. 9,05% опрошенных говорят о том, что не хотели бы, чтобы ребенок в ближайшие 5 лет занимался в секциях физкультуры и спорта.

На рисунке 2 показано, что больше половины, а именно 67,63% родителей считают, что в настоящее время их ребенок уделяет достаточно времени физической культуре

Таблица 3
Table 3

Причины отказа ребенка от занятий физкультурой и спортом
 (% от части респондентов, дети которых не занимаются спортом, не более трех ответов)
Reasons for the child's refusal to engage in physical education and sports
 (% of the respondents whose children do not play sports, no more than three answers)

Варианты ответа	Родители детей от 3 до 5 лет	
	чел.	%
Рано еще	163	56,21
Нет желания	25	8,62
Нет времени	17	5,86
Здоровье не позволяет	10	3,45
Дорого	10	3,45
Нет рядом секций	50	17,24
Затрудняюсь ответить	15	5,17
Всего	290	100

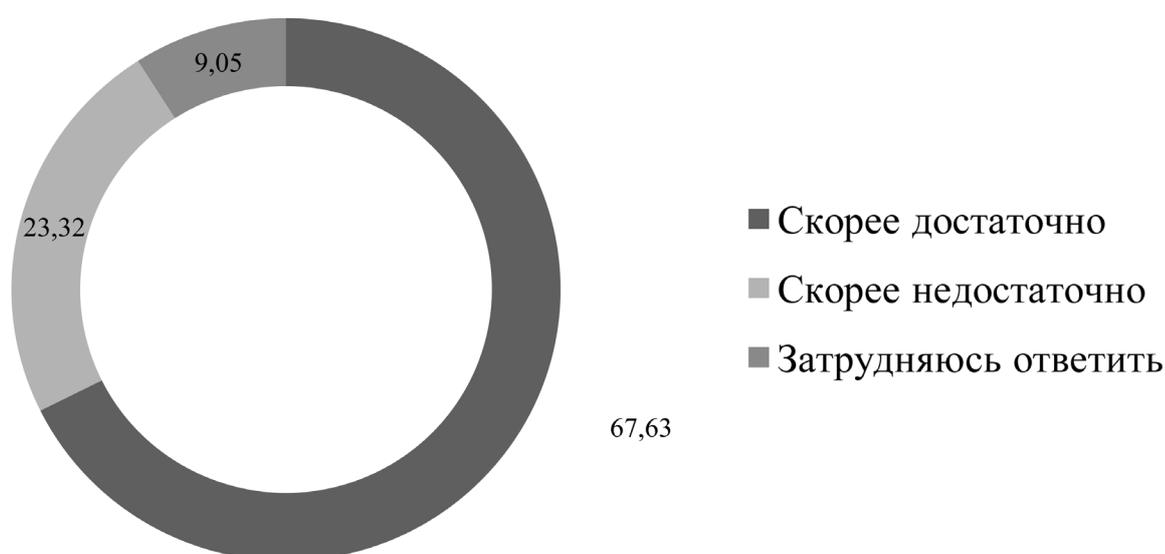

Рис. 2. Достаточность времени, уделяемого ребенком спорту и физической активности, %
Fig. 2. Sufficiency of time devoted by the child to sports and physical activity, %

и спорту. Ответ «Скорее недостаточно» выбрали 23,32% респондентов. Затруднились ответить 9,05% от общего числа опрошенных родителей.

В таблице 3 представлено распределение ответов родителей детей от 3 до 5 лет на вопрос о причинах отказа ребенка от занятий физкультурой и спортом.

По мнению респондентов, основной причиной отказа от занятий физкультурой и спортом является то, что им еще рано за-

ниматься (в 56,21% случаях). Также, 17,24% родителей из числа опрошенных выбрали ответ «Нет рядом секций».

В таблице 4 приведено распределение ответов родителей детей от 3 до 5 лет на вопрос «В случае устранения всех препятствующих внешних факторов в ближайший год Ваш ребенок приступил бы к занятиям физической культурой и спортом?».

По данным, представленным в таблице 4, можно сделать вывод: большая часть роди-

Таблица 4
Table 4

Вероятность, что ребенок начнет заниматься физкультурой и спортом в ближайший год (в случае устранения всех препятствующих внешних факторов)
The probability that the child will start physical education and sports in the next year (in case of elimination of all external factors that hinder)

Варианты ответа	Родители детей от 3 до 5 лет	
	чел.	%
Точно приступил бы	65	22,41
Скорее приступил бы	126	43,45
Скорее не приступил бы	34	11,72
Точно не приступил бы	24	8,28
Затрудняюсь ответить	41	14,14
Всего	290	100

Рис. 3. Ответы на вопрос «Как в вашей семье главным образом поддерживаются и стимулируются занятия спортом?», %
Fig. 3. Answers to the question «How are sports activities mainly supported and stimulated in your family?», %

телей детей от 3 до 5 лет считают, что если устранить все независимые от них и их детей сдерживающие факторы, то в ближайший год их ребенок мог бы точно (22,41 %) или скорее всего (43,45 %) приступить к занятиям физической культурой и спортом. Не ответили 14 % опрошенных.

Распределение ответов на вопрос «Как в вашей семье главным образом поддерживаются и стимулируются занятия спортом?» приведено на рисунке 3.

В ходе опроса было выявлено, что только 14,86 % родителей детей от 3 до 5 лет никак не поддерживают и не стимулируют занятия физической культурой и спортом в их семье. 45,64 % респондентов оказывают моральную поддержку своим детям. Также 19 % опрошенных поддерживают и стимулируют занятия спортом в своей семье за счет проведения совместных занятий.

По материалам опроса можно предположить, что среди родителей моральная подде-

ржка в 2021 году является предпочтительней всех остальных способов стимулирования.

В таблице 5 представлено распределение ответов респондентов на вопрос «Что мешает Вашему ребенку начать заниматься физкультурой и спортом или заниматься ими более активно?».

Согласно проведенному опросу, было выявлено, что 24,48 % респондентов ответили; «Ничего не мешает. Ребенок занимается спортом достаточно». По представленным в таблице 5 данным можно выделить основные причины. Так большинство родителей считают, что их ребенку мешают заниматься спортом отсутствие спортивной инфраструктуры и недостаток свободного времени у родителей (13,53 % и 13,61 % соответственно).

Распределение ответов родителей детей младшего возраста на вопрос «Сами Вы в детстве, включая школьные годы, занимались систематически физкультурой и спортом, не считая обязательных учебных занятий

Таблица 5
Table 5

**Распределение ответов на вопрос «Что мешает Вашему ребенку начать заниматься физкультурой и спортом или заниматься ими более активно?»
(в % от всех опрошенных, не более двух ответов)
Distribution of answers to the question «What prevents your child from starting physical education and sports or doing them more actively?»
(in % of all respondents, no more than two answers)**

Варианты ответа	Родители детей от 3 до 5 лет	
	чел.	%
Недостаток знаний и умений родителей	38	3,15
Нежелание ребенка заниматься	75	6,22
Отсутствие спортивной инфраструктуры рядом с домом	163	13,53
Недостаток свободного времени у родителей	164	13,61
Состояние здоровья ребенка	49	4,07
Нет способностей, физических данных	41	3,4
Неудобное расписание занятий	47	3,9
Нет друзей, которые активно занимаются	40	3,32
Ребенок увлечен другим делом, хобби	116	9,63
Считаем, что эти занятия не способствуют общему развитию ребенка	23	1,91
Другое	90	7,47
Ничего не мешает / ребенок занимается спортом достаточно	295	24,48
Затрудняюсь ответить	95	7,88

по физическому воспитанию?» приведено на рисунке 4.

Согласно результату данного опроса 30,79% респондентов ответили, что отец и мать в детстве занимались систематически физкультурой и спортом, не считая обязательных учебных занятий по физическому воспитанию. 25,73% опрошенных ответили, что не занимались физкультурой и спортом. Ответы «занимался отец» и «занималась мать» набрали 20,5% и 10,62% соответственно.

Среди ответов родителей детей от 3 до 5 лет на вопрос, что необходимо сделать, чтобы дети занимались спортом, можно выделить следующие ответы (дословно):

— «построить хорошие площадки для спорта, снизить цену за занятия в платных школах, сделать бесплатные школы более доступными»;

— «больше спортивных объектов»; «нужно установить больше спортивных сооружений в шаговой доступности от дома и учебы детей»;

— «строить спортивные объекты в шаговой доступности от жилых районов, проводить встречи со спортсменами, устраивать дворовые соревнования»;

— «приглашать ребят заниматься спортом напрямую через детские сады и школы»;

— «улучшенная инфраструктура, повышение доходов населения»;

— «сделать бесплатными секции и не вымогать деньги у родителей на “инвентарь”, которого нет»;

— «улучшить городскую инфраструктуру»;

— «ничего, все занимаются».

Родители в основном указывают на развитие, а также увеличение спортивных секций и спортивной инфраструктуры рядом с домом или местом учебы. Помимо этого, респонденты выделяют важность личного примера родителей и пропаганды занятия спортом. Согласно опросу, 72,91% респондентов считают, что их ребенок имеет нормальный вес. Примерно одинаковое количество родителей отмечают у детей недостаточной вес и лишний вес (12,47% и 14,62% соответственно).

Распределение ответов родителей детей от 3 до 5 лет на вопрос «Сколько примерно дней ваш ребенок болел за последний год (включая травмы, операционные и послеоперационные периоды)?» представлено в таблице 6.

За последний год дети не болели только у 3,74% опрошенных родителей. Половина всех заболеваний детей приходится на срок от 1 недели до 1 месяца за последний год. Наибольшая часть детей, перенесших заболевания в рассматриваемый период, болели

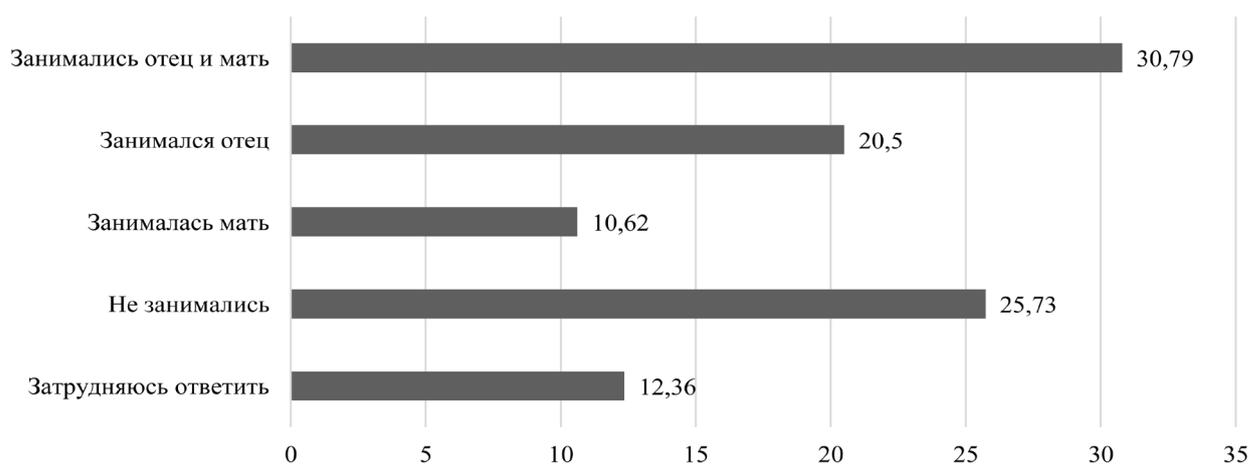

Рис. 4. Ответы на вопрос «Сами Вы в детстве, включая школьные годы, занимались систематически физкультурой и спортом, не считая обязательных учебных занятий по физическому воспитанию?», %

Fig. 4. Answers to the question «Did you yourself, as a child, including school years, systematically engage in physical education and sports, not counting compulsory physical education classes?», %

Таблица 6
 Table 6

Ответы на вопрос «Сколько примерно дней ваш ребенок болел за последний год (включая травмы, операционные и послеоперационные периоды)?» (в % от всех опрошенных, один ответ)
Answers to the question «How many days has your child been ill for the last year (including injuries, surgical and postoperative periods)?» (in % of all respondents, one answer)

Варианты ответа	Родители детей от 3 до 5 лет	
	чел.	%
1–3 дня	67	5,56
4–6 дней	134	11,12
7–13 дней	279	23,15
14–29 дней	352	29,21
30–60 дней	185	15,35
61–90 дней	60	4,98
91 день и более	14	1,16
Ни одного дня / не болел	45	3,74
Затрудняюсь ответить	69	5,73
Всего	1205	100

Таблица 7
 Table 7

Ответы на вопрос «Есть ли у Вашего ребенка какие-либо из перечисленных особенностей?» (в % от всех опрошенных родителей детей 3–5 лет, любое число ответов)
Answers to the question «Does your child have any of the listed features?» (in % of all parents of children aged 3–5 years, any number of answers)

Варианты ответа	Родители детей от 3 до 5 лет	
	чел.	%
Дефект речи	70	5,81
Дефект слуха	11	0,91
Дефект зрения	68	5,64
Плоскостопие	67	5,56
Нарушение осанки	87	7,22
Недостаток в двигательных способностях	32	2,66
Нарушение сердечно-сосудистой системы	20	1,66
Отклонения в нервной системе	24	1,99
Нет таких особенностей	5	0,41
Затрудняюсь ответить	851	70,62
Другие дефекты	56	4,65

в течении 7–13 дней (23,15%) и 14–29 дней (29,21%).

Данные опроса свидетельствуют, что более половины опрошенных родителей детей в возрасте от 3 до 5 лет указали, что их дети совершенно здоровы (53,44%). Еще 38,76% оценивают здоровье своих детей как удовлетворительное. Лишь у незначительной доли детей неважное здоровье или даже имеется группа инвалидности (4,56% и 1,08% соответственно). Распределение ответов респондентов на вопрос «Есть ли у Вашего ребенка какие-либо из перечисленных особенностей?» представлено в таблице 7.

У большинства респондентов этот опрос вызвал затруднения. 70,62% респондентов на вопрос о наличии у их детей каких-либо перечисленных особенностей выбрали вариант «Затрудняюсь ответить». Больше половины родителей считают своих детей совершенно здоровыми, но затрудняются ответить о наличии или полном отсутствии каких-либо перечисленных особенностей. Из перечисленных особенностей родители отметили нарушение осанки (7,22%), плоскостопие (5,56%), а также дефекты речи и зрения (5,81% и 5,64% соответственно).

Одной из задач исследования было выявление информационных источников и каналов, через которые родители получают информацию о спортивных или физкультурных мероприятиях для детей младшего возраста. В данном опросе четверть респондентов

(25,23%) выбрали в качестве источника информации интернет-сайты, из которых они узнают о занятиях физкультуры для детей на вынужденной самоизоляции. 13,03% респондентов ответили «Социальные сети, блоги». Таким образом, люди чаще используют Интернет для получения данной информации. Значительная часть родителей ответили, что такой информации не получают (17,84%).

Исследование показало, что информацию о том, где возможны занятия спортом для ребенка, не получают ни из каких источников только 12,45% родителей, 6,72% затруднились ответить. Все остальные так или иначе используют различные источники для получения данной информации. Основными каналами получения информации являются газеты и журналы — 42,32%, телевидение — 30,46%. Интернет-сайты занимают только 4 место — 20,08%.

Еще одной задачей было определение, каким образом повлияла пандемия коронавируса на физкультурно-спортивную активность ребенка. Анализ результатов опроса показал, что у 36,76% детей физическая активность не изменилась. У некоторых детей активность либо скорее ослабла, либо явно ослабла (19,17% и 13,44% соответственно). Распределение ответов респондентов (родители детей младшего возраста) на вопрос «Как повлияла пандемия коронавируса на физкультурно-спортивную активность Вашего ребенка?» представлено на рисунке 5.

Рис. 5. Ответы на вопрос «Как повлиял локдаун во время коронавируса на физическую активность Вашего ребенка?» (в % от всех опрошенных, один ответ)

Fig. 5. Answers to the question «How did the lockdown during the coronavirus affect your child's physical activity?» (in% of all respondents, one answer)

Выводы. По мнению большинства респондентов, количество посещений спортивных занятий детьми от 3 до 5 лет не превышает двух раз в неделю. Данный ответ наиболее часто встречается практически во всех формах проведения занятий физкультурой и спортом. Более половины респондентов (57%) ответили, что их дети два раза в неделю посещают дополнительные платные занятия физкультурой и спортом в образовательном учреждении. Бесплатные занятия в секциях вне образовательного учреждения проводятся в основном два или три раза в неделю.

Независимо от форм проведения занятий спортом (обязательные, дополнительные, платные или самостоятельные) детям нравится физическая активность. Ответы «очень нравится» и «скорее нравится» по данной возрастной группе составляют наибольший удельный вес. Это говорит о высокой мотивации детей к занятию спортом и восприятию физической активности как развлечения.

Выбор платных секций родителями для своих детей обусловлен прежде всего программой занятий (33,2%). Кроме того, респонденты положительно оценивают индивидуальный подход и хорошие условия проведения занятий, что соответственно составляет 27,7% и 27%. Удобное расположение места проведения занятий также является одним из факторов, на который обращают родители детей младшего возраста. Значительная часть респондентов (20,5%), выбирают платные занятия, потому что не имеют бесплатной альтернативы;

Многие родители хотели бы, чтобы в дальнейшем их дети занимались физкультурой и спортом. 11,95% респондентов планируют, что их дети будут заниматься плаванием. Распределение ответов по остальным видам спорта танцам, боксу, футболу (до 10%) происходит относительно равномерно. 23,57% респондентов ответили, что перечисленными видами спорта их дети заниматься не будут. Почти 12% респондентов еще не определились с желаемыми видами спорта и не рассматривают их на перспективу.

Родители отметили наличие спортивной инфраструктуры в образовательных учреждениях. Физкультурный зал находится в более чем половине образовательных учреждений (61,7%), также родители подтвердили наличие в некоторых образовательных учрежде-

ниях специально оборудованной спортивной комнаты (40,5%) и физкультурной площадки (50,4%);

По результатам исследования, 85,1% родителей, участвующих в опросе, удовлетворены домашними условиями для занятия физкультурой и спортом для их детей, только 2,9% респондентов говорят о том, что у них плохие условия или их практически нет. Более чем у 60% опрошенных имеется базовый спортивный инвентарь.

Анализ результатов опроса показал, что во время пандемии коронавируса у 36,76% детей физическая активность не изменилась. У некоторых детей активность либо скорее ослабла, либо явно ослабла (19,17% и 13,44% соответственно).

Список источников

1. Абалян А.Г. Современные подходы к совершенствованию системы научно-методического обеспечения подготовки спортивных сборных команд России / А.Г. Абалян, Т.Г. Фомиченко, М.П. Шестаков // Вестник спортивной науки. 2010. №5. С. 3–6.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. СПб.: Питер, 2002. 288 с.
3. Банаян А.А. Современные методы психолого-педагогических воздействий в системе спортивной подготовки: методическое пособие / А.А. Банаян, И.Г. Иванова, М.И. Билялетдинов. СПб.: ФГБУ СПбНИИФК, 2017. 52 с.
4. Бухарин В.А. Психолого-педагогическое и медико-биологическое сопровождение спортсменов высшего мастерства / В.А. Бухарин, С.М. Ашкинази, Г.С. Торшин, К.В. Климов, С.В. Малинина // Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию I Международных спортивных игр «Дети Азии» и 120-летию Олимпийского движения в стране (с. Чурапча, 08 июля 2016 г.). Якутск: ФГБОУ ВО «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта», 2016. С. 210–212.
5. Воробьев С.А. Научно-методическое сопровождение в паралимпийском спорте // Международные спортивные игры «Дети Азии» — фактор продвижения идей олимпизма и подготовки спортивного резерва: матер. междунард. науч. конф., посвященной 20-летию I

Международных спортивных игр «Дети Азии» и 120-летию Олимпийского движения в стране (с. Чурапча, 08 июля 2016 г.). Якутск: ФГБОУ ВО «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта», 2016. С. 68–70.

6. Ворошин И. Н. Новые подходы к оптимизации физической подготовки в паралимпийских легкоатлетических дисциплинах спорта лиц с поражением опорно-двигательного аппарата (ОДА) // Вопросы функциональной подготовки в спорте высших достижений. 2016. №1. С. 25–29.

7. Голуб Я. В. Современное состояние проблемы оптимизации физического состояния спортсменов-паралимпийцев на этапах спортивной подготовки: методическое пособие / Я. В. Голуб, В. И. Голуб, А. И. Гребенников. СПб.: Изд-во ФГБУ СПбНИИФК, 2015. 80 с.

8. Давыдов А. А. Системный подход в социологии: новые направления, теории и методы анализа социальных систем. М., 2005. 328 с.

9. Дроздовский А. К. Проявление типологических особенностей свойств нервной системы и психологических типов в образовании, профессиях, спорте и в семье. Опыт применения в научных исследованиях и на практике двигательных методик Е. П. Ильина для измерения свойств нервной системы: сборник авторских научных публикаций. СПб.: Изд-во «Реноме», 2017. 299 с.

10. Кожемякина А. П. Физическая культура и спорт в системе реабилитации инвалидов // Аллея науки. 2016. №3(3).

11. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 873 с.

12. Окуньков Ю. В., Зюрин Э. А., Загорский И. В. Изучение отношения к допингу учащихся образовательных организаций общего и высшего образования, систематически занимающихся физической культурой и спортом // Вестник спортивной науки. 2019. №6.

13. Оринчук В. А. Социальная реабилитация инвалидов в адаптивном спорте // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии: материалы конференции. Нижний Новгород: Изд-во ООО «Научно-исследовательский социологический центр», 2016. С. 715–718.

14. Парсонс Т. Социальная система — The Social System. М.: Академический проект, 2018. 529 с.

15. Поппер К. Логика научного исследования. М.: Республика, 2005. 446 с.

16. Спорт // Большая олимпийская энциклопедия: в 2 т. / Автор-составитель В. Л. Штейнбах. М.: Олимпия Пресс, 2006.

17. Физкультурно-спортивная активность населения Российской Федерации: состояние, факторы, пути повышения (социологический анализ): монография / Столяров В. И., Абаян А. Г., Окуньков Ю. В., Фомиченко Т. Г., Царьков П. Е. М., 2020. 176 с.

18. Зюрин Э. А., Окуньков Ю. В., Загорский И. В. Анализ динамики отношения высококвалифицированных спортсменов к допингу по результатам социологических исследований // Энергетика, информатика, инновации — 2019: Материалы IX международной научно-технической конференции. Смоленск, 2019.

19. Barnard A. History and Theory in Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

20. Craib I. Modern Social Theory: From Parsons to Habermas. Harvester Wheatsheaf, London, 1992.

21. Research Practices in the Study of Kinship. London: Academic Press.

22. Козер Л. А. Мастера социологической мысли: Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Норма, 2006. 528 с.

References

1. Abaljan A. G. Sovremennye podhody k sovershenstvovaniyu sistemy nauchno-metodicheskogo obespechenija podgotovki sportivnyh sbornyh komand Rossii [Modern approaches to improving the system of scientific and methodological support for the preparation of sports national teams of Russia]. A. G. Abaljan, T. G. Fomichenko, M. P. Shestakov. *Vestnik sportivnoj nauki [Bulletin of Sports Science]*. 2010; (5): 3–6. (In Russ.).

2. Anan'ev B. G. Chelovek kak predmet poznaniya. 3-e izd. [Man as a subject of cognition. 3rd ed.]. Saint Petersburg: Piter, 2002. 288 p. (In Russ.).

3. Banajan A. A. Sovremennye metody psihologo-pedagogicheskikh vozdeystvij v sisteme sportivnoj podgotovki: metodicheskoe posobie [Modern methods of psychological and pedagogical influences in the system of sports train-

ing: a methodological guide]. A.A. Banajan, I.G. Ivanova, M.I. Biljaletdinov. Saint Petersburg: FGBU SPbNIIFK, 2017. 52 p. (In Russ.).

4. Buharin V.A. Psihologo-pedagogiches-koe i mediko-biologicheskoe soprovozhdenie sportsmenov vysshego masterstva [Psychological-pedagogical and medico-biological support of athletes of the highest skill]. V.A. Buharin, S.M. Ashkinazi, G.S. Torshin, K.V. Klimov, S.V. Malinina. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 20-letiju I Mezhdunarodnyh sportivnyh igr «Deti Azii» i 120-letiju Olimpijskogo dvizhenija v strane (s. Churapcha, 08 ijulja 2016 g.) [Materials of the international scientific conference dedicated to the 20th anniversary of the I International Sports Games «Children of Asia» and the 120th anniversary of the Olympic Movement in the country (Churapcha village, July 08, 2016)]. Jakutsk: FGBOU VO «Churapchinskij gosudarstvennyj institut fizicheskoj kul'tury i sporta», 2016. P.210–212. (In Russ.).

5. Vorob'ev S.A. Nauchno-metodicheskoe soprovozhdenie v paralimpijskom sporte [Scientific and methodological support in Paralympic sports]. Mezhdunarodnye sportivnye igry «Deti Azii» — faktor prodvizhenija idej olimpizma i podgotovki sportivnogo rezerva: mater. mezhdunarod. nauch. konf., posvjashhennoj 20-letiju I Mezhdunarodnyh sportivnyh igr «Deti Azii» i 120-letiju Olimpijskogo dvizhenija v strane (s. Churapcha, 08 ijulja 2016 g.) [Materials of the international scientific conference dedicated to the 20th anniversary of the I International Sports Games «Children of Asia» and the 120th anniversary of the Olympic Movement in the country (Churapcha village, July 08, 2016)]. Jakutsk: FGBOU VO «Churapchinskij gosudarstvennyj institut fizicheskoj kul'tury i sporta», 2016. P.68–70. (In Russ.).

6. Voroshin I.N. Novye podhody k optimizacii fizicheskoj podgotovki v paralimpijskih legkoatleticheskikh disciplinah sporta lic s porazheniem oporno-dvigatel'nogo apparata (ODA) [New approaches to the optimization of physical training in the Paralympic athletics disciplines of sports of persons with a lesion of the musculoskeletal system (ODA)]. *Voprosy funkcional'noj podgotovki v sporte vysshih dostizhenij* [Questions of functional training in sports of higher achievements]. 2016; (1): 25–29. (In Russ.).

7. Golub Ja. V. Sovremennoe sostojanie problemy optimizacii fizicheskogo sostojanija sports-

menov-paralimpijcev na jetapah sportivnoj podgotovki: metodicheskoe posobie [The current state of the problem of optimizing the physical condition of Paralympic athletes at the stages of sports training: a methodological guide]. Ja.V. Golub, V.I. Golub, A.I. Grebennikov. Saint Petersburg: Izd-vo FGBU SPbNIIFK, 2015. 80 p. (In Russ.).

8. Davydov A.A. Sistemnyj podhod v sociologii: novye napravlenija, teorii i metody analiza social'nyh sistem [System approach in sociology: new directions, theories and methods of analysis of social systems]. Moscow, 2005. 328 p. (In Russ.).

9. Drozdovskij A.K. Projavlenie tipologicheskikh osobennostej svojstv nervnoj sistemy i psihologicheskikh tipov v obrazovanii, professijah, sporte i v sem'e. Opyt primenenija v nauchnyh issledovanijah i na praktike dvigatel'nyh metodik E.P. Il'ina dlja izmerenija svojstv nervnoj sistemy: sbornik avtorskih nauchnyh publikacij [Manifestation of typological features of the properties of the nervous system and psychological types in education, professions, sports and in the family. The experience of using E.P. Ilyin's motor techniques in scientific research and practice to measure the properties of the nervous system: a collection of author's scientific publications]. Saint Petersburg: Izd-vo «Renome», 2017. 299 p. (In Russ.).

10. Kozhemjakina A. P. Fizicheskaja kul'tura i sport v sisteme reabilitacii invalidov [Physical culture and sport in the rehabilitation system of disabled people]. *Alleja nauki* [Alley of Science]. 2016; 3(3). (In Russ.).

11. Merton R.K. Social'naja teorija i social'naja struktura [Social theory and social structure]. Moscow: AST: Hranitel', 2006. 873 p. (In Russ.).

12. Okun'kov Ju. V., Zjurin Je. A., Zagorskij I.V. Izuchenie otnoshenija k dopingu uchaschihsja obrazovatel'nyh organizacij obshhego i vysshego obrazovanija, sistematičeski zanimajushchihsja fizicheskoj kul'turoj i sportom [Studying the attitude to doping of students of educational organizations of general and higher education who are systematically engaged in physical culture and sports]. *Vestnik sportivnoj nauki* [Bulletin of Sports Science]. 2019; (6). (In Russ.).

13. Orinchuk V.A. Social'naja reabilitacija invalidov v adaptivnom sporte [Social rehabilitation of disabled people in adaptive sports]. Pomogajushhie professii: nauchnoe obosnovanie i

innovacionnye tehnologii: materialy konferencii [Helping professions: scientific justification and innovative technologies: materials of the conference]. Nizhnij Novgorod: Izd-vo OOO «Nauchno-issledovatel'skij sociologicheskij centr», 2016. P. 715–718. (In Russ.).

14. Parsons T. Social'naja sistema — The Social System. Moscow: Akademicheskij proekt, 2018. 529 p. (In Russ.).

15. Popper K. Logika nauchnogo issledovanija [Logic of scientific research]. Moscow: Respublika, 2005. 446 p. (In Russ.).

16. Sport. Bol'shaja olimpijskaja jenciklopedija: v 2 t. [The Great Olympic Encyclopedia: in 2 volumes]. Avtor-sostavitel' V.L. Shtejn bah. Moscow: Olimpija Press, 2006. (In Russ.).

17. Fizkul'turno-sportivnaja aktivnost' nase-lenija Rossijskoj Federacii: sostojanie, faktory, puti povyshenija (sociologicheskij analiz): monografija [Physical culture and sports activity of the population of the Russian Federation: state, factors, ways to increase (sociological analysis): monograph]. Stoljarov V.I., Abajan A.G., Okun'kov Ju. V., Fomichenko T.G., Car'kov P.E. Moscow, 2020. 176 p. (In Russ.).

18. Zjurin. Je. A., Okun'kov Ju. V., Zagorskij I.V. Analiz dinamiki otnoshenija vysokokvalificirovannyh sportsmenov k dopingu po rezul'tatam sociologicheskikh issledovanij [Analysis of the dynamics of the attitude of highly qualified athletes to doping based on the results of sociological research]. Jenergetika, informatika, innovacii — 2019: Materialy IX mezhdunarodnoj nauchno-tehnicheskoy konferencii [Energy, Informatics, Innovations — 2019: Proceedings of the IX International Scientific and Technical Conference]. Smolensk, 2019. (In Russ.).

19. Barnard A. History and Theory in Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

20. Craib I. Modern Social Theory: From Parsons to Habermas. Harvester Wheatsheaf, London, 1992.

21. Research Practices in the Study of Kinship. London: Academic Press.

22. Kozer L.A. Mastera sociologicheskoy mysli: Idei v istoricheskom i social'nom kontekste [Masters of sociological thought: Ideas in a historical and social context]. Moscow: Norma, 2006. 528 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 03.02.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Царьков Петр Евгеньевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории исследования проблем государственного управления системой физической культуры и спорта, Федеральный научный центр физической культуры и спорта.

Россия, г. Москва, Елизаветинский пер., 10, стр. 1

Petr E. Tsarkov — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Laboratory for the Study of Problems of State Management of the System of Physical Culture and Sports, Federal Scientific Center for Physical Culture and Sports.

10 Elizavetinsky ln., bld. 1, Moscow, Russia

Научная статья
УДК 316.356.2
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-262-271

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА МОЛОДОЙ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ РИСКОВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Анатолий Васильевич Чистяков¹, Яна Викторовна Артамонова²✉

¹Шахтинский автодорожный институт (филиал),
Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Шахты, Россия

²Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

¹*afrika28@yandex.ru*, ORCID: 0000-0002-5420-0505, AuthorID РИНЦ: 474536,
AuthorID Scopus: 56684619400, WoS Research ID: ABG-5393-2020

²*janaserduchenko@mail.ru* ✉, ORCID: 0000-0002-9618-0960, AuthorID РИНЦ: 725692

Аннотация. Цель исследования. В рамках статьи авторы ставят цель выявить факторы, влияющие на конструирование жизненного мира молодой семьи в условиях изменяющейся реальности.

Методологический конструкт. Для наиболее глубокой рефлексии при рассмотрении жизненного мира авторы предлагают использовать теоретическую концепцию социологии жизни и рискологическую концепцию молодежи, которая позволит найти болевые точки молодой семьи.

Результаты исследования. Опираясь на результаты социологических исследований, анализ статистических данных и Федеральной целевой программы «Жилище», авторы статьи пришли к следующим выводам: воздействие социальной среды на молодых супругов в браке происходит на макро-, мезо- и микроуровнях. Значительное воздействие на молодую семью оказывают социально-экономические и социально-политические факторы социальной среды. Факторы социальной среды находят отклик в социальных реакциях молодых в виде когнитивных, ценностных и поведенческих установок молодой семьи.

Перспективу исследования составляет дальнейший социологический анализ факторов конструирования жизненного мира молодой семьи.

Ключевые слова: семья, молодежь, молодая семья, ценности, ценностные ориентации, жизненный мир, жизненный мир молодой семьи, неопределенность, риски

Для цитирования: Чистяков А. В., Артамонова Я. В. Особенности формирования жизненного мира молодой семьи в условиях рисковенной реальности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 262–271. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-262-271>.

Original article

FEATURES OF THE FORMATION OF THE LIFE WORLD OF A YOUNG FAMILY IN A RISKY REALITY

Anatoly V. Chistyakov¹, Yana V. Artamonova²✉

¹Shakhty Road Institute (branch),
Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Shakhty, Russia

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹afrika28@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5420-0505, AuthorID RSCI: 474536,
AuthorID Scopus: 56684619400, WoS Research ID: ABG-5393-2020

²janaserduchenko@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-9618-0960, AuthorID RSCI: 725692

Abstract. Purpose of the study. Within the framework of the article, the authors aim to identify the factors that influence the construction of the life world of a young family in a changing reality.

Methodological construct. For the most profound reflection when considering the life world, the authors propose to use the theoretical concept of the sociology of life and the risk concept of youth, which will allow you to find the pain points of a young family.

Research results. Based on the results of sociological research, analysis of statistical data and the Federal Target program «Housing», the authors of the article came to the following conclusions: the impact of the social environment on young spouses in marriage occurs at the macro-, meso- and micro levels. The socio-economic and socio-political factors of the social environment have a significant impact on a young family. Factors of the social environment find a response in the social reactions of young people in the form of cognitive, value and behavioral attitudes of a young family.

The prospect of the study is further sociological analysis of the factors in the construction of the life world of a young family.

Keywords: family, youth, young family, values, value orientations, life world, life world of a young family, uncertainty, risks

For citation: Chistyakov A. V., Artamonova Ya. V. Features of the formation of the life world of a young family in a risky reality // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 262–271. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-262-271>.

Введение. Трудно переоценить роль семьи в жизни каждого человека. Ведь именно семью большинство граждан России считают индикатором своего счастья: в ноябре 2020 года при ежегодном мониторинге ВЦИОМ 34% опрошенных россиян указали, что причина, по которой они чувствуют себя счастливыми, — это семья и благополучие в семье¹. Семья, являясь импульсом для новых от-

крытий и свершений, как в индивидуальном развитии человека, так и в развитии общества, и сама способна трансформироваться.

Современная российская реальность весьма изменчива и рискогенна, что отражается на жизнедеятельности каждого человека, меняя его ценностные установки и поведение в обществе [1]. Изменчивость социального пространства порождает ответные реак-

¹ Регулярный мониторинг уровня счастья россиян, проводимый ВЦИОМ [Электронный ресурс] // Индекс счастья — 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja-2020> (дата обращения: 31.01.2022).

ции со стороны населения, к которым можно отнести и изменения в жизнедеятельности современных молодых семей.

Понять причины таких реакций молодых супругов можно при помощи глубокого социологического анализа социальной среды и ее влияния на сознание молодой семьи. Понимание того, как формируется жизненный мир молодых супругов, дает возможность провести оценку тех рисков, которые могут привести к семейным кризисам, конфликтам, а порой и к разрушению институционального пространства молодой семьи. Данное обстоятельство обуславливает цель работы — выявить факторы, влияющие на конструирование жизненного мира молодой семьи в условиях изменяющейся реальности.

Жизненный мир молодой семьи: теоретико-методологические проблемы изучения в современной научной литературе. Поскольку институт семьи обладает большой значимостью в системе жизнеобеспечения человека [2], исследователи довольно часто обращаются к изучению вопросов, касающихся проблем семьи и семейных отношений.

Анализ научных источников, размещенных в Российском индексе научного цитирования за последние годы, показывает, что исследователи активно обращаются к следующим направлениям исследования: теоретические подходы к определению «молодая семья» [3], молодая семья как одна из групп риска и объект социальной политики государства [4], мотивы вступления в брак [5], адаптация молодых супругов к семейным отношениям [6], качество жизни и социальное самочувствие молодой семьи [7; 8], репродуктивное поведение молодой семьи [9], удовлетворенность браком молодых супругов [10], конфликты и насилие в молодой семье [11], региональные аспекты исследований проблем молодых семей [12].

Проводя анализ научно-исследовательских источников, касающихся вопросов молодой семьи, мы выявили, что отечественные исследования в области изучения молодой семьи выстраиваются в рамках следующих парадигм: консервативно-кризисный подход, либерально-прогрессистский (эволюционный) подход, концепция модернизации семьи, теория обмена, социально-психологи-

ческая теория, подход социального конфликта, концепция семейного жизненного пути, феноменологическая теория.

При рассмотрении проблем молодой семьи с точки зрения консервативно-кризисного подхода исследователи имеют возможность объяснить дисфункции, которые протекают в жизнедеятельности молодой семьи. В рамках концепции модернизации семьи В. Гуд указывал, что при формировании индустриального общества основой служит нуклеарная семья [13]. Концепция модернизации позволяет зафиксировать то, что при изменении структуры института молодой семьи будут обязательно меняться функции семьи.

В настоящее время при рассмотрении семейных практик исследователи прибегают к социально-психологической концепции, которая позволяет рассматривать молодую семью как автономную подсистему в цепочке «социум — семья — индивид» [14]. В такой подсистеме, как семья, жизнедеятельность не может обходиться без конфликтов, что обуславливает обращение к подходу социального конфликта с позиций научной конфликтологической парадигмы. Возникновение конфликтов в молодой семье может выступать как следствие разных ресурсов у членов молодой семьи.

Не менее популярной методологией в исследовании молодых семей является теория социального обмена и теория рационального выбора. Основываясь на данных теориях, исследователи рассматривают индивидуальные мотивационные факторы молодых людей.

Значимыми для современных исследовательских проектов являются такие теоретико-методологические подходы, как подход развития семейного жизненного пути и феноменологическая концепция. Обращаясь к подходу семейного жизненного пути, мы видим взаимосвязь с социально-психологическим подходом. Подход семейного жизненного пути базируется на трех составляющих его подходах: подход жизненного развития, подход жизненного пути и подход семейного развития. Данные подходы активно используются в рамках исследований жизненных стратегий молодой семьи и качества жизни молодых супругов. Безусловно, нельзя не отметить тот факт, что жизненные семейные стадии имеют схожие черты на семейном

жизненном пути различных семей, но в любом случае необходимо понимать, что каждая семья индивидуальна. Поэтому при исследовании семьи, в том числе и молодой, обладает актуальностью феноменологическая теория, которая была разработана А. Шюцом [15]. Благодаря данному подходу можно проследить, как конструируются современные семейные практики супругов. На наш взгляд, данный подход способствует тому, чтобы комплексно ознакомиться с проблемами и болевыми точками молодой семьи.

Реальность молодой семьи выстраивается из тех объектов, которые осознаются супругами и воспринимаются ими как часть пространства совместной жизни. В связи с этим в рамках современной реальности жизнедеятельности молодой семьи не менее важно использовать для анализа концепцию соци-

ологии жизни. Данная концепция содержит в себе как социально-феноменологические идеи, так и взгляды социально-критического направлений [16]. В рамках концепции социологии жизни Ж. Т. Тощенко обрисовал структуру жизненного мира: сознание, поведение, социальная среда [16]. Поскольку современная социальная среда изменчива и рискогенна, то при рассмотрении жизненного мира следует обращаться к рискологическим концепциям. Так как в данной работе рассматривается именно молодая семья, то наиболее приемлемо использовать рискологическую концепцию в молодежной среде, разработанную Ю. А. Зубок и В. И. Чупровым [17].

Жизненный мир молодой семьи: структурные компоненты. Использование концепции социологии жизни позволяет

Рис. 1. Структурные компоненты жизненного мира молодой семьи
Fig. 1. Structural components of the life world of a young family

сформулировать определение такой дефиниции, как жизненный мир молодой семьи, и выстроить структуру жизненного мира молодой семьи.

«Жизненный мир молодой семьи представляет синтез когнитивного, ценностного, поведенческого компонентов, обусловленных социальной средой, и конструируемых посредством выстраивания практик ролевых взаимодействий молодых супругов в результате интериоризации и экстериоризации ими факторов социальной среды» [18, с. 23].

Конструирование жизненного мира молодой семьи в условиях изменяющейся реальности: факторы формирования. Процесс конструирования уникального жизненного мира молодыми супругами — это не только слияние двух семейных субкультур, но и их активная взаимная адаптация. Интенсивное развитие молодой семьи в России бок о бок идет с постоянными трансформациями социальной действительности, что и является одной из важных черт формирования жизненного мира молодой семьи.

Проведенный анализ научно-исследовательских работ, посвященных функционированию молодой семьи в российском обществе, позволил выявить то обстоятельство, что воздействие социальной среды на молодых супругов в браке происходит на макро-, мезо- и микроуровнях (рис. 1). Значительное воздействие на молодую семью оказывают социально-экономические и социально-политические факторы социальной среды.

Благополучие молодой семьи измеряется путем анализа социально-экономического индикатора, состоящего из таких показателей, как уровень занятости, уровень и структура доходов молодой семьи.

Обращаясь к статистическим данным, мы видим, что уровень занятости молодого населения в России (молодые люди, которые потенциально относятся к рассматриваемой в рамках статьи категории «молодая семья») за последние 10 лет вырос в процентном соотношении (2009 г. — 71,7%, 2019 г. —

73,1%)². Обращаясь к распределениям уровня занятости по семейному положению, мы отмечаем, что в настоящее время мужчин, находящихся в браке (73,8%), работает больше, чем женщин (62,1%)³. На наш взгляд, данные показатели говорят о том, что в целом женщины, несмотря на замужний семейный статус, стремятся к экономической независимости от мужчины. Снижение процента работающих замужних женщин в сравнении с мужчинами в браке может говорить о том, что на период времени рождения и воспитания детей женщины все-таки выпадают из профессионального поля. Статистические данные свидетельствуют: в 2020 году уровень занятости женщин, имеющих детей от 0 до 2 лет (47,6%) был ниже, чем женщин, имеющих детей от 3 до 6 лет (77,9%)⁴. Также снижение этого показателя может говорить о наличии традиционных патриархальных устоев, где мужчина — единственный добытчик денежных средств в семье.

Рассматривая такой показатель, как уровень доходов молодой российской семьи, стоит отметить, что по проанализированному нами данным он также вырос. Об этом свидетельствуют материалы исследования Е. Е. Карповской, которая фиксирует, что среднее значение уровня доходов мужчин в 2009 г. составило 30668,76 р., а женщины — 17110,15 р., в 2017 г. этот показатель у мужчин — 36671 р., у женщин — 18032 р. [19]. То есть уровень дохода женщин практически в два раза ниже, чем уровень дохода мужчин. Стоит отметить, что изменения в экономической сфере привели к тому, что чаще всего в молодой семье оба супруга работают, пытаясь обеспечить финансовое благополучие.

Молодая семья — это тот институт, который активным образом влияет на развитие общества, поэтому государство стремится оказать поддержку молодым семьям в решении наиболее актуальных для них вопросов. В Российской Федерации существует государственная семейная политика. «Целью проводимой государственной семейной политики является укрепление и развитие

2 Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам Р13 выборочных обследований рабочей силы). Стат.сб. // Росстат. М., 2020. 145 с.

3 Там же.

4 Семья, материнство, детство [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 31.01.2022).

социального института семьи, возрождение семейных ценностей и семейного образа жизни, создание и обеспечение условий для наилучшего выполнения семьей своих основных функций» [20, с. 129].

Механизмы поддержки молодых семей состоят в следующем: получение женщинами ежемесячного пособия по уходу за ребенком, увеличение денежного пособия по беременности и родам и ежемесячного пособия по уходу за ребенком работающим женщинам, получение родового сертификата и материнского капитала, строительство перинатальных центров. В связи с трудной эпидемиологической обстановкой, которая возникла в 2020 г. из-за распространения новой коронавирусной инфекции и повлияла на экономическую стабильность многих российских семей, особенно молодых, имеющих детей, государство установило новые льготы и поддержку для некоторых категорий граждан. Сюда следует отнести выплаты, которые предоставило государство на детей до 3 лет, единовременную выплату в размере на детей от 3 до 16 лет, а также ежемесячную выплату на детей в возрасте от 3 до 7 лет.

В Российской Федерации к 2020 г. была реализована Федеральная целевая программа (ФЦП) «Жилище» на 2015–2020 гг. В рамках данной программы действовала подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей»⁵. Обращаясь к целевым индикаторам данной ФЦП, мы видим, что в 2019 г. количество молодых семей, получивших свидетельства о праве на получение социальной выплаты на приобретение (строительство) жилого помещения, составило 15,98 тысяч. К настоящему моменту количество семей, получивших такие свидетельства, составляет 74,51 тысяч (данных за 2020 год не предоставлено). На первый взгляд, обозначенная цифра выглядит внушительно, но результаты опроса, проведенного в 2017–2018 г. среди молодых семей Ростовской области, показали: сами молодые супруги (70%) считают, что государственные программы не оказывают должного эффекта, а процент семей, которые принимали участие в таких программах составил 12%. Приблизительно схожие дан-

ные были получены и в ходе исследования Е. Е. Карповской: 73% опрошенных молодых семей, проживающих на территории Москвы и Московской области [19], приняли участие в этих программах.

Заключение. Развитие и жизнедеятельность российской молодой семьи параллельно идет с постоянными трансформациями социальной действительности, что выступает одной из особенностей конструирования структурных компонентов жизненного мира молодой семьи. На становление семейной жизни молодых супругов с внутренней нестабильностью отношений и принятием новых социальных ролей влияют внешние социально-экономические и социально-политические изменения социальной среды.

Отметим, что уровень занятости молодого населения в России (молодые люди, которые потенциально относятся к рассматриваемой в рамках статьи категории «молодая семья») за последние 10 лет вырос в процентном соотношении. Уровень доходов молодой российской семьи также вырос. Возросший уровень занятости и показателей уровня доходов в молодых семьях может свидетельствовать о том, что зарабатывают мужчины, а женщины чаще всего уходят в отпуск по уходу за детьми. Хотя довольно высокие проценты уровня занятости молодых мужчин и женщин в России подтверждают: изменения в экономической сфере привели к тому, что чаще всего в молодой семье оба супруга работают, пытаясь обеспечить финансовое благополучие. Также стремление к благосостоянию может повлиять на то, что молодые семьи останавливаются на однодетной модели семьи.

Социально-экономический фактор тесно связан с реализацией государственной поддержки молодых семей. В Российской Федерации реализуется государственная семейная политика, направленная на укрепление семейных ценностей и обеспечение наиболее благоприятных условий для выполнения семьей функций. Механизмами поддержки молодых семей являются: получение женщинами ежемесячного пособия по уходу

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. №1050 «О Федеральной целевой программе «Жилище» на 2015–2020 годы».

за ребенком, увеличение денежного пособия по беременности и родам и ежемесячного пособия по уходу за ребенком работающим женщинам, получение родового сертификата и материнского капитала, строительство перинатальных центров. Также в течение 2015–2020 гг. была реализована Федеральная целевая программа (ФЦП) «Жилище». Несмотря на функционирование государственной семейной политики в России, молодые семьи не считают предложенные меры максимально эффективными, чему свидетельствует небольшой процент участия молодых супругов в программах государственной поддержки.

Как показывает анализ факторов формирования жизненного мира молодой семьи, социальная среда находит отклик в социальных реакциях молодых в виде когнитивных, ценностных и поведенческих установок молодой семьи. Например, среди поведенческих установок молодых супругов в России доминирует однодетная модель репродуктивного поведения с распространением двукарьерной модели трудового поведения молодых супругов.

Список источников

1. Мозговая А. В. Идентификация, оценка и адаптация к риску в условиях неопределённости // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. №4(28). С. 151–165.
2. Верещагина А. В. Трансформация института семьи и демографические процессы в российском обществе: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2009. 46 с.
3. Паршина В. В. Теоретические подходы к исследованию понятия «молодая семья» // Журнал социологических исследований. 2020. Т. 5. №2. С. 31–36.
4. Прозорова М. С. Анализ последствий национальной программы демографической политики // Вестник Московского института государственного управления и права. 2018. №2(22). С. 69–71.
5. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Мотивы вступления в брак: анализ сквозь призму гендера // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. №1. С. 86–103.
6. Сидорина Е. В., Лезова Е. А. Особенности психологической адаптации к браку на начальном этапе совместной жизни // Нижегородский психологический альманах. 2019. Т. 1. №1. С. 85–94.
7. Галиуллова Л. Н. Социальное самочувствие молодых семей (на примере г.о. Тольятти) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2018. Т. 12. №3. С. 79–80.
8. Зинурова Р. И. Молодая семья в Татарстане: социальное самочувствие, межэтнические отношения, репродуктивное поведение // Управление устойчивым развитием. 2020. №3(28). С. 48–55.
9. Паршина В. В. Репродуктивное поведение молодой семьи в современной России // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции / Под ред. Рязанцева С. В., Ростовской Т. К. М.: ООО «Издательство «Экон-Информ», 2019. С. 288–290.
10. Смирникова О. В., Епишин В. Е., Богачева Н. В., Шакирова А. А. Интернет-зависимость и удовлетворенность браком в молодых семьях: корреляционное исследование // Вопросы наркологии. 2020. №4(187). С. 103–112.
11. Римашевская Н. М., Малышева М. М., Морозова Т. В., Писклакова-Паркер М. П. Гендерные представления и домашнее насилие в молодых семьях Карелии // Народонаселение. 2016. №2(72). С. 50–60.
12. Абдулаева З. З., Мамаева А. З. Анализ обеспеченности жильем молодых семей в Республике Дагестан: проблемы и пути решения // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. №7(129). С. 146–153.
13. Риббенс Маккарти Дж., Эдвардс Р. Исследования семьи: основные понятия. М.: Высшая школа экономики, 2018. 343 с.
14. Орлов А. Б. Эволюция межличностных отношений в семье: основные подходы, ориентации и тенденции // Журнал практического психолога. 2005. №4. С. 174–190.
15. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
16. Тощенко Ж. Т. Жизненный мир — методологическая характеристика социологии жизни // Социологические исследования. 2015. №7. С. 9–15.
17. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001. 229 с.

18. Сердюченко Я.В. Жизненный мир молодой семьи: особенности формирования и риски разрушения (на материалах Ростовской области): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2018. 38 с.

19. Карповская Е.Е. Семейно-демографическая политика как фактор благополучия молодой семьи: на примере г. Москвы: дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2019. 233 с.

20. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Семья — важная составляющая ценностного ядра молодых россиян // Ценности и смыслы. 2017. №1(47). С. 121–134.

References

1. Mozgovaja A.V. Identifikacija, ocenka i adaptacija k risku v uslovijah neopredeljonnosti [Identification, assessment and adaptation to risk in conditions of uncertainty]. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika* [Sociological Science and Social Practice]. 2019; 7(4(28)): 151–165. (In Russ).

2. Vereshhagina A.V. Transformacija instituta sem'i i demograficheskie processy v rossijskom obshhestve: avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk [Transformation of the family institution and demographic processes in Russian society. Dr. Sci. (Sociology) Diss.]. Juzhnyj federal'nyj universitet. Rostov-on-Don, 2009. 46 p. (In Russ).

3. Parshina V.V. Teoreticheskie podhody k issledovaniju ponjatija «molodaja sem'ja» [Theoretical approaches to the study of the concept of «young family»]. *Zhurnal sociologicheskij issledovanij* [Journal of Sociological Research]. 2020; 5(2): 31–36. (In Russ).

4. Prozorova M.S. Analiz posledstvij nacional'noj programmy demograficheskoy politiki [Analysis of the consequences of the national program of demographic policy]. *Vestnik Moskovskogo instituta gosudarstvennogo upravlenija i prava* [Bulletin of the Moscow Institute of Public Administration and Law]. 2018; 2(22): 69–71. (In Russ).

5. Rostovskaja T.K., Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A. Motivy vstuplenija v brak: analiz skvoz' prizmu gendera [Motives for marriage: analysis through the prism of gender]. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologija i upravlenie* [Research

Result. Sociology and Management]. 2021; 7(1): 86–103. (In Russ).

6. Sidorina E.V., Lezova E.A. Osobennosti psihologicheskoy adaptacii k braku na nachal'nom jetape sovmestnoj zhizni [Features of psychological adaptation to marriage at the initial stage of living together]. *Nizhegorodskij psihologicheskij al'manah* [Nizhny Novgorod psychological almanac]. 2019; 1(1): 85–94. (In Russ).

7. Galiullova L.N. Social'noe samochuvstvie molodyh semej (na primere g.o. Tol'jatti) [Social well-being of young families (on the example of c.d. Togliatti)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i social'no-jekonomicheskijh nauk* [Actual problems of the humanities and socio-economic sciences]. 2018; 12(3): 79–80. (In Russ).

8. Zinurova R.I. Molodaja sem'ja v Tatarskane: social'noe samochuvstvie, mezhetnicheskie otnoshenija, reproduktivnoe povedenie [Young family in Tatarstan: social well-being, interethnic relations, reproductive behavior]. *Upravlenie ustojchivym razvitiem* [Sustainable Development Management]. 2020; 3(28): 48–55. (In Russ).

9. Parshina V.V. Reproductivnoe povedenie molodoj sem'i v sovremennoj Rossii [Reproductive behavior of a young family in modern Russia]. Nacional'nye demograficheskie priority: novye podhody, tendencii [National demographic priorities: new approaches, trends]. Pod red. Rjazanceva S.V., Rostovskoj T.K. [In Rjazancev S.V., Rostovskaya T.K. (eds.)]. Moscow: OOO «Izdatel'stvo «Jekon-Info», 2019. P. 288–290. (In Russ).

10. Smirnikova O.V., Epishin V.E., Bogacheva N.V., Shakirova A.A. Internet-zavisimost' i udovletvorennost' brakom v molodyh sem'jah: korrelyacionnoe issledovanie [Internet Addiction and Marriage Satisfaction in Young Families: A Correlation Study]. *Voprosy narkologii* [Issues of Narcology]. 2020; 4(187): 103–112. (In Russ).

11. Rimashevskaja N.M., Malysheva M.M., Morozova T.V., Pisklakova-Parker M.P. Gendernye predstavlenija i domashnee nasilie v molodyh sem'jah Karelii [Gender perceptions and domestic violence in young families of Karelia]. *Narodonaselenie* [Population]. 2016; 2(72): 50–60. (In Russ).

12. Abdulaeva Z.Z., Mamaeva A.Z. Analiz obespechennosti zhil'em molodyh semej v Respublike Dagestan: problemy i puti reshenija [Analysis of the provision of housing for young families in the Republic of Dagestan: problems

and solutions]. *Regional'nye problemy preobrazovanija jekonomiki* [Regional problems of economic transformation]. 2021; 7(129): 146–153. (In Russ).

13. Ribbens Makkarti Dzh., Jedvards R. Issledovanija sem'i: osnovnye ponjatija [Family Studies: Basic Concepts]. Moscow: Vysshaja shkola jekonomiki, 2018. 343 p. (In Russ).

14. Orlov A. B. Jevoljucija mezhlichnostnyh otnoshenij v sem'e: osnovnye podhody, orientacii i tendencii [The evolution of interpersonal relationships in the family: basic approaches, orientations and trends]. *Zhurnal prakticheskogo psihologa* [Journal of practical psychologist]. 2005; (4): 174–190. (In Russ).

15. Shjuc A. Izbrannoe: mir, svetjashhajsja smyslom [Selected: a world glowing with meaning]. Moscow: ROSSPJeN, 2004. 1056 p. (In Russ).

16. Toshhenko Zh. T. Zhiznennyj mir — metodologicheskaja harakteristika sociologii zhizni [The world of life is a methodological characteristic of the sociology of life]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2015; (7): 9–15. (In Russ).

17. Chuprov V.I., Zubok Ju. A., Uil'jams K. Molodezh' v obshhestve riska [Youth in a risk society]. Moscow: Nauka, 2001. 229 p. (In Russ).

18. Serdjuchenko Ja. V. Zhiznennyj mir molodoj sem'i: osobennosti formirovanija i riski razrushenija (na materialah Rostovskoj oblasti): avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. Juzhnyj federal'nyj universitet [The life world of a young family: features of formation and risks of destruction (based on materials from the Rostov region): Ph. D. (Sociology) Thesis]. Rostov-on-Don, 2018. 38 p. (In Russ).

19. Karpovskaja E. E. Semejno-demograficheskaja politika kak faktor blagopoluchija molodoj sem'i: na primere g. Moskvy: dis. ... kand. sociol. Nauk [Family and demographic policy as a factor in the well-being of a young family: on the example of Moscow: Cand. Sci. (Sociology) diss.]. Nizhnij Novgorod, 2019. 233 p. (In Russ).

20. Rostovskaja T. K., Kuchmaeva O. V. Sem'ja — vazhnaja sostavljajushhaja cennostnogo jadra molodyh rossijan [Family — an important component of the core of young Russians]. *Cennosti i smysly* [Values and meanings]. 2017; 1(47): 121–134. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 03.02.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чистяков Анатолий Васильевич — доктор социологических наук, профессор, исполняющий обязанности декана факультета очно-заочного и дистанционного обучения, Шахтинский автодорожный институт (филиал), Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Шахты, пл. Ленина, 1

Anatoly V. Chistyakov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Acting Dean of the Faculty of Full-time and Distance Learning, Shakhty Road Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

1 Lenina sq., Shakhty, Russia

Артамонова Яна Викторовна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры «Региональная социология и моделирование социальных процессов» Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет. Сфера научных интересов: семья, семейно-брачные отношения, молодая семья, молодежь. Стаж научной работы — 3 года.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Yana V. Artamonova — Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Regional Sociology and Modeling of Social Processes, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University. Research interests: family, family-marriage relations, young family, youth. The experience of scientific work is 3 years.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Чистяков А. В. — научное руководство; концепция, программа и социологический инструментарий исследования; анализ результатов исследования; итоговые выводы.

Артамонова Я. В. — анализ результатов исследования; итоговые выводы.

Contribution of authors:

Chistyakov A. V. — scientific guidance; concept, program and sociological research tools; analysis of research results; final conclusions.

Artamonova Ya. V. — analysis of research results; final conclusions.

16+

Свободная цена

Издатель и учредитель: Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Телефон: (8635) 25-51-54

Сайт: www.vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU

E-mail: vestnik-npi@yandex.ru

Отпечатано в типографии ИД «Политехник» Южно-Российского государственного
политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная

Усл. печ. л. 31,62. Уч.-изд. л. 34,0

Тираж 500 экз. Заказ № _____

© Составительство. Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, 2022